А.В. БЛАГОДАТОВ

ЗАПИСКИ О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925-1927 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. В. БЛАГОДАТОВ

ЗАПИСКИ О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925—1927 гг.

ИЗДАНИЕ 3-е, ДОПОЛНЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

9(М)71
Б68

Ответственный редактор
и автор предисловия
М. Ф. ЮРЬЕВ

Благодатов А. В.
Б 68 Записки о китайской революции 1925—1927 гг. Изд. 3-е, доп. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», М., 1979.

301 с. с ил. и карт.

Генерал-лейтенант в отставке А. В. Благодатов (Роллан) был военным советником в революционных войсках Китая. Книга основана на личных записях, сохранившихся дневниках его коллег, а также на материалах советских архивов.
Воспоминания воскрешают незабываемые страницы самоотверженной советской помощи народу Китая в его борьбе за свободу.

Б $\frac{10605—095}{013(02)—79}$ 86-79 0506000000 9(М)71

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»: изд. 2-е — 1975; изд. 3-е — 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания генерал-лейтенанта в отставке А. В. Благодатова относятся к одному из наиболее ярких периодов в истории освободительной борьбы китайского народа — революции 1925—1927 гг. В ней сочетались патриотические демонстрации, митинги, антиимпериалистический бойкот, массовые стачки китайского пролетариата, вооруженная борьба против реакционных милитаристов — ставленников империалистических держав и выступления крестьян против произвола помещиков, чиновников, тех же милитаристов.

Революция вовлекла миллионы людей с неодинаковым уровнем сознательности и организованности, ставивших перед собой разные цели. Общая платформа революционного лагеря — борьба за национальную независимость, уничтожение империалистического гнета, ликвидацию власти полуфеодальных милитаристов — сделала возможным образование единого национально-революционного фронта, объединившего рабочий класс, крестьянство, городскую мелкую буржуазию, прогрессивную интеллигенцию и национальную буржуазию. Организационной формой единого фронта стал гоминьдан, в который вошли коммунисты, сохранившие вместе с тем организационную и идейную самостоятельность Коммунистической партии Китая. Вождь гоминьдана и глава созданного в 1923 г. на юге Китая в Гуанчжоу (Кантоне) Национально-революционного правительства Сунь Ят-сен считал, что добиться освобождения Китая от власти империалистов и милитаристов можно, лишь опираясь на помощь и революционный опыт советского народа, только объединив все прогрессивные силы на базе союза гоминьдана и компартии и развивая массовое рабоче-крестьянское движение.

В этих политических установках Сунь Ят-сена отразилось влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие освободительного движения в Китае и прежде всего на его передовых деятелей. «Сейчас революция немыслима без изучения опыта России» [1], — писал Сунь Ят-сен в октябре 1924 г. Для того чтобы полнее воспринять опыт русской революции, он в 1923 г. пригласил в Гуанчжоу политических и военных советников из СССР во главе со старым большевиком М. М. Бородиным. Через год советские добровольцы-советники начали работать и в Северном Китае. Там в 1924 г. произошли события, изменившие военно-политическую ситуацию и имевшие важные последствия. Речь идет о перевороте одного из генералов чжилийской клики милитаристов — Фэн Юй-сяна, который

[1] Сунь Ят-сен. Избранные произведения. М., 1964, с. 502.

в октябре 1924 г. выступил против чжилийцев, переименовал свои войска в Национальную армию (Гоминьцзюнь) и занял столицу страны — Пекин.

В составе Гоминьцзюня были созданы три армии — 1, 2 и 3-я Национальные армии. Главнокомандующим Гоминьцзюня и командующим 1-й Национальной армией стал Фэн Юй-сян.

Как отмечает А. В. Благодатов, подобные перевороты и переходы из одного лагеря в другой не были редкостью в тогдашнем Китае, но все же выступление Фэн Юй-сяна нельзя объяснить обычными для китайских милитаристов беспринципностью, продажностью и вероломством. Фэн Юй-сян испытал влияние идей Сунь Ят-сена, во всяком случае, своим ближайшим помощникам он говорил: «Нынешняя революция совершается в поддержку принципов господина Сунь Ят-сена и в честь его приезда на Север; руководимая Сунь Ят-сеном партия называется гоминьдан, поэтому наша армия тоже должна именоваться Гоминьцзюнь»[2]. Хотя переворот Фэн Юй-сяна («столичная революция», как его называли в Китае) не означал, что этот генерал, вчерашний милитарист, превратился в последовательного национально-революционного деятеля, ряд фактов свидетельствовал о возможности его эволюции в этом направлении. В городах, занятых войсками Фэн Юй-сяна, из тюрем были освобождены профсоюзные активисты, возобновилась деятельность профсоюзов, перешли на легальное существование гоминьдановские организации.

Лидеры Гоминьцзюня стремились получить помощь Советского Союза. Уже в октябре 1924 г. в г. Кайфыне (пров. Хэнань), где находились в то время штабы 2-й и 3-й Национальных армий, начал работать советский политический советник А. Я. Климов. В мае 1925 г. группа советских добровольцев прибыла в ставку Фэн Юй-сяна — г. Калган. В Северном Китае работали в качестве советников такие прославленные участники гражданской войны в нашей стране, как В. К. Путна, В. М. Примаков, А. Я. Лапин и другие опытные командиры Красной Армии, настоящие интернационалисты. Фэн Юй-сян впоследствии так описывал историю приглашения советских военных советников на работу в Национальные армии: «Меня познакомили с Бородиным и Караханом[3], при их встречах со мной переводил всегда Чэнь Ю-жэнь. Мы беседовали о революции, религии, отмене неравноправных договоров. Я им говорил, что цель Китая заключается лишь в свободе и равенстве; кто сможет помочь нам добиться этой цели — именно тот наш друг. Чем больше мы встречались и разговаривали, тем больше сближались. В результате моя идеология и мои взгляды тоже постепенно менялись. Поэтому я попросил их порекомендовать мне 30—40 советников из СССР — пехотных, кавалерийских, артиллерийских, саперных специалистов, чтобы они работали в наших учебных заведениях без каких-либо условий с обеих сторон, с единственной целью — помочь нам завершить национальную революцию. Через некоторое время они приехали»[4].

В Северном Китае, в Кайфыне, в 1925 г. начал свою работу советника

---

[2] Фэн Юй-сян. Моя жизнь. Ч. 3. [Б. м.], 1944, с. 19—20 (кит. яз.).
[3] Л. М. Карахан — полпред СССР в Китае в 1924—1927 гг.
[4] Фэн Юй-сян. Моя жизнь. Ч. 3, с. 41—42.

и А. В. Благодатов, носивший в Китае фамилию Роллан. Он прошел школу первой мировой войны и гражданской войны в нашей стране. Он окончил Военную академию РККА, т. е. был одним из тех советских командиров, которые лучше всего могли передать китайским революционерам драгоценный опыт нашей Красной Армии, о котором В. И. Ленин говорил на II съезде коммунистических организаций народов Востока: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение»[5].

Воспоминания А. В. Благодатова состоят из двух частей. В первой части речь идет о его работе в Национальных армиях, о военно-политической обстановке в Северном Китае в 1925—1926 гг. Читатель знакомится и с условиями борьбы в этой огромной стране, и со сложными взаимоотношениями различных социальных сил и военно-политических группировок, и, разумеется, с благородной интернационалистской работой советских людей, рисковавших жизнью ради освобождения китайского народа. Интересны и живые картины, характеризующие китайскую армию середины 20-х годов XX в. или рассказывающие о «Красных пиках», этой мощной организации средневекового типа, игравшей важную роль и в жизни северокитайского крестьянства, и в развитии событий в Северном Китае. О «Красных пиках» писал в свое время, основываясь на непосредственных впечатлениях, известный советский китаевед А. Ивин (Иванов), писали и другие авторы. Рассказ А. В. Благодатова для специалиста явится дополнением к прочитанному ранее, а многим читателям поможет создать более глубокое представление о китайской деревне не столь уж далекого прошлого.

Со знанием дела говорит автор о военных действиях между Национальными армиями и милитаристской коалицией. Войска Фэн Юй-сяна весной 1926 г. потерпели поражение в этой борьбе по ряду причин, о которых пишет А. В. Благодатов. Но в 1927 г. Национальные армии взяли реванш, и об этом читатель узнает из последних разделов книги.

Вторая часть мемуаров А. В. Благодатова посвящена его работе в Национально-революционной армии сначала в Гуанчжоу, а затем в штабе войск, осуществлявших знаменитый Северный поход 1926—1927 гг. Главным военным советником был герой гражданской войны в СССР, известный полководец В. К. Блюхер. Вскоре А. В. Благодатов назначается начальником штаба южнокитайской группы советских военных советников и становится одним из ближайших помощников В. К. Блюхера. Работа советников на юге Китая имела еще бо́льшее значение, нежели их деятельность в Национальных армиях. На Юге была создана территориальная база революции, и именно оттуда, из Гуандуна, революционные войска двинулись на север с целью уничтожения милитаристского самовластья и объединения Китая как независимого демократического государства. Боевой опыт, знания, способности, самоотверженность и верность интернациональному долгу наших советников сыграли немаловажную роль в успехе Северного похода, закончившегося, как известно, разгромом северных милитаристов.

---

[5] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 321.

До А. В. Благодатова несколько советских авторов опубликовали воспоминания о китайской революции 1925—1927 гг., в которой они участвовали как добровольцы-интернационалисты. Речь идет о книгах В. М. Примакова[6], А. И. Черепанова[7], В. В. Вишняковой-Акимовой[8], М. И. Казанина[9], группы советских военных советников[10].

Мемуары А. В. Благодатова не утрачивают от этого свое значение. Напротив, автор не только сообщает новые интересные сведения, но и дает почувствовать свою точку зрения на происходящие события.

Его книга — не исследование историка, это записки очевидца и активного участника событий. Так же как и первая часть книги, посвященная событиям в Северном Китае, рассказы о Юге и Северном походе содержательны. И здесь автор не рассказывает «обо всем понемножку». Так, об истории освобождения Шанхая в марте 1927 г. от власти милитаристов почти ничего не говорится, зато много страниц уделено рассказу о расколе Национально-революционной армии и гоминьдана на две группировки — уханьскую и нанкинскую (чанкайшистскую). Интересно даны обстановка накануне переворота Чан Кай-ши, подготовка его, позиция генералитета НРА, беспомощность уханьских колеблющихся лидеров. А. В. Благодатов высказывает мысль о существовании весной 1927 г. возможности затормозить развитие конфликта между Уханем и Чан Кай-ши и, может быть, даже избежать полного разрыва на путях компромисса. Мнение это спорное, но его высказывает человек, находившийся в апрельские дни 1927 г., когда Чан Кай-ши совершил контрреволюционный переворот, рядом с его штабом, и игнорировать его взгляд на события было бы по меньшей мере неразумно. То же можно сказать и о позиции автора по поводу сохранения какой-то координации действий между уханьской и нанкинской группами для продолжения борьбы против северных милитаристов. Определение плана дальнейших боевых действий армии Уханьского правительства после переворота Чан Кай-ши вызвало горячие споры и в гоминьдане, и в коммунистической партии, и в среде советников, и даже за пределами Китая. Известно, что троцкисты усматривали в решении идти прежде всего на север, против Чжан Цзо-линя, а не на восток, против Чан Кай-ши, проявление нежелания бороться с изменившей революции китайской буржуазией и ее политическими представителями — правыми гоминьдановцами. А. В. Благодатов убедительно показывает, что с военной точки зрения единственно верным было решение о возобновлении похода на север.

---

[6] Первое издание этих воспоминаний вышло под псевдонимом: Г. Аллен. Записки волонтера. Л., 1927. Через 40 лет (и через 30 после гибели автора) было опубликовано второе издание с добавлением некоторых интересных документов: В. М. Примаков. Записки волонтера. М., 1967.

[7] А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1964; А. И. Черепанов. Северный поход Национально-революционной армии Китая (Записки военного советника). Изд. 1-е. М., 1968; изд. 2-е. М., 1971.

[8] В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания. М., 1965.

[9] М. И. Казанин. В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925—1927 годов. М., 1966.

[10] «Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае. Воспоминания». М., 1961. В книгу включены воспоминания Н. И. Кончица, Е. В. Тесленко, С. Н. Наумова и М. Ф. Кумаиина.

Думается, что автор дает слишком суровую оценку Национальным армиям и их руководителям в 1924—1926 гг. Чувствуется, что он подходит к ним с меркой, скорее применимой к Национально-революционной армии, созданной на юге Китая при разносторонней советской помощи. Конечно, Фэн Юй-сяну было далеко до Сунь Ят-сена, а условия работы советских военных специалистов в Калгане и Кайфыне сильно отличались в худшую сторону от условий Гуанчжоу. Но если подходить к Фэн Юй-сяну и Национальным армиям не с «гуанчжоуской меркой», а сравнивать их с северными милитаристами и их войсками (лучше сказать — ордами), то различие будет очевидным, и суть его состоит в том, что армия Фэн Юй-сяна была силой национальной, объективно антиимпериалистической, тогда как милитаристы выполняли роль орудия империалистов.

Естественно, что один из центральных сюжетов записок А. В. Благодатова — советские военные советники, их деятельность в Китае. Живые характеристики, сведения о боевом пути славных командиров Красной Армии, отправившихся на помощь революционным силам, несомненно привлекут внимание читателя. В. К. Блюхер, П. А. Павлов, В. К. Путна, В. М. Примаков, А. Я. Лапин, М. В. Сангурский, К. Б. Калиновский, В. Е. Сергеев, М. Г. Ефремов, В. М. Акимов, ныне здравствующий А. И. Черепанов, Е. В. Тесленко, Н. И. Кончиц и многие другие своей самоотверженной работой крепили основы революционного союза и дружественных связей между народами СССР и Китая. У истоков этого союза стоял В. И. Ленин. Его отстаивали лучшие представители китайского народа — великий революционер-демократ Сунь Ят-сен и первый пропагандист марксизма в Китае — Ли Да-чжао, суньятсеновец Ляо Чжун-кай и коммунист Цюй Цю-бо, китайцы — участники гражданской войны в России и борцы против черных сил китайской реакции. Он скреплен кровью, пролитой в войне против империалистической Японии.

Против дружбы с СССР выступали в Китае отъявленные враги прогресса, враги китайского народа. Это были маньчжурский сатрап Чжан Цзо-линь, совершивший при поддержке империалистов налет на Советское посольство в Пекине, и Чан Кай-ши, об антисоветских провокациях которого после контрреволюционного переворота 12 апреля 1927 г. рассказывает А. В. Благодатов, и гоминьдановские изменники в Гуанчжоу, расправившиеся с сотрудниками Советского генконсульства, и шаньдунский дубань Чжан Цзун-чан, в армии которого действовали русские белогвардейцы, о чем тоже можно прочитать в записках А. В. Благодатова.

В современном Китае маоисты своей антинародной и антинациональной (хотя и ультранационалистической) политикой подтверждают эту закономерность. Установив свою военно-бюрократическую диктатуру, маоисты одновременно ведут неистовую антисоветскую кампанию. Китай переживает трудную полосу своей истории. Но опыт прошлого показывает, что дружба с Советским Союзом является залогом успешного решения жизненных проблем Китая. Этот вывод сделает и читатель содержательных и поучительных воспоминаний генерал-лейтенанта А. В. Благодатова.

М. Ф. Юрьев

ОТ АВТОРА

Более пятидесяти лет прошло с тех пор, когда по просьбе президента южнокитайского правительства доктора Сунь Ят-сена, создателя и руководителя гоминьдана, мы, советские добровольцы, отправились в Китай для помощи китайскому народу в формировании Национально-революционной армии, в подготовке и осуществлении военных операций против феодалов-милитаристов и их хозяев — империалистов. Выдающиеся советские военачальники, прославившиеся в годы гражданской войны в России, приняли активное участие в этой трудной, но почетной миссии. П. А. Павлов, В. К. Блюхер (Галин), Н. В. Куйбышев (Кисанька), В. К. Путна, П. П. Каратыгин (Рагон), В. М. Примаков (Лин), М. В. Сангурский (Усманов), А. Я. Лапин (Сейфуллин), руководившие нашей деятельностью в Китае, и многие другие советники проявили большое мужество и изобретательность при передаче военного опыта китайским революционерам в тогдашней необычайно сложной и противоречивой обстановке.

Два с половиной года я находился в Китае. Вначале я работал в аппарате советского военного атташе в Пекине, где имел возможность познакомиться с состоянием 1-й Национальной армии и деятельностью наших советников. Затем меня назначили заместителем начальника хэнаньской группы советников при 2-й Национальной армии. Здесь мне пришлось участвовать в Шаньдунской и Чжумадяньской операциях и в боях под Лояном. Я принимал участие в составлении планов Нанкин-Шанхайской и Чжумадяньской операций против мукденской группировки Чжан Сюэ-ляна в провинции Хэнань. Под конец моего пребывания в Китае, когда Национально-революционная армия Китая вышла к р. Янцзы, мне довелось работать вместе с прославленным полководцем В. К. Блюхером в качестве начальника его штаба и заместителя.

Условия работы наших советников на севере и юге Китая существенно отличались. На севере Китая всю власть в провинциях, занятых 1-й Национальной армией, держал в своих руках маршал Фэн Юй-сян, а в провинции Хэнань — генерал Юэ Вэй-цзюнь, командовавший 2-й Национальной армией.

Вожди Национальных армий в устных декларациях и заявлениях в печати много говорили о своей приверженности уче-

нию доктора Сунь Ят-сена. Но на деле народ в подведомственных им провинциях был отстранен от общественных дел; даже партия гоминьдан постоянно ущемлялась, а компартия Китая находилась на полулегальном положении.

А. В. Благодатов

Работа наших советников была крайне стеснена. Порой ее принимали лишь в обмен на получаемые из Советской России вооружение и снаряжение или она ограничивалась узкими военно-техническими рамками. Во время военных операций наших советников подчас не считали нужным ставить в известность о создавшейся обстановке и тем самым лишали их возможности предотвратить поражение Национальных армий при столкновении с подавляющей военной силой коалиций мукденской и чжилийской милитаристских группировок, за спиной которых стояли такие мощные империалистические государства, как Япония, Англия, Франция, США, активно помогавшие им.

На юге Китая борьбу с реакционными генералами и империалистами возглавляло созданное великим китайским революционером Сунь Ят-сеном национально-революционное правительство в Гуанчжоу. Его организующей силой был гоминьдан, в который входили и коммунисты. Первое время советники, находясь в непосредственном подчинении у правительства, были хорошо ориентированы в военно-политической обстановке, а поэтому могли мобилизовать свои знания, опыт и способности для помощи Национально-революционной армии. Однако по мере продвижения армии на север она отрывалась от своей основной базы, революционной провинции Гуандун, ухудшалась ее связь с правительством, в армию вливались перебежчики-генералы, военщина все цепче захватывала власть в свои руки. Даже юг Китая постепенно подвергался милитаризации. Главком НРА Чан Кай-ши перерождался в диктатора, в ярого врага Советского Союза.

Таким образом, и на юге Китая сгущались тучи. Нас игнорировали, избегали информировать, а то и просто дезинформи-

ровали. Все это, естественно, суживало сферу нашей деятельности. При отъезде из Китая в СССР группа советников даже была снята с парохода и арестована.

После первого издания я получил от читателей ряд критических замечаний. Некоторые читатели просят пояснить, в силу каких обстоятельств такой многочисленный и относительно монолитный народ, некогда обладавший высокой материально-технической культурой, значительно отстал в своем развитии от других стран, которые позже Китая вступили на историческую арену.

К сожалению, мы, советские военные советники, участники этой революции, знакомились с бытом, нравами китайцев, их историческим прошлым, географией Китая только в ходе своей практической деятельности, да и то не в полной мере. Это не позволило нам, в частности, предвидеть развал 2-й и 3-й Национальных армий.

Другой вопрос, который заинтересовал читателей, — это роль Великой Октябрьской социалистической революции в России в развитии революционного движения в Китае, и в частности революции 1925—1927 гг.

Теперь всем очевидно, что Великая Октябрьская социалистическая революция в России положила начало новой эре освободительных революций в колониальных и зависимых странах. В результате этой революционной борьбы многие страны Азии, в том числе и Китай, обрели политическую самостоятельность и суверенитет. Однако в 1924 г. исход революционного движения в Китае не был ясен. Это хорошо сознавал великий китайский революционер-демократ президент Китайской республики Сунь Ят-сен. В своем предсмертном письме к Советскому правительству он просил о помощи в освободительной борьбе китайского народа.

Советское правительство в своем Обращении к Северному и Южному правительствам Китая от 25 июля 1919 г. и Декларации от 27 сентября 1920 г. объявило о своем отказе от привилегий и неравноправных договоров, навязанных Китаю царским правительством, и предлагало политику дружбы советского и китайского народов.

Однако реакционное японофильское правительство Северного Китая Дуан Ци-жуя и фактические хозяева провинций Северного и Среднего Китая — милитаристы Чжан Цзо-линь, Чжан Цзун-чан и У Пэй-фу и их опекуны — Япония, Англия, Франция и США всемерно препятствовали осуществлению дружбы между советским и китайским народами и организовали жестокое преследование за распространение идей Великой Октябрьской социалистической революции.

На юге Китая, в провинции Гуандун, глава правительства доктор Сунь Ят-сен, опираясь на поддержку китайских коммунистов и помощь советского народа, в результате длительной

борьбы с местными милитаристами, создал базу для развертывания революционного освободительного движения во всем Китае.

На севере Китая проезд советских граждан был под жестким контролем китайской и японской полиции. Распространение идей Великой Октябрьской революции велось главным образом через кружки прогрессивной интеллигенции, студентов и рабочих. Наиболее видным глашатаем этих идей был профессор политической экономии Пекинского университета Ли Да-чжао. Обладая знаниями в области теории марксизма-ленинизма, он был одним из организаторов Коммунистической партии Китая. Ли Да-чжао понимал, что теоретический уровень молодой китайской коммунистической партии не удовлетворял тем политическим требованиям, которые ставила перед ней революционная борьба.

В своих произведениях Ли Да-чжао особенно настойчиво ратовал за идею пролетарского интернационализма. Он пропагандировал ее в ожесточенной борьбе с китайскими и японскими шовинистами, призывавшими «желтых» к истребительной войне с «белой расой». Вред этой реакционной концепции Ли Да-чжао усматривал в ее антисоветской направленности, в стремлении подорвать единый фронт международного революционного движения с национальными революциями угнетенных стран Востока. Дальнейший ход революционного движения в Китае подтвердил правильность оценки теоретического уровня КПК, данной Ли Да-чжао, и актуальность его работ, направленных против шовинизма в Китае.

Много писем получаю я от читателей, все они хотят поподробнее узнать о жизни автора данной книги. По их просьбе вкратце расскажу о себе.

Почти 17 лет своей жизни провел я на войне и большей частью в боевом строю. Поэтому остановлюсь главным образом на наиболее поучительных эпизодах боевого прошлого.

Я родился в г. Люблине в январе 1893 г. в семье капитана 69-го Рязанского пехотного полка. Отец был заслуженный боевой офицер старой армии, участник русско-турецкой войны. В 1904 г. он ушел добровольцем на русско-японскую войну и не вернулся. Среднее образование я получил в ярославском кадетском корпусе, а специальное — в артиллерийском училище. Офицеры — воспитатели кадетского корпуса прививали нам любовь к русскому военному искусству. Артиллерийские училища давали солидные профессиональные знания по военным наукам, а также по математике в объеме физико-математических факультетов университета. Мы проходили полный курс высшей математики (курс дифференциального и интегрального исчислений). Высокая подготовка русских артиллеристов позволила им первым осуществить метод ведения стрельбы с закрытых позиций и изобрести соответствующие приборы (панорама, бус-

соль, угломер Турова-Михайловского и др.). Позже этот метод стрельбы наши советники-артиллеристы старались привить китайским артиллеристам: в Хэнаньской военной школе в Кайфыне, в Пиндэчуане в 1926 г.

Вскоре после окончания военного училища мне пришлось полученные знания применять на практике во время первой мировой войны. Поскольку я служил в пограничном Варшавском военном округе, я вступил в войну с самого ее начала. Первое сражение произошло 10 августа 1914 г. под Орляу в Восточной Пруссии. Это было самое кровопролитное сражение, какое мне довелось видеть. На пространстве протяженностью около 1 км и глубиной 300—400 м погибло 1500 русских и 2000 немецких солдат и офицеров. Раненых было в 2—3 раза больше. Поле боя осталось за нами.

Несмотря на столь тяжелые потери, понесенные этими полками в бою под Орляу, они в следующем бою, под Ваплицом, в составе не более 600—700 человек, с артиллерийским дивизионом нанесли сокрушительное поражение немецкой пехотной дивизии Унгерна. Немцы потеряли 1000 человек убитыми и ранеными и 1000 пленными, в том числе 17 офицеров. Я привожу так подробно эти эпизоды для сравнения. В бою под Чжумадянем, в феврале 1926 г., китайские солдаты, вооруженные такой же материальной частью, при плохом техническом состоянии оружия и плохой выучке, потеряли только одного человека, хотя огонь был интенсивный. Это является еще одним подтверждением афоризма: «Воюют не числом, а умением».

В гражданской войне в России я сражался на Юго-Восточном фронте в качестве командира артиллерийского дивизиона 22-й стрелковой дивизии 4-й армии, которой командовал М. В. Фрунзе, затем был заместителем инспектора артиллерии Юго-Западного фронта В. Л. Грендаля. Фронтом в это время командовал А. И. Егоров (будущий военный атташе в Китае). Я участвовал в боях под Перекопом, Чаплинкой, Каховкой и многих других, руководил артиллерией 6-й армии при форсировании Днепра у Бериславля 28 августа 1920 г. Это была сложная и трудная операция, так как противник имел танки и бронемашины, а у нас их не было. Здесь мной впервые был составлен огневой планшет массированного артиллерийского огня по важнейшим целям. После этого я служил начальником артиллерии 40-й Богучарской дивизии в районе Донбасса, на Мелитопольском направлении, вплоть до ликвидации белой армии Врангеля в Крыму. (Подробнее см. мою статью «Записки артиллериста» в сб. «От Зимнего до Перекопа», М., 1978).

Следующим этапом моего участия в гражданской войне в России была так называемая «малая война», сперва против «повстанческой армии» батьки Махно, а затем против всевозможных банд: Щуся, Бровы, Маруси и т. д. Махно одно время был нашим союзником в борьбе против Врангеля. Разрыв про-

изошел вследствие повальных грабежей, которые учиняли махновцы против наших тыловых частей и отдельных красноармейцев.

Мне довелось присутствовать при разговоре начальника 40-й Богучарской дивизии М. В. Сангурского (впоследствии старшего советника при Национальной армии маршала Фэн Юй-сяна) с махновским делегатом, неким Ткаченко. Одетый «респектабельно» — в поддевке и новой каракулевой шапке — он выражал возмущение бесчинствами, творимыми некоторыми махновцами, и предлагал нам расправляться с ними, как найдем нужным. А между прочим в «свите» Ткаченко я опознал на одном из его делегатов свою старую артиллерийскую шинель, которая находилась в закрытой повозке обоза, два дня назад разграбленного махновцами. Борьба с махновцами и их сообщниками была длительной. Как выразился М. В. Сангурский, противник был «труслив как заяц, шкодлив как кошка»

Я принял участие в самом крупном сражении против Махно под Гуляй Полем. В этом сражении махновцы имели на вооружении 7—8 тыс. сабель и 400 пулеметных тачанок против 3-го кавалерийского корпуса (12—13 тыс. сабель). Только ночь и зимние холода спасли тогда махновцев от полного поражения. Это было, пожалуй, последнее массовое кавалерийское сражение на всем земном шаре.

В сентябре 1922 г. я поступил в академию РККА. В академию принимали тогда командиров, имеющих опыт гражданской войны. О слушателях пятого выпуска академии, в числе добровольцев поехавших в Китай, и о постановке военно-научного преподавания в академии рассказывается в моих Записках.

По возвращении из Китая я служил в войсках Ленинградского военного округа (ЛВО), командиром отдельного кронштадтского стрелкового полка Балтийского флота, затем начальником штаба и командиром стрелкового корпуса. Накануне Великой Отечественной войны занимал должность старшего преподавателя в Академии Генерального штаба.

Во время Великой Отечественной войны мне пришлось участвовать в боевых операциях на южном участке нашего обширного фронта на Западе. В сентябре 1943 г. возглавляемый мною 68-й стрелковый корпус форсировал р. Днепр у Сошиновки. В качестве заместителя командующего 57-й армией я руководил операциями на Кировоградском и Тираспольском направлениях. После форсирования р. Днестра в районе Тирасполя участвовал в Ясско-Кишиневской операции. Преследуя остатки разбитых немецких войск, мы, заняв Констанцу, подошли к румыно-болгарской границе.

С приближением наших войск к границе в Болгарии произошла революция, реакционный режим был свергнут. Болгария стала народной республикой. Наш переход через границу 8 сентября 1944 г. походил на триумфальное шествие. По по-

ручению командования армии мне первому довелось пересечь границу. Начальник болгарской пограничной заставы встретил меня рапортом. На всем пути были сооружены триумфальные арки. Народ встречал советские войска с ликованием, забрасывал цветами. Штаб армии разместился в г. Шумене и меня назначили начальником гарнизона этого города. Вскоре наша армия вступила в Югославию и совместно с Народно-освободительной армией Югославии освободила эту страну от немецко-фашистских оккупантов.

В Югославии в трудной горной местности во взаимодействии с югославскими войсками мы вели частые бои с частями 1-го горнострелкового корпуса немецких захватчиков. 20 октября после продолжавшегося целую неделю штурма Белграда немецкий корпус был разгромлен и пленен. Столица была освобождена.

После форсирования Дуная у Батина 57-я армия продолжила свой славный поход и участвовала в освобождении Венгрии. В ходе этой операции я был назначен представителем 3-го Украинского фронта при 1-й Болгарской армии, наступавшей вдоль р. Драва, левее 57-й армии. Завершающие бои были успешны, проводились энергично, с небольшими потерями. 10 апреля я получил новое назначение — комендантом г. Вены. Передо мной стояла задача не из легких — восстановить нормальную жизнь в городе. Город с двухмиллионным населением оказался лишенным административного аппарата, разбежавшегося во время восьмидневного штурма, коммунальное хозяйство было разрушено, тысячи трупов оставались незахороненными.

Административный аппарат коменданта состоял из караульного батальона, гарнизонной гауптвахты и нескольких командиров. Бургомистром Вены был назначен бывший генерал Кернер, остававшийся на этом посту до 1951 г., когда он был избран президентом Австрии. В меру наших возможностей было организовано продовольственное снабжение населения. Наконец, город зажил нормальной жизнью. Более подробно о моей деятельности на посту коменданта г. Вены рассказывается в книге Г. Савенко «Венские встречи».

В мои намерения не входило давать в публикуемой книге военно-исторический обзор китайской революции. Мне хотелось бы воспроизвести события того времени так, как они запечатлелись в дневниках, которые я вел во время пребывания в Китае, а также в рассказах моих товарищей.

В моих воспоминаниях уделено сравнительно много внимания военно-географическому описанию Китая. Вследствие плохой технической вооруженности китайских армий большое значение для них имел военно-географический фактор, а мне по роду служебной деятельности пришлось потратить немало энергии на изучение этого дела. Путешествуя по стране, я выполнил около 1500 км маршрутной съемки, перевел с французского

языка на русский «Географию Китая» Ришара, организовал и принял участие в составлении оперативно-стратегических карт севера и юга Китая.

В заключение хочу выразить сердечную благодарность всем, кто добрым советом или предоставлением материалов помог мне в написании этой книги, а также тем, кто откликнулся на первые два издания.

В СЕВЕРНОМ КИТАЕ

Отъезд в Китай

Весна 1925 г. была для нас, слушателей пятого выпуска Военной академии РККА (ныне Академия им. Фрунзе), страдной порой. Мы сдавали последние выпускные экзамены, и начиналась защита дипломных работ. Жили мы в общежитиях, довольно далеко от академии, которая размещалась тогда в доме 19 по Кропоткинской улице. Я жил в бывшей гостинице «Левада» на Тверской. Бо́льшую часть нашего времени поглощали учебные занятия, но интерес к событиям внешнего мира, в частности на Дальнем Востоке, не ослабевал даже тогда.

Предложение отправиться в Китай явилось для меня совершенной неожиданностью. Случилось это так. Как-то в конце марта я повстречался в кулуарах академии со своим однокурсником Альбертом Яновичем Лапиным. Он остановил меня, отвел в сторону и вполголоса сказал: «От президента южнокитайского правительства доктора Сунь Ят-сена поступила просьба нашему правительству послать в Китай военных советников для обучения военному делу формируемой Национально-революционной армии и оказания ей помощи в ведении военных действий. Михаил Васильевич Фрунзе предложил нашей академии выделить пятнадцать-двадцать слушателей для этой цели. Партийное бюро выдвинуло твою кандидатуру. Насчет диплома не беспокойся. Требуется твое согласие».

Заданный вопрос застал меня врасплох. Нужно было решиться немедленно сделать крутой поворот на своем жизненном пути. То, что придется прервать уже начатую разработку дипломной темы по оперативному искусству, сказать правду, меня мало заботило. Мне пришлась по душе мысль, что вместо составления учебной задачи на бумаге и придумывания искусственных условий нам в скором времени предстоит создавать реальные планы боевого использования войск.

Беспокоило другое. Мы, слушатели академии, не знали ни языка, ни быта, ни нравов китайцев, а наши представления о военно-географическом факторе и общей политической обстановке в Китае были слишком неконкретны.

Однако мы владели боевым опытом гражданской войны, кроме того, большинство из нас участвовали и в первой миро-

вой войне, следовательно, были знакомы с методами ведения войны империалистических армий, вооруженных передовой боевой техникой. Академия дала нам солидную теоретическую подготовку по важнейшим отраслям военного дела, привила нам материалистическое мировоззрение и вооружила нас диалектическим методом познания общественных явлений.

Рой противоречивых мыслей промелькнул в моей голове. В памяти ожили рассказы близких о Китае и китайцах. Незадолго до начала русско-японской войны мой отец, служивший в армии на западе России, был переведен со своей семьей во Владивосток, в 32-й Восточносибирский стрелковый полк. Мать и сестры подолгу с восхищением рассказывали о китайцах как о честном, трудолюбивом народе с древней и своеобразной культурой.

Вследствие неблагоприятно сложившихся исторических условий Китай отстал от уровня технического развития передовых капиталистических стран и подвергся хищнической агрессии западноевропейских государств, Америки и Японии, превратился в полуколонию. Для нас, советских граждан, недавно разбивших оковы капитализма, было естественным стремление помочь многомиллионному китайскому народу отстоять национальную независимость. Это был наш интернациональный долг. И я решил согласиться поехать в Китай военным советником.

Некоторое время спустя я узнал состав группы слушателей нашего выпуска, изъявивших желание работать военными советниками в Китае. Выяснилось также, что группа слушателей предшествующих выпусков уже отбыла в Китай в минувших, 1923 и 1924 годах.

Что представляли собой слушатели академии, отправившиеся в то время в Китай?

Слушатели нашего и предшествовавшего выпусков пришли на учебу в академию в 1921 и 1922 гг. прямо с полей сражений гражданской войны. К вступительным экзаменам в академию допускали только тех командиров Красной Армии, которые активно участвовали в гражданской войне или имели другие революционные заслуги. Среди них можно было видеть людей разного возраста — от совсем юного комсомольца до пожилого человека с сединой на висках. Уровень их образования был неодинаков, они занимали разные должности в различных родах войск, но все они за плечами имели боевой опыт, почти все были коммунистами или комсомольцами.

Слушатели академии, получившие закалку в боях за Советскую власть, в процессе учебы усваивали военную науку не формально, а критически, в особенности если речь заходила об опыте первой мировой войны. Оспаривались самые «незыблемые» принципы военного искусства и высказывания зарубежных специалистов, а также мнения тогдашней профессуры нашей академии по вопросам тактики и стратегии. Дискуссии

в стенах академии вспыхивали по самым разным вопросам военного дела. В организации и проведении дискуссий активную роль играли военно-научное общество академии и его секции: пехотная, артиллерийская, кавалерийская, военно-воздушных сил и инженерная.

Нередко на заседаниях военно-научного общества академии кроме ее преподавателей и слушателей присутствовали выдающиеся деятели РККА: М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, С. С. Каменев, А. И. Егоров и др. Такие обсуждения не только помогали слушателям глубже изучить академический курс, но и способствовали дальнейшему развитию советской военной науки.

В те годы слушатели академии успешно сотрудничали в ряде военных журналов и газет, а некоторые из них даже входили в состав редакционных коллегий. Двадцатые годы были наиболее плодотворным периодом в становлении советской военной мысли. Именно тогда начиналось тщательное изучение опыта войн, развертывались дискуссии по важнейшим проблемам военной теории и военной истории, внедрялась марксистско-ленинская методология. В свет выходило много военно-научных трудов, написанных как преподавателями академии, так и бывшими ее слушателями: М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевским, А. А. Свечиным, А. А. Незнамовым, А. М. Зайончковским, А. И. Верховским и др.

Интересы слушателей академии не ограничивались узкопрофессиональными вопросами военного дела. Стремясь идти в ногу с бурным ростом советской культуры и науки, они не пропускали литературных дискуссий, довольно частых в то время в Москве, посещали доклады на политико-экономические и другие темы и, конечно, не отказывались от возможности побывать в наших замечательных театрах — Художественном, Большом, Малом, Мейерхольда, театре Революции и других, чрезвычайно в ту пору популярных.

В тот период, захваченные всеобщей неукротимой жаждой знаний, овладения культурными ценностями, накопленными в мире, люди стремились осмыслить их и каким-то образом выразить свои чувства. В академии мы издавали свой литературный журнал. А некоторые из нас даже пытались выступать на более широком литературном поприще. Но писательское дело, как известно, требует таланта и к тому же немалого «знакомства» с техникой литературного творчества, которой частенько мы не владели и, как говорится, ямба от хорея не могли отличить.

У меня запечатлелся случай, рассказанный знакомым слушателем Н. Е. Чуваковым, который мечтал стать поэтом. Урывками от занятий по изучению трудного академического курса он успел написать две объемистые тетради стихов. Стесняясь показать плоды своего творчества товарищам-однокурсникам, Н. Е. Чуваков решил однажды отнести стихи корифею молодой

советской поэзии Владимиру Маяковскому. Маяковский принял его любезно, выслушал причину столь неожиданного визита, предложил оставить обе рукописи у него и зайти недельки через две за ответом.

В установленный срок Чуваков с сердечным трепетом и надеждой переступил порог квартиры Маяковского. «Знаете что, Никита Емельянович, — сказал поэт, — я пишу стихи, между нами говоря, плохие, а ваши стихи никуда не годятся. Мой вам совет: бросьте этим делом заниматься». Никита Емельянович послушался дружеского совета и стал больше времени уделять изучению военного дела. Из него выработался хороший командир. Во время Великой Отечественной войны он успешно командовал корпусом, получил звание генерал-лейтенанта и удостоился звания Героя Советского Союза.

Этот эпизод дает повод предостеречь от дилетантства и в военном деле. Поспешные, необоснованные решения влекут большие потери в людях и причиняют огромный материальный ущерб.

В соответствии с тогдашней обстановкой главное внимание при чтении академического курса уделялось изучению западных, сопредельных с нами, государств. Знакомству же со странами Дальнего Востока было отведено очень мало времени. Например, даже изучению русско-японской войны посвящалась лишь двухчасовая лекция. Нашей китайской группе пришлось самостоятельно восполнять этот пробел.

Профессорами и преподавателями в академии были высокоэрудированные люди с большим боевым опытом русско-японской, первой мировой и гражданской войн. Известные военные труды профессоров Свечина, Величко, Зайончковского, Лукирского, Новицкого были переведены на иностранные языки. Они стремились привить нам правильный научный метод мышления и практические навыки самостоятельного решения военных проблем. Приведу пример.

Начальником кафедры военной географии в то время был Костяев (бывший начальник Всероссийского главного штаба Красной Армии). Он предостерегал слушателей от бесполезной зубрежки географических названий и числовых их характеристик. На экзаменах по его предмету разрешалось при подготовке по билету пользоваться любыми учебниками, справочниками и конспектами. Учебники и пособия заблаговременно клали на столы, за которыми готовилась очередная группа экзаменующихся. Вопросы в билете ставились таким образом, что прямого на них ответа в учебниках нельзя было найти, однако если слушатель ознакомился с учебными пособиями и разбирался в прочитанном, то он мог легко в отведенное на подготовку время (от 30 минут до одного часа) составить необходимый ответ. Мне, например, были заданы следующие вопросы: первый —

А. Я. Лапин

дать сравнительную оценку варшавского и вильненского операционных направлений в военно-географическом отношении; второй — оценить границу Канады и Соединенных Штатов Америки с военно-стратегической точки зрения. Следовательно, надо было по справочникам найти, какие пути сообщения и какой емкости пролегают в полосе каждого операционного направления, какие препятствия встречаются на этих путях, каковы местные ресурсы и т. д.

Примерно через полгода после этих экзаменов мне пришлось уже в Китае готовить полпреду Л. М. Карахану аналогичную справку по оперативному вопросу, основываясь на реальных данных.

Группу слушателей нашего выпуска академии, выразивших желание поехать в Китай в качестве военных советников, возглавил Альберт Янович Лапин. Это был один из самых молодых слушателей выпуска, но уже имевший большие боевые заслуги, человек незаурядных способностей, прекрасный товарищ; ему было присуще необыкновенное обаяние. Он принадлежал к поколению людей, совершивших революцию в России.

Альберт Лапин родился 27 мая 1899 г. в Риге в семье латышского рабочего. Отец его Я. Г. Лапин работал на заводе «Проводник», активно участвовал в революционном движении 1904—1905 гг., был членом РСДРП. В 1907 г. он переехал в Москву, где работал на фабрике «Богатырь» и с 1915 г. состоял в большевистской организации. Он активно участвовал в революции 1917 г., был членом Московского комитета партии. Мне приходилось встречаться с ним. Он производил на меня сильное впечатление своей кипучей натурой, открытым и прямым характером. Эти черты характера унаследовал и Альберт. Подарок отца, старенький револьвер, он хранил как священную реликвию. Он учился в Москве, окончил высшую начальную школу и коммерческое училище. В коммунистическую партию вступил в июне 1917 г. Боевое крещение Альберт Янович получил в Москве в октябрьские дни 1917 г. Будучи

одним из организаторов комсомола, он возглавил комсомольцев Лефортовского района при взятии Алексеевского юнкерского училища. В декабре 1917 г. Лапин вошел в состав Главного штаба Красной гвардии. В июне 1918 г. он выехал на фронт в Казань для подавления мятежа белочехов, там его назначили сперва комиссаром разведывательного отдела штаба 5-й армии, а затем комиссаром штаба армии и заместителем члена Реввоенсовета армии. Здесь он совершенствовал свое военное мастерство под непосредственным руководством командующего 5-й армией М. Н. Тухачевского.

Альберту Яновичу не сиделось в штабе, по его настоянию он был назначен командиром 232-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии. Он участвовал во многих боях Бугульминской и Челябинской операций 5-й армии. 23 июня 1919 г. под Челябинском Лапин был тяжело ранен в позвоночник и несколько месяцев пролежал в госпитале. Врачебная комиссия признала его к военной службе негодным. Однако по просьбе Лапина М. Н. Тухачевский принял его в свой штаб начальником оперативного отдела.

Но как только Альберт Янович поправился настолько, что мог передвигаться без костылей, он стал проситься на фронт. Революционный военный совет 5-й армии направил его командиром 30-й стрелковой дивизии, сформированной В. К. Блюхером. Много славных боев провел он во главе этой дивизии: взятие Томска, пленение главных сил 2-й и 3-й армий Колчака под Красноярском и Канском. Особенно отличилась эта дивизия под Красноярском, где Лапин с частью сил совершил замечательный рейд для обеспечения правого фланга 5-й армии. Они обошли противника и, неотступно преследуя его, 7 марта 1920 г. заняли Иркутск. 30-я стрелковая дивизия была награждена почетным революционным Красным знаменем, и ей было присвоено наименование «30-я Иркутская стрелковая дивизия». Командир дивизии А. Я. Лапин за подвиги и проявленное мужество в боях был награжден орденом Красного Знамени.

После завершения основных операций на Востоке А. Я. Лапина направили на Западный фронт против белополяков. Западным фронтом тогда командовал М. Н. Тухачевский. Здесь Лапин стал командиром 80-й бригады 27-й Омской стрелковой дивизии и участвовал в Варшавской операции. 80-я стрелковая бригада и другие части этой дивизии, быстро форсировав р. Березину, разбила части белополяков, прикрывавших Минск, и стремительным прорывом в тыл минской группировки белополяков принудила их к отступлению. Затем, преследуя противника, с ходу форсировала р. Западный Буг, наголову разбила смоловическую группу и подошла к Варшаве.

При отходе наших войск от Варшавы Лапин командовал частью сил 27-й стрелковой дивизии, которая нанесла контр-

удар под Волковыском и задержала наступление противника на всем фронте. За искусное командование войсками и проявленную доблесть и храбрость в боях с врагами Альберт Янович был награжден еще двумя орденами Красного Знамени.

Закончилась война с белополяками, и Лапин отправился на Дальний Восток очищать этот край от японцев и остатков белогвардейцев.

Здесь он участвовал в планировании и проведении Волочаевской операции, послужившей началом к полному освобождению этого края. С 1921 по 1922 г. он занимал различные должности: командующего войсками по охране железных дорог Дальневосточной республики, вридглавкома Дальневосточной республики, командующего войсками Приамурского и Забайкальского округов. В то время командующему войсками было всего 22 года.

С Дальнего Востока А. Я. Лапин был направлен в Москву для учебы в Военной академии РККА. Лапин и я были в разных группах, поэтому у меня нет конкретных сведений о его учебе в этот период. Мне запомнился лишь разбор его решения задачи профессором А. И. Верховским на одной из курсовых военных игр. Он похвалил Лапина за нешаблонность его решения и стремление использовать военную хитрость, но обратил внимание на некоторую торопливость этого решения, недоучет реальных возможностей войск, их взаимодействия и службы боевого обеспечения. А. Я. Лапин погиб в 1937 г. Его имя увековечено в названиях улиц в различных городах Советского Союза: Москве, Минске, Иркутске, Хабаровске, Челябинске.

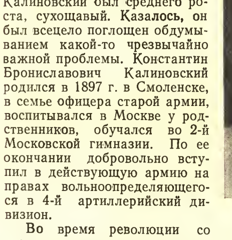
И вот теперь Родина посылала Лапина на другой фронт — помогать китайскому народу в его освободительной борьбе. Вскоре наша группа отъезжающих в Китай начала оформление документов. Оно не обошлось без некоторых трений. У меня затруднения возникли уже в посольстве пекинского правительства в Москве, где я получал визу.

В то время китайское посольство располагалось в Кропоткинском переулке. Меня принял секретарь посольства, человек небольшого роста, широкоплечий, с густыми черными волосами, прекрасно владевший русской речью. Он, усомнившись в надобности моей поездки в Китай, отказал мне в визе.

Тогда мне пришлось пойти в наш Комиссариат по иностранным делам к начальнику Дальневосточного отдела Мельникову, который дал мне свою визитную карточку с просьбой в китайское посольство выдать визу. Визитная карточка возымела свое действие, секретарь посольства принял меня необычайно любезно, и виза оказалась у меня в кармане незамедлительно.

7 апреля я с группой товарищей-добровольцев поездом Москва — Владивосток отправился в неведомый для нас Китай. Я ехал в международном вагоне в купе первого класса со своим однокурсником Константинсм Брониславовичем Калинов-

ским. В соседнем купе был известный тогда кавалерист Виталий Маркович Примаков. Оба они отдали много сил для повышения боеспособности Национальной армии Фэн Юйсяна.

К. Б. Калиновский

Константин Брониславович Калиновский был среднего роста, сухощавый. Казалось, он был всецело поглощен обдумыванием какой-то чрезвычайно важной проблемы. Константин Брониславович Калиновский родился в 1897 г. в Смоленске, в семье офицера старой армии, воспитывался в Москве у родственников, обучался во 2-й Московской гимназии. По ее окончании добровольно вступил в действующую армию на правах вольноопределяющегося в 4-й артиллерийский дивизион.

Во время революции со всем дивизионом перешел на сторону революции. Дивизион вскоре направили в 6-ю армию Северного фронта для защиты Архангельска от англо-американских интервентов. В боях под Шенкурском К. Б. Калиновский проявил себя как храбрый и инициативный воин. Летом 1919 г. его откомандировали в Высшую автобронетанковую школу в Москву и по ее окончании 17 ноября 1919 г. назначили командиром бронепоезда № 8, отправлявшегося на Южный фронт против белополяков.

Во время гражданской войны за боевые отличия К. Б. Калиновский был награжден двумя орденами Красного Знамени. Один орден он получил за инициативные и самоотверженные действия экипажа бронепоезда под его командованием при прорыве сильно укрепленного фронта белополяков в междуозерном дефиле ст. Зядки на железной дороге Полоцк — Молодечно. Бронепоезд, выдвинувшись вперед, к взорванному мосту, огнем орудий и пулеметов проложил дорогу пехоте и танкам. Вторым орденом Красного Знамени его наградили за доблестную оборону переправы через р. Ясельду, за уничтожение превосходящих сил противника.

По окончании гражданской войны Константин Брониславович со своим бронепоездом принимал активное участие в подавлении бандитов в Белоруссии и на Северном Кавказе. Он

В. М. Примаков

поступил в Военную академию РККА. Во время учебы занимался научной работой, опубликовал несколько интересных статей, посвященных использованию бронетанковых войск в различных видах боя. Калиновский, кроме того, состоял членом редакционной коллегии журнала «Техника и снабжение Красной Армии». Он отличался большой скромностью и, так же как А. Я. Лапин, не кичился своими боевыми и революционными заслугами.

Виталий Маркович Примаков внешне выглядел довольно импозантно, среднего роста, плотный. Он превосходно владел ораторским искусством. Родился в 1897 г. в семье народного учителя с. Шуманы (Черниговской губернии), окончил черниговскую гимназию. На его воспитание большое влияние оказал революционный писатель М. М. Коцюбинский, с сыном которого он очень дружил.

В шестнадцать лет, в 1913 г., за революционную работу его арестовали и посадили в царскую тюрьму. После возвращения из ссылки Примаков вошел в состав Киевского горкома партии как пропагандист и вел работу в войсках по привлечению солдат на сторону большевиков.

Он принимал участие в восстании 2-го запасного петлюровского полка, а в декабре 1917 г. создал отряд червонных казаков, впоследствии ставший прославленной 8-й кавалерийской дивизией червонного казачества, а затем 1-м конным корпусом червонного казачества. Боевой путь войск червонного казачества неразрывно связан с именем Виталия Марковича Примакова. Первое боевое крещение червонные казаки получили 6 января 1918 г. под Полтавой, где они совместно с харьковскими красногвардейцами наголову разбили гайдамацкие отряды. Когда же немцы наводнили Украину, среди прочих партизанских отрядов, воевавших против немцев, петлюровцев и белополяков, действовал и отряд Примакова.

В декабре 1918 г. червонные казаки вместе со 2-й Украинской советской дивизией освободили Харьков. Весной 1919 г. отряды Примакова во время рейда на Старо-Константинов

острог у оз. Кузьминского нанесли серьезное поражение Херсонской петлюровской дивизии.

В конце лета 1919 г. червонные казаки Примакова участвовали в операции по разгрому войск Деникина под Кромами. Их глубокий рейд (на 120 км) в тыл врага помог нанести поражение белогвардейцам. За эту операцию Примаков был награжден орденом Красного Знамени. Позднее червонные казаки были переброшены на запад против белополяков, и здесь 5 июня 1920 г. во время Проскуровского рейда дивизия Примакова разгромила штаб 6-й польской армии и ее тылы. За этот рейд Примаков был награжден вторым орденом Красного Знамени. В ноябре 1920 г. червонные казаки в бою под Писаревкой завершили уничтожение петлюровцев под командой генерала Вдовиченко. Отряды казаков довольно долго воевали на Украине с бандами Махно, Палия и других атаманов.

За боевые заслуги дивизия червонных казаков была награждена орденом Ленина, орденом Красного Знамени, а также орденом Трудового Красного Знамени Украины. После гражданской войны Примаков окончил в Москве в 1924 г. курсы усовершенствования начсостава и был назначен начальником Высшей кавалерийской школы в Ленинграде, а в апреле 1925 г. мы встретились в вагоне по пути в Китай.

Виталий Маркович, как опытный конспиратор, вошел в наше купе «знакомиться с попутчиками», дабы продемонстрировать перед посторонними пассажирами случайность нашей встречи. Однако в данной ситуации это было излишне, так как вагон весь был заполнен добровольцами, а из посторонних лиц была только кондукторская бригада. Что касается их, то было время нэпа и кондуктора меньше всего обращали внимание на своих пассажиров; они были озабочены покупкой на промежуточных станциях ходовых товаров и продуктов для перепродажи их в других городах по более выгодной цене.

Чем дальше удалялись мы от Москвы, тем чаще бросались в глаза следы недавно отгремевшей здесь гражданской войны и иностранной интервенции: сброшенные под откос вагоны, пепелища селений и станционных построек, временные мосты на транссибирской железной дороге, сбитые из штабелей шпал. Думалось, что понадобится еще много сил, средств и времени. чтобы залечить раны и создать этому обширному обезлюдевшему краю нормальные условия существования.

Во время длительного путешествия мы часто обменивались мыслями о перспективах нашей будущей работы. Виталий Маркович мечтал о формировании крупных кавалерийских отрядов в армии Фэн Юй-сяна и о кавалерийских рейдах по долине р. Шара-Мурэн на Мукден. Константин Брониславович прикидывал возможности для создания бронепоездов, подготовки экипажей и действия этих поездов на железных дорогах в гористой местности.

Что касается меня, то Китай представлялся мне неведомой страной, и я полагал, что надо сперва во что бы то ни стало добыть источники для ознакомления с нею. В Москве обзавестись ими мы не успели. «Очерки по географии Китая» Попова-Тативы, на мой взгляд, не заслуживали доверия. Так, население Китая исчислялось там в 400—800 млн. человек, т. е. весьма произвольно. Пришлось запастись терпением и ждать, что расскажет Китай сам о себе.

Первое наше знакомство с Китаем состоялось на станции Маньчжурия. После поверхностного формального таможенного досмотра мы пересели в вагон Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), чтобы следовать до ст. Чанчунь. В то время КВЖД по советско-китайскому соглашению 1924 г. была превращена в чисто коммерческое предприятие и управлялась обеими странами на паритетных началах.

На КВЖД военных действий не велось, и дорога содержалась в образцовом состоянии. Поезда шли точно по графику, на станциях поддерживался порядок. Кондуктора следили за чистотой в вагонах и часто протирали стекла. В этом ощущалась особенная необходимость, так как именно весной постоянно дул северный муссон и приносил тучи пыли, забивавшей все щели. По этой причине опытные путешественники советовали нам ехать не в первом, а в третьем классе двухместного жесткого купированного вагона, куда меньше попадала пыль, а удобства были не хуже, чем в первом классе. В каждом купе работал электровентилятор, блестели панели, тщательно отполированные под дуб.

Наиболее интересный участок КВЖД — это перевал через Большой Хинган. Здесь дорога проходила по живописной местности, извивалась серпантином, так что иногда довольно долго поезд ехал в обратном направлении — с востока на запад, а затем неожиданно нырял в длиннейший, почти трехкилометровый туннель.

Как ни стремились мы соблюдать конспирацию, но от наметанных глаз харбинских соглядатаев не укрылось наше советское происхождение. На перроне к нам подбежали носильщики: «Ваши остановились в гостинице» (не помню ее названия). Затем нас встретил один из советских добровольцев и велел троим следовать этим же поездом дальше: мне, доктору Николаю Семеновичу Молчанову и адъютанту Путны. Он же нас предупредил, чтобы мы соблюдали осторожность, так как получены сведения, что японская полиция и ее белогвардейские наемники замышляют антисоветские провокационные акты.

В Чанчунь мы приехали вечером. Здесь мы по-настоящему почувствовали, наконец, Китай. Нас сразу оглушил на вокзале невероятный шум и истошные крики: это рикши и слуги различных отелей зазывали пассажиров поезда в гостиницы и чай-

ные домики. Чанчунь — перевалочный пункт. Отсюда начиналась Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), принадлежавшая тогда Японии. Вагоны — японского типа, малогабаритные, обслуживающий персонал — японцы. Нам с трудом удалось достать билеты на поезд до Мукдена.

На следующий день утром мы были в Мукдене. На меня возложили ответственность за доставку нашей группы в Пекин. Я вышел на площадку вагона в надежде, что кто-либо из советского консульства встретит нас, поможет достать билеты и погрузиться в пекинский поезд. Ко мне подошла группа белогвардейцев, назвавшихся служащими японской полиции. Я не стал отвечать на их расспросы. Мое внимание привлек коротенький человек в сером пальто и котелке, который, по-видимому, кого-то искал, перебегая от одного вагона к другому, разглядывая пассажиров. Когда я попал в поле его зрения, он поспешно устремился ко мне.

— Здравствуйте, пожалуйста, — обратился он ко мне на довольно сносном русском языке, хотя и с акцентом, — я агент японской полиции, вот мой документ, — он предъявил свое удостоверение в развернутом виде. — Куда вы едете?

Я ответил, что еду в Пекин, и, чтобы прекратить дальнейшие расспросы, прервал его:

— Как мне попасть в Советское консульство?

— Вам в Советское консульство? Сейчас!

Мой Шерлок Холмс побежал к группе привокзальных извозчиков и с жаром начал о чем-то спорить с ними. Затем скорым шагом вернулся ко мне и подвел к выбранному им извозчику.

— Вот этот извозчик обязан подвезти вас к консульству и привезти обратно на вокзал. Вы ему заплатите 1 юань и 4 цента. Больше не давайте.

Я поблагодарил услужливого полицейского и поехал в консульство.

Из беседы с консулом выяснилось, что он о нас ничего не знал. Пришлось вернуться на вокзал и собственноручно добывать билеты, самим устраиваться в вагоне, что оказалось нелегким делом. Навести порядок на вокзале и в поездах китайцам было трудно, поскольку иностранцы, пользуясь правом экстерриториальности, систематически нарушали китайские железнодорожные правила.

В Пекине нас встретил советник В. Е. Горев и вручил записку, где значилось, что нам следовало разместиться в отеле, расположенном недалеко от нашего посольства. В отеле клерк предложил нам расписаться в книге для приезжающих. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что наш предшественник в этой книге был записан русским алфавитом под итальянской фамилией Соннино.

На следующий день я поспешил в посольский квартал Пекина, чтобы представиться нашему военному атташе Анатолию Ильичу Геккеру.

Анатолий Ильич — командир Красной Армии, обладавший высокой культурой и обширными знаниями в области военной науки. Он был представителем той части офицеров старой армии, которая перешла на сторону народа еще до победы Октябрьской революции.

Анатолий Ильич родился в Тифлисе 25 августа 1888 г. в семье военного врача Кавказской армии. Окончив тифлисскую гимназию, он поступил во Владимирское военное училище в Петербурге. В 1912 г. его назначили офицером в 102-й Вятский пехотный полк, дислоцированный в г. Гродно. В этом полку он воевал с самого начала первой мировой войны. В 1916 г. учился на курсах при Академии Генерального штаба, по их окончании был назначен в штаб 33-го корпуса, входившего в войска румынского фронта. Штабс-капитан Геккер, известный своими революционными настроениями, стал членом корпусного комитета, а в сентябре 1917 г. вступил в партию большевиков. В ноябре того же года Военно-революционный комитет 33-го армейского корпуса избрал его начальником штаба этого корпуса, а в конце года — командующим 8-й армией.

После роспуска старой армии Анатолия Ильича привлекли к формированию Красной гвардии, а затем Красной Армии. В марте 1918 г. А. И. Геккера назначили сперва командующим Донецкой армией, а затем, в апреле 1918 г., начальником штаба главнокомандующего украинскими советскими войсками. Здесь в невероятно сложных условиях он вел борьбу против буржуазно-националистической контрреволюции и немецких оккупантов, а в июле 1918 г. участвовал в подавлении антисоветского мятежа в Ярославле. В августе того же года он — командующий Котласского боевого участка, его войска наносят сокрушительные удары интервентам на севере страны.

Летом 1919 г. Анатолий Ильич командовал 13-й армией, воевал против Деникина, освобождал города Новый Оскол, Корочу и дошел до Белгорода. В боях за Донбасс Анатолий Ильич получил ранение. В 1920 г. А. И. Геккер стал начальником штаба войск внутренней охраны республики, руководил операциями войск ВЧК против банд контрреволюции. В сентябре 1920 г. Геккер на Кавказе во главе 11-й армии громил один из последних оплотов интервентов — белогрузинскую контрреволюцию. Как гласил приказ, «за отвагу, мужество и распорядительность при личном участии во многих боевых операциях 11-й армии» в феврале 1921 г. А. И. Геккер был награжден орденом Красного Знамени. Правительство советской Армении наградило его орденом Красного Знамени Армянской

ССР, Ревком Азербайджанской ССР — орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР, а Ревком Грузинской республики — серебряной шашкой. В июне 1922 г. А. И. Геккер уехал военным атташе в Китай.

А. И. Геккер

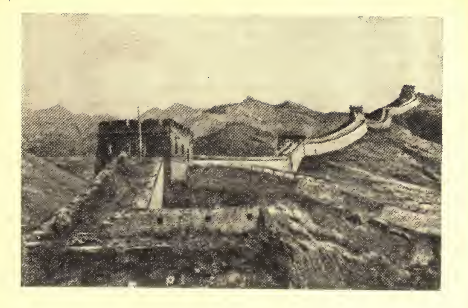
А. И. Геккер принял меня очень любезно и оставил работать в аппарате военного атташе. Сам он, однако, получил новое назначение и вскоре уехал в Советский Союз. Новым военным атташе стал бывший член Реввоенсовета Туркестанского фронта Н. М. Воронин. Анатолий Ильич предупредил меня о необходимости соблюдать меры предосторожности даже в районе нашего посольства во избежание разного рода провокаций. В частности, следовало держаться подальше от незнакомых сотрудников посольства.

Аппарат военного атташе в то время состоял только из него самого, и только он мог снабдить меня необходимыми сведениями и материалами. Анатолий Ильич, торопясь с отъездом в Москву, не проинформировал меня детально и предложил самому разобраться в оставленных бумагах. Ничего фундаментального там я не нашел. Конечно, нечего было и рассчитывать, чтобы один человек мог вести исчерпывающую документацию о дислокации многочисленных армий милитаристов, следить за ходом их междоусобиц, собирать данные о театрах военных действий и одновременно присутствовать на приемах и банкетах, наносить визиты представителям различных государств и т. д.

Анатолий Ильич как военный атташе был, видимо, в курсе важнейших военно-стратегических вопросов Китая и занимался составлением для полпреда специальных справок и рекомендаций.

Я понял, что мне предстояло немало потрудиться, чтобы составить представление о войсках китайских милитаристов, о том, на кого они опираются, о характере военных действий и т. д.

Но в данный момент прежде всего нужно было как-то устроиться с жильем. Недолго думая, я выбрал отель Международного общества спальных вагонов «Вагон ли», расположен-

Великая китайская стена

ный недалеко от нашего посольства. Там я получил отдельный номер со всеми удобствами на пятом этаже за 150 юаней в месяц, с полным пансионом.

Для нас целесообразнее было не размещаться в фешенебельных отелях, а выбирать гостиницы попроще, где публика была менее взыскательна и менее наблюдательна. Надо сказать, что в Китае иной раз у нас получалось не очень ладно: у себя на родине мы держали в тайне от родных и знакомых свою поездку, а за границей нас выдавало наше незнание обычаев и неумение вести себя в обществе. В результате шпики так и следовали за нами по пятам. Как-то в Тяньцзине на вокзале ко мне прицепился японский офицер. Он бесцеремонно встал напротив и нацелился на меня фотоаппаратом. Когда ему оставалось лишь щелкнуть затвором, я повернулся к нему спиной. Офицер снова забежал впереди меня, и все повторилось сначала.

Лишь после третьей неудачной попытки меня заснять незадачливый фотограф в ярости затопал ногами, замахал руками и истерическим голосом стал изрыгать всевозможные проклятия на мою голову.

Можно привести множество примеров охоты за нами агентов империалистических стран. Ограничусь еще одним, несколько комичным случаем. Однажды группа наших советников ехала в поезде из Пекина в Калган. К ним в купе подсел какой-то тип из белоэмигрантов, с трубкой в зубах и английской газе-

той в руке, явно маскируясь под англичанина. Наши были в веселом настроении и стали его разыгрывать:

— Ну, шпичек, сколько ты получаешь за свою холуйскую работу от своих хозяев? Небось тридцать сребреников, как Иуда?

И дальше в том же роде. «Англичанин» и глазом не моргнул, будто это его не касалось и русского языка он не понимал. Тогда один из шутников обратился к остальным:

— Ребята, как проедем Нанькоуское ущелье, там на повороте глубокая пропасть, сбросим этого шпика под откос.

«Англичанин» с ужасом уставился на своих спутников, сгреб газеты и трубку и моментально испарился из вагона, а на станции Наньхоу вообще сошел с поезда.

К сожалению, такие случаи наблюдались неоднократно во время нашего пребывания в Китае.

Устроившись в отеле, я решил осмотреть город. Пекин (Бэйцзин) — один из живописнейших и своеобразных городов мира. Вместе с тем это один из древнейших городов. Первое упоминание о населенном пункте в районе теперешнего Пекина относится ко 2-му тысячелетию до н. э. В 1-м тысячелетии до н. э. Пекин упоминается под названием г. Цзи. В дальнейшем этот населенный пункт часто менял свое наименование: Яньцзин, Ючжоу, Чжунду, Далу и др. В 1421 г. он получил нынешнее название. Наиболее благоустроенная часть его — Внутренний город обнесен стеной высотой 17 м; ширина ее позволяла разминуться двум повозкам. Стены были снабжены бойницами, наверху росли деревья и стояли скамейки. К южной стене и примыкала гостиница, где я занимал номер. По вечерам я часто гулял и любовался этим своеобразным городом. В середине стены, отделяющей Внутренний город от Внешнего, находились ворота Тяньаньмынь (Небесного спокойствия), с верха которых открывалась обширная панорама всего Пекина. Во Внутреннем городе прежде жили свита императора и феодальная знать. Здесь располагались древние дворцы, здания, парки с озерами. Наиболее крупное из них — озеро Бэйхай. Особой роскошью и архитектурной отделкой отличалась центральная часть Внутреннего города — Императорский город. В нем находился дворцовый ансамбль — Запретный, или Пурпурный, город, бывшая резиденция императора и его двора. Сюда допускался только ограниченный круг его приближенных. Запретный город был обнесен высокой кирпичной стеной в виде прямоугольника и окружен рвом с водой. С 1924 г. этот город превращен в музей. Здесь находилось много выдающихся памятников китайской архитектуры: симметрично расположенные павильоны (тайхэдянь) четкой конструкции и тонкой отделки. В западной части Императорского города, в парке, возвышалась «стена девяти драконов» из фаянса, прекрасной работы, хорошо сохранившаяся.

В Пекине и его окрестностях имелось много и других памятников старины. Наиболее интересный из них по своему историческому значению и архитектурной отделке — храм Неба, почитавшийся главным храмом и святыней китайского народа.

Территория, занимаемая храмом Неба, обнесена стеной около 5 км по периметру. Главным сооружением его был жертвенник из белого мрамора в виде трехъярусной террасы. Каждый ярус окаймлен мраморными балюстрадами с высеченным на них орнаментом.

В центре верхней площадки некогда молился император — Сын неба. На следующем ярусе террасы располагались члены императорской фамилии, а еще ниже — его приближенные: министры, военачальники. Богослужение в храме совершалось два раза в год. В жертву (сожжению в кафельных печах) приносился молодой бык, одной масти, без единого порока. В бронзовых жаровнях сжигались обильные дары, курились благовонные травы.

В императорском дворце задолго готовились к церемонии и тщательно репетировали ритуал. Всю территорию храма заблаговременно украшали желтыми императорскими знаменами, флагами с изображением драконов и фонарями. Императора и его приближенных несли в роскошных паланкинах по широкой улице от главных ворот дворца к храму Неба. Жителям лицезреть эту торжественную процессию запрещалось, все окна и двери наглухо запирались. Путь к жертвеннику пролегал через «дворец уединения», где император проводил ночь перед богослужением в одиночестве, в посте и молитве. Жертвоприношение совершалось лишь на рассвете.

Следующим по своему значению был храм моления об урожае. Это деревянное круглое здание с тройной крышей из синей черепицы, оканчивавшейся позолоченным шаром. Оно возвышалось над трехъярусной мраморной террасой, по форме очень напоминавшей жертвенник, но меньшего диаметра.

Внутреннее положение в Китае

Постепенно мы разобрались в общей военно-политической обстановке в Китае. Военный атташе А. И. Геккер в беседах с нами неоднократно отмечал, что в Китае назревает революционная ситуация. Несколько позже наш посол Л. М. Карахан группе военных советников сказал более определенно: «В Китае наступила революционная ситуация». Однако ни в Пекине, ни на севере Китая мы не ощущали этого всерьез. Все же однажды мне пришлось наблюдать демонстрацию молодежи, по-видимому студентов Пекинского университета. Они шествовали по главной улице Пекина цепочкой и группами от двух до пяти человек на расстоянии 50—100 шагов одна от другой с

гоминьдановскими флажками и, очевидно, выкрикивали политические лозунги. Но ни публика, ни полиция никакого внимания на них не обращали.

Как известно, главной территориальной базой китайской революции был Гуанчжоу (Кантон), главный город провинции Гуандун. Здесь в феврале 1923 г. утвердилось правительство партии гоминьдан, возглавляемой доктором Сунь Ят-сеном. Однако власть этого правительства по существу распространялась лишь на Гуанчжоу и небольшие прилегающие к нему районы. Гуанчжоуское правительство с трудом боролось с взаимно враждующими милитаристскими группировками в провинции Гуандун и находилось во враждебных отношениях с центральным правительством в Пекине.

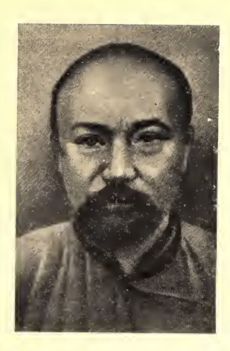
Что касается Пекина, то он был в то время административным и торгово-финансовым центром. Промышленность Пекина имела по преимуществу полукустарный характер с примитивным оборудованием. Правда, этот город был крупным железнодорожным узлом и располагал значительным количеством рабочих. Издавна Пекин известен как общекультурный центр китайского народа. Здесь основан первый китайский университет, сыгравший значительную роль в развитии революционного движения.

Профессор Пекинского университета — Ли Да-чжао (1888—1927 гг.) был одним из самых образованных людей своего времени. В его научные интересы входили история, философия, политэкономия, политика, социология.

В 1925—1926 гг. мы жили поблизости друг от друга в районе нашего посольства, в так называемом «казачьем городке» (в советско-китайском коммюнике от 15 февраля 1950 г. эти здания именуются бывшим военным городком). При встрече его лицо озарялось теплой приветливой улыбкой, она сохранилась в моей памяти до сих пор. Казалось, она говорила: вот пришли люди, которые помогут нам обрести свободу, как они это сделали у себя в России. Ли Да-чжао в частных беседах с нашими военными советниками помогал разобраться в тогдашней сложной и противоречивой военно-политической обстановке Китая.

Ли Да-чжао родился 6 октября 1888 г. в деревне Дахэйто уезда Лэтин пров. Хэбэй (в то время Чжили), в бедной крестьянской семье. У него было тяжелое детство. Родители его рано умерли, а затем он лишился и горячо любимого деда. Неукротимая жажда знаний помогла ему преодолеть все препятствия, в 1907 г. он поступил в Политико-юридическое училище в г. Тяньцзине. Здесь он познакомился с новой для Китая наукой — политэкономией и стал изучать японский и английский языки.

Революционный подъем в Китае и революция 1911 г. способствовали приобщению Ли Да-чжао к политической жизни и

Ли Да-чжао

идеям демократизма. После революции в печати появились его статьи, направленные против реакционных сил.

В сентябре 1913 г. он отправился в Японию, где китайская молодежь изучала европейские науки. В Токио ему удалось поступить в университет Васэда на Экономический факультет. Здесь он имел больше возможностей знакомиться с политической и экономической литературой, и в частности с марксистской, в том числе с «Капиталом» К. Маркса. В то время в Китае началось «движение за новую культуру». Оно было направлено на борьбу с консерватизмом, национальной ограниченностью, за демократию и распространение современных знаний. Ли Да-чжао примкнул к этому движению и вскоре был одним из его руководителей.

В апреле 1916 г. он вернулся в Китай, чтобы принять непосредственное участие в борьбе против Юань Ши-кая, пытавшегося восстановить в Китае монархию. Здесь он выступил в печати со статьей «Молодость», проникнутой глубокой верой в возрождение Китая, в приход «новой весны». Статья «Молодость» произвела глубокое впечатление на китайскую радикальную молодежь и сделала Ли Да-чжао властителем ее дум. В другой статье «Конфуций и конституция» Ли Да-чжао резко выступил против конфуцианского учения и его последователей как апологетов монархизма и деспотизма.

Когда в России вспыхнула Февральская, а затем Октябрьская революция, Ли Да-чжао воспринял их восторженно, как весну всемирного обновления, ведущего к рождению нового, молодого Китая.

Ли Да-чжао духовно был готов к ее приходу. Накануне Октябрьской революции он окончательно расстался с буржуазно-демократическими иллюзиями и пришел к заключению о неизбежности для Китая революционного пути развития.

В своей статье, сравнивая Французскую революцию конца XVIII в. с Октябрьской революцией в России, Ли Да-чжао отмечал, что Французская революция была началом буржуазного этапа развития истории и привела к эпохе капитализма. Ок-

тябрьская революция в России — социалистическая. Она является источником обновления мира. В статьях «Победа народа» и «Победа большевизма» (1918 г.) Ли Да-чжао доказывал необходимость для Китая идти по пути, открытому Октябрьской революцией.

У Ли Да-чжао слова не расходились с делом. Когда в 1919 г. развернулось антиимпериалистическое «движение 4 мая», он принял в нем непосредственное участие и был идейным вдохновителем и руководителем студенчества. Он сплотил вокруг себя революционную молодежь, участвовал в демонстрациях, митингах.

В распространении марксизма в Китае большая заслуга принадлежит Ли Да-чжао. В октябре 1920 г. под его руководством образовалась марксистская группа в Пекине. Только в 1921 г. он опубликовал пять работ по историческому материализму, прочел курс лекций по марксизму рабочим-железнодорожникам в Пекине.

Деятельность Ли Да-чжао и других первых китайских марксистов подготовила идейную почву для создания в Китае Коммунистической партии. Летом 1921 г. в Шанхае состоялся I съезд КПК. Ли Да-чжао не смог участвовать в нем. На II съезде партии (1922 г.) Ли Да-чжао был избран членом Центрального комитета КПК.

Ли Да-чжао первым в Китае понял значение марксизма-ленинизма для мировой революции и революции в Китае. Он посвятил I съезду КПК специально написанную им биографию В. И. Ленина. В ней подчеркивалась необходимость тщательного изучения его трудов.

Из работ Ли Да-чжао этого периода отмечу «Взгляд на демократию и диктатуру», в которой он делал вывод, что власть рабочего класса и есть истинная демократия. Весной 1923 г. Сунь Ят-сен возглавил правительство в Гуандуне, что создало возможности легальной и полулегальной работы КПК в этой провинции. В организации сотрудничества между компартией и гоминьданом важную роль играл Ли Да-чжао.

Большое значение имело его участие в подготовке и проведении I съезда гоминьдана (январь 1924 г.), решения которого закрепили создание единого национально-революционного фронта.

Выступая ревностным сторонником дружбы с первым социалистическим государством, Ли Да-чжао принял деятельное участие в развертывании кампании за признание Советской России. Это чувство дружбы к Советской России и советским людям расширялось по мере углубления изучения им теории марксизма-ленинизма. Особую роль сыграл отказ Советского правительства от неравноправных договоров.

Весной 1924 г. Ли Да-чжао выехал в Москву на V конгресс Коминтерна. Перед поездкой Ли Да-чжао, оценивая теорети-

ческий уровень Коммунистической партии Китая, вынужден был признать: «Теоретический уровень нашей партии, к сожалению, не удовлетворяет тем политическим требованиям, которые ставит перед нашей партией революционная борьба».

По возвращении в Китай он продолжал руководить работой КПК в Северном Китае, возглавлял антиимпериалистическую демонстрацию 18 марта 1926 г. в Пекине, был ранен.

Деятельность Ли Да-чжао вызывала лютую ненависть милитаристов и империалистов. Они ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним. Утром 6 апреля 1927 г. 500 солдат маньчжурского милитариста Чжан Цзо-линя и полицейских ворвались на территорию Советского посольства, в так называемый казачий городок, отделенный от главной части посольства небольшим проулком, произвели там повальный обыск, грабеж и аресты. Среди арестованных были профессор Ли Да-чжао и его две дочери. Арестованных жестоко избили.

Ли Да-чжао мужественно встретил смертный приговор. Он открыто заявил, что является членом Коммунистической партии Китая, и что «коммунизм восторжествует в Китае и во всем мире». Смерть моя не поможет вам. Вам не истребить молодежи, которая идет нам на смену».

1 мая 1927 г. в газете «Правда» была напечатана статья «Герои, которых удавили». В ней определенно указывалось, что истинными виновниками гибели борца, ученого и гуманиста Ли Да-чжао и его товарищей, удавленных в тюрьме, были не столько мукденские марионетки, сколько их хозяева — империалисты. Редактор тяньцзиньской газеты «Норс Чайна стар» Джеймс Фокс в специальной статье для американского телеграфного агентства Юнайтед Пресс указал конкретных виновников гибели Ли Да-чжао: «Мне известно, что посланник США Мак Мэррей принимал самое активное участие в подстрекательстве китайцев к налету на русское посольство. Он совместно с английским посланником, главным подстрекателем, который спокойно оставался за кулисами, и голландским посланником, старшиной дипкорпуса, дал Чжан Цзо-линю разрешение на налет».

В историю китайского и мирового революционного движения Ли Да-чжао вошел навечно. Большую идейно-теоретическую работу он совмещал с практической революционной деятельностью, смело нес идеи социализма в народные массы Китая.

Ли Да-чжао первым в Китае осмысливал революционные процессы эпохи и благодаря этому овладевал идеями марксизма-ленинизма, выступил за изменение мира, руководствуясь идеями научного коммунизма.

Различные слои населения по-разному относились к наступлению революции. Реакционная компрадорская буржуазия, являясь посредником и агентом иностранного капитала, была

враждебна революции. Наряду с феодалами она служила опорой империалистических держав в Китае.

С одной стороны, национальная буржуазия, испытывая на себе гнет иностранного капитала и консерватизм милитаристов-феодалов, выступала против империалистов, с другой — у нее не хватало мужества и последовательности в этой борьбе.

Городская мелкая буржуазия (ремесленники, кустари, розничные торговцы и т. п.) составляла большинство населения городов, около 15 млн., а учитывая всех, косвенно связанных с ремесленным производством, — около 30—40 млн. Положение большинства ремесленников и кустарей было тяжелое. Они страдали и от внутренних междоусобиц милитаристов, и от налогов, и от конкуренции иностранных товаров. Подавляющее большинство городской мелкой буржуазии было проникнуто антиимпериалистическими настроениями и активно участвовало в антиимпериалистической борьбе.

Промышленных рабочих в Китае насчитывалось около 2,5 млн., а с учетом рабочих ремесленных кустарных предприятий и чернорабочих транспорта — до 6 млн. Среди рабочих было много женщин (особенно на ткацких предприятиях). Средняя заработная плата рабочих составляла 10—12 юаней в месяц. Средняя продолжительность рабочего дня колебалась от 10 до 12 часов, а нередко была и больше. В большинстве случаев китайский рабочий не имел еженедельных выходных дней. Обычно рабочим предоставлялось несколько дней отдыха один раз в году — в китайские новогодние праздники. Женщинам и детям платили меньше заработной платы мужчин на 50—60%. Условия труда на фабриках, заводах, на шахтах были чрезвычайно тяжелыми. Большую часть жизни горняки проводили под землей. Так, например, в гипсовых шахтах в Ичане (пров. Хубэй) рабочие поднимались на поверхность земли лишь два-четыре раза в месяц. Жили китайские рабочие в жалких каморках, за которые приходилось отдавать полумесячный заработок. Рабочие вынуждены были ютиться в этих каморках по нескольку семей в грязи и холоде.

Естественно, китайские рабочие ненавидели своих угнетателей. Организацию китайского пролетариата на революционную борьбу против империалистов и капиталистов начала осуществлять Коммунистическая партия Китая, созданная в 1921 г.

Китай — земледельческая страна. Свыше 80% населения страны жило в селах. Сельское хозяйство давало более 80% национального дохода. Из огромной пригодной для обработки земельной площади Китая (почти 3,5 млн. кв. км) обрабатывалось только 20%. Помещики и кулаки (10% сельского населения Китая) владели 70—80% земли. Основная крестьянская масса имела 20—30%. Китайские помещики обычно сдавали свою землю в аренду крестьянам, взимая арендную плату чаще всего в размере 40—50% урожая.

Основная масса крестьянских хозяйств в Китае была нерентабельна, так как велась главным образом на основе ручного труда. Борона, часто даже с деревянными зубьями, мотыга, сеялка — вот орудия, которыми обрабатывалась земля в Китае в то время. Используя примитивную технику, при отсутствии рабочего скота, нельзя было получить устойчивых урожаев. Крестьянские хозяйства вследствие общей экономической и технической отсталости страны часто страдали от стихийных бедствий. На значительной части территории Китая от наводнений, засухи, вредителей и пр. гибло более 20% урожая. В 1906—1910 гг. миллионы людей умерли от голода.

Империалисты были заинтересованы в максимальных прибылях от зависимых стран, поэтому они всемерно поддерживали феодальные пережитки в Китае. Таким образом, китайский крестьянин существовал в условиях двойного гнета — феодально-помещичьего и империалистического, что ввергало сельское хозяйство Китая в глубокий кризис.

Невыносимые условия приводили к тому, что крестьяне бросали деревни и уходили в города, эмигрировали в соседние страны или превращались в нищих, бродяг, туфэев (бандитов).

Обстановка ко времени нашего прибытия в Китай была сложной и противоречивой. Из той скудной литературы, с которой мы смогли ознакомиться, газет и бесед со старожилами посольства мы почерпнули следующее.

Китай оставался под экономическим господством империалистических держав, которые поделили его на сферы влияния. Капиталовложения империалистических держав в экономику Китая к началу первой мировой войны достигли более 2,25 млрд. долл. Это намного превышало национальные капиталовложения и обеспечивало монопольное положение иностранцев в промышленности Китая. Основные отрасли промышленности и финансы Китая, железные дороги, копи, банки и т. п. находились в распоряжении или под контролем империалистов. Империалистические державы расхищали богатства страны, развращали компрадорскую буржуазию и препятствовали самостоятельному развитию Китая.

На основе неравноправных договоров империалисты создавали в ряде городов в Китае особые кварталы — сеттльменты и концессии, где они являлись полными хозяевами, неподвластными законам Китая. Сеттльменты представляли собой государство в государстве. Иностранные державы имели здесь свою полицию, свои муниципалитеты, свои войска. Революция 1911 г. привела к свержению монархии. По своему характеру это была буржуазно-демократическая революция, так как в ней участвовали кроме буржуазии массы трудового народа, особенно крестьянства. Реакционные элементы во главе с Юань Ши-каем пытались восстановить монархию. Но на юге Китая началось сильное антимонархическое движение, возглавленное доктором

Сунь Ят-сеном. Правление Юань Ши-кая связано с усилением роли милитаризма в Китае. Он, а после его смерти глава правительства генерал Дуань Ци-жуй допустили непомерное возвышение власти губернаторов провинций — дубаней (дуцзюни). Эти генералы, воспользовавшись распадом центрального государственного аппарата, государственной власти, захватили в свои руки всю военную и политическую власть в провинции, опираясь на свои собственные армии и свою полицию.

Важнейшими милитаристскими группировками на севере Китая были:

Аньфуистская группа, возглавляемая генералом Дуань Ци-жуем, была прояпонской ориентации. Япония начиная с 1917 г. предоставила аньфуистской клике займы на сумму до 200 млн. иен. В 1918 г. эта группировка подписала соглашение с Японией о совместной интервенции против Советского Союза.

Фэнтяньская (мукденская) группировка возглавлялась бывшим атаманом хунхузов Чжан Цзо-линем, ее также поддерживала Япония. Чжан Цзо-линь имел в своем распоряжении довольно сильную армию, относительно хорошо оснащенную военной техникой и опиравшуюся на богатые ресурсы Маньчжурии. Эту армию обучали японские инструкторы

Чжилийскую группировку возглавлял Цао Кунь, а военной стороной ведал генерал У Пэй-фу. Она была связана с англо-американским капиталом. У Пэй-фу слыл выдающимся китайским военачальником старой школы. Скромный в быту, он импонировал приверженцам старого порядка как среди мелкой буржуазии, так и среди части крестьянства.

На юге Китая развернулась ожесточенная война сторонников нарождающегося национально-революционного правительства, возглавляемого доктором Сунь Ят-сеном, с генералами-милитаристами Гуандуна, а также соседних провинций Юньнань, Гуанси. Подробности этой борьбы изложены в «Записках военного советника в Китае» А. И. Черепанова, поэтому я не буду касаться развития революции на юге Китая. Несколько позже мне придется остановиться на отдельных событиях этого периода, поскольку я принимал в них непосредственное участие.

Кроме борьбы основных милитаристских группировок в ряде провинций происходили столкновения мелких групп, которые временами втягивались в междоусобную войну крупных милитаристов в надежде получить какую-либо выгоду для себя. Например, в провинции Сычуань с самого начала китайской революции велась борьба между различными провинциальными милитаристами.

Я остановлюсь коротко на втором этапе войны Чжан Цзо-линя с У Пэй-фу, который вызвал возникновение Национальных армий. В конце лета 1924 г. на севере Китая разразилась очередная междоусобная война между чжилийской и мукденской кликами. Центральное правительство в Пекине возглав-

ляли сторонники чжилийской группировки У Пэй-фу и Цао Куня. Осенью 1924 г. в ходе военных действий войск У Пэй-фу с войсками Чжан Цзо-линя один из подчиненных У Пэй-фу генералов, Фэн Юй-сян, восстал против своего шефа, овладел Пекином, арестовал президента Цао Куня. Фэн Юй-сян объявил себя сторонником Сунь Ят-сена и переименовал подчиненные ему войска в Народную, точнее Национальную, армию. Соотношение сил резко изменилось не в пользу чжилийской группировки. У Пэй-фу вынужден был бежать в Центральный Китай.

Чжан Цзо-линь, глава мукденской клики, несмотря на разгром чжилийской группировки и изгнание ее из Пекина, мало что выиграл от разгрома У Пэй-фу. Пекин был занят Фэн Юй-сяном, пришлось сформировать коалиционное правительство из сторонников как Чжан Цзо-линя, так и Фэн Юй-сяна. Обе стороны согласились предоставить пост президента лидеру аньфуистской клики генералу Дуань Ци-жую. Для Фэна он не был опасен, так как не имел в своем распоряжении войск, а следовательно, и реальной власти. Дуань Ци-жую пришлось считаться с усилением национально-освободительного движения и огромной популярностью среди широких кругов народа Сунь Ят-сена. По настоянию Фэн Юй-сяна Дуань Ци-жуй пригласил Сунь Ят-сена в Пекин для переговоров о мирном объединении Китая. С этой целью намечалось создать специальную конференцию.

Поездка Сунь Ят-сена в Пекин была его триумфальным шествием по стране. Толпы народа восторженно приветствовали «отца китайской революции».

В начале 1925 г. Сунь Ят-сен тяжело заболел. 11 марта, за несколько часов до своей кончины, он продиктовал руководителям гоминьдана свое историческое обращение к ЦИК СССР.

12 марта 1925 г., буквально за месяц до нашего приезда в Пекин, Сунь Ят-сена не стало.

Такова вкратце военно-политическая обстановка в Северном Китае, сложившаяся ко времени нашего прибытия в Пекин.

Китайская армия

Очевидно, следует остановиться несколько подробнее на особенностях формирования китайской регулярной армии и армий отдельных милитаристов, для того чтобы читателю стало ясно, в каких условиях пришлось работать нашим советникам.

Как известно, к формированию китайской регулярной армии по западноевропейскому образцу правительство императора приступило еще в 1903 г., когда на опыте поражения в войне с Японией и подавления восстания ихэтуаней оно убедилось в полной несостоятельности своих вооруженных сил. Формирова-

ние армии было поручено китайским императором Юань Ши-каю — вице-королю провинции Чжили.

К началу китайской революции 1911 г. было создано 26 пехотных дивизий и более 10 смешанных бригад, которые подчинялись центральному правительству. Кроме того, в провинциях было сформировано значительное количество охранных отрядов (сюньфандуй).

В Китае при отсутствии общеимперского бюджета войска в провинциях содержались на средства самих провинций по усмотрению наместников и генерал-губернаторов. За военным министерством оставались номинальное руководство и контроль. Центральное правительство зависело в этом отношении от провинциальных генерал-губернаторов даже при старом режиме. Поэтому чаще всего проекты по реорганизации военного дела были погребены безвозвратно.

Армия, формируемая Юань Ши-каем, снабжалась оружием, закупаемым за границей, и для ее обучения приглашались немецкие инструкторы. Высшим войсковым соединением была пехотная дивизия, созданная в основном по образцу германской пехотной дивизии. Она состояла по штатному расписанию из двух пехотных бригад двухполкового состава, одного артиллерийского полка, саперного батальона, обозного батальона, санитарного отряда, полевого госпиталя, команды жандармов. Пехотный полк включал три батальона четырехротного состава. Артиллерийский полк состоял из трех дивизионов, каждый дивизион — из трех батарей по шесть орудий, кавалерийский полк — из четырех эскадронов. Кроме того, каждой дивизии после русско-японской войны было придано по одному пулеметному батальону четырехротного состава (всего 24 пулемета).

Саперный батальон состоял из трех рот (понтонная, телефонно-телеграфная, минная). Штат санитарного отряда (батальона) не был разработан.

Кроме пехотных дивизий формировались так называемые смешанные бригады, которые включали два-три полка пехоты, дивизион артиллерии, саперную роту и другие подразделения усиления.

Вооруженные силы главных милитаристских клик сохранили в основном эти организационные формы своих частей и соединений, но вооружение, техническое оснащение и укомплектованность были у них самые разнообразные и менялись в ходе военных действий.

Войска мукденской клики Чжан Цзо-линя, пожалуй, были вооружены, укомплектованы и технически оснащены лучше, чем войска противостоящих им группировок других китайских армий, так как Япония, хозяйничавшая в Маньчжурии, не жалела ни сил, ни средств, чтобы удержать столь важную область Китая. Вербовка была единственно возможным способом ком-

плектования китайской армии при слабости власти центрального правительства.

При аграрном перенаселении страны, стихийных бедствиях (неурожаи, наводнения и др.), крайней нищете набор солдат не представлял существенных затруднений. Вербовщики направлялись в те районы, из которых легче и дешевле можно было перевезти рекрутов в войсковые части. Набор солдат регулировался командиром части самостоятельно, а средства на содержание их он получал от высших инстанций в зависимости от численности набранной части. Поэтому войсковым начальникам выгодно было иметь не полностью укомплектованную часть. Солдаты служили источником их личных доходов, так как при отсутствии контроля и слабости учета имелись реальные условия для всякого рода злоупотреблений (невыплата солдатам в полном размере причитающегося им жалованья, включение в списки «мертвых душ», т. е. фиктивных солдат, и т. д.).

Обычно с рекрутом заключался договор, по которому он соглашался служить в течение нескольких лет (два-три года), добросовестно выполнять приказы своих начальников. Командир части, в свою очередь, обязывался обмундировать его, вооружить и выплачивать определенное жалованье (6—10 юаней). Солдат питался за свой счет. В личном его распоряжении должно было оставаться 2—4 юаня. Как правило, этот договор не выполнялся. Солдаты не получали положенного им жалованья, существовали кое-как на голодном пайке, а деньги их присваивались начальниками. Естественно, при таком содержании солдаты стремились или дезертировать, или поживиться за счет местного населения.

В армию шли добровольно главным образом деклассированные элементы: безработные, солдаты разбитых армий противника, бандиты — словом, люди, которым некуда было деваться. Китайская печальная действительность: непрерывные междоусобные войны милитаристов, частые стихийные бедствия, голод, наводнения, крайняя нищета в деревне и безработица в городах — давала широкие возможности для вербовщиков армий милитаристов. До революции 1911 г. контингент армии Юань Ши-кая составлял 300 тыс. При этом очень строго учитывались физическое и нравственное состояние рекрутов. Кроме того, требовалась справка о благонамеренности родителей, не допускались курильщики опиума. В армиях же генералов-милитаристов, насчитывавших к концу 1925 г. более 80 пехотных дивизий и более 100 смешанных бригад общей численностью свыше 2 млн. человек, вербовщикам не приходилось особенно разборчиво относиться к рекрутам.

К о м п л е к т о в а н и е у н т е р - о ф и ц е р с к о г о с о с т а в а. Младший командный состав — это последняя инстанция передачи приказов старших начальников солдату и непосредственный контроль за их выполнением, а также за соблюдением

правил внутреннего распорядка и дисциплины в части. Отсюда ясно, как важно иметь в частях унтер-офицерский состав, соответствующий своему назначению. В китайской армии это было слабое звено, в результате страдали и дисциплина, и выполнение приказов. Унтер-офицеры обычно комплектовались из лучших, опытных солдат и учащихся средних школ, их подготовкой занимались специальные унтер-офицерские школы с трех- или четырехмесячным обучением.

Однако подготовка унтер-офицеров была настолько слабой, что их присутствие не ощущалось во время боя.

До революции 1911 г. в армии Юань Ши-кая офицерский состав включал выпускников специальных школ. Начальное общее образование офицеры получали в военных школах типа кадетских корпусов с трехгодичным курсом. Затем выдержавшие экзамены поступали в среднюю двухгодичную военную школу. Окончив ее, офицеры направлялись на стажировку в войсковые части от 4 до 12 месяцев. Лучшие из них отправлялись в объединенные школы в Баодинфу и Учан. Эти школы имели отделения: пехотное, артиллерийское, кавалерийское и инженерное. Курс обучения их был рассчитан на полтора — два с половиной года. Норма приема — 140 человек. Офицеры, получившие там образование, высоко ценились в китайской армии.

В Баодинфу имелось еще одно военное училище для подготовки командного состава всех родов войск на высшие штабные должности в Генеральный штаб. Это училище состояло из двух отделений: для штаб-офицеров и для обер-офицеров.

Провинциальные войска подчинялись генерал-губернатору. Руководство ими он осуществлял через управления: административное, генерал-квартирмейстера и управление, которое ведало учебной частью. Личная канцелярия губернатора возглавлялась главным советником, который фактически был начальником штаба.

После революции 1911 г., когда начались междоусобные войны между генералами-милитаристами, эта система была нарушена. Каждая милитаристская клика вносила разные новшества в комплектование, обучение и подготовку своих армий в соответствии с обстановкой, складывавшейся внутри этих группировок.

Пехота имела вооружение, характерное для европейских армий до начала первой мировой войны, т. е. была обеспечена винтовками и пулеметами. Что же касается артиллерии, авиации, средств связи и инженерной техники, то этих технических средств китайской армии недоставало. Армии китайских милитаристов в 20-е годы по сравнению с дореволюционной армией Юань Ши-кая по числу соединений возросли почти в четыре раза, а по численности солдат — почти в пять раз. В целом слабая экономическая основа не давала возможности милитари-

стам иметь собственную военно-техническую базу. Им приходилось закупать необходимое вооружение за границей. Известно, что было импортировано более 40% вооружения армий милитаристов. Это привело к необычайной пестроте оружия китайских войск. Войсковые части подчас были вооружены винтовками самого разного происхождения: японские (6,5 мм), немецкие маузеры (7,6 мм), японские старого образца (6,8 мм), отечественные (7,9 мм), русские трехлинейные, американские, австрийские, итальянские, французские и т. д.

Смешанное вооружение крайне затрудняло удовлетворительное снабжение войск боеприпасами. Нередко в части, вооруженные винтовками 6,5 мм, доставляли патроны калибра 7,9 мм. В одной пулеметной роте могли быть пулеметы самых разных систем и калибров. Основным типом станковых пулеметов в дореволюционной китайской армии были пулеметы отечественного образца, но в войсках милитаристов попадались пулеметы и других систем: «Гочкис», «Шварцлезе», «Сент-Этьен», русский «максим», английский «Виккерс», «браунинг».

Техническое состояние оружия также было очень плохое. Так, в одной из дивизий из 4 тыс. винтовок 3200 оказались совершенно непригодными к употреблению (стволы спаяны, приклад и ложе составлены из отдельных кусков, перевязанных проволокой, концы стволов оторваны и т. д.). Настоящего ухода за оружием, в сущности, не велось, ружья и пулеметы не пристреливались. До 80% оружия китайской армии вообще не годилось для прицельной стрельбы.

Почти все китайские милитаристы имели на вооружении артиллерию преимущественно японской системы Арисака и германской — Круппа. Однако в целом китайская артиллерия того времени могла вести огонь только с открытых позиций прямой наводкой. Артиллеристы не знали современного способа ведения огня с закрытых позиций, к тому же они не имели для этого ни необходимых приборов (в частности, артиллерийской буссоли), ни телефонной связи на батареях.

Мукденская армия, а затем и Национальные армии в середине 20-х годов приобрели минометы Стокса, которые являлись сильным огневым средством. Они были простыми в обращении вследствие своей несложной конструкции, в то же время мина не уступала по мощности 75-миллиметровому снаряду. По размерам миномет отличался портативностью, вес его был невелик, что позволяло без труда переносить его с места на место.

Одновременно с созданием современной регулярной армии в Китае зарождалась собственная военная промышленность. К наиболее крупным универсальным производственным предприятиям относились Мукденский, Ханьянский и Гунсяньский арсеналы. Кроме того, почти каждая провинция имела свои провинциальные арсеналы или небольшие ремонтные и патронные заводы. Правда, их техническое состояние было неважным,

к тому же они давали до 40% брака.

Что касается военной авиации, то в Китае она только появлялась и существенной роли не играла.

Я не останавливаюсь на ряде вопросов боевой подготовки, снабжения, выучки солдат, офицеров и генералов, а также методах ведения войны, так как эти вопросы в китайских военных группировках решались неодинаково и к этому мы еще вернемся при изложении впечатлений от поездки по различным армиям.

Л. М. Карахан

Советники в Пекине

После отъезда А. И. Геккера в Советский Союз на пост военного аташе был назначен бывший член Военного совета армии в Туркестане Н. М. Воронин. Он был невысокого роста и так сильно хромал на одну ногу из-за ранения во время гражданской войны, что ходил вприпрыжку. Благодаря его походке он сразу же бросался в глаза обитателям посольского квартала, благо к тому же он отличался общительным характером. Как бы он ни переодевался, иностранные разведчики по походке тотчас же узнавали советского атташе.

До революции Н. М. Воронин учился на медицинском факультете Юрьевского университета. Будучи военным атташе, он не переставал интересоваться медициной.

На плечи Воронина легла весьма тяжелая и ответственная задача: в сложной обстановке Китая руководить работой военных советников через начальников групп — крупных и авторитетных военачальников Красной Армии, таких, как В. К. Путна, В. К. Блюхер, Н. В. Куйбышев, В. М. Примаков. Одновременно Н. М. Воронин должен был выступать как авторитетный референт по военным вопросам нашего посла Л. М. Карахана, который слыл блестящим дипломатом и неизменно пользовался огромной популярностью среди китайского народа.

В. К. Путна

В начале мая 1925 г. в Калган прибыла большая группа советских инструкторов для работы в 1-й Национальной армии. Группу возглавлял один из способнейших боевых командиров Красной Армии — командир корпуса Витовт Казимирович Путна. Он родился в Литве в семье крестьянина, был пастухом, затем работал в Риге чернорабочим. В начале первой мировой войны его призвали в армию. Вскоре В. К. Путну послали в школу прапорщиков, которую он окончил в 1917 г.

Революционную деятельность Витовт Казимирович начал с ранних лет. В конце 1917 г. вступил в партию большевиков. Он занимал ответственные партийные и военно-административные должности. С сентября 1918 г. В. К. Путна принимал участие в гражданской войне, за умелое и доблестное руководство войсками и проявленное мужество и храбрость был награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1923 г. окончил Высшие академические курсы, перед самой поездкой в Китай работал инспектором РККА.

Прежде всего нам нужна была полная и всесторонняя информация об обстановке в Китае. В Москве нас заверили, что на месте, в Пекине, мы получим от военного атташе подробные указания о целях нашей деятельности в армии. Пока же было неясно, что от нас требовалось: быть только инструкторами военного дела или еще и политработниками? Сразу мы не могли понять, что представляет собой гоминьдан. Некоторые из нас склонны были считать гоминьдан монолитной, революционной, дисциплинированной партией. О Национальной армии мы судили по ее наименованию, т. е. как об армии защитников широких масс народа и борцов за национальные интересы Китая.

С первых же шагов мы наткнулись на ряд противоречий. Нам казалось странным, что вождь 1-й Национальной армии Фэн Юй-сян, христианский генерал, объявивший себя приверженцем учения Сунь Ят-сена, заключил соглашение с явным врагом китайского народа Чжан Цзо-линем, выступив против своего начальника У Пэй-фу. Советники калганской группы,

приезжавшие по делам в Пекин, рассказывали нам, что маршал Фэн Юй-сян пока что потчует их банкетами, но к делу не допускает.

В Пекине я занялся изучением Китая и его вооруженных сил, вначале решив ознакомиться с географией страны. Случайно на книжном базаре мне удалось приобрести «Географию Китая» Ришара на французском языке. Я перевел ее на русский язык, ее отпечатали на машинке и разослали по группам.

Затем вместе с топографом Протасовым мы взялись за составление оперативной карты Северного Китая. В основу ее положили немецкую топографическую карту, приобретенную в универсальном магазине в Пекине. Это была очень кропотливая работа, никаких специальных инструментов, кроме пропорционального циркуля, нам не удалось достать. Но без карты оперативные расчеты немыслимы, а мы, кроме нашей сорокаверстки, да и то в ограниченном количестве экземпляров, никаких карт не имели. Что касается вооруженных сил Китая, то единственным нашим источником был «Китайский ежегодник» на английском языке. В нем мы нашли очень общие и устаревшие данные. По приезде Петра Петровича Каратыгина мне представилась возможность познакомиться вплотную с Национальными армиями.

П. П. Каратыгин ранее состоял командиром для особых поручений при председателе Революционного военного совета М. В. Фрунзе. Михаил Васильевич командировал его в Китай, чтобы он разобрался в обстановке и доложил ему причину неполадок в работе наших советников и слабой их деятельности в Национальных армиях. П. П. Каратыгин был ближайшим верным помощником Михаила Васильевича и пользовался его неограниченным доверием. Петр Петрович, бывший офицер старой армии, генштабист-полковник, обладал высокой культурой. Он свободно объяснялся на французском и английском языках, блестяще знал художественную литературу. Петр Петрович всегда с особой теплотой рассказывал о Михаиле Васильевиче, вспоминая их совместную работу. К поручению Фрунзе он относился с особой щепетильностью и стрёмился как можно скорее изучить обстановку и разобраться в положении дел на месте. Он предложил мне сопровождать его в инспекционной поездке в Национальные армии.

Прежде чем перейти к ознакомлению с 1-й Национальной армией, я охарактеризую в нескольких словах деятельность медицинского советника 1-й Национальной армии и нашего врача Николая Семеновича Молчанова. Ему многим обязаны наши советники да и члены нашей посольской колонии в Пекине.

Н. С. Молчанов родился в 1896 г. в г. Гдове. Он окончил гимназию с золотой медалью и поступил в Военно-медицинскую ака-

Н. С. Молчанов

демию. По ее окончании выехал в Москву на работу в 1-й Коммунистический госпиталь. В 1925 г. Николай Семенович благодаря блестящей аттестации с места службы был командирован в Китай. От Харбина до Пекина он ехал в моей группе. В Пекине Н. С. Молчанов получил назначение в Калган на должность медицинского советника при 1-й Национальной армии и врача калганской группы. Климатические условия этого района Китая (Внутренняя Монголия) были для нас необычайно тяжелые: северо-западные муссоны несли тучи песка и пыли из пустыни Гоби, которые проникали через щели наших утлых дощатых жилищ, забивали носоглотку, порошили глаза и «сдабривали» пищу. Кроме того, антисанитарные условия Калгана привели к тому, что все советники переболели дизентерией. Молчанову пришлось много потрудиться, чтобы создать удовлетворительные условия для работы в Калгане. Некоторые советники по состоянию здоровья не могли переносить местный климат, при содействии Молчанова они были возвращены на родину, в том числе и начальник группы В. К. Путна. Когда военная обстановка потребовала перевода 1-й Национальной армии на Тяньцзиньский фронт, Николай Семенович был направлен в Пекин. Здесь он в «казачьем городке» открыл стационар на 15 коек и амбулаторию для советников и работников посольства. У Николая Семеновича не было ни фельдшера, ни санитара, ни переводчика, ни медицинского инструмента. Как-то мы с Николаем Семеновичем бродили в поисках медицинских и чертежных инструментов и букинистических книг по географии Китая. На наши вопросы, где их найти, продавец обычно отвечал: «Путунда» (правильно «Бу дундэ» — не понимаю). Мне припомнился случай времен русско-японской войны. Наши топографы, производя съемку, спрашивали у местных жителей на ломаном китайском языке наименование местного пункта,

те отвечали «Путунда». Я долго хранил оставшуюся от отца карту тех времен с названиями местных пунктов «Путунда». Сложные условия работы потребовали от Молчанова необычайно напряженного труда, самоотверженности и самостоятельности. Китайская медицина — одна из древнейших медицин мира. У нее свои методы диагностики, лечения, лекарства. Их надо знать и понимать. Когда прибыла в Пекин супруга Молчанова — Евгения Григорьевна, сама врач, она облегчила его тяжелый труд. По возвращении из Китая на родину «молчановский» стиль работы утвердился за ним: необычайная трудоспособность, организованность, собранность и культура. После возвращения из Китая долгое время я не встречался с ним. Я увиделся с Н. С. Молчановым лишь после Великой Отечественной войны. Он имел звание генерал-лейтенанта медицинской службы, занимал должности начальника кафедры терапии Военно-медицинской академии им. Кирова, главного терапевта Советской Армии и был действительным членом Академии медицинских наук.

1-я Национальная армия и деятельность калганской группы советников

Основные силы армии Фэн Юй-сяна заняли столичный округ с Пекином и Внутреннюю Монголию и стали именоваться 1-й Национальной армией. Другая группа войск Национальной армии, по преимуществу выходцы из провинции Шэньси, под командованием генерала Ху Цзин-и продолжала наступление на юг, изгнала остатки войск У Пэй-фу из провинции Хэнань и осела там, приняв название 2-й Национальной армии. Генерал Ху Цзин-и стал дубанем этой провинции. Часть войск этой армии под командованием генерала Сунь Юэ повернула на запад, окончательно вытеснила войска У Пэй-фу из провинции Шэньси и стала 3-й Национальной армией. Сунь Юэ сделался дубанем провинции Шэньси.

Знакомство с 1-й Национальной армией начнем с ее командующего, маршала Фэн Юй-сяна. Он родился в 1882 г. в семье кустаря-ремесленника. Военную службу начал солдатом императорской китайской армии. По словам его сослуживца, командира бригады Сюй Чан-линя, Фэн все свободное время отдавал самообразованию, на свои солдатские гроши покупал книги и читал по ночам. Грамотность, усидчивость и знания выдвинули его вскоре в ряды офицеров.

В христианство вовлек Фэна известный миссионер Лю Фэн, который и стал его крестным отцом. Не последнюю роль в этом сыграла и красавица христианка Ли Дэ-цюань, приглянувшаяся Фэну. Вскоре состоялась свадьба. Христианство очень пригодилось Фэн Юй-сяну для укрепления дисциплины в войсках. Войска поднимались рано утром с пением молитв, а отходили

ко сну с пением псалмов. При посредничестве миссионеров солдатам внушали принципы простой жизни и христианской морали, а уклонение от исполнения служебных обязанностей наказывалось палкой. При этом от наказания при серьезных проступках не освобождались даже офицеры. Случалось, что палка прогуливалась и по спинам генералов.

Сам Фэн и его генералы одевались просто, как солдаты, знаков различия не носили. Фэн любил показать свой демократизм: посещал базары, обедал в простых харчевнях. Он хорошо знал быт солдат. Его окружение состояло в основном из солдат 16-й смешанной бригады, которой он некогда лично командовал.

Войсками и всем своим обширным, но небогатым хозяйством Фэн руководил самолично. В этом, по-видимому, сказались свойственные китайской армии феодальные порядки, боязнь генералов-милитаристов потерять власть.

Хотя Фэн Юй-сян обладал незаурядными способностями, он не мог один разобраться во всех противоречиях китайской обстановки. Не удивительно, что принятые им решения нередко оказывались запоздалыми (например, так случилось с оказанием помощи восставшему против Чжан Цзо-линя генералу Го Сун-лину) или опрометчивыми (например, его отъезд в СССР вопреки советам военного атташе А. И. Егорова и начальника калганской группы В. М. Примакова). Фэн постоянно разменивался по мелочам. Солдаты иронически называли проводимые им незначительные реформы игрушечными. В частности, он запретил проституткам носить богатые платья и построил дома-богадельни для старых солдат. О нем солдаты сочинили песенку:

Дубань наш хорош, дубань наш хорош,
В богадельнях питают стариков.

Фэн не только крайне противоречив, но и, подобно римскому богу Янусу, двулик. О нем можно составить два совершенно противоположных мнения, и оба будут обоснованны. Фэн слыл демократом и любил щеголять такими словами, как «общественный слуга», «народное благоденствие». Он написал брошюру, где, между прочим, восхвалял правление народа и утверждал, что народ — хозяин государства и военные не должны вмешиваться в гражданские дела. Однако за время своего пребывания у власти он никаких мероприятий по улучшению положения крестьян и рабочих не провел и ничем не способствовал подъему производительных сил своих провинций: росту промышленных предприятий, улучшению путей сообщений.

Фэн неоднократно провозглашал себя сторонником гоминьдана и «трех принципов» Сунь Ят-сена, однако он не признавал себя связанным с гоминьданом. В своей армии он не допускал деятельности гоминьдановских организаций. В подвласт-

ном ему районе он не разрешал демократические выступления. Так, 7 сентября 1925 г. он запретил демонстрацию рабочих с лозунгом «Долой Чжан Цзо-линя!» и поощрял подрывную работу продажных штрейкбрехеров.

Для полноты оценки личности Фэн Юй-сяна приведу выдержку из разговора военного аташе Н. М. Воронина с У Пэй-фу, состоявшегося осенью 1925 г. в Ханькоу. У Пэй-фу, в частности, говорил: «Чжан Цзо-линь — враг китайского народа. Если Чжан Цзо-линь захватит власть в Китае в свои руки, он распродаст Китай по частям империалистам. Уже сейчас он продал почти всю Маньчжурию Японии. Фэн Юй-сян хотя и вредный человек, но продавать Китай империалистам не станет. Я мог бы сейчас занять Хэнань, для этого не потребуется много войск, достаточно и двух дивизий, так как в Хэнани войск нет. Но я не делаю этого теперь, чтобы Национальным армиям дать возможность разбить Чжан Цзолиня». На вопрос Н. М. Воронина, чем вреден Фэн, У Пэй-фу ответил: «Через Фэна проникает в Китай красная опасность: забастовки, волнения». Надо сказать, что У Пэй-фу польстил Фэну в отношении его революционности.

Есть поговорка: «Каков поп, таков и приход». Несколько слов о «приходе» — окружении Фэн Юй-сяна.

Ближайшим его помощником и заместителем считался генерал Чжан Чжи-цзян, или, как его называли, Чжан-дутун. Он организовал миссионерские группы в частях 1-й Национальной армии и добивался, чтобы в каждом полку состоял миссионер. Начальниками от фельдфебеля и выше он назначал христиан. Чжан-дутун молился три раза в день, а во время сражения под Тяньцзинем только и делал, что просил у бога небесной помощи молитвой и постом, не надеясь на разум и на силу своего характера. Когда армия взяла Тяньцзинь, в Калгане отслужили благодарственный молебен. Он яростно противился работе гоминьдана в войсках и не соглашался на приезд советников. Только под давлением Фэна, скрепя сердце Чжан разрешил беседы в войсках на политические темы. Он был душой и телом предан Фэну, так как понимал, что никакой другой военачальник не потерпел бы его на таком высоком посту.

Генерал Ли Мин-чжун, как и Чжан-дутун, не мог похвастаться талантами. К тому же он был боязлив и нерешителен. От Чжан-дутуна, в сущности, он отличался лишь меньшей преданностью христианству.

Другой помощник Фэн Юй-сяна, генерал Тун Мин-цэ, напротив, глубоко верил в христианство, что не мешало ему быть заносчивым.

Командир 5-й пехотной дивизии и начальник студенческой военной школы в Калгане генерал-лейтенант Ши Сяо-шань выслужился из солдат; в военном деле был малограмотным; к Советскому Союзу и нашим советникам относился отрицатель-

но, мешал их работе. На фронт всегда стремился уехать тайно, чтобы, не дай бог, советники не увязались за ним.

В 5-й бригаде 5-й пехотной дивизии командиром был генерал Чэн Ю-яо — лентяй и кутила, к компартии Китая был настроен враждебно, к Советскому Союзу был безразличен.

Командир кавалерийского корпуса Сун Чжэн-юань (бывший дубань пров. Жэхэ) — честолюбивый и энергичный человек. Советников признавал только в мирное время, во время войны их игнорировал. К Советскому Союзу относился дружелюбно.

Командир 2-й кавалерийской дивизии генерал Сун, человек решительный, считался с предложениями советников, к Советскому Союзу питал дружеские чувства.

Командир 1-й кавалерийской дивизии Чжан Шу-шан фактически состоял у Фэна на дипломатической работе; некогда был в хороших отношениях с Чжан Цзо-линем.

Командир 3-й кавалерийской бригады 1-й кавалерийской дивизии генерал Ван Чжэн-хуай, человек нерешительный и тщеславный, был сторонником У Пэй-фу.

В общем, можно сказать, что все они были преданы Фэн Юй-сяну, беспрекословно подчинялись его приказам. В 1-й Национальной армии не было генералов и офицеров, получивших образование за границей. Военную офицерскую школу в Баодинфу окончили лишь немногие. Среди них выделялись своими военными знаниями генералы Лу Чжун-линь и Тан Чжи-да.

Для офицерского состава армии Фэна в целом был характерен низкий общеобразовательный уровень, военные знания офицеры черпали лишь из своего личного опыта. Они не умели самостоятельно выработать оперативного плана или составить боевые расчеты, а поэтому всегда соглашались с мнением штабных офицеров, окончивших военные школы.

Если отбросить революционную фразеологию и демократические, точнее, демагогические жесты Фэн Юй-сяна, то его армия мало чем отличалась от армии милитаристов.

Обращение Фэн Юй-сяна к нам за материальной помощью объяснялось его безвыходным положением. Приглашение в войска советских советников, по-видимому, также было вынужденным.

Иногда Фэн устраивал обмен мнениями с некоторыми гоминьдановцами по поводу назревавших событий, но и только. В военных делах Фэн обычно с ними не советовался, а принимал решение самостоятельно и претворял его в жизнь по своему разумению и в своих интересах. Чаще всего в отношениях с гоминьданом и союзниками он стремился набить себе цену. Поведение Фэна нередко было полно загадок (уход в отставку, отъезд в СССР и пр.). Никогда нельзя было сказать, каковы будут его поступки завтра. Неясно, почему, например, он скрыл заключение договора с Сунь Чуань-фаном о взаимных действиях против мукденской группировки.

Во время войны Чжан Цзо-линя с У Пэй-фу в 1924 г. Фэн выступил союзником Чжан Цзо-линя. Однако этот союз продержался недолго, и вскоре по окончании войны они чуть не подрались при дележе добычи. Для всех было ясно с самого начала, что союз Чжан Цзо-линя с Фэном недолговечен. Наше руководство в Пекине, предвидя осложнения во взаимоотношениях между ними, дало указания нашим военным советникам 1-й Национальной армии в кратчайший срок подготовить эту армию так, чтобы она могла противостоять нападению мукденской группировки и ее союзников. Задача, конечно, правильная, но нелегкая. Дело в том, что общая военно-стратегическая обстановка и соотношение военных сил были не в пользу Национальных армий.

Приходилось учитывать возможность ведения войны на три и даже на четыре фронта: во-первых, против Чжан Цзо-линя, во-вторых, против Чжан Цзун-чана, дубаня провинции Шаньдун, в-третьих, против У Пэй-фу и, в-четвертых, возможно, против Янь Си-шаня, дубаня провинции Шаньси.

Мукденская группировка имела основные базы в Маньчжурии и Шаньдуне (общая территория — 1200 тыс. кв. км, население — около 60 млн. человек). Вооруженные силы ее составляли около 180 тыс. солдат и офицеров (из них 110 тыс. мукденцев и около 70 тыс. шаньдунцев). Эти войска имели около 420 пулеметов, 260 орудий, 5 бронепоездов, 6 танков, 40 самолетов.

Чжилийская группировка У Пэй-фу опиралась на Хунань, Хубэй и часть Хэнани (общая площадь — 400 тыс. кв. км, население — 55 млн.). Она располагала армией в 135 тыс. человек, 120 пулеметами, 180 орудиями. К этой группировке примыкал Сунь Чуань-фан, обосновавшийся в провинциях Аньхуэй, Чжэцзян, Фуцзянь, Цзянси и Цзянсу (общая площадь — 687 тыс. кв. км, население — 110 млн.). Вооруженные силы Сунь Чуань-фана насчитывали 225 тыс. солдат и офицеров, 406 пулеметов, 460 орудий. Этим силам милитаристов Национальные армии, базирующиеся на обширной территории в 1375 тыс. кв. км с населением около 52 млн., могли противопоставить 275 тыс. человек, 620 пулеметов и около 400 орудий.

На первый взгляд превосходство войск генералов-милитаристов было настолько подавляющим, что заранее можно было предрешить неблагоприятный для Национальных армий исход борьбы. Однако противоречия между милитаристами (Чжан Цзо-линем и У Пэй-фу, Сунь Чуань-фаном и Чжан Цзо-линем, Сунь Чуань-фаном и У Пэй-фу) были чрезвычайно острыми, и сговор между ними в это время, а следовательно, и их военная коалиция против Национальных армий были маловероятными. Кроме того, внутри каждой милитаристской группировки существовали дополнительные центробежные силы, питавшиеся противоречиями между дубанями различных провинций и под-

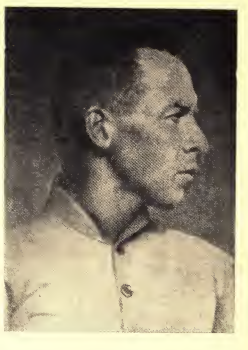
чиненными им генералами. Трения между ними приводили к тому, что в ходе военных действий нередко на сторону противника переходили отдельные генералы и даже группы генералов с войсками. Например, так поступил Фэн Юй-сян в сентябре 1924 г. во время войны У Пэй-фу с Чжан Цзо-линем. В мукденской группировке Чжан Цзо-линь скомпрометировал себя явным прислужничеством перед империалистами и выступлениями против национального движения и тем самым вызвал недовольство своих генералов, которые стремились освободиться от его опеки. На совещании генералов летом 1925 г. в Тяньцзине большинство их высказались против войны с Национальными армиями, но Чжан Цзо-линь настаивал на немедленных военных действиях. Аналогичное положение наблюдалось и в чжилийской группировке, возглавляемой У Пэй-фу. Сунь Чуань-фан полностью освободился от опеки У Пэй-фу и стал вести самостоятельную политику. У Пэй-фу даже в своей основной провинции Хубэй не был хозяином положения, пока был жив дубань этой провинции Сяо Яо-нань. Только после его смерти вся провинция подпала под власть У Пэй-фу. Однако основное противоречие у милитаристов было с народом. Широкие массы народа ненавидели милитаристов как насильников и грабителей.

В междоусобной войне генералы растрачивали энергию народа и национальные ресурсы, отвлекая силы и средства Китая от борьбы за национальные интересы — освобождение страны от колониальной зависимости. Надо сказать, что Национальные армии в своей политике по отношению к народу недалеко ушли от генералов-милитаристов. Фэн и его генералы, величавшие себя последователями Сунь Ят-сена, облагали население подвластных областей непомерными налогами, заставляли выполнять принудительные работы, урезывали заработную плату и т. д.

Чтобы разобраться во всей этой противоречивой обстановке и наметить конкретный план по повышению боеспособности 1-й Национальной армии, советникам необходима была детальная информация. Однако по прибытии в Калган в мае 1925 г. в ставку 1-й Национальной армии наши инструкторы не получили необходимых сведений ни от Фэна, ни от его штаба. Все соглашались с проектом нашего плана по повышению боевой подготовки армии, но к практической работе никого не допускали. Только после того как начальник группы В. К. Путна выразил Фэну резкий протест, сообщил в докладе в Пекин о создавшемся ненормальном положении в 1-й Национальной армии и подал просьбу об отставке, Фэн наконец соблаговолил допустить нас к некоторым видам инструкторской работы.

Приехав в конце июля 1925 г. в Калган, мы с Каратыгиным стали знакомиться с работой советников в 1-й Национальной армии. Бытовые условия советников были неблестящие. В об-

становке того времени трудно было создать необходимые санитарно-гигиенические условия, в результате более 75% советников переболели дизентерией. Дома, в которых жили советники, оказались не приспособленными к местному климату.

А. А. Аргентов

К моменту нашего приезда калганская группа уже проделала большую работу. Была организована артиллерийская школа на 114 человек (для командиров взводов и командиров батарей). В ней обучением стрельбе с закрытых позиций руководили Н. Ю. Петкевич (Дюфрен) и А. А. Аргентов (Марино). Это были опытные артиллеристы и педагоги. Петкевич участвовал в первой мировой и гражданской войнах, был награжден двумя орденами Красного Знамени. Была открыта высшая пехотная школа. Выпускники этой школы прошли добротную подготовку и были на хорошем счету в дивизиях. В созданной кавалерийской школе обучались 240 человек (в том числе 80 офицеров, 160 унтерофицеров), в пулеметной — 180 человек, в инженерной — 40 человек. Кроме того, открылась студенческая военная школа, но Фэн испугался, что студенты начнут агитацию против него, и под предлогом опасной военной обстановки распределил курсантов по разным школам.

Одновременно велось изготовление трех бронепоездов, а их личный состав обучался стрельбе и боевым действиям на рельсах. Постройкой бронепоездов руководили К. Б. Калиновский и инженер С. С. Чекин. Бронепоезда имели пушечное и пулеметное вооружение на вращающихся башнях. Паровозы тоже были бронированными. Непосредственное знакомство с деятельностью наших инструкторов-советников в войсках 1-й Национальной армии свидетельствовало о том, что они всеми силами стремились выполнить поставленную перед ними задачу по повышению боеспособности войск.

Маршал Фэн, убедившись в том, что советские советники действительно знают военное дело, разрешил им работу в ар-

мии. При этом командование Национальной армии ударилось в другую крайность — стало требовать чрезмерного увеличения количества новых формирований, не учитывая свои возможности в вооружении, комплектовании квалифицированным командным составом и финансировании войск. Так, например, кавалерии в 1-й Национальной армии по существу не было. Задумали создать шесть кавалерийских дивизий. Но вряд ли это было реальным. Если для этих формирований и можно было в Монголии закупить необходимое число лошадей, то из-за отсутствия должного количества опытных инструкторов потребовались бы годы, чтобы выездить табунных лошадей, обучить солдат верховой езде и владению оружием в конном строю. Тем более что некоторые наши кавалеристы-инструкторы не проходили специальной кавалерийской школы и обучались верховой езде лишь на практике. В результате недостаточной подготовки и плохого материального обеспечения организационных мероприятий эта кавалерийская армада, как выяснилось позже, не выдержала боевого испытания.

Артиллерия, ведущая обстрел с закрытых позиций, как известно, имеет большие преимущества. Опыт русско-японской и первой мировой войн показал, что одна батарея, ведущая обстрел с закрытых позиций, могла бороться с пятью-шестью батареями, расположенными на открытых позициях. Батарея полковника Слюсаренко в сражении под Лояном в русско-японскую войну подавила шесть японских батарей. Однако для этого недостаточно одного умения командира вести такую стрельбу, надо, чтобы батарея была вооружена артиллерийскими приборами — буссолью, телефонными аппаратами и проводом. К сожалению, у артиллеристов 1-й Национальной армии не было ни того, ни другого. Поэтому в боевой обстановке стрельба с закрытых позиций была невозможна.

Весьма серьезной помехой в развертывании всей многообразной работы инструкторов по обучению войск было недостаточное обеспечение переводчиками и слабая их квалификация на первых порах. Позднее они стали успешнее справляться со своей работой. Да к тому же и советники преуспели в разговорном языке и обходились своими знаниями, особенно когда обучение сопровождалось показом приборов или других предметов. Так, советники А. А. Аргентов и П. Зюк объяснялись без переводчиков.

Надо сказать, в высшем командном составе 1-й Национальной армии имелись весьма способные и даже талантливые генералы и офицеры, например, начальник штаба Чжан-дутуна генерал Ли Цзин-линь. Начальник группы Примаков отзывался о нем с большой похвалой. Он говорил, что хотя этот генерал и не получил специального образования, но его стремление повысить свою военную подготовку не прошло даром.

Однажды мы с Каратыгиным присутствовали на занятиях по тактике в пехотной школе. Лектор, китайский майор, так мастерски иллюстрировал свою беседу схемами, вычерчиваемыми разноцветными мелками на доске, что его мысли были понятны даже не знавшим китайского языка.

После поездки в район расположения 1-й Национальной армии у нас сложилось определенное представление о ее организации и состоянии боевой подготовки.

Основные силы армии состояли из шести пехотных дивизий (1, 2, 3, 5, 6 и 11-я), гвардейской пехотной бригады и двух кавалерийских бригад. Две пехотные дивизии и гвардейская пехотная бригада располагались в Пекине, а остальные — во Внутренней Монголии.

Каждая пехотная дивизия, подобно другим китайским армиям, включала две пехотные бригады двухполкового состава. Каждый полк состоял из четырех батальонов четырехротного состава. В каждой роте — 100—120 солдат.

Дивизия имела специальные части: артиллерийский дивизион (вместо артиллерийского полка, из-за недостатка материальной части) и смешанный полк, состоящий из пулеметного, кавалерийского, саперного и технического (связь, комендантский взвод и т. п.) батальонов.

Что же касается военно-технического оснащения этой армии, то оно было незавидным: сильно изношенная материальная часть артиллерии, пулеметы и винтовки самых различных систем требовали основательного ремонта.

Строевая выучка и физическая подготовка солдат в 1-й Национальной армии велись на очень высоком уровне. В этом отношении армия Фэна, пожалуй, превосходила армии всех китайских милитаристов.

Стрелковая же подготовка войск была поставлена слабо. Артиллеристы стреляли только прямой наводкой, а пулеметчики и стрелки вели огонь с постоянным прицелом по целям на все дистанции, без всякого учета погодных и других условий. По тактической выучке 1-я Национальная армия стояла намного ниже уровня русской армии времен русско-японской войны.

Кавалерия этой армии состояла из Чахарской бригады, укомплектованной монгольскими наездниками, и другой кавалерийской бригады, укомплектованной китайцами; последняя кавалерийская бригада скорее напоминала пехоту, но умевшую ездить верхом.

Моральное состояние войск 1-й Национальной армии, можно сказать, было удовлетворительным (в армии строго взыскивали за курение опиума, пьянство, грабежи местного населения). Однако постоянная невыплата солдатам и офицерам жалованья и плохое питание ставили под сомнение, сохранится ли этот уровень моральной устойчивости при тяжелых боевых испытаниях.

Что касается революционной сознательности, то она не ощущалась в армии. Политработа в войсках отсутствовала, гоминьдану, как уже говорилось, не разрешалось вести агитацию. Лозунг «Кто не работает — тот не ест» вывешивался кое-где на зданиях казарм, но служил скорее украшением, чем призывом к действию.

Командный состав 1-й Национальной армии включал выходцев из солдат, которые не проходили военной подготовки в специальной школе; они руководили войсками на основе собственного боевого опыта или по преданиям «старины глубокой», вплоть до копирования военных хитростей легендарного китайского полководца эпохи «Троецарствия» Чжугэ Ляна.

В целом 1-я Национальная армия не представляла собой силы, могущей решать крупные политические задачи, противостоять такому противнику, как мукденская группировка.

В Хэнани

Начальный период пребывания наших советников в Хэнани представлен мною в виде отдельных эпизодов по воспоминаниям некоторых советников этой группы и своим впечатлениям от совместной поездки с П. П. Каратыгиным по этой провинции в конце августа 1925 г., целью которой было ознакомление с условиями работы наших инструкторов-советников во 2-й Национальной армии.

Базой 2-й Национальной армии была провинция Хэнань, расположенная по нижнему течению Хуанхэ (площадь — 179 тыс. кв. км, население — 31 млн. человек). В Кайфыне, главном городе провинции, находились административное управление во главе с дубанем (генерал-губернатором) Юэ Вэйцзюнем и резиденция кайфынской группы советников.

Несколько слов о некоторых военно-географических и экономических особенностях этой провинции. Нам пришлось в ней не только работать и воевать во 2-й Национальной армии, но и участвовать в военных операциях Национально-революционной армии, созданной Уханьским правительством в 1927 г., против мукденских милитаристов под командованием Чжан Сюэ-ляна (сына Чжан Цзо-линя).

Восточная, низменная часть провинции Хэнань составляет западную часть Северо-Китайской равнины. Это ее житница. Западная часть провинции заполнена отрогами горного хребта Циньлин.

Климат в Хэнани муссонный, с относительно холодной зимой. Средняя температура зимой на севере —4°, на юге +1° С. На севере морозы доходили до 20° С. Лето здесь жаркое, в июле температура 26—29° С. Осадки выпадали главным образом летом (в мае — октябре 500—1000 мм). Зима малоснеж-

ная с сильными северными ветрами, приносящими тучи пыли. Самая крупная река в Хэнани — Хуанхэ — протекает по территории провинции с запада на восток. На бассейн Хуанхэ приходилось: всей пахотной земли страны — 40%, посевов пшеницы — 62, хлопка — 57 и табака — 67%. Оросительная система бассейна снабжала водой до 1 млн. га.

Провинцию Хэнань пересекали две важные железнодорожные линии: с севера на юг — Пекин-Ханькоуская и с запада на восток — Лунхайская — от станции Шаньчжоу до железнодорожного узла Сюйчжоу (пров. Шаньдун).

Минеральные богатства провинции были разведаны мало. Залежи каменного угля имелись в районе Чжэнчжоу и Лояна.

Расположение враждебных 2-й Национальной армии милитаристских группировок — мукденской, шаньдунской и чжилийской (У Пэй-фу из Хубэя) — было таково, что направление железнодорожных линий облегчало им концентрическое наступление на провинцию Хэнань и ставило в тяжелое положение оборону 2-й Национальной армии.

Судьба командующего этой армией Ху Цзин-и полна превратностей: он активно участвовал в революции 1911 г. и восстании крестьян под руководством союза «Белого волка», затем вступил в банду хунхузов, был пойман и посажен в тюрьму. В 1921 г. Фэн Юй-сян, будучи дубанем Шэньси, освободил Ху Цзин-и из тюрьмы и принял к себе на службу в армию.

Ху Цзин-и благодаря своей личной храбрости, энергии, незаурядным качествам военачальника быстро пошел в гору и стал, как его именовали завистники, генералом из хунхузов. Сделавшись дубанем Хэнани, Ху Цзин-и остался демократом и революционно настроенным генералом. Он предоставил свободу проведения собраний и организации союзов. При нем гоминьдановские и коммунистические организации получили возможность развернуть легальную деятельность. Его ближайшим помощником по политической части был член ЦИК и Северного бюро гоминьдана в Пекине левый гоминьдановец Юй Ю-жэнь. Чтобы укрепить свое влияние в Хэнани, Ху Цзин-и просил военного атташе Геккера прислать туда советских инструкторов.

Однако Ху Цзин-и недолго довелось править своей провинцией. Из-за его беспечности случайное загрязнение небольшой раны, полученной во время игры в мачжан, вызвало заражение крови, и он скончался в апреле 1925 г.

После смерти Ху Цзин-и в Хэнани завязалась ожесточенная борьба между различными группировками генералитета за должность дубаня провинции. Борьба, первоначально не выходившая за дипломатические рамки, грозила завершиться вооруженным столкновением.

Только быстрое продвижение войск Чжан Цзо-линя вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги на юг побудило хэнаньских генералов пойти на компромиссное решение и согласиться

с кандидатурой командира 2-й пехотной дивизии генерала Юэ Вэй-цзюня.

Генерал Юэ Вэй-цзюнь в 1923—1924 гг. командовал бригадой 1-й Шэньсийской дивизии. После поражения У Пэй-фу перешел на сторону Национальных армий и был назначен командиром 2-й пехотной дивизии. Человек аполитичный, неволевой, он не блистал умом, но был храбрым солдатом. Он имел импозантную внешность: высокий рост, атлетическое сложение и низкий повелительный голос.

Каждая из враждующих генеральских группировок рассчитывала подчинить новоиспеченного дубаня своему влиянию. Борьба за влияние на Юэ Вэй-цзюня разгорелась с первых же дней его правления. Вначале должности главных советников при дубане были распределены среди всех группировок. Место главного советника осталось за гоминьдановцем Юй Ю-жэнем. Но затем бывшие упэйфуисты, перешедшие на сторону Национальной армии по конъюнктурным соображениям, стали брать верх над гоминьдановцами. У Пэй-фу направил к дубаню в качестве советника своего ставленника Ма Сяна.

2-я Национальная армия включала: 11 пехотных дивизий четырехполкового состава, 21 смешанную бригаду, несколько охранных бригад, три артиллерийских полка, одну кавалерийскую бригаду (не имевшую коней). 2-я Национальная армия по количеству составляющих ее частей и соединений была одной из крупнейших провинциальных армий.

Однако из-за расчленения на антагонистические группировки, плохой выучки войск и враждебности широких масс местного населения ее реальная сила была незначительна. Сам дубань Юэ Вэй-цзюнь в беседе с представителем высшего военного командования Красной Армии СССР Трифоновым сказал, что его приказы выполняют безусловно лишь два-три командира дивизии. Начальник объединенной военной школы генерал Сюй в минуту откровенности заявил, что армия небоеспособна и воевать может только против туфэев.

Таким образом, дубань Юэ Вэй-цзюнь, по собственному признанию, не имел авторитета, чтобы сплотить эту разношерстную клику генералов и их войска в единое целое. Поэтому под наименованием 2-я Национальная армия следует подразумевать разные внутренне разрозненные, а скорее антагонистические группировки. Основных было четыре: шэньсийская, упэйфуистская (часть хэнаньских войск), независимая Фан Ши-миня, неопределенной ориентации (часть хэнаньских войск). Шэньсийскую группировку 2-й Национальной армии составляли: 1, 2, 3, 7, 8, 9 и 11-я пехотные дивизии; 6-я и 10-я смешанные бригады; 1-я резервная бригада и 1-я кавалерийская бригада.

Упэйфуистская группа включала: 4, 5 и 15-ю пехотные дивизии, 17-ю и 18-ю смешанные бригады.

Отдельная группа Фан Ши-миня во 2-й Национальной армии носила наименование 6-й дивизии и состояла из четырех колонн. В каждую колонну, или, как ее называли, направление, входили одна-две бригады. Фан Ши-минь держался независимо от дубаня, стоял в стороне от политиканства. В прошлом он сотрудничал с Сунь Ят-сеном. В тот момент он не выступал против У Пэй-фу и не был сторонником 2-й Национальной армии.

Неопределенной ориентации придерживались 8, 13, 15 и 16-я смешанные бригады, 2-я резервная бригада, 3-я кавалерийская бригада (безлошадная), 4-я бригада «Ицзюнь» (Старые войска), 2-я бригада, отколовшаяся от Фан Ши-миня, которая находилась на юге Хэнани. Из этих частей 13-я и 16-я бригады относились лояльно к дубаню, другие, бывшие упэйфуистские, части зависели от дубаня в финансовом отношении и к самостоятельности особого желания не проявляли.

Кроме того, во 2-й Национальной армии формально числились 10-я пехотная дивизия, 2, 7, 11, 12, 19 и 20-я смешанные бригады. Они были расквартированы в провинции Шэньси, после смерти дубаня Сунь Юэ ими командовал генерал Ли Ху-чэн, командир 10-й пехотной дивизии. Эти войска хотя и считались союзниками 2-й Национальной армии, но сохраняли свою организационную и оперативную самостоятельность. Дубаню Ху Цзин-и некоторое время благодаря волевому характеру и авторитету удавалось сохранять единство генералов шэньсийской группировки; опираясь на нее, он принуждал к повиновению и других генералов.

Остановлюсь подробнее на внутренних противоречиях 2-й Национальной армии, чтобы выявить причины ее развала, а также показать трудности работы советников в этой армии.

Внутри шэньсийской группировки борьба происходила главным образом между дубанем Юэ Вэй-цзюнем и его политическим советником (доверенным покойного дубаня Ху Цзин-и) Юй Ю-жэнем. Юэ Вэй-цзюнь стремился освободиться от его опеки. Эта склока нанесла большой вред 2-й Национальной армии. На стороне Юй Ю-жэня были 3-я и 6-я бригады. Командир 7-й дивизии, революционно настроенный генерал, гоминьдановец Дэн Бао-шань и командир 9-й дивизии Ли Ци-цай также ратовали за сохранение на посту дубаня Юэ Вэй-цзюня, так как генерал Дэн Бао-шань имел влияние на него и мог, в свою очередь, проводить влияние гоминьдана.

Командир 9-й пехотной дивизии Ли Ци-цай, хубэец, в военном отношении наиболее заметная фигура во 2-й Национальной армии, входил в шэньсийскую группировку. Он был близок к Дэн Бао-шаню и сочувствовал Национально-революционной армии. Политический режим Хэнани при 2-й Национальной армии определялся политическими настроениями основного шэньсийского ее ядра. Ряд генералов входили в гоминьдан или близко к нему примыкали, например член ЦИК гоминьдана Юй

Ю-жэнь, Бо Ли-вэй, Дэн Бао-шань, Ли Ци-цай и др. Они занимали резко враждебную позицию по отношению к милитаристам типа Чжан Цзо-линя, У Пэй-фу и империалистам.

К Советскому Союзу они относились, в общем, благожелательно, как к союзнику в борьбе против империалистов. Правда, это не означало, что они симпатизировали политическому строю СССР. Все эти обстоятельства создавали относительно свободный политический режим в Хэнани, что обеспечивало легальное существование гоминьдана, рабочих профсоюзов, полулегальное существование компартии.

В это время в Хэнани укреплялось рабочее движение, возросло число членов профсоюзов и успешно проводились забастовки. Оживилось и движение крестьян, главным образом средневековых их организаций («Красные пики» и др.), направленных против милитаристов, и стали образовываться крестьянские союзы, находившиеся под влиянием и руководством коммунистической партии.

В ряды коммунистической партии и комсомола вступали новые люди, например с июня 1925 по ноябрь 1926 г. число членов в этих организациях возросло в пять раз. Кстати говоря, это дало повод У Пэй-фу обвинять Юэ Вэй-цзюня в том, что его политика способствовала увеличению «красной опасности» во 2-й Национальной армии.

Что касается взаимоотношений 2-й Национальной армии с местным населением, то ее генералы больше интересовались конфликтами с дубанем и его окружением, чем серьезными политическими вопросами — работой среди масс населения и солдат. 2-я Национальная армия не имела прочной связи с какими-либо прослойками населения.

Покойному дубаню Ху Цзин-и нельзя было отказать в дальновидности. Он пригласил советских военных советников, рассчитывая повысить боеспособность своей армии, а при посредничестве гоминьдана привлечь широкие массы народа на свою сторону.

Начальником группы советников, назначенных во 2-ю Национальную армию, был Георгий Борисович Скалов (Синани). В Советском Союзе он был ректором Института востоковедения, специального военного образования не имел. Участник гражданской войны, он одно время был членом Реввоенсовета Туркестанского фронта. За участие в подавлении Кронштадтского мятежа его наградили орденом Красного Знамени. Начальником штаба группы назначили А. Я. Лапина, моего однокурсника, с биографией которого я уже знакомил читателей. Группа состояла из 43 человек, из них десять человек имели высшее военное образование, шесть окончили школу «Выстрел». В группе имелись врач, два инженера (специалисты по боеприпасам), семь политработников. Переводчиков было только пять человек. Подавляющее большинство членов группы были коммуни-

стами. Группа приехала в Кайфын 21 июня 1925 г., дубань устроил им торжественную встречу с почетным караулом и оркестром.

О неосведомленности дубаня и его помощников о событиях в Советской России свидетельствовал один «курьез». При выходе советников из вагона оркестр заиграл старый царский гимн. После такой торжественной встречи дубань устроил банкет, который прошел, как говорится, в дружеской обстановке.

Советники в Кайфыне разместились вполне сносно: Скалов и управленческая группа (помощник по политчасти и переводчики) — в единственном в Кайфыне европейского типа доме, называемом «Сингунцзяо», а остальные советники — в подсобных деревянных домах у арсенала в военном городке «Бингуань».

После предварительного знакомства советники по просьбе дубаня приступили к составлению плана работы. Было намечено сосредоточить усилия советников на решении важнейших вопросов: организации краткосрочных курсов для высшего и старшего командного состава, создании управленческого аппарата дубаня (штаб 2-й Национальной армии), организации школы младших командиров. Далее запланировали инспектирование боевой подготовки и боеспособности частей 2-й Национальной армии.

Размах у нас был широк, но возможности ограниченны. При составлении реальных программ и планов обучения армии мы не имели даже представления о том, что знали и умели делать курсанты.

Дубань Юэ Вэй-цзюнь наши планы и программы принял, согласился с ними, но на этом все и кончилось.

Надо сказать, к нашему приезду обострились распри между руководителями внутренних группировок во 2-й Национальной армии из-за кандидатуры на пост начальника объединенной школы. Эта школа на 2400 курсантов, организованная наподобие школы Вампу в Гуанчжоу, должна была сыграть большую роль в повышении боевой выучки Национальной армии. Она состояла из 18 отделений: 4 — артиллерийских, 2 — кавалерийских, 2 — инженерных, 1 — связи, 9 — пехотных.

Еще при жизни дубаня Ху Цзин-и в начальники школы прочили левого гоминьдановца, бывшего дубаня провинции Аньхуэй, генерала Бо Ли-вэя. При открытии школы Бо Ли-вэй, уже как ее начальник, произнес речь. В ней он упомянул, что другом Китая является СССР, представители которого здесь присутствуют. Дубань приказал Бо Ли-вэю немедленно закончить речь. После этого инцидента должность начальника школы взял на себя дубань, а своим заместителем назначил приверженца У Пэй-фу — генерала Сюя.

Для школы советники составили учебную программу, приложив к ней объяснительную записку, и подали ее дубаню, но

В. М. Акимов

он отверг ее. В результате победы упэйфуистов главный советник дубаня Юй Ю-жэнь в июле принужден был покинуть пост, а его место занял упэйфуист Ма Сян. Так все руководящие посты захватили упэйфуисты, которые издали приказ против «красной опасности» и свободы союзов.

Вначале наши советники в Хэнани занимались только тем, что им разрешали. В бытность главным советником дубаня Юэ Вэй-цзюня члена ЦИК гоминьдана Юй Ю-жэня левые гоминьдановцы имели широкий доступ к работе среди населения и в войсках, наши советники тоже имели возможность работать в войсках. Дубань создавал видимость благожелательного отношения к СССР. После замечательного перелета Москва — Пекин в июле 1925 г. наши летчики в середине августа посетили Кайфын; дубань устроил им торжественную встречу и сердечный прием. Летчиков и руководителя экспедиции И. П. Шмидта встретили овациями. Были организованы митинги и демонстрации широких масс народа. Делегации от предприятий вручили руководителю экспедиции Шмидту, как представителю братского государства, Красное знамя. В это время часть наших советников получила приглашение в несколько частей и соединений 2-й Национальной армии. В Лоян отправилась группа В. М. Акимова, в дивизию Дэн Бао-шаня — Зимин со своей группой, в кавалерийскую бригаду близ Кайфына — Никулин и в Кайфын в военную школу — группа Лубе.

По мере того как влияние У Пэй-фу в Хэнани усиливалось, советники наталкивались на все бо́льшие препятствия. Об этом свидетельствовало письмо одного из членов ЦИК гоминьдана дубаню Юэ Вэй-цзюню. Он писал: «Во время дубаня Ху Цзин-и в провинции были объединены не только хэнаньские гоминьдановцы, но и остальные. А кто у тебя? Такой мерзавец, как Ма Сян! Все они чжилийцы. Все эти люди идут против революции».

Непопулярность Юэ Вэй-цзюня была так велика, что велись переговоры о перевороте и смещении его с поста дубаня, но

никак не могли найти подходящую фигуру, на которую бы согласились все группировки.

В августе 1925 г. У Пэй-фу созвал конференцию в Хубэе якобы для изучения буддизма. На самом деле он стремился разложить 2-ю Национальную армию и умножить число своих сторонников. Августовская конференция девяти провинций поставила цель — создать союз девяти провинций против Чжан Цзо-линя и свергнуть пекинское правительство Дуань Ци-жуя. Вспыхнувшая гражданская война осенью 1925 г. была подготовлена и предрешена на этой конференции.

Надо признать, что положение Юэ Вэй-цзюня как дубаня Хэнани было трудное. В разговоре со Скаловым в начале декабря 1925 г. дубань в минуту откровенности сообщил: «Хэнань окружена врагами внешними и внутренними. Многие меня считают коммунистом (?), это вредно сказывается на работе и позволяет врагам собирать оппозицию под предлогом борьбы с „красной опасностью" в лице моем и Фэна. Фэн может более свободно высказывать свое мнение, у него север свободен, я в окружении. Армия моя не централизована. В ней нет единства. Я вынужден лавировать. Моими частями являются 7-я пехотная дивизия Дэн Бао-шаня, 16-я смешанная бригада Чэн Сы-чэна и бригада Ши Кэ-цюаня».

Далее о создании правительства в Пекине Юэ Вэй-цзюнь высказал свои соображения: «Истинное правительство должно быть не коалиционное, а народное, из представителей народной армии, общественных организаций и гоминьдана. Вновь организуемое правительство — временное в силу сложившейся обстановки, а именно наличия группировки Сунь Чуань-фана на юге. Туда послан наш делегат, делегат от Сунь Чуань-фана, и Сунь Юэ (дубань Шэньси) тоже пошлет туда своего делегата».

Что касается взаимоотношений с У Пэй-фу, то Юэ Вэй-цзюнь отмечал трения между У Пэй-фу, Сунь Чуань-фаном и Сяо Яо-нанем. Он говорил: «У Пэй-фу отстал в своих воззрениях. У Пэй-фу хочет быть президентом, но встретит отпор со стороны Национальной армии и Сунь Чуань-фана. Чтобы разрешить вопрос о Чжили и Шаньдуне, можно будет подумать о способе покончить с У Пэй-фу. Сейчас этого нельзя осуществить — У Пэй-фу может выступить против Национальных армий с юга. По этой причине работу русских советников можно будет расширить после окончания военных действий. Медленное развертывание работ теперь объясняется многими причинами, от меня не зависящими».

Можно согласиться с дубанем Юэ Вэй-цзюнем, что военно-стратегическая обстановка в Хэнани, окруженной со всех сторон милитаристскими группировками, была нелегкой. Она тем более осложнялась соперничеством во 2-й Национальной армии антагонистических группировок и враждебным отношением широких слоев населения к правящей шэньсийской группировке.

О положении крестьян

О положении крестьян в провинциях Хэнань и Хунань нам удалось выяснить следующее. Китай — страна сугубо крестьянская. Его территория равна примерно 2 млрд. га, из них 85% находится в горной местности, лишь 10% общего количества земли является обрабатываемой (по данным разных авторов — от 72 до 100 млн. га). В Китае насчитывалось около 75—80 млн. крестьянских дворов, а на один двор приходилось в среднем не более 1 га земли. Если на юге страны, например в пров. Гуандун, где благоприятные климатические условия позволяли выращивать такие трудоемкие культуры, как рис, и собирать в год несколько урожаев с одного участка, эта норма могла еще обеспечить полуголодное существование одной семьи, то на севере при таких карликовых наделах это было недостижимо. Возьмем провинцию Хэнань в Центральном Китае. 32% хэнаньских крестьян владели карликовыми участками земли размером 0,5 га и менее. Бедный крестьянин работал от зари до зари. После сбора урожая многие крестьяне шли наниматься к помещику за еду. Примерно $^3/_4$ хэнаньских крестьян влачили нищенское существование.

Крестьянство в Хэнани, по величине их земельных участков, можно разделить на четыре группы: 53% (карликовые хозяйства) занимали 17% земельной площади; 21% (мелкие хозяйства) — 21%; 14% (средние) — 14%; 13% (крупные) — 39%.

Из этих данных мы видим, что низшие слои крестьянства, составлявшие 74%, имели почти столько же земли, сколько одна высшая группа, т. е. $^1/_8$ часть крестьянства.

Анализ экономики сельского хозяйства Хэнани и других провинций раскрывал картину расслоения крестьянства. Особенно болезненный характер принимал этот процесс на фоне непрекращающейся гражданской войны в Китае и ограбления крестьян милитаристами. Более всего страдали беднейшие крестьяне.

Нужда вытесняла их из деревни, толкала в наемные армии милитаристов, шайки бандитов (туфэи, хунхузы) или превращала в нищих.

Арендаторы и частичные арендаторы составляли 44% крестьян.

Такое распределение земельной собственности между крестьянами и существовавшие условия сдачи земли арендаторам, когда половина урожая (а нередко и бо́льшая часть) поступала землевладельцу, приводили к обострению классовой борьбы в деревне. Кроме того, землевладельцы были для арендаторов и мелких крестьян ростовщиками, которые давали под проценты земледельческий инвентарь, семена и т. д.

В китайской деревне существовали крупные организации самообороны: миньтуань (народные дружины) и тайные крестьян-

ские организации — «Красные пики», «Общество больших мечей» и др.

Тайные крестьянские общества имелись в разных провинциях и были исторически связаны с более древними организациями. Специфической особенностью старых тайных обществ было обучение членов обществ владению оружием: пиками, мечами, секирами и др. Для тренировки члены общества, например «Ихэтуань», тузили друг друга кулаками в грудь, бока.

«Красные пики» делились на секты, например: секта «Учения о середине», секта «Красного учения». Воины «Красных пик» украшали свое оружие — пики лоскутами красной материи. Свои головы они обвязывали красной или желтой материей. В качестве вступительного взноса в секту использовалась трехаршинная пика с железным наконечником.

Члены секты «Красного учения» заучивали таинственные молитвы и ночью молились на северо-запад, сжигали курительные свечи и молча сидели, поклоняясь духам, пока не погасали свечи. Проглатывая куски красной бумаги с таинственными знаками, они считали, что становились неуязвимыми на некоторое время от пуль, стрел и другого оружия.

Общество «Красные пики» — деревенская организация. Каждый, кто вступал в нее, проходил под руководством «учителя» длительную школу. Учитель обучал каждого вновь вступавшего владеть оружием, таинственному искусству противодействия пулям и т. д. Вступление в общество сопровождалось ритуалом с церемониями и произнесением клятв — карать разбойников, помогать бедным, не зариться на чужое богатство и т. д. Клятва завершалась словами: «Я, ученик, вступаю на великий путь, клянусь исполнять все, не делать зла, и если так поступлю, пусть меня поразит пуля в грудь» и т. д. Кроме учителя из бедных крестьян избирался «вождь», которому все подчинялись.

Десять-двадцать деревенских крестьянских организаций «Красных пик» объединялись в Лянцуньхуэй (Союз деревень), которые группировались в еще более крупные. Дисциплина поддерживалась твердая. Устанавливалась связь сигналами и ходоками. В школах «Красных пик» велось обучение разведке, связи и охранению; особое внимание уделялось физической тренировке и владению пикой. Это общество пополнялось в основном бедняками, но попадали туда и середняки. Наибольшее развитие «Красные пики» получили в районе Лояна. В бою под Чжумадянем члены организации выступили против войск 2-й Национальной армии. Ночью они напали на штаб резервного полка и разгромили его. В феврале 1926 г. произошла стычка солдат 7-й пехотной дивизии с «Красными пиками», наседавшими на станцию Лоян. Нападавшие действовали организованно, по команде или по сигналам. Они были вооружены винтовками и пиками с лоскутами красной материи. В следующем году в

Хэнаньской операции Национально-революционной армии против мукденских войск «Красные пики» действовали уже на нашей стороне.

Организация миньтуань как будто бы создавалась для борьбы с бандитами и защиты крестьян. Но организаторами ее были состоятельные слои крестьянства. Миньтуани отличались от «Красных пик» тем, что существовали легально и пользовались покровительством властей, строились они по принципу охранных армий. Крестьяне поставляли солдат в миньтуань в зависимости от их состояния. Крестьянин, имевший, например, земельный участок в 100 му, — одного кавалериста, а имевший участок в 50 му — одного солдата и т. д. Миньтуани обычно были одеты в военную форму и вооружены огнестрельным оружием, правда, низкого качества. Сельские миньтуани объединялись в дружины, которые в волостях объединялись в полки волостным начальством. Обучение миньтуаней проводилось в особых лагерях специально нанятыми инструкторами. Мне приходилось беседовать с миньтуанями. Они производили незавидное впечатление. Это были случайные люди, которым некуда было деваться. В западной части пров. Хэнань (в горной части) было много «Красных пик», а миньтуаней там не существовало. Отношения между этими организациями были враждебными.

С помощью миньтуаней высшие слои крестьянства, сельская и волостная администрация и помещики обеспечивали свое политическое и экономическое господство в деревне. В целом противоречия в деревне были очень острые и сложные. В некоторых районах большинство крестьян являлись мелкими арендаторами, с которых взимались разные формы ренты: отработочная, натуральная и денежная. Угнетали крестьян богатые землевладельцы, они же торговцы и ростовщики. Грабили местные чиновники. Милитаристы облагали население разными налогами, часто на много лет вперед. В результате непрерывных войн система искусственного орошения, эта основа сельского хозяйства в Китае, пришла в негодность. Участились стихийные бедствия и засухи. Периодически страну охватывал голод.

Естественно, безотрадное положение крестьянства в Китае повышало его революционную активность.

В конце 1925 г. в Хэнани возникла новая форма крестьянского движения — крестьянские союзы, созданию которых оказывала помощь Коммунистическая партия Китая.

Бóльшую часть крестьянских союзов составляли арендаторы. Основные задачи союза: защита экономических и политических интересов крестьян, борьба за снижение арендной платы, ликвидация дополнительных налогов, введение прогрессивного подоходного налога, местное самоуправление крестьян.

В каждом сельском крестьянском союзе выбирался исполком из пяти членов (три члена и два кандидата). Каждый крестьянский союз имел свой вооруженный отряд (в Хэнани он в основ-

ном состоял из «Красных пик»), именовавшийся отрядом самообороны.

Основная единица отряда самообороны «у» — пятерка, две пятерки составляли «ши» — десяток, два десятка — группу «цзун», три группы — отряд «дуй», более двух «дуй» составляли полк — «туань». При некоторых крестьянских союзах имелись школы политической и военной подготовки, в Хэнани в 1926 г. было около 100 союзов, охватывавших 100 тыс. крестьян.

Рост численности крестьянских союзов в провинциях был непосредственно связан с продвижением Национально-революционной армии на север. В этом отношении пров. Хунань занимала первое место. В Хунани обрабатываемая земля делится на горные и долинные участки. Последние находились преимущественно в руках крупных земельных собственников (иногда в несколько тысяч му). Например, генерал Тан Шэн-чжи (впоследствии главком войск Уханьского правительства) владел земельным участком в несколько тысяч му и собирал 5 тыс. даней риса ежегодно в качестве арендной платы с крестьян.

Кроме таких крупных землевладельцев, как Тан Шэн-чжи, в Хунани было много средних землевладельцев, имевших 300—500 му, которые в совокупности владели почти всей обрабатываемой землей. Наиболее типичным размером крестьянских участков было 5—10 му, но попадались и середняки с земельными участками в 50—100 му.

В горных районах положение мало чем отличалось от долинных, но арендная плата была здесь несколько ниже. Разорение самостоятельных крестьян шло быстрее, чаще всего они превращались в кули. Провинция Хунань с давних пор славилась как поставщик кули. При нашем переезде из Гуанчжоу в Наньчан, а также в Северном походе хунаньские кули оказывали большую помощь при переноске грузов и материальной части артиллерии и снарядов.

Крестьянское революционное движение особенно бурно стало разрастаться после занятия Хунани Национально-революционной армией. В некоторых уездах крестьяне захватили власть в свои руки и конфисковали землю помещиков.

Возвращение в Пекин

Наша поездка с П. П. Каратыгиным в 1-ю и 2-ю Национальные армии убедила нас, что обстановка для работы наших советников значительно сложнее и труднее, чем мы предполагали.

Ко времени нашего возвращения в Пекин военно-политическое положение на севере Китая обострилось до крайности, поэтому мы начали составлять оперативно-стратегический план действий Национальных армий на случай войны.

Некоторое время спустя у военного атташе состоялось совещание, на котором присутствовали Л. М. Карахан, начальник калганской группы В. К. Путна и другие советники. На совещании обсуждался вопрос об активизации действий 1-й Национальной армии на севере.

Между тем жизнь в Пекине текла своим чередом. Как-то вечером, прогуливаясь по летнему парку, я зашел отдохнуть в беседку. Там сидел пожилой, худощавый, высокого роста китаец в очках. Неожиданно он заговорил со мной на чистом русском языке, употребляя в своей речи обороты, свойственные людям, долго жившим в России. Как выяснилось, Ван Ху-тин, так он отрекомендовался, много лет жил в России во Владивостоке. Женат на русской, дочери инженера, с которой позже он меня познакомил. Во Владивостоке он имел большой торговый дом, «немножко спекулировал» и на этом «торговом методе» нажил себе состояние в 7 млн. руб. С приходом Советской власти на Дальний Восток все это торговое предприятие Ван Ху-тина кануло в Лету. «Я не жалею об этой потере, это предприятие мне досталось путем спекуляций, все же я хотел бы знать, можно ли рассчитывать на какую-либо компенсацию».

Он оказался очень осведомленным человеком, знал о посетителях посольства, а также некоторых его работниках. Между прочим, в беседе он мне доверительно сообщил, что в наше посольство ходят китайцы, которые являются осведомителями китайской полиции, они даже присутствуют у Карахана на приемах. «Это плохие люди, они вам причиняют вред». Дальнейшей нашей беседе помешали подошедшие супруга Ван Ху-тина, одетая в какое-то европейско-китайское одеяние и почти забывшая русскую речь, и жена какого-то китайского министра. Я предложил ему встретиться здесь же на следующий день, чтобы поговорить подробно об интересующем меня деле.

Но назавтра он не пришел, и я больше с ним не встречался. В 1927 г., при налете банд Чжан Цзо-линя и китайской полиции на Советское посольство в Пекине, некие сотрудники, по совместительству служившие шпионами, сыграли гнусную и грязную роль в аресте коммуниста Ли Да-чжао и некоторых советских граждан.

Я, как и все вновь приезжающие в Пекин, отдавал должное памятникам его богатого исторического прошлого. Достопримечательностям столицы Китая посвящено немало красочных воспоминаний как советских людей, так и иностранных писателей и журналистов. Поэтому я не буду утомлять читателя еще одним потускневшим от времени впечатлением о посещении «священных могил» и музеев. Скажу только, что неизгладимое впечатление на меня произвел китайский классический театр.

Наша советская колония жила изолированно от обитателей посольств иностранных государств, а мы, военные представите-

ли, по совету бывшего военного атташе А. И. Геккера не сливались со всей советской колонией. Естественно, по вечерам свой досуг мы проводили в кино.

В свободное время в Пекине я часто прогуливался по его стене, ограждавшей Внутренний город. Эта стена примыкала к казармам американского пехотного батальона охраны посольства, что давало возможность наблюдать за жизнью иностранных солдат в Китае. Мне ни разу не довелось видеть выполнение какого-либо вида боевой подготовки. Лишь изредка устраивались военные прогулки с оркестром по улицам Пекина. При этом американские солдаты не маршировали, а прогуливались, будто по Бродвею, шаркая ногами и не утруждая себя соблюдением равнения ни в рядах, ни в затылок.

После прогулки они выстраивались в длинную очередь перед чистильщиком сапог, который смахивал пыль щеткой, хотя эту операцию каждый из них мог проделать гораздо скорее сам.

Начало китайской революции 1925—1927 гг. и Национальные армии

Началом революции 1925—1927 гг. принято считать 30 мая 1925 г. В этот день шанхайские студенты и рабочие провели демонстрацию протеста против расстрела японской полицией китайских рабочих в Циндао. Но и эта демонстрация солидарности также была встречена огнем англо-американской полиции. Тогда в Шанхае вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая не только рабочих, но и служащих, студентов, часть торговцев и ремесленников. Забастовка продолжалась свыше двух месяцев. В борьбе приняли участие около 500 тысяч человек. Антиимпериалистическое движение распространялось на другие города Китая: 19 июня началась забастовка в Сянгане (Гонконге), в результате которой многие рабочие покинули Сянган и переселились на китайскую территорию. Успехи революционного движения привели к усилению левых элементов гоминьдана.

Национально-революционное правительство Гуанчжоу, Коммунистическая партия Китая и революционное крыло гоминьдана развернули большую работу по усилению революционного движения рабочих. 1 мая 1925 г. в Гуанчжоу состоялся II съезд профсоюзов. Широкое распространение получили крестьянские союзы, численность которых только в Гуандуне к маю 1925 г. достигла 210 тыс.

Размах революционного движения, особенно в крупных городах, вынудил даже такого ретрограда, как маршал У Пэй-фу, в разговоре с нашим военным атташе Ворониным в конце 1925 г. как бы между прочим заметить: «Теперь без общественных организаций, в частности профессиональных союзов, нельзя

создать твердой власти; я пересмотрел этот вопрос и росту таких организаций не буду препятствовать». Однако это «демократическое» высказывание У Пэй-фу не изменило его отношения к Советскому Союзу.

Подъем народного движения вызвал начало нового натиска Национальных армий против милитаристов.

В начале ноября 1925 г. генерал чжилийской группировки милитаристов Сунь Чуань-фан, воспользовавшись возмущением широких масс населения Китая армиями милитаристов Чжан Цзо-линя и Чжан Цзун-чана (шаньдунский дубань), перешел в наступление в провинциях Цзянсу и Аньхуэй против войск Чжан Цзун-чана, вытеснил их из этих провинций и занял Шанхай. Это выступление чжилийской группировки было подготовлено еще в Ханькоу на августовской конференции девяти провинций и согласовано с Национальными армиями. Эти армии также перешли в наступление против мукденской группировки: 1-я Национальная армия выступила из Калгана на Пекин и Тяньцзинь, а 2-я Национальная армия из Кайфына — на Цзинань (главный город пров. Шаньдун).

Революционное влияние коснулось даже такой твердыни реакции, как мукденская милитаристская группировка. Хозяйничанье Японии в Маньчжурии было сильнее, чем в других провинциях, и это возбудило среди командного состава и солдат мукденских войск антиимпериалистические настроения. Против Чжан Цзо-линя был организован заговор так называемой младомукденской группировки. Этот заговор возглавил генерал Го Сун-лин, заместитель маршала Чжан Сюэ-ляна (сына Чжан Цзо-линя). Го Сун-лин командовал войсками в районе Шаньхайгуань — Тяньцзинь. Вместе с Го Сун-лином ушла половина вооруженных сил мукденской армии — около семи пехотных дивизий, две артиллерийские бригады, инженерный полк, всего более 50 тыс. человек. Связь Го Сун-лина с Фэн Юй-сяном была установлена недели за две до официального начала восстания, когда он объявил войну Чжан Цзо-линю.

12 ноября Фэн Юй-сян заключил тайный союз с Го Сун-лином, предусматривавший создание центрального народного (гоминьдановского) правительства в Китае, реорганизацию управления Маньчжурией, создание благоприятных условий для развития национальной промышленности, улучшение положения рабочих и крестьян. К этому соглашению примкнули: дубань провинции Чжили генерал Ли Цзин-линь и дубань провинции Жэхэ генерал Кан Шао-ци. Бывший дубань провинции Аньхуэй генерал Цзян Дэн-сюань был против этого сговора и считал своим долгом остаться верным Чжан Цзо-линю.

Японские официальные лица на словах заверили Го Сун-лина в своем благожелательном нейтралитете. Вскоре Чжан Цзо-линь узнал о заговоре и приказал Чжан Сюэ-ляну расстрелять Го Сун-лина. 23 ноября Го Сун-лин вынужден был пойти

на открытый разрыв с Чжан Цзо-линем и 27 ноября объявил ему войну. Свою группу войск Го Сун-лин переименовал в 4-ю Национальную армию. Генерал Ли Цзин-линь тоже заявил о своей независимости. Го Сун-лин вел двойственную политику: с одной стороны, он высказывался против деспотического правления Чжан Цзо-линя, ратовал за облегчение участи народа в Маньчжурии и обещал предоставить ей самостоятельность, с другой — заверял Токио в своей непричастности к революционному движению в Китае, в отсутствии связи с Фэн Юй-сяном и в своей враждебности к коммунизму.

Восстание Го Сун-лина вызвало развал мукденской группировки и подъем революционного движения на севере Китая. В Пекине студенты, пролетариат и интеллигенция провели демонстрации, на митингах требовали отставки японофильского правительства Дуань Ци-жуя и призывали Фэн Юй-сяна учредить народное правительство в Китае. Ведущую роль в революционных выступлениях народа играла Северная организация КПК во главе с Ли Да-чжао. Министры правительства Дуань Ци-жуя вынуждены были подать в отставку. Фактически правительство перестало существовать. Народ разгромил редакцию реакционной газеты «Чэньбао».

Рост революционных событий в, казалось бы, сонном Пекине напугал не только мукденскую клику и ее японских опекунов, но и попутчиков Го Сун-лина и самого Фэна. Фэн принял меры по охране Дуань Ци-жуя, ограничению и локализации революционных выступлений. Его нерешительная позиция придала смелости милитаристам Ли Цзин-линю и Кан Шао-ци, которые раньше по конъюнктурным соображениям откололись от Чжан Цзо-линя, но теперь под влиянием японцев заняли по отношению к Го Сун-лину враждебную позицию. Ли Цзин-линь захватил Тяньцзинь и снова перешел на сторону Чжан Цзо-линя и Японии. Это побудило Национальную армию Фэн Юй-сяна активизировать свои действия.

В связи с развертыванием военных действий на севере Китая дубань Юэ Вэй-цзюнь и его окружение сделали некоторые шаги по привлечению нас к участию в боевой подготовке его войск. В начале ноября 1925 г. начальник группы Скалов уехал в Сианьфу в 3-ю Национальную армию, и мне пришлось временно его замещать. 28 ноября я добился приема у Юэ Вэй-цзюня и изложил ему некоторые предложения по повышению боевой готовности 2-й Национальной армии. Было решено строить два бронепоезда из подручных средств. Дубань приказал выделить паровозы для их формирования, шесть орудий и команду для обслуживания поездов. По приказу Юэ Вэй-цзюня нашим инженерам Радкевичу и Никитину выдали пропуска для работы на Кайфынском патронном и Гунсяньском пороховом и снарядном заводах и пригласили наших советников в Хэнаньскую военную школу.

Начальник школы, пожилой, тучный генерал Сюй, оказался деловым человеком, он охотно соглашался с нашими предложениями по повышению боевой подготовки курсантов и предоставил возможность советникам читать лекции и руководить занятиями в школе. Вводную лекцию прочел Лубе в присутствии всего состава школы. Руднев и Булин читали лекции по артиллерии, Васин — по инженерному делу, Тонких и Кей — по тактике и стрельбе из пулеметов, по артиллерийской стрельбе с закрытых позиций — я, а Лубе — по кавалерии. Чтобы лекции были более доходчивыми, мы изготовили из фанеры и картона наглядные пособия и установили ящик с песком для решения стрелковых и тактических задач в классе.

Мы принимали участие в проведении занятий в поле, а затем проводили разбор учения. На одном из таких разборов, проводимых Лубе, присутствовал начальник школы генерал Сюй.

Преподавание в Хэнаньской школе затруднялось малочисленностью переводчиков и слабой их квалификацией по военному делу. Кроме того, иногда переводчики и курсанты говорили на разных диалектах и плохо понимали друг друга. Например, мой переводчик Чжао был шаньдунец, а слушатели-курсанты — шэньсийцы. Приходилось привлекать на лекции в качестве переводчика еще одного офицера, который владел шаньдунским и шэньсийским диалектами китайского языка. Позднее я приглашал этого офицера накануне лекции к себе и заранее знакомил его с материалом.

Китайские младшие офицеры в школе получали низкие оклады, и у них не было «дополнительного» заработка, как у войсковых офицеров. Войсковые офицеры могли присваивать содержание тех солдат, которые по каким-либо причинам выбыли из части (дезертировали, умерли и т. п.), но в списках еще числились, т. е. проделывали, в сущности, ту же операцию, что и Павел Иванович Чичиков в «Мертвых душах» Гоголя. При тех формах отчетности и финансового контроля, которые господствовали в армиях китайских милитаристов, такой доход офицеров считался нормальным.

Как-то в конце октября мне и Лубе было поручено ознакомиться с тактической и строевой подготовкой роты курсантов пехотного отделения в поле. Мы обратили внимание на то, что курсанты выполняли все команды быстро и четко, а донесения передавали немедленно. Во время занятий роте пришлось пробежать в колонне около километра по вспаханному полю. И после этого у всех курсантов сохранилось нормальное дыхание и ровный пульс. Это свидетельствовало об их хорошей физической подготовке и о том, что уставные построения и команды они усвоили твердо. Однако эти уставы, по которым проводилась боевая подготовка курсантов школы, были выработаны еще до революции 1911 г. Они, по-видимому, были переведены с

японских уставов времен русско-японской войны и поэтому не отражали опыта первой мировой войны.

Как я уже говорил, инженер Радкевич был откомандирован на Кайфынский патронный завод, расположенный недалеко от нашего местожительства. Этот завод выпускал ежедневно до 150 тыс. ружейных патронов, при этом брак достигал 40%. Трудно было выяснить, какие станки неисправны и дают брак, так как остановить завод и произвести проверку всех агрегатов не было возможности. На фронтах наступила горячая пора, бои не прекращались, и армия нуждалась в ружейных патронах. Рабочие к тому же могли лишиться заработка. Радкевич предложил свой метод: отбирать 20—30 патронов, изготовленных каждым агрегатом, на заранее подготовленные стеллажи. При сравнении изделий можно было легко увидеть, какие станки выпускают брак. Неисправные станки быстро наладили без существенного простоя завода. Авторитет нашего инженера возрос неизмеримо. Дубань обратился с просьбой направить наших инженеров на другой, Гунсяньский завод, который, по его словам, простаивал.

Поездка в Шаньдун и работа в Хэнаньской военной школе

1-я Национальная армия Фэн Юй-сяна 26 ноября 1925 г. овладела Пекином и начала наступление на Тяньцзинь (схема 1), который тогда занимали войска генерал-губернатора провинции Чжили Ли Цзин-линя. Вновь перейдя на сторону Чжан Цзо-линя, он нарушил связь и взаимодействие Го Сун-лина с Фэн Юй-сяном. Япония непосредственно вмешалась в борьбу Чжан Цзо-линя с Го Сун-лином. Японская разведка собирала и доставляла в штаб Чжан Цзо-линя сведения о группировке и расположении войск Го Сун-лина и пыталась разложить его армию изнутри путем подкупа высшего командного состава. Японское командование сосредоточило свои войска в Ляодунском районе, вдоль ЮМЖД, для непосредственного выступления против Го Сун-лина. При таком наглом вмешательстве японских империалистов во внутренние дела Маньчжурии участь Го Сун-лина была решена, хотя материальное и моральное превосходство его войск над остальными войсками Чжан Цзо-линя было несомненным.

20 декабря главные силы Го Сун-лина перешли в наступление против войск Чжан Цзо-линя, скрывшихся за р. Ляохэ, переправились по льду через эту реку и захватили железнодорожный мост у Мукдена. В это время конница генерала У Цзюн-шэня, сторонника Чжан Цзо-линя, вместе с японской кавалерией, используя данные японской разведки, проникла в тыл Го Сун-лина, разгромила его штаб и захватила его самого в плен. Тут же на месте он был обезглавлен. Армия его распа-

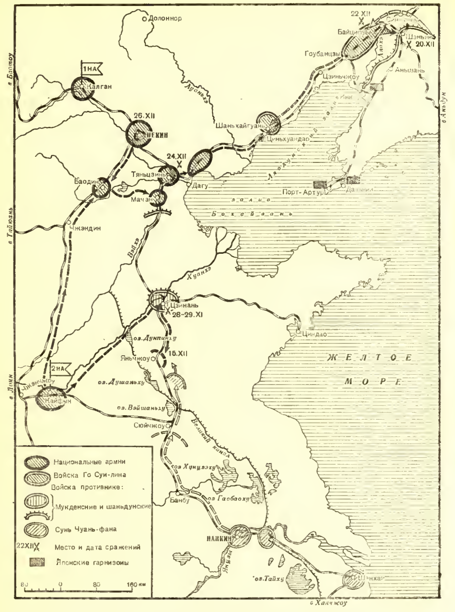

Схема 1. Расположенне Национальных армнй н войск противнка в конце 1925 г.

лась. Часть перебежала на сторону Чжан Цзо-линя, остальные под командой генерала Вэй И-саня отступили к Шаньхайгуаню и влились в 1-ю Национальную армию.

2-я Национальная армия начала совместные операции с 1-й Национальной армией против войск мукденской группировки. Основные силы 2-й Национальной армии в начале ноября перешли в наступление из района Кайфына вдоль правого берега р. Хуанхэ на Цзинань, главный город провинции Шаньдун. Эту группу 2-й Национальной армии возглавлял командир 9-й дивизии Ли Ци-цай, который считался наиболее подготовленным в оперативном отношении генералом и которого прочили в дубани провинции Шаньдун. Операция 2-й Национальной армии, по-видимому, в какой-то мере согласовывалась с наступлением войск чжилийской группировки Сунь Чуань-фана против войск Чжан Цзун-чана вдоль Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги. Но тогда мы не были посвящены ни дубанем, ни его штабом в план операции и порядок взаимодействия войск 2-й Национальной армии с войсками Сунь Чуань-фана. Из газет мы узнали, что войска Ли Ци-цая под Цзинанью 28—29 ноября потерпели крупное поражение, особенно пострадала 13-я смешанная бригада генерала Ма Ци-ди, потерявшая около 3 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Надо полагать, Ли Ци-цай в своем рвении поскорее занять место дубаня Шаньдуна выступил в поход неподготовленным, не обеспечив прочной связи с войсками Сунь Чуань-фана.

Вскоре по возвращении Скалова из Шэньси Юэ Вэй-цзюнь предложил направить советников на фронт к генералу Ли Ци-цаю, но не ознакомил их с конкретной оперативной обстановкой. Известно было только, что ставка Ли Ци-цая размещалась в районе г. Яньчжоу, т. е. в 120 км к югу от Цзинани (от места сражения).

14 декабря наша группа во главе с Г. Б. Скаловым выехала на шаньдунский фронт по железной дороге через узловую станцию Сюйчжоу. Нас было четверо — Скалов, я, переводчики Мазурин и Ли. Нам дали для поездки на фронт совершенно разбитый товарный вагон. В стене вагона не хватало досок, и сквозь щели проглядывал буквально белый свет, так как началось сильное похолодание и выпал снег. В ночь с 14 на 15 декабря температура резко понизилась до 18—20° С. Ехать было холодно, тем более что мы не захватили с собой теплых вещей.

Прибыв в Яньчжоу 15-го вечером, мы разыскали ставку Ли Ци-цая. Она помещалась в сыром, темном, неотапливаемом помещении, где толпились, приходили и уходили десятки солдат и офицеров. Помещение освещалось несколькими керосиновыми лампами и огарками свечей, которые тускло мерцали в полумраке. Охраны штаба, по-видимому, не было совсем, во всяком случае, она ничем себя не обнаруживала. Документов у нас

никто не спрашивал, и на наше прибытие не обратили никакого внимания. После представления Ли Ци-цаю я пытался выяснить обстановку. Опросив штабных офицеров, я определил группировку частей и соединений 2-й Национальной армии в районе Яньчжоу и составил схему их расположения на листке своей записной книжки. Согласно схеме, войска Ли Ци-цая размещались очень благоприятно: они как бы охватывали противника с обоих флангов. Таким образом, это давало возможность повторить под Яньчжоу ганнибаловские Канны *.

Ко мне подошел Ли Ци-цай, поинтересовался моей схемой и начал вносить в нее поправки. Там, где у меня на схеме располагались части и соединения 2-й Национальной армии, Ли Ци-цай расставил флажки войск У Пэй-фу или Сунь Чуань-фана. Выходило, что не мы, а противник — войска У Пэй-фу и наши «союзники» — войска Сунь Чуань-фана охватывали остатки войск 2-й Национальной армии с обоих флангов. Эта метаморфоза прояснилась на следующий день. Переводчик рассказал, что в городе вывешены объявления генерала Цзинь Юнь-э, командира 1-й дивизии войск Сунь Чуань-фана, в которых сообщается, что Цзинь Юнь-э по приказу генералов У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана вступил в командование войсками в районе Яньчжоу, для того чтобы выгнать противника (войска Чжан Цзун-чана) из провинции Шаньдун. Следовательно, часть войск 2-й Национальной армии перешла на сторону У Пэй-фу. Далее были помещены объявления генералов Ли Ци-цая и Го Ди-цая, командира 3-й дивизии армии Сунь Чуань-фана, о том, что солдаты «за дезертирство и грабеж местного населения» подлежали расстрелу.

При такой ситуации мы не рискнули заняться осмотром города, занятого войсками различных группировок. Мы устроились вблизи харчевни на открытом воздухе, тем более что потеплело, хотя погода и оставалась пасмурной. Мы поступили правильно, что не дали простора своей любознательности и не поехали на экскурсию в Яньчжоу.

Вечером, с наступлением сумерек, генерал Ли Ци-цай предупредил нас, чтобы мы тихо и незаметно следовали за ним. Мы, генерал со своими приближенными, бодигарами (телохранителями) на легковой машине и грузовике стали выбираться из расположения «доблестной», но, увы, уже не 2-й Национальной армии. Надо было торопиться, так как новый главком, Цзинь Юнь-э, как нам сообщили по секрету, потребовал, чтобы советских советников выдали ему. Он якобы намеревался нас повесить на перекладинах ворот Яньчжоу, где, как и в большинстве китайских городов, было как раз четверо ворот. Надо

* Канны — город в Италии, в окрестностях которого карфагенский полководец Ганнибал окружил и уничтожил в 216 г. до н. э. в два раза превосходящую по численности римскую армию.

отдать должное Ли Ци-цаю: он, не в пример другим китайским генералам, не бросил нас на произвол судьбы. 235 километров мы с главкомом уходили от «собственной» армии. Так поздно ночью 17 декабря мы завершили нашу фронтовую экскурсию и возвратились в Кайфын.

Вскоре после возвращения из Шаньдуна я отправился к начальнику Хэнаньской военной школы, для того чтобы выяснить перспективы нашей работы и узнать о материальном обеспечении учебного процесса. Я застал начальника школы в подавленном состоянии.

Он сказал: «Теперь каждому очевидно огромное значение помощи, которую оказывает Советская Россия Китаю. Эта помощь крайне необходима. 2-я Национальная армия подготовлена крайне плохо. Войска не умеют осуществлять разведку, поддерживать связь, стрелковая их подготовка скверная. Только выступление Го Сун-лина спасло армию от тяжелых потрясений. 2-я Национальная армия может вести войну лишь с туфэями. Я докладывал дубаню о необходимости улучшить подготовку армии, расширить работу школы, оснастить армию новой боевой техникой и конским составом. Дубань только теперь согласился со мной». Он сообщил также, что отправленные на обучение в Советский Союз курсанты приняты очень хорошо. Начальник школы считал данный выпуск слабо подготовленным. Но в следующем месяце должен был начаться набор второго выпуска школы, и он просил помочь ему в подготовке к этому. Он рассказал, что всю лучшую материальную часть артиллерии захватили 4-я и 5-я дивизии, которыми командовали генералы-упэйфуисты.

Эти сведения позволили нам создать более конкретное представление о 2-й Национальной армии, которая не оправдала наших надежд. Наша оценка боеспособности этой армии на основании опыта Шаньдунской операции совпадала с оценкой начальника Хэнаньской военной школы генерала Сюя. 2-я Национальная армия была не в состоянии воевать против регулярных войск. При нынешних взаимоотношениях с командованием этой армии мы ничем не могли ей помочь. Как я уже говорил, с фронтовой обстановкой нас не знакомили и данных о боевом состоянии частей и соединений этой армии не давали.

В этих условиях мы сосредоточили все свое внимание на работе в Хэнаньской военной школе, чтобы курсанты последующих выпусков стали подготовленными командирами Национальной армии. Чтобы ближе познакомиться с высшим командным составом школы, Г. Б. Скалов решил пригласить к нам ее начальника и ближайших его помощников на встречу Нового года. Вечер прошел в дружественной обстановке и способствовал установлению более тесного контакта.

Несколько дней спустя начальник школы устроил для советников ответный банкет в школе. Стол был китайский: обед из

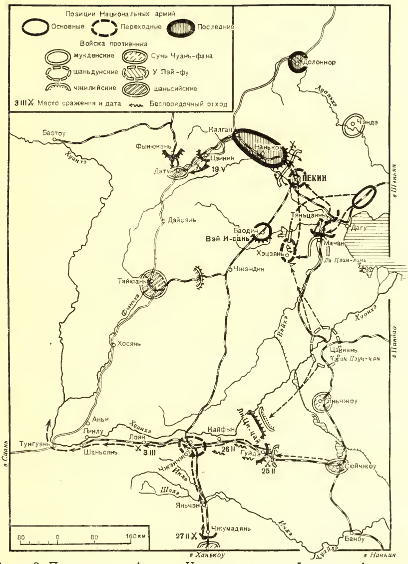

Схема 2. Положение на фронтах Национальных армий в конце февраля — начале марта 1926 г.

40 блюд, вместо привычных нам вилок, ножей и ложек — куайцзы. К тому времени мы уже освоили технику пользования куайцзы. Это был для нас первый чисто китайский обед по количеству поданных блюд, по способу их приготовления и сервировке стола. Во всяком случае, мне лично не приходилось присутствовать на подобных банкетах.

В начале обеда было подано множество самых разнообразных закусок. Хозяин вечера, начальник школы, жестом пригласил отведать яства и сам первый показал пример. Для гостей в Китае такая предосторожность не излишня. На китайских званых обедах бывали случаи, когда хозяин сводил счеты со своим врагом. На одном из таких банкетов, по сведениям прессы, У Пэй-фу отравил дубаня провинции Хубэй Сяо Яо-наня, который после поражения 1924 г. в Чжили стал проявлять строптивость и у которого были попытки выйти из группировки. У Пэйфу в знак траура всю ночь на коленях простоял у гроба Сяо Яо-наня, а наутро стал полновластным хозяином провинции Хубэй и вернул себе престиж главы чжилийской группировки.

Мы стали готовиться к приему новых курсантов, а также к работе на курсах по переподготовке офицеров войсковых частей. Эти курсы предстояло организовать при школе. На основе опыта работы в войсках и в школе мы разработали более детальный и целенаправленный план учебного процесса.

Хотя наша работа в школе и в войсках была непродолжительной, дубань и начальник школы сумели оценить профессиональное мастерство наших советников, их бескорыстие. Ряд советников был награжден китайскими орденами за работу в школе и проведение боевых операций.

Военно-политическая обстановка на севере Китая в начале 1926 г.

Военно-стратегическое положение Национальных армий, возглавляемых Фэн Юй-сяном, в начале 1926 г. на первый взгляд казалось благоприятным (схема 2). Национальные армии контролировали значительную часть территории Северного Китая — провинции Чжили, Жэхэ, Чахар, Суйюань, Ганьсу, Шэньси, Хэнань — общей площадью более 1370 тыс. кв. км и с населением 52 млн. Они владели такими крупными политическими, экономическими и стратегическими пунктами, как Пекин, Тяньцзинь. Это позволило Фэн Юй-сяну несколько облегчить финансовые затруднения. Фэн Юй-сян, однако, не сумел до конца воспользоваться благоприятным положением, создавшимся во время восстания Го Сун-лина в борьбе против основного врага Национальных армий — Чжан Цзо-линя. Он вовремя не поддержал Го Сун-лина, и Чжан Цзо-линь при непосредственной помощи вооруженных сил Японии подавил восстание.

6 Зак. 847

Кроме того, трудное положение Чжан Цзо-линя после восстания Го Сун-лина и обострение противоречий между ним и чжилийской группировкой побудило Англию, Японию и другие империалистические державы искать пути примирения между Чжан Цзо-линем и У Пэй-фу. Целью этой миротворческой деятельности было стремление объединить усилия всех китайских милитаристов для совместной борьбы против Национальных армий и войск Гуанчжоуского правительства. В эту коалицию они втягивали и шаньсийского дубаня Янь Си-шаня. Для Национальных армий создавалась исключительно тяжелая обстановка, особенно вследствие враждебной позиции Янь Си-шаня. Для 1-й Национальной армии наметились четыре фронта: против армии Чжан Цзо-линя, Ли Цзин-линя, Чжан Цзун-чана и Янь Си-шаня. Эта коалиция располагала следующими вооруженными силами.

1. Мукденская группировка. В Маньчжурии по р. Луаньхэ: а) в районе Шаньхайгуаня и Чанли находилось около 12 пехотных и 6 кавалерийских бригад общей численностью 50 тыс. человек, 150 пулеметов и 120—130 орудий; б) в районе Цзиньчжоу, Синьминьтуня, Мукдена — 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 12-я пехотные дивизии (бывшие войска Го Сун-лина и Чжан Сюэ-ляна) общей численностью 40 тыс. человек, 100 пулеметов и около 100 орудий; в) общий резерв для прикрытия тыла на севере Маньчжурии и охраны КВЖД — 8 пехотных и 2 кавалерийские бригады, всего 20 тыс. штыков, 4 тыс. кавалерии, 50—60 пулеметов и 30 орудий. В провинции Шаньдун: а) войска Ли Цзин-линя, около 30 тыс. человек, наступавшие на Тяньцзинь; б) южнее и юго-западнее Цзинани войска Чжан Цзун-чана, около 40 тыс. человек, наступавшие на Баодин.

Всего вооруженные силы мукденской группировки насчитывали около 180 тыс. человек, 420 пулеметов, 260 орудий, 5 бронепоездов, 6 танков и 40 самолетов.

2. Шаньсийская группа Янь Си-шаня. Генерал-губернатор провинции Шаньси Янь Си-шань слыл образованным дубанем. Он, пожалуй, единственный из генералов-милитаристов ухитрился с началом революции 1911 г. остаться в стороне от междоусобных провинциальных драк и не примыкал ни к какой политической группировке милитаристов. Во многом этому способствовали условия местности в провинции Шаньси, со всех сторон окруженной горами, которые имели довольно крутые склоны. Кроме того, шаньсийские горы с севера и востока укреплены ответвлениями Великой китайской стены. С запада и юга граница Шаньси усилена р. Хуанхэ, которая сама по себе представляет трудноодолимую естественную преграду.

Вооруженные силы Янь Си-шаня были невелики, он располагал двумя пехотными дивизиями и семью отдельными бригадами общей численностью около 50 тыс. человек. 1-я и 2-я пе-

хотные дивизии размещались на границе провинции Чжили. Шаньсийские войска были недисциплинированны, плохо обучены и не имели боевого опыта. Янь Си-шань был известен как противник У Пэй-фу. В действительности его политика заключалась в лавировании между милитаристскими группировками. Во время восстания Го Сун-лина он ориентировался на Фэн Юй-сяна.

Шаньсийская армия занимала опасное для Национальных армий военно-стратегическое положение. Она отделяла 1-ю Национальную армию от 2-й и 3-й. Войска мукденской и чжилийской группировок с переходом на их сторону Янь Си-шаня получали возможность разбить Национальные армии по частям.

Мукденской и чжилийской милитаристским группировкам противостояли Национальные армии.

1-я Национальная армия и группа Вэй И-саня (остатки армии Го Сун-лина, которым удалось присоединиться к армии Фэн Юй-сяна под наименованием 4-й Национальной армии) состояли из 7 пехотных дивизий, 4 отдельных пехотных бригад и 6 отдельных кавалерийских бригад общей численностью 95 тыс. человек:

а) в районе Луаньчжоу по р. Луаньхэ около трех пехотных дивизий и трех кавалерийских бригад были брошены против Чжан Цзо-линя; б) 11-я и 9-я пехотные дивизии с двумя бронепоездами находились на марше из района Луаньхэ к Тяньцзиню для поддержки 3-й Национальной армии Сунь Юэ против Ли Цзин-линя; в) в районе Жэхэ находились одна пехотная и три кавалерийские бригады и монгольские части общей численностью 8—10 тыс. человек; г) в районе Пекина, Калгана и Суйюани — две пехотные дивизии и две пехотные бригады (всего около 25 тыс. человек), бронепоезд; д) в Ганьсу, в районе Нинся — одна пехотная дивизия; е) группа Вэй И-саня вследствие своей ненадежности была отведена в район Баодинфу.

Части 3-й и 2-й Национальных армий, около двух пехотных дивизий и несколько отдельных бригад общей численностью 15—20 тыс. человек оборонялись в районе Мачана (к югу от Тяньцзиня). Остальные войска 3-й Национальной армии оставались в районе провинции Шэньси.

2-я Национальная армия была сильно потрепана в Шаньдунской операции. Нам не удалось установить точную численность и состав войск, оставшихся в распоряжении дубаня к февралю 1926 г. Управление дубаня скрывало от нас свои потери. Все же некоторые данные можно привести.

В о с т о ч н ы й ф р о н т. Против войск Чжан Цзун-чана и Сунь Чуань-фана в районе Гуйдэ и на северо-западе вдоль границы с провинцией Шаньдун располагалась восточная группировка 2-й Национальной армии под командованием командира 3-й пехотной дивизии Тан Вэй-цзина, генералов Ли Ци-цая и

Фан Чжэн-у *, включавшая три-четыре пехотные дивизии и несколько отдельных бригад общей численностью около 40 тыс. человек.

Южный фронт. Против У Пэй-фу в районе Чжэнчжоу и южнее по железной дороге Пекин — Ханькоу были сосредоточены южная группа частей и соединений 2-й Национальной армии, около пяти пехотных дивизий и пять отдельных бригад численностью около 45 тыс. человек.

Силы Национальных армий были размещены довольно пассивно. Равномерное распределение войск по всему обширному фронту не давало возможности бить противника по частям. Половина сил 1-й Национальной армии располагалась в глубоком тылу вне оперативной связи с войсками на фронте.

Сопоставление численности вооруженных сил Национальных армий и коалиции милитаристов мукденской, чжилийской группировок и Янь Си-шаня, их материальных ресурсов, а также военно-стратегического расположения частей приводило к выводу, что положение Национальных армий чрезвычайно тяжелое.

Об этом свидетельствуют также следующие ориентировочные данные (см. таблицу).

Таблица

Вооруженные силы коалиции милитаристов и Национальных армий к началу февраля 1926 г.

Армия	Общая численность войск, тыс.	Дивизии	Отдельные бригады	Пулеметы	Орудия
Мукдено-чжилийская и Янь Си-шаня	590	42	47	946	890
Национальные	220	18	25	625	400

Из таблицы видно, что вражеская коалиция в два с лишним раза превосходила Национальные армии по численности вооруженных сил, по количеству орудий.

Территория, занятая Национальными армиями, была в целом достаточно велика, но такие области, как Внутренняя Монголия и провинция Ганьсу, были слабо населены и бедны материальными ресурсами. Мукдено-чжилийская же коалиция владела восточными провинциями Китая, которые, как известно, отличаются большой плотностью населения, богаты всевозможными материальными ресурсами и развитыми путями сообщения.

* Фан Чжэн-у — шаньдунский генерал, перешедший на сторону Национальных армий с небольшой группой войск под наименованием 5-й Национальной армии.

Кроме того, не надо забывать, что мукдено-чжилийской группировке помогали крупные империалистические державы — Япония, Англия, США и Франция — не только техническим оснащением, но и вооруженной силой.

Военно-стратегическое положение Национальных армий даже при беглом ознакомлении с картой выглядело не блестяще. Территория, где находилась 2-я Национальная армия, со всех сторон была окружена провинциями, занятыми войсками мукдено-чжилийской коалиции и Янь Си-шаня, а следовательно, отрезана от 1-й Национальной армии.

Контролируемая 1-й Национальной армией наиболее богатая провинция Чжили с Пекином и Тяньцзинем также была отрезана противником от остальной территории. Единственная ее железнодорожная коммуникация в районе Датуна находилась под постоянной угрозой войск Янь Си-шаня.

Однако при более глубоком анализе реального состояния вооруженных сил обеих группировок, если учитывать противоречия между милитаристами, входившими в мукдено-чжилийскую коалицию, положение Национальных армий не будет казаться таким уж безнадежным.

Ведь мукденская группировка, вступившая в борьбу такой сильной и монолитной, чуть было не развалилась как карточный домик во время восстания Го Сун-лина, когда значительная часть восставших мукденских частей стала 4-й Национальной армией. От шаньдунского милитариста Чжан Цзун-чана ушли лучшие его части и под командованием генерала Фан Чжэн-у образовали 5-ю Национальную армию. Только медлительность Фэн Юй-сяна спасла мукденскую группировку от катастрофы.

Не лучшее положение наблюдалось и в чжилийской группировке. Сунь Чуань-фан, по существу, полностью освободился из-под влияния У Пэй-фу.

Теперь все зависело от того, найдут ли руководители Национальных армий достаточно моральной силы, чтобы выйти из состояния инертности, характерного для первого периода этой войны. Сумеют ли Национальные армии преодолеть центробежные силы? Смогут ли они осуществить целеустремленное и согласованное ведение военных действий для достижения общей цели? Сумеют ли Национальные армии найти общий язык с широкими массами трудового народа? Эти обстоятельства имели решающее значение. От этого зависело успешное комплектование армии и обеспечение ее необходимыми ресурсами. Это облегчило бы переход на сторону Национальных армий лучших частей противника.

Военно-техническое превосходство армий милитаристов над Национальными армиями не имело большого значения, так как все китайские армии плохо осваивали технику, да и сама боевая техника — пулеметы, винтовки и артиллерия — содержалась в неудовлетворительном состоянии и скудно обеспечивалась бое-

припасами. При правильном и умелом оперативном и техническом использовании той боевой техники, которой были вооружены Национальные армии, при энергичных действиях, при опоре на широкие народные массы эта грозная коалиция милитаристов потерпела бы разгром. Однако Национальные армии не могли найти сочувствия среди широких масс населения, в лучшем случае они могли рассчитывать на их нейтралитет.

На тяньцзиньском участке фронта

15 января 1926 г. начальник группы Г. Б. Скалов предложил мне выехать советником к командиру 7-й пехотной дивизии 2-й Национальной армии Дэн Бао-шаню, войска которого к этому времени переместились в район Тяньцзиня. Мне тогда казалась нецелесообразной переброска этой дивизии на 500 км к северу от провинции Хэнань, в район, контролируемый 1-й Национальной армией. Ведь 2-я Национальная армия в Хэнани тоже находилась под угрозой двойного удара: с востока надвигались шаньдунский дубань Чжан Цзун-чан и войска Сунь Чуань-фана и с юга — У Пэй-фу. К тому же шаньсийский дубань Янь Си-шань занимал в отношении Национальных армий, в том числе и располагавшихся в провинции Хэнань, враждебную позицию.

Как выяснилось, переброска 7-й пехотной дивизии Дэн Бао-шаня, а также 3-й Национальной армии Сунь Юэ диктовалась общим стратегическим положением Национальных армий — необходимостью усилить 1-ю Национальную армию в районе Тяньцзиня после восстания Го Сун-лина. Тяньцзинь — единственный морской порт, которым временно распоряжались Национальные армии. Он обеспечивал получение оружия и боеприпасов морским путем. Передоверять доставку оружия, предназначенного для 2-й Национальной армии (в частности, для дивизии Дэн Бао-шаня), другой армии не было никакого резона при той взаимной грызне, которая не прекращалась между китайскими генералами.

Кроме того, мотивом для передвижения войск 3-й и 2-й Национальных армий на север послужила договоренность Сунь Юэ с Фэн Юй-сяном о будущем назначении Сунь Юэ дубанем провинции Чжили, а Дэн Бао-шаня — его заместителем. В этом, пожалуй, заключалась основная причина, побудившая генералов этих армий взаимодействовать с 1-й Национальной армией.

По пути в Тяньцзинь я задержался в Пекине. Здесь я встретился с советниками при 1-й Национальной армии и выяснил некоторые подробности Тяньцзиньской операции. Действия Национальных армий против Ли Цзин-линя не привели к успеху, так как эти армии действовали разрозненно, без плана и твердого руководства. Вследствие нерешительности командующего

войсками 1-й Национальной армии Чжан Чжи-цзяна его войска воевали отдельными отрядами, без взаимосвязи, без разведки и охранения. Войска Ли Цзин-линя действовали очень активно — непрерывно вели контратаки и захватывали в плен целые роты, а также орудия и пулеметы. Так же разрозненно и несогласованно сражались 1-я и 3-я Национальные армии и за Мачан. Им удалось овладеть городом лишь 13 декабря 1925 г., понеся крупные потери. Бои под Тяньцзинем показали, что войска мукденской группировки гораздо лучше подготовлены, чем войска Национальных армий, особенно 2-й и 3-й.

А. И. Егоров

В это время в Пекин прибыл новый военный атташе, известный полководец Красной Армии времен гражданской войны Александр Ильич Егоров.

Назначение на пост военного атташе в Китае прославленного полководца гражданской войны А. И. Егорова свидетельствовало о том внимании, какое уделяло Советское правительство помощи китайскому народу в создании национальной армии и восстановлении суверенитета Китая.

А. И. Егоров родился в октябре 1883 г. в трудовой семье в г. Бузулуке. Военное образование он получил в Казанском военном училище, которое окончил в 1905 г. В первой мировой войне участвовал в качестве командира роты и батальона. Великая Октябрьская революция застала его командиром полка. Он сразу же перешел на сторону народа. После Октябрьской революции А. И. Егоров был избран депутатом II Всероссийского съезда Советов и членом ВЦИК.

В годы гражданской войны полководческая деятельность А. И. Егорова была исключительно многогранна. Весной 1919 г. он был командующим 10-й армией, которая вела бои в районе Царицына. Искусным маневрированием его части отбили все попытки противника прорвать центр армии. Сосредоточив главные силы кавалерийских частей в направлении главного удара, армия нанесла противнику сокрушительное поражение.

А. И. Егоров лично возглавил атаку кавалерии на главном направлении и несмотря на тяжелое ранение не покинул поля боя. За эту операцию А. И. Егоров был награжден орденом Красного Знамени.

Насколько был высок авторитет А. И. Егорова как военачальника свидетельствуют следующие факты. Осенью 1919 г. для Советской России создалась тяжелая военная обстановка. Белогвардейские войска Деникина захватили Воронеж, Курск и стали угрожать Туле. Советское правительство приняло ряд неотложных мер по укреплению войск Южного фронта и командовать им доверило А. И. Егорову. Новый командующий фронта принял ряд мер по укреплению боеспособности войск. На избранном им направлении главного удара, под Орлом и Воронежем, были сосредоточены массированные группировки войск, которые перешли в контрнаступление. Удар, нанесенный войсками А. И. Егорова, явился настолько мощным и сокрушительным, что белая армия Деникина была разгромлена.

В начале 1920 г. А. И. Егоров был назначен командующим Юго-западным фронтом. Операции велись по существу на двух стратегических направлениях: западном — против белополяков, в полосе от р. Припяти до Черного моря, и южном — в Крыму, где находились остатки белой армии Деникина. В это время мне довелось служить в войсках Юго-западного фронта помощником инспектора артиллерии фронта. Инспектором артиллерии фронта был известный артиллерист В. Д. Грендаль. Работа в инспекции дала мне возможность познакомиться с методами руководства войсками А. И. Егорова. Суть его — доверие к своим подчиненным, предоставление им возможности проявлять инициативу и вместе с тем твердое и целеустремленное руководство. Под его началом выросли талантливые советские военачальники: С. М. Буденный, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, Н. П. Петин и др.

После окончания гражданской войны А. И. Егоров занимал ряд крупных постов в Красной Армии: командующего войсками отдельных округов, начальника штаба РККА, а затем начальника Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Впоследствии, в 1936 г., мне довелось встретиться с А. И. Егоровым, в то время уже Маршалом Советского Союза, начальником Генерального штаба РККА. Он приехал в Ленинград, а затем был направлен на Карельский перешеек как председатель Государственной комиссии по приему опытных оборонительных работ, руководство которыми было поручено мне — командиру корпуса и коменданту Карельского укрепленного района (КАУРА). Эти работы заключались в строительстве дерево-земляных противотанковых и противопехотных оборонительных сооружений.

А. И. Егоров с членами комиссии очень обстоятельно обследовали проведенные работы, проверили их боевую значимость

на двусторонних учениях с танками и боевой стрельбой Особое внимание комиссии привлек выполненный нами подземный форт. Он представлял собой дерево-земляное подземное оборонительное сооружение, выкопанное в районе Агалатово шахтным способом, имел 12 скрытых станково-пулеметных точек и гарнизон в 500 человек. Форт трудно было обнаружить с воздуха. А. И. Егоров принимал активное участие в перевооружении Красной Армии новой боевой техникой и выработке новых форм ведения боя и операций, а также в ее обучении передовым методам руководства.

Более детальные биографические данные о Маршале Советского Союза А. И. Егорове представлены в работе Ненарокова «Верность долгу».

Как опытный военачальник, А. И. Егоров по прибытии в Китай быстро разобрался в военной обстановке и в причинах неудач, постигших Национальные армии. В своей директиве советникам А. И. Егоров указывал, что успех зависит от руководства частями, твердой и неуклонной решимости победить врага. Он призывал к стремительному и неудержимому штурму врага. Однако Александр Ильич еще не до конца ознакомился со спецификой взаимоотношений китайских генералов.

При встрече А. И. Егорова с Фэн Юй-сяном, состоявшейся 15 декабря, выяснилось, что Национальные армии не имели заблаговременно разработанного плана операции. Во всяком случае, расчеты командования оказались неудовлетворительными: более 50% армии Фэн Юй-сяна было зарезервировано в глубоком тылу (в Калгане — две пехотные дивизии, в Суйюани и Ганьсу — одна пехотная дивизия). Фэн признал, что силы своего противника Ли Цзин-линя он недооценил и поэтому теперь приходится осуществлять перегруппировку войск. На вопрос о дальнейшем плане действий Фэн Юй-сян ответил, что он не продумал его конкретно, но что главный удар должны нанести войска, посланные для поддержки Чжан Чжи-цзяна. Нам было очень трудно понять, почему Фэн Юй-сян поручил руководство главными силами 1-й Национальной армии столь бездарному генералу, как Чжан Чжи-цзян.

С началом операции советников по существу совсем отстранили от работы в войсках. Там же, где они все еще оставались, их не информировали о происходящих событиях и не знакомили со своими планами. Отвечая на вопрос Александра Ильича о координации действий со 2-й и 3-й Национальными армиями, Фэн отметил их полную автономность и свое бессилие отрегулировать их взаимосвязь. Свою беседу Егоров закончил мудрым советом поддержать Го Сун-лина кавалерией. Фэн Юй-сян отверг это предложение и безапелляционно заявил, что Го Сун-лин справится собственными силами. Беседа нашего военного атташе с Фэн Юй-сяном подтверждает ходкий военный афоризм: армии, разбитые на поле сражений, носят зачатки своего пора-

жения задолго до начала военных действий. В следующей своей директиве А. И. Егоров, учитывая китайскую специфику командования войсками, требовал от нас свои соображения представлять в форме совета. Он рекомендовал не отвергать огулом планы китайцев, а вносить в них коррективы, которые делали бы их целесообразными, целеустремленными и соответствующими обстановке. Что касается Фэн Юй-сяна и его Национальной армии, то необходимо было использовать их революционный порыв и помочь китайскому народу осуществить революцию, добиться освобождения.

Резюмируя вкратце деятельность Национальных армий в начальный период революции 1925—1927 гг., можно сказать, что они были близки к достижению цели революции — объединения Китая в единое суверенное государство.

Однако вследствие оплошности Фэн Юй-сяна выполнить это Национальным армиям не удалось. Империалистические державы, встревоженные восстанием Го Сун-лина, объединили всех китайских милитаристов в единый блок, использовав даже таких «смертельных», по выражению Фэн Юй-сяна, врагов, как Чжан Цзо-линь и У Пэй-фу.

В Пекине я направился к военному атташе А. И. Егорову для доклада. Как выяснилось из беседы, у него на приеме побывал командир 16-й смешанной бригады генерал Чжан Сы-чэн, который втайне от своего начальника — командующего 2-й Национальной армией дубаня Юэ Вэй-цзюня обратился с просьбой дать ему лично военного советника. А. И. Егоров решил посоветоваться со мной и выяснить, в чем причина такой просьбы. Я доложил военному атташе суть намерений Чжан Сы-чэна: он жаждал выйти в «большие люди», переформировать 16-ю смешанную бригаду в дивизию, добыть оружие через военного советника. Не имело никакого смысла переводить военного советника от Дэн Бао-шаня — левого гоминьдановца, из дивизии, которая находилась на стыке 1-й и 2-й Национальных армий. Александр Ильич согласился со мной и оставил прежнее мое назначение в силе.

30 января мы с переводчиком Чжао, приехав в Тяньцзинь, остановились в хорошо оборудованной гостинице европейского типа «Империал».

Устроившись в гостинице, мы направились на поиски генерала Дэн Бао-шаня. Найти его оказалось довольно сложным делом. Дэн Бао-шань слыл одним из наиболее последовательных гоминьдановцев, убежденным и искренним антиимпериалистом. На вид ему было лет за сорок. Среднего роста, худощавый, с низким голосом, он всегда носил гражданское платье. К сожалению, Дэн Бао-шань был опиекурильщиком, и пергаментного цвета лицо выдавало это пристрастие. Я представился ему и вкратце ознакомил с некоторыми своими биографическими данными.

Затем я счел необходимым заметить, что в военном деле нет таких правил и методов, которые годились бы на все случаи. Все зависит от обстановки, в которой ведутся военные действия. Я могу дать полезные рекомендации только в том случае, если буду знать расположение войск, оснащение боевой техникой, сведения о противнике и т. д. Дэн Бао-шань со всем соглашался, заверяя, что сделает все, чтобы ознакомить меня с его участком фронта. По его односложным и сдержанным ответам я понял, что он, по-видимому, не пришел в себя после очередного опиумного транса. Договорились увидеться через два дня.

В Тяньцзине я встретил наших советников В. М. Примакова и В. Н. Львова. Примаков занимался получением и транспортировкой вооружения для Национальной армии. Трудность этой операции состояла в том, что приходилось часть вооружения перевозить на джонках, поскольку суда, нагруженные оружием, из-за низкой осадки не могли пройти через бар в устье р. Хайхэ.

Из разговоров с ними я узнал, что Фэн собирается в СССР, где он хотел бы поучиться, а затем вернуться на родину и продолжить деятельность по спасению государства. Удивительно «удачное» время выбрал он для путешествия: восстание Го Сунлина провалилось по вине Фэна, большая часть госунлиновских частей перешла к Чжан Цзо-линю. Ли Цзин-линь начал наступление на Тяньцзинь, а У Пэй-фу угрожал 2-й Национальной армии в Хэнани. Свой отъезд в СССР Фэн Юй-сян мотивировал слабостью Национальных армий, которые не в состоянии спасти государство. Он говорил: «Нет достаточного количества оружия, нет снарядов, патронов, аэропланов. Имеющееся оружие негодно к употреблению. Войска плохо обучены. Между Национальными армиями плохие взаимоотношения. Войска 2-й и 3-й Национальных армий недисциплинированны, приказов его как главкома не выполняют, народ грабят. Хэнаньский генерал Фан Ши-минь, вместо того чтобы выступить против Шаньдуна, повел самостоятельное наступление на Шаньси. Армия без дисциплины не может спасти народ, государство. Надо завоевать сердце народа, обучить войска, приобрести военное имущество и снаряжение, тогда можно бороться решительно, а сейчас нельзя».

Даже отрывки из беседы В. М. Примакова с Фэн Юй-сяном, переданные мне в Тяньцзине, показывают, насколько противоречив и непоследователен был он в своей деятельности.

Фэн Юй-сян получил «даром» лучшую половину армии мукденской группировки — семь пехотных дивизий Го Сун-лина (хорошо вооруженные и обученные, с артиллерией и другой боевой техникой). К сожалению, он не последовал правильному совету А. И. Егорова подкрепить их кавалерией и в конце концов потерял армию, бросив части 2-й и 3-й Национальных армий для наступления на Тяньцзинь. По его же просьбе ему была выделена очень сильная группа советских военных советников, но их не допустили к работе. Теперь, в самый ответственный мо-

мент военных операций, он малодушно заявляет о намерении покинуть верховное руководство Национальными армиями и отправиться путешествовать и учиться. Он не мог не знать, что это решение чревато катастрофой для существования Национальных армий.

По совету Львова я решил воспользоваться вынужденной передышкой и заказать у местного портного новый костюм.

Тяньцзинь — большой город. Иностранные концессии придают ему облик европейского благоустроенного города, опрятного, со множеством магазинов, ресторанов и баров. В городе были две мастерские, в которых работали портные Казачков и Мирандо (оба русские, давно жившие в Тяньцзине), имевшие диплом Парижской академии портновского искусства. Их дипломы на французском языке были вывешены в витринах магазина в рамках под стеклом.

Мне запомнилось, как снимали мерку. На клиента надевали каркас — жилет, составленный из сантиметровых мерок. Их подгоняли так, чтобы получить точную копию фигуры клиента со всеми его индивидуальными особенностями. Результаты измерений записывали и делали выкройки из материала. Я спросил портного: «Когда приехать на примерку?» Он даже обиделся: «Сразу видно, что вы не тяньцзинец, мы шьем без примерки. Приходите через два дня и получите готовый костюм». Действительно, через два дня мне выдали готовый, отлично сшитый костюм. Я надел костюм и убедился, что он сидит идеально. У Львова, как выразился хозяин мастерской, была «трудная спина», но костюм тоже был сшит точно по фигуре. Впоследствии в Вене мне приходилось шить гражданское платье в лучших портновских мастерских Австрии, но нигде не шили костюмы так быстро и без примерки, как в Тяньцзине у Казачкова.

В условленное время я пришел к генералу Дэн Бао-шаню, чтобы договориться о совместной работе и получить необходимую информацию. Но Дэн Бао-шань, как и большинство китайских генералов, вместо разговора на военную тему сел на любимого своего конька, стал говорить о своей революционности и о том, как он печется о благе народа. Наконец, под предлогом появления какого-то конфиденциального посетителя, он попросил меня отложить разговор на завтра. Но и следующая наша беседа не состоялась.

Каждый раз (2, 3, 4 февраля), когда по договоренности с Дэн Бао-шанем переводчик Чжао заходил к нему на квартиру выяснить, дома ли генерал, его секретарь отвечал, что хозяин спит или уехал куда-нибудь. Позже, окольными путями, Чжао узнал, что Дэн Бао-шань был дома, но не велел никого принимать. Я подумал: есть ли смысл настойчиво навязываться в советники к генералам, которые по сути дела такие же милитаристы, как и их противники? Раз они не хотят или не могут по тем или иным мотивам вводить нас в курс событий и информи-

ровать нас о состоянии своих войск, стало быть, мы лишены возможности давать им полезные рекомендации.

Я пытался разобраться в этом и обращался к советникам при 1-й Национальной армии. Но и они были не в лучшем положении. Ни Фэн Юй-сян, ни тем более Чжан-дутун не хотели допускать советников к ведению военных операций. Мне вспомнился разговор Г. Б. Скалова с бывшим начальником Хэнаньской школы левым гоминьдановцем Бо Ли-вэем, состоявшийся 10 декабря 1925 г. Бо Ли-вэй тогда сказал, что при господствующем настроении умов среди хэнаньских генералов он не видел реальных перспектив для работы советских советников во 2-й Национальной армии.

В Тяньцзине мне приходилось часто встречаться и беседовать о наших взаимоотношениях с китайскими генералами и об условиях работы в войсках с советником при 3-й Национальной армии Владимиром Николаевичем Львовым. Эта армия считалась «гоминьдановской», так как большинство ее высших начальников и сам командующий генерал Сунь Юэ были гоминьдановцами. Эта армия состояла из одной пехотной дивизии, пяти смешанных, двух резервных, одной охранной, одной особого назначения и одной кавалерийской бригады общей численностью около 25 тыс. человек.

В. Н. Львов — хорошо подготовленный, вдумчивый боевой командир Красной Армии. Он окончил Военную академию РККА на год раньше меня. Его информация об условиях работы в гоминьдановской армии представляла большой интерес. В конце января Владимир Николаевич, получив назначение советником в эту армию, прибыл к генералу Сунь Юэ. Генерал заявил ему, что сомневается в возможности использования советников: «В штабе армии на оперативной работе вас использовать нельзя, так как вы не знаете китайского языка; военных школ у меня нет, и открывать их теперь не время; в войсках я не могу вас использовать, так как меня, дубаня провинции Чжили, могут заподозрить в сочувствии красным. Не лучше ли вам отправиться в Пекин?» Некоторое время он не принимал Львова, и переговоры велись через его советника по политической части Ван Фа-циня, члена ЦИК гоминьдана. Это был энергичный, умный человек, относившийся к нам благожелательно, он оказывал большое влияние на дубаня.

В начале февраля 1926 г., в связи с ожидавшимся прибытием из СССР оружия, отношение к нам заметно улучшилось. 23 февраля советский консул в Тяньцзине устроил в честь дубаня Сунь Юэ банкет. Дубань отказался от приглашения и в частной беседе с В. Н. Львовым мотивировал это тем, что не следует давать повода врагам говорить о нашей близости. «Мы друзья по идее, — говорил Сунь Юэ, — проявлять это внешне теперь не время. Когда победим врагов, в Пекине устроим грандиозный банкет в знак нашей дружбы».

Владимир Николаевич характеризовал Сунь Юэ как неплохого человека, но больного, слабохарактерного и завзятого опиекурильщика. В одной из бесед с Львовым он упомянул о своем выступлении на банкете, устроенном в честь У Пэй-фу и Цао Куня. Тогда он говорил, что «государства и государственные деятели, которые живут грабежом, рано или поздно погибнут». Но на его слова никто не обратил внимания.

Насколько эфемерной была связь 3-й армии с другими Национальными армиями, видно из следующей конфиденциальной беседы Львова с Сунь Юэ. Дубань доверительно, шепотом, сообщил: «На юге ожидается война, и нет возможности мирным путем ее уладить. Один нейтральный генерал (?) пытался установить соглашение с Чжан Цзун-чаном». Хотя Сунь Юэ и уверял, что этот генерал не его агент и что он действует по собственной инициативе, дальнейший ход событий — отход 3-й Национальной армии с занимаемых позиций — показал, что эти переговоры велись не без его участия.

К этому времени военно-политическая обстановка резко изменилась не в пользу Национальных армий. При посредничестве Англии и Японии состоялось соглашение между лидерами мукденской и чжилийской группировок о совместных действиях против Национальных армий. В феврале 1926 г. обе милитаристские группировки стали проявлять активность. Мукденские войска привели себя в порядок после потрясений, вызванных восстанием Го Сун-лина, и начали наступление совместно с армией Ли Цзин-линя на Тяньцзинь.

Японские миноносцы огнем своих орудий поддержали эти операции на побережье Бохайского залива. Дэн Бао-шань еще до начала наступления Ли Цзин-линя отбыл по приказу Юэ Вэй-цзюня в Хэнань.

Над провинцией Хэнань ко времени моего прибытия в Кайфын нависла угроза одновременного удара: с востока — войск Чжан Цзун-чана и Сунь Чуань-фана, а с юга — У Пэй-фу вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги на Чжэнчжоу.

Атмосфера настолько накалилась, что дубань Юэ Вэй-цзюнь сам обратился с просьбой к Г. Б. Скалову выслать советников в восточную и южную группу 2-й Национальной армии. Однако и здесь он остался верен себе, не дал никакой оперативно-стратегической ориентировки: не указал, какой фронт он считает главным, какими резервами он располагает и где они находятся; кто возглавляет южную группировку и каковы ее силы и средства, каково взаимодействие с 1-й Национальной армией и т. п. Без этих данных нам трудно было разобраться на месте и давать рекомендации соответствующим начальникам групп. Наша роль снова низводилась к решению узкотактических вопросов. В восточную группу Г. Б. Скалов направил советником Акимова, переводчиком при нем был назначен И. М. Ошанин. Этой группой, располагавшейся в районе ст. Ланфан, к востоку

от Кайфына. командовал командир 3-й дивизии генерал Тянь Вэй-цзин.

В южную группу Скалов решил ехать сам и предложил мне сопровождать его. Переводчиками у нас были Э. М. Мазурин и Чжао. Мне пришлось бросить начатую работу по армированию бронепоездов. Южная группа сосредоточивалась в районе ст. Чжумадянь. Кто эту группу возглавлял и каков был ее состав — нам предстояло выяснить на месте.

В начале февраля 1926 г. в Пекин прибыла чрезвычайная государственная комиссия под председательством крупного нашего партийного и государственного деятеля начальника Главного политического управления РККА А. С. Бубнова и членов комиссии: члена ЦК ВКП(б), секретаря Дальневосточного крайкома партии Н. А. Кубяка, крупного профсоюзного работника И. И. Лепсе, секретаря комиссии Лонгвы. В комиссию входили военный атташе А. И. Егоров и его помощник Т. Трифонов. Естественно, в заседаниях этой комиссии принимал участие полпред Советского Союза в Китае Л. М. Карахан. Комиссия была наделена большими полномочиями. Это свидетельствовало о том внимании, которое проявляло Советское правительство к китайскому народу. Я не имел возможности познакомиться с работой этой комиссии ни во время ее пребывания в Китае, ни позже, по документам. В Кайфыне нас проверял лишь один член этой комиссии — Трифонов. Все же после его беседы с дубанем Юэ Вэй-цзюнем нас стали привлекать к работе в Хэнаньской военной школе и участию в боевых операциях в провинции. А. И. Черепанов больше был знаком с деятельностью комиссии А. С. Бубнова и с ее материалами. В своей книге «Записки военного советника в Китае», изданной в 1976 г., он обстоятельно рассказал о ее работе в Китае в начале 1926 г. На странице 352 этой книги Александр Иванович цитирует выдержку, вывод комиссии А. С. Бубнова о работе советников при 1-й Национальной армии: «Отметив хорошие результаты деятельности Примакова и Броде (Зюка) по созданию кавалерии, он заключает: „Работа группы... ни в какой степени удовлетворительной признана быть не может“».

Никого из советников этой группы не осталось в живых, поэтому я считаю своим долгом объяснить приведенный тезис комиссии.

Этот вывод нельзя рассматривать как всесторонний. В нем уже с первого взгляда можно заметить противоречие. В начале его отмечена хорошая работа советников по кавалерии, тоже входивших в группу, деятельность которой признана неудовлетворительной.

Очевидно, комиссии не удалось ознакомиться с текущими делами группы советников, с конкретными результатами ее деятельности. Так, в начале августа 1925 г. я и П. П. Каратыгин (по поручению М. В. Фрунзе) осуществили инспектирование ве-

дения калганской группой советников боевой подготовки в армии Фэн Юй-сяна. В своих «Записках» на стр. 54—58 я вкратце изложил результаты нашего обследования. Из этого отчета видно, что тогда наши советники работали инициативно и самоотверженно. При помощи оборудованного ими миниатюр-полигона и имитационных средств из подручного материала они добились правильного усвоения курсантами правил артиллерийской стрельбы. Причем ряд советников — Аргентов, Петкевич и другие проводили занятия на китайском языке без переводчиков. Советники Калиновский и Чекин, не будучи инженерами-конструкторами, опираясь на паровозное депо Калгана, построили пять бронепоездов, обучили китайских солдат пользоваться ими, и в боях под Тяньцзинем они успешно демонстрировали свои знания на практике. Работа велась с полной отдачей всех сил, а условия быта и труда были очень тяжелые. Мне думается, при рассмотрении работы калганской группы комиссии следовало учесть и ее достижения в 1925 г.

Вывод о работе советников калганской группы был сделан без учета особых условий Северного Китая, без беседы с советниками, которые в это время находились в боевых порядках войск 1-й Национальной армии под Тяньцзинем. Я был на Мачанском направлении вместе с В. Н. Львовым, Балком и др.

А. И. Черепанов на стр. 350 своей книги отметил, что А. С. Бубнов 22 февраля 1926 г. в посольстве предложил «глубокий, четкий и всесторонний план дальнейших наших действий на Севере». Но наши советники, к сожалению, его не получили, а поэтому руководствоваться им не могли. К тому же все руководители, включая полпреда Л. М. Карахана, выехали в СССР.

Александр Иванович далее знакомит нас с некоторыми аспектами деятельности комиссии А. С. Бубнова, ее выводами и решениями. Как явствует из изложенного им, члены комиссии не имели ни времени, ни возможности обстоятельно ознакомиться с военно-политической обстановкой на Севере Китая во всей ее сложности. Как известно, это был наиболее тяжелый период, предшествовавший развалу Национальных армий. Фэн Юй-сян просчитался в случае с Го Сун-лином, поднявшим восстание в войсках. Полагая, что У Пэй-фу и Чжан Цзо-линь — «смертельные враги», он счел возможным в создавшейся сложной военной обстановке ехать в Россию «учиться». Однако эти «смертельные враги» при посредничестве империалистических держав оказались союзниками и выступили против его армии. А это внесло коренные изменения в военно-политическую ситуацию на Севере Китая. Что касается печального финала, который постиг 1-ю Национальную армию, то военные советники были не в состоянии изменить ход событий. Они оставались на своих постах до конца и отходили с остатками армии до Баотоу. Причем, советник Иванов-Ринов был ранен в обе ноги, Балк умер от заражения крови.

Надо сказать, что командующий 1-й Национальной армией Фэн Юй-сян неоднократно давал очень высокую оценку деятельности наших советников, которые оказывали всемерную помощь Китаю в создании армии в самое трудное время для советского и китайского народов.

Южный фронт 2-й Национальной армии и бой у Чжумадяня

Развал армии обычно раньше всего обнаруживается в ее тылу. Вопиющий беспорядок на железнодорожном узле в Чжэнчжоу, являвшемся распределительной станцией 2-й Национальной армии, наглядно подтвердил это. В Кайфыне, в штабе дубаня, нас заверяли, что в Чжэнчжоу нас ожидает поезд для дальнейшего следования на юг, к Чжумадяню. Прибыв 21 февраля в Чжэнчжоу, мы не обнаружили и следов обещанного поезда. Комендант станции по нашему требованию прислал нам провожатого. Это был тучный, выше среднего роста, моложавый человек в гражданском платье. Мне он запомнился поразительным несоответствием его возраста с младенческим лицом: пухлые, надутые щеки, губы бантиком и наивный взор, отражавший девственное состояние его интеллекта. Он делал все от него зависящее, чтобы наша поездка стала еще более тяжелой и неудобной.

Мы смогли выехать из Чжэнчжоу только к вечеру 22 февраля в вагоне с выбитыми стеклами и наполненном до отказа солдатами разных частей. 23-го утром прибыли в г. Линьцзин. Здесь нам пришлось ждать 12 часов, так как туфэи или «Красные пики» «разрушили путь». Как оказалось, всего-навсего был отвинчен один рельс. При нормальном положении дел для восстановления пути потребовалось бы максимум полчаса. Однако, пользуясь случаем, группа «воинственных» солдат и офицеров отцепила от поезда несколько вагонов, прихватила паровоз и укатила в Сюйчжоу (на север), и таким образом для себя лично они кончили войну.

Линьцзин — «столица» местного «князька» Фан Ши-миня. Станция кишела его солдатами, отличительным знаком которых были зеленые с белым нарукавные повязки. Дивизия Фан Ши-миня входила в состав 2-й Национальной армии под номером шестым. Она числилась в армии на особом положении и только номинально подчинялась дубаню Юэ Вэй-цзюню. Дивизия имела специфическую организацию по штатам, по-видимому на правах старых охранных отрядов сюнь фандуй. Она включала четыре колонны разного состава и численности. Например: 1-я колонна состояла из шести батальонов, 2-я — из шести батальонов и нескольких рот, состав 3-й колонны мне не удалось выяснить, 4-я колонна включала два полка. Кроме того, в дивизию входило

7 Зак. 847

несколько отдельных батальонов. Артиллерия дивизии имела около 30 орудий и до 80 минометов разных систем.

Войска Фан Ши-миня, по существу целая армия, размещались в гористой местности уезда Линьцзин. Средства на свое содержание они добывали, по-видимому, путем сбора налогов в самом районе. Этим объяснялась их независимость и в известной степени самостоятельность. Мы выехали из Линьцзина в 18 часов и прибыли в Янчэн засветло. Этот город стоит на судоходной реке Шахэ; около железнодорожного моста большое скопление барж. В городе имелась довольно большая птицефабрика. К часу ночи мы прибыли в Чжумадянь. Дэн Бао-шань принял нас немедленно. У него мы познакомились с командиром 11-й пехотной дивизии генералом Ли Ху-чэном. Это был плотный, широкоплечий, энергичный мужчина лет под сорок, усы щеткой свисали над его верхней губой. Говорил он короткими отрывистыми фразами, сопровождая их энергичными взмахами правой руки в кожаной перчатке на черной повязке. По всему было видно, что в отличие от большинства китайских генералов он способен принимать быстрые решения и настойчиво проводить их в жизнь.

Дэн Бао-шань походил на сухое дерево, источенное червями. Он извинился передо мной, что уехал из Тяньцзиня, не известив о своем отъезде, так как дубань его сильно торопил. Я через переводчика Э. М. Мазурина ему передал: «Генерал один ответствен перед дубанем и своим народом за порученные ему задачи. Он волен принимать или не принимать наши рекомендации. Не в моей привычке их навязывать генералу. Жаль, что ваш секретарь позабыл передать вам адрес гостиницы, где я остановился, что несомненно помешало вам меня известить». Я не мог упустить случая указать Дэн Бао-шаню на его бестактность по отношению к советским советникам.

В этот вечер нам не суждено было ознакомиться с обстановкой на южном фронте и выслушать соображения Дэн Бао-шаня по оперативному плану. Одно нам стало ясно: сил 2-й Национальной армии здесь сосредоточивается порядочно — до четырех дивизий, включая группу Фан Ши-миня (около двух дивизий). Поле сражения в районе Чжумадянь представляло собой равнинную местность, всхолмленную на юге и на западе. Эту равнину пересекала с севера на юг Пекин-Ханькоуская железная дорога. Местечко Чжумадянь объединяло два населенных пункта, удаленных друг от друга на $^3/_4$ км. Меньший из них назывался Старый Чжумадянь. Он предстал перед нами как небольшое укрепленное селение прямоугольной формы размером 0,5 км на 800—900 м, обнесенное глинобитными стенами размером до 6—7 м высоты и 4—5 м ширины. На площадях между амбразурами свободно размещались 75-миллиметровые орудия. Чжумадянь одной своей стороной примыкал к железной дороге (схема 3).

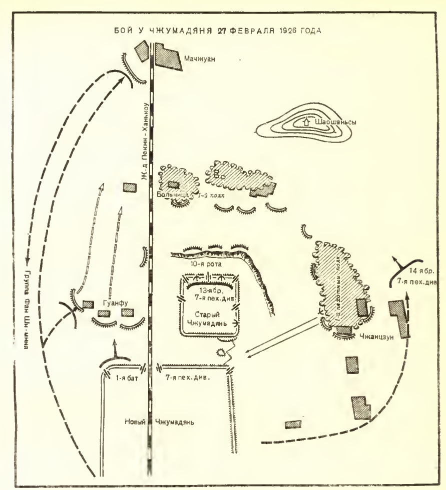

Схема 3

Новый Чжумадянь по размерам в несколько раз превосходил Старый. Здесь находилась железнодорожная станция, и селение располагалось по обе стороны железной дороги. Новый и Старый Чжумадянь соединялись ходом сообщения кремальерного начертания, но недостаточно глубоким, местами менее роста человека. Ход сообщения сыграл во время сражения значительную роль, так как Старый Чжумадянь и пространство между обоими населенными пунктами простреливались сильным ружейно-пулеметным огнем.

Южная группа 2-й Национальной армии сосредоточивалась в районе Чжумадяня следующим образом: 7-я пехотная дивизия Дэн Бао-шаня и 20-й резервный полк размещались в районе

Старого Чжумадяня и в населенных пунктах в 2—3 километрах от него. Группа войск Фан Ши-миня находилась в населенных пунктах вблизи железной дороги, примерно на одной параллели со Старым Чжумадянем, а также ниже его. Дивизию Ли Ху-чэна оставили в железнодорожных поездах на подходе к Новому Чжумадяню. О противнике было известно, что южной группе 2-й Национальной армии противостоит 1-я дивизия У Пэй-фу, усиленная несколькими бригадами, по-видимому четырьмя. Командовал этой группой командир 1-й пехотной дивизии генерал Коу Ин-цзе, самый преданный У Пэй-фу генерал. Она занимала оборону по обе стороны железной дороги, выше Старого Чжумадяня, имея центральным опорным пунктом район больницы, расположенной непосредственно у железной дороги.

Вечером 24 февраля мы зашли к Дэн Бао-шаню, чтобы разобраться в обстановке и ознакомиться с решением командования. Тогда мы и встретили генерала Фан Ши-миня. Высокого роста, худощавый, гибкий, лет 35—40, своей внешностью и манерами он напоминал индийского принца из кинокартин Голливуда. Он нас принял весьма приветливо и любезно, как гостей, но не как советников дубаня. Он не выказал ни малейшего желания ознакомить нас с обстановкой на фронте или со своими замыслами. В комнате присутствовали три генерала, Дэн Бао-шань, Фан Ши-минь и Ли Ху-чэн, командир 11-й пехотной дивизии и временно исполняющий обязанности дубаня провинции Шэньси. Загадочная картина. Кто же из них старший? Кто командующий южной группой 2-й Национальной армии? Этот вопрос, по-видимому, дубань Юэ Вэй-цзюнь обходил стороной, или его решение не было авторитетным, чтобы эта троица приняла его всерьез.

Фан Ши-минь, слывший старым гоминьдановцем, другом и последователем Сунь Ят-сена, не проявлял склонности подчиняться кому-либо, а по отношению к генералу Ли Ху-чэну он даже не скрывал своей неприязни. Всякий раз, когда Ли Ху-чэн намеревался выступить со своим мнением, Фан Ши-минь грубо его прерывал и плечом оттирал его от Дэн Бао-шаня на задний план. Наконец Ли Ху-чэн не выдержал, плюнул на пол, махнул рукой и ушел, громко хлопнув дверью. Этот инцидент привел к печальному последствию, равносильному проигранному сражению. Ли Ху-чэн со своей дивизией уехал в Чжэнчжоу. Из трех генералов Ли Ху-чэн, пожалуй, обладал в наибольшей степени боевыми качествами — смелостью, решительностью и твердостью, чем остальные два военачальника. Фан Ши-миню с Дэн Бао-шанем легче было найти «общий язык». Оба они страдали страстью к опиекурению.

Из разговора с Дэн Бао-шанем и Фан Ши-минем удалось выяснить, что 25 и 26 февраля должны производиться концентрация и развертывание войск Фан Ши-миня для наступления в южном направлении. Общее наступление намечалось на 27 фев-

раля. Основная идея наступательной операции южной группы 2-й Национальной армии — окружение и уничтожение войск Коу Ин-цзе под Чжумадянем путем двойного охвата его войск с обоих флангов. На правом фланге охватывающий маневр был возложен на 14-ю бригаду Дэн Бао-шаня и 20-й резервный полк, на левом фланге — на часть сил Фан Ши-миня. В центре 13-я бригада Дэн Бао-шаня должна была, опираясь на укрепления Чжумадяня, ограждать совместно с частью сил Фан Ши-миня фронт южной группы 2-й Национальной армии от прорыва противника.

С моей точки зрения, пассивная оборона войск Коу Ин-цзе позволяла вождям южной группы войск 2-й Национальной армии добиться крупного успеха при ведении ими наступательной операции более энергично, быстрыми темпами. Однако самостоятельно вступить в переговоры с генералами по этому поводу я не мог.

Мой переводчик Чжао был храбрым и честным человеком. «Алекшей Вашильевич, — часто говорил он мне во время боя, — моя ни черта не боится». Но он не настолько разбирался в военной терминологии и в русском языке, чтобы можно было с его помощью вести с китайскими генералами переговоры на военные темы.

По этим причинам я не стал напрашиваться на переговоры с Дэн Бао-шанем и направился вместе с Чжао осматривать боевое построение 7-й пехотной дивизии в Старый Чжумадянь. Я хотел более обстоятельно ознакомиться с обстановкой на фронте и помочь своими советами непосредственно войскам, ведущим бой.

Вал Старого Чжумадяня представлял собой хороший наблюдательный пункт, открывавший широкий обзор и позволявший просматривать не только боевой порядок 13-й пехотной бригады, но и расположение противника на глубину 3—4 км.

За 25 и 26 февраля я заснял кроки Старого и Нового Чжумадяня глазомерной съемкой и с вала сделал ряд панорамных зарисовок ближнего и дальнего планов. По сохранившимся у меня материалам я составил здесь общую схему Старого и Нового Чжумадяня. Из этой схемы видно, что артиллерия 7-й пехотной дивизии была расположена по верхнему и боковому фасам Старого и частично Нового Чжумадяня. Пехота 13-й бригады занимала оборону в овраге метрах в 200—250 впереди верхнего фаса Старого Чжумадяня. Окопы противника перед фронтом 13-й бригады располагались у французской больницы в 450—500 м от нижнего фаса вала Старого Чжумадяня и в 800—900 — от верхнего фаса, охватывая его с одной стороны. Противник почти все время вел беспорядочный огонь по Старому Чжумадяню из ружей и пулеметов.

Нет надобности, да и нет возможности излагать все перипетии боя под Чжумадянем. Ни у Фан Ши-миня, ни у Дэн Бао-

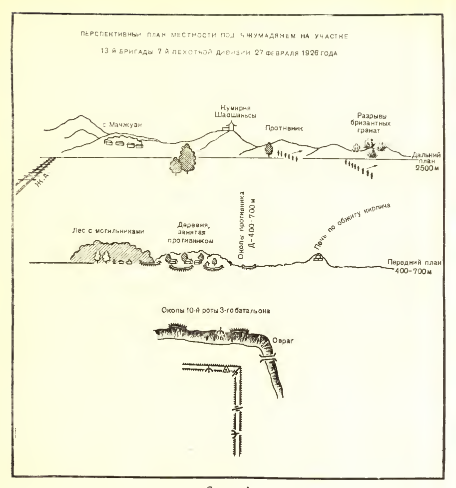

Схема 4

шаня штабов армии в нашем понимании не существовало. Ни оперативных, ни разведывательных сводок никто не составлял. Да и не было у них ни карт, ни телефонной связи с начальниками боевых участков. Поэтому я ограничусь изложением ряда эпизодов, которые характеризуют боеспособность частей 2-й Национальной армии и до некоторой степени объясняют, почему события приняли катастрофический оборот.

Первое, что бросилось в глаза, — это беспечность войск: отсутствие службы охранения и наблюдения. На меня, иностранца, и Чжао, одетых в гражданское платье, никто никакого внимания не обратил, хотя проходили мы мимо огневых позиций артиллерии, вели наблюдение в бинокль за расположением войск, производили глазомерную съемку поля сражения, отмечали распо-

ложение орудий и т. д. Возможно, меня приняли за миссионера или за кого-либо из медицинского персонала французской больницы. Как-то мы с Чжао подошли к группе солдат, собравшихся у амбразуры. Один из солдат, совсем мальчишка, желая подшутить надо мной, предложил мне пострелять из его винтовки и, хитро подмигивая глазами, заранее предвкушал мой конфуз.

Я взял винтовку, на глаз определил дистанцию до цели — 800 м, поставил прицельную колодку на соответствующую дистанцию и стал прицеливаться. По мере того как я проделывал все это, улыбки застывали на лицах солдат, глаза расширялись, а некоторые даже раскрыли рот от удивления. Изумление их достигло предела, когда я выстрелил, и они по всплеску пыли убедились, что пуля легла вблизи цели. Дело в том, что большинство китайских солдат прицельной колодкой не пользовались и на все дистанции стреляли с постоянным прицелом. Убедившись, что я знаю винтовку лучше его, солдат отобрал винтовку и не позволил выстрелить второй раз. Жизнь научила солдат беречь патроны. Солдат с винтовкой и патронами всегда найдет пристанище и паек у любого генерала. Солдату без винтовки и патронов одна дорога — в туфэи.

Разведкой, даже наблюдением никто не руководил. Это было делом частной инициативы. Офицеры редко показывались на валу. Один раз вечером 26 февраля я видел Дэн Бао-шаня, он как-то робко, в гражданском платье прошелся по дороге за валом, высунулся за амбразуру, затем ушел к себе, никого ни о чем не спрашивая, не побеседовав с солдатами.

Характерно удивительно индифферентное отношение китайцев к ружейно-пулеметному огню. Между окопами противника и нашими в 100—150 м от угла Старого Чжумадяня среди зеленого поля раскинулся небольшой шалаш из брезента и веток. Старый китаец грелся на солнце и пас козу, совершенно не обращая внимания на свист пуль. Я предложил командиру батальона увести старика с козой в безопасное место, неровен час — шальная пуля ранит их. Пытался ли командир выполнить мой совет или забыл — не знаю. Только назавтра между окопами на зеленом фоне белело вздувшееся тело убитой козы, как живой укор беспечности командира батальона. Старика в шалаше уже не было.

В бою под Чжумадянем мне приходилось наблюдать много случаев слабого инстинкта самосохранения у китайских солдат. Как-то раз мы с Чжао шли по ходу сообщения из Нового Чжумадяня в Старый. В это время противник особенно интенсивно обстреливал из четырех станковых пулеметов пространство между этими двумя населенными пунктами. Свист пуль не умолкал над нашими головами. Мы вынуждены были пригибать головы, так как ход сообщения местами был вполовину роста человека. Вдруг мы услышали голоса двух китайских солдат, которые шли по верху бруствера и ожесточенно спорили между собой, сильно

жестикулируя. Они не замечали пулеметной стрельбы, как будто это было жужжание безобидных насекомых.

В тот же день я был свидетелем еще одного аналогичного случая. Несколько солдат брели по открытому полю из передовых окопов к Чжумадяню. Видно было, как рой пуль вздымал пыль у их ног, но они не делали попыток ни ускорить шаг, ни скрыться в ближайшем глубоком овраге.

Чем это объяснялось? То ли тяжкими условиями службы китайского солдата и ее бесперспективностью, когда жизнь солдата была настолько беспросветна, что, выражаясь словами поэта, «смерть ему желанный сон». То ли они не отдавали себе отчета в опасности пулеметного огня, то ли причина крылась в их фатализме.

27 февраля бой под Чжумадянем начался в 4 часа утра по заранее намеченному плану, который, однако, не учитывал возможности изменения обстановки. Бой развивался стихийно, по существу, им никто не руководил. Дэн Бао-шань своих наблюдателей на валу Чжумадяня не имел и сам лично тоже за боем не наблюдал. Артиллерия вела огонь с бруствера беспорядочно, не согласуясь с действиями пехоты. Каждый орудийный начальник стрелял из орудия по собственной инициативе, туда, куда ему вздумается, без пристрелки, по интуиции. Падение снаряда вблизи цели приветствовалось орудийным расчетом и окружавшими орудие зрителями радостными криками и аплодисментами, как гол на футбольном поле.

При стрельбе одним из орудий западного фаса Чжумадяня пуля, рикошетом отлетев от орудия, ранила одного из его номеров. Надо было видеть, как остальные члены орудийного расчета выражали сочувствие жалобно стонавшему раненому товарищу. Один из них размотал свою грязную обмотку и перевязал ею рану поверх обмундирования. Весь орудийный расчет покинул свое орудие и пошел сопровождать пострадавшего. Я не встречал ни санитаров, ни медицинских пунктов. Перевязочного материала ни у командиров, ни у солдат не было.

К 10 часам утра обстановка на фронте сложилась таким образом. На левом участке к востоку от железной дороги можно было видеть наступавшие цепи войск Фан Ши-миня. Их обстреливал противник из деревни и рощи к северу от больницы. Более детальных сведений о событиях на этом участке фронта южной группы Национальной армии мы не имели, так как Фан Ши-минь нас к себе не приглашал.

На западном участке Дэн Бао-шаня противник охватывал правый фас Старого Чжумадяня и обстреливал из рощи и селения, расположенного в 900 м в стороне от Старого Чжумадяня, пространство между Старым и Новым Чжумадянем. Группа противника как бы вклинилась между 13-й и 14-й пехотными бригадами дивизии Дэн Бао-шаня, которая накануне направилась налегке, без артиллерии и пулеметов, в обход про-

тивника с фланга. Я пошел к Дэн Бао-шаню и предложил выделить из бесполезно торчащей на валу артиллерии два орудия, чтобы простреливать фланкирующим огнем вклинившуюся группу противника. Начертив на листе бумаги эллипсы рассеивания снарядов, я наглядно ему доказал, что два орудия, занимающие фланговую позицию по отношению к противнику, по силе огня равняются целому артиллерийскому дивизиону. В конце концов удалось убедить его, и он отдал распоряжение выделить для этой цели два орудия.

Я договорился с командиром батареи о выезде на огневую позицию, указал, куда доставить орудия, а сам вышел из Старого Чжумадяня для рекогносцировки укрытого подступа и выгодной позиции для орудий. Более двух часов я ждал этих орудий под огнем противника, но никто в назначенный пункт из артиллеристов так и не прибыл.

К вечеру обстановка сложилась не в пользу 2-й Национальной армии. На правом фланге обходный маневр 14-й бригады окончился неудачей. Штаб бригады, разместившийся изолированно в небольшом населенном пункте без охраны, подвергся нападению банд туфэев или «Красных пик» и был разгромлен. Командир бригады был убит. Бригада, потеряв руководство, рассеялась: часть перебежала к противнику, часть присоединилась к дивизии в Новом Чжумадяне. На участке, расположенном за железной дорогой, наступление Фан Ши-миня вначале протекало успешно, затем застопорилось. Первая колонна отказалась наступать, а один ее батальон перешел на сторону противника. Хотя в центре и обозначился некоторый успех, в конечном счете войска вновь вернулись в исходное положение.

Вечером по Чжумадяню разнесся слух, что большая группа 2-й Национальной армии потерпела крупное поражение в районе Гуйдэ и противник, преследуя разбитые части, захватил Кайфын 26 февраля. Таким образом, восточная группа противника под командованием Цзинь Юнь-э приблизилась к Чжэнчжоу на 60 км, в то время как наша южная группа 2-й Национальной армии еще 27 февраля находилась в 220 км от этой узловой станции Пекин-Ханькоуской железной дороги. Над этой группой войск народоармейцев нависла угроза окружения. Поэтому, если бы даже Дэн Бао-шань с Фан Ши-минем нанесли поражение упэйфуистам у Чжумадяня, все равно им пришлось бы отступать на север.

Ночью, когда войска грузились в железнодорожные поезда, у нас в тылу неожиданно началась оживленная перестрелка, длившаяся с полчаса. Пули жужжали вблизи и шлепали по вагонам. Только через два месяца в Пекине, при случайной встрече со знакомым офицером штаба Дэн Бао-шаня, я узнал, что это была схватка с группой войск Фан Ши-миня, которая перешла на сторону У Пэй-фу и пыталась преградить нам путь на север. Это означало, что мы очутились в окружении противника.

И. М. Ошанин

Но, согласно мудрому китайскому правилу ведения междоусобной войны — правилу «золотого моста», противнику, признавшему себя побежденным и добровольно уступившему спорную территорию, предоставлялась возможность свободного выхода. Если Ганнибал со своими 40 тыс. карфагенян окружил и буквально физически истребил 70 тыс. римлян под Каннами, то китайцам не было никакого резона уничтожать противника, раз спорный вопрос у генералов уже был решен.

Первыми отправились войска Фан Ши-миня, затем части Дэн Бао-шаня; мы ехали с Дэн Бао-шанем почти последними.

Поезд двигался очень медленно, так как в составе было несколько неисправных вагонов и временами приходилось останавливаться, чтобы «больные» вагоны сбрасывать под откос. Фан Ши-минь со своими войсками выгрузился в Линьцзине. В Чжэнчжоу мы приехали ночью 28 февраля, там застали советника В. М. Акимова, бывшего при командире 3-й пехотной дивизии Тянь Вэй-цзине. В. М. Акимов и его переводчик И. М. Ошанин обрисовали нам в общих чертах картину сражения восточной группы 2-й Национальной армии. Ядро этой группы составляла 3-я пехотная дивизия. Ее задачей была оборона района ст. Ланфан, чтобы прикрыть Кайфын с востока вдоль Лунхайской железной дороги. К северо-западу от нее занимала оборону дивизия генерала Ли Ци-цая, имевшая задачей защищать Кайфын вдоль течения р. Хуанхэ.

16 февраля войска под командованием суньчуаньфановского генерала Цзинь Юнь-э при поддержке бронепоездов белогвардейского генерала Нечаева атаковали группу Тянь Вэй-цзина и разгромили ее. Генерал Тянь Вэй-цзин на легковой машине укатил в Кайфын, предоставив своим войскам и советникам выпутываться из этой истории кто как может. Солдаты 3-й пехотной дивизии и других частей 2-й Национальной армии, легко одетые и не отягощенные снаряжением, благополучно выбрались оттуда, отмахав за сутки что-то около 100 км. Гораздо хуже пришлось нашим советникам. Акимов, будучи человеком слабого здоровья, настолько выбился из сил, что при-

шлось его везти на тачке до Кайфына. В Кайфыне наши советники тоже не могли долго задерживаться. Противник так быстро преследовал Национальную армию, что все советники с женами поспешили в направлении Чжэнчжоу. На восточной окраине Кайфына уже завязалась перестрелка. Отход на Чжэнчжоу местами преграждали или «Красные пики», или туфэи. Приходилось с помощью артиллерии и пулеметов пробиваться к этому железнодорожному узлу.

Остатки 2-й Национальной армии, скопившиеся в районе Чжэнчжоу, заполнили все имевшиеся там железнодорожные составы; кто не уместился в вагонах, расположился на крышах.

Никаких мер охранения не было принято ни на востоке, по направлению к Кайфыну, ни на юге, по направлению к Чжумадяню. Если бы даже кто-либо из управления дубаня или сам Юэ Вэй-цзюнь дали подобные распоряжения, то их никто не выполнил бы. Войска вышли из подчинения своих начальников. 1 марта 1926 г. можно считать концом 2-й Национальной армии. В воинстве, которое заполняло железнодорожные составы, чувствовалось какое-то нервное напряжение, повышенная чувствительность к слухам и шумам — словом, то, что, очевидно, можно охарактеризовать как «тихая паника». Достаточно было малейшего повода, чтобы она перешла в буйную.

Чтобы избавиться от этого гнетущего ожидания и привести себя в порядок, я и Чжао решили пойти в бани, которыми славился Чжэнчжоу. Действительно, таким баням можно было позавидовать. Бани состояли из номеров с ваннами. Мы взяли номер с двумя ваннами и предбанником, где стояли две кушетки и столик перед каждой из них для чая или прохладительных напитков. Кроме того, рядом было несколько небольших бассейнов, размером 2,5 на 3—4 м, настолько глубоких, что можно было плавать. После ванны мы возлежали на кушетках: пили чай с фисташковыми орешками, а парикмахер, он же мозольный оператор, завершал нашу санитарно-гигиеническую обработку. Пока мы мылись и отдыхали, наше белье выстирали и выгладили, а одежду и ботинки почистили. Время пребывания в ванне не лимитировалось. Это купание в Чжэнчжоу оказало на нас чрезвычайно благотворное влияние, подняло боевой дух. Нервозность окружающих уже не передавалась нам; наоборот, мы стремились поднять их моральное состояние и побудить к активной деятельности.

Очень похожее ощущение я испытал семь лет тому назад, во время гражданской войны. Я тогда служил начальником артиллерии 40-й Богучарской дивизии и в ее составе уже больше месяца гонялся за бандой Махно. Впереди бежала банда Махно, за ней бригада ВНУС, затем сводный отряд 42-й стрелковой дивизии Нестеровича и, наконец, сводный отряд Богучарской дивизии во главе с ее начдивом Сангурским. Погоня велась днем и ночью по заснеженным степям Украины, мороз достигал

20°. Останавливались мы в сутки два раза по два часа покормить лошадей, перекусить чем бог послал и прикорнуть где-нибудь сидя. Эта тяжелая физическая нагрузка так прочно вошла в наш быт, что стала привычной. Отставать или запаздывать с выступлением было нельзя — получишь пулю от махновцев, притаившихся среди местных жителей.

Но вот в Гуляй Поле начдив Сангурский решил устроить дневку и дать лошадям и людям короткую передышку. Я остановился в школе, в квартире молодого сельского учителя, парня лет 22. Он и его молодая жена предложили мне свою кровать в теплой комнате. Я отказывался, тем более что свыше двух месяцев не менял нательного белья. Но они трогательно просили меня воспользоваться их гостеприимством, уверяя, что хорошо устроятся у соседей, и я согласился. Проснувшись утром, я глазам своим не поверил: лежу в чистой постели, в незатейливом уютном жилище. Я испытал эстетическое наслаждение, ощущение полной перемены обстановки и огромного прилива энергии.

Я останавливаюсь подробно на ряде мелких эпизодов, так как они помогают более правдиво и живо представить реальную действительность того времени. Приведенными примерами из своего боевого опыта я хотел показать, какое значение имеют для повышения боеспособности войск именно такие «мелочи», как забота командиров о регулярном питании своих солдат, санитарно-гигиенических мероприятиях, соблюдение разумного предела физической нагрузки и т. д. Если бы военачальники 2-й Национальной армии постоянно уделяли внимание этому, не было бы такого хронического недостатка боеприпасов хотя бы потому, что солдаты результативнее использовали бы их, а главное — добились бы более высокого морального состояния и дисциплины среди солдат, чем это имело место в операции под Чжумадянем.

От Чжэнчжоу до Шаньсяня

В Чжэнчжоу мы попали в положение витязя на распутье, изображенного на известной картине Васнецова. Куда держать путь? Возможны были три варианта. Во-первых, можно продолжать путь на север, на соединение с 1-й Национальной армией. Путь был рискованным, потому что было неясно, как нас примет руководство 1-й Национальной армии, у которой не хватало средств на содержание своих собственных солдат. Во-вторых, удержать возможно дольше район северной Хэнани с такими важными стратегическими пунктами, как железнодорожный узел Чжэнчжоу, мост через Хуанхэ и Гунсяньский арсенал. В-третьих, можно отходить на Лоян и далее в Шэньси. Это конец 2-й Национальной армии, ибо без территории армии не существует.

Критерием для оценки этих вариантов послужило их значение для развития китайской революции. В это время наибольший размах революционное движение получило на юге Китая, где образовалось революционное Гуанчжоуское правительство и формировалась Национально-революционная армия. Необходимо было выиграть время для их укрепления. Упрочение позиций 1-й Национальной армии и удержание стратегически важных пунктов в северной части Хэнани не позволяли милитаристам чжилийской и мукденской группировок повернуть свои силы против революционного юга Китая.

С этими мыслями мы со Скаловым направились к дубаню, но он уже ушел со своим штабом на вокзал. Он медленно шествовал пешком, часто останавливаясь, дабы продемонстрировать свой уход из Чжэнчжоу не как бегство после поражения, а как «отход по высшим политическим и стратегическим соображениям».

Выехали мы из Чжэнчжоу поздно ночью, часов в 11. В купе разместились восемь человек. К нам приблудился мальчик из Кайфына. Часовой принял его за фаншиминевского солдата и начал избивать. Пришлось заступиться за него. Мазурин уговорил часового оставить мальчика в покое, и он стал нашим спутником в дальнейшем путешествии. От Чжэнчжоу до Лояна ехали очень медленно — около полутора суток. В дороге были частые остановки из-за скверной организации перевозки войск. Поезда следовали один за другим вплотную. На одной станции простояли почти целый день, так как из-за неисправности нельзя было подать паровоз к водокачке. Наши бронепоезда использовались как обыкновенный товаро-пассажирский поезд.

3 марта утром подъехали к Лояну. Было принято разумное решение: две бригады расположить в районе горного прохода Синчан, чтобы прикрыть размещение остальных войск 2-й Национальной армии в районе Лояна и привести их в порядок. Однако выполнять этого не пришлось: командир 8-й дивизии заперся в Лояне и известил дубаня, что никакие части 2-й Национальной армии он не впустит в город. От станции до города было километра два-три. Вдоль его северной стены собралось несколько тысяч человек, расположившихся параллельно линии железной дороги. По-видимому, это были бойцы «Красных пик». К северу от железной дороги виднелись толпы, в каждой по двести крестьян, вооруженных преимущественно пиками, но были у них и ружья. На высоте развевались два красных флага, которые обозначали, что это район расположения «Красных пик».

Мы приблизились к группе солдат и офицеров, стоявших около станции и чему-то смеявшихся. Среди них был человек в гражданском платье. К нам подошел оказавшийся здесь командир 13-й бригады 7-й пехотной дивизии, знакомый мне по участию в бою под Чжумадянем. «Полюбуйтесь на это чучело, —

сказал он, кивая головой на высокого китайца, странно одетого, — в таком виде мы и своих арестовываем». Как выяснилось, это был лазутчик, высланный войсками «Красных пик» на станцию для разведки. Одет был в черную куртку с металлическими пуговицами, подпоясанную веревкой, на голове — черная высокая шапка. Такое одеяние крестьяне обычно не носят. В довершение маскировки и конспирации он намазал углем себе усы «а ля Вильгельм II». Взгляд у него был ошалелый и растерянный. Все это свидетельствовало о том, что у руководителей «Красных пик» были «несколько устаревшие» взгляды на жизнь. Для наступления против 2-й Национальной армии у них не было ни сил, ни военной техники, ни элементарной тактической сообразительности.

С утра началась перестрелка с «Красными пиками». Однако вместо того чтобы навести порядок в вагонах, набитых солдатами, генералы стали помышлять о собственном спасении и тайном бегстве. По-видимому, по этой причине дубань и все китайские генералы предпочитали ходить в гражданском платье. Погода была пасмурная, временами накрапывал дождь. По дороге на Шаньсянь «Красные пики» испортили железнодорожное полотно — сняли рельсы. Генерал Ли Ху-чэн, наиболее храбрый и энергичный из всего генеральского «ансамбля», с одной бригадой направился к поврежденному участку железной дороги. Там завязалась перестрелка, нападавших прогнали и восстановили путь. Дубань приказывал войскам то строиться, чтобы дальше продолжать путь пешком, то грузиться в вагоны и следовать по железной дороге.

Как говорится во французской поговорке: «Приказ — контрприказ — беспорядок». Отсутствие руководства войсками и заботы об их питании, естественно, деморализовало войска. Я видел, как солдаты, будто маленькие дети, окружили дубаня и просили жалобными голосами: «Дубань, мяньбао» («Дубань, хлеба»).

Бойцы «Красных пик», видя пассивность войск Национальной армии, становились все смелее. К северу от железной дороги их группа (100—150 человек) подошла совсем близко к вагонам (метров на 400—500). А с восточной стороны они приблизились непосредственно к вагонам и стреляли вдоль железнодорожного состава. Назревала паника наподобие той, которая была в Чжэнчжоу. Бездействие китайского начальствующего состава возмутило меня. Скалова и переводчиков поблизости не было видно.

Обращаясь жестами к находящимся у вагонов солдатам и офицерам, я призвал их следовать за мной в атаку. Мы беглым шагом двинулись против ближайшей вооруженной группы. «Красные пики», завидев бегущих солдат с ружьями наперевес, бросились от них со всех ног, подбирая на бегу полы своих халатов. На нашу беду, пошел дождь. Солдаты, одетые в хлопча-

тобумажные куртки и матерчатые туфли, повернули назад к своим вагонам. Получилась парадоксальная картина: оба противника бегут друг от друга в разные стороны. Я носил ботинки на микропористой подошве. Они словно приросли к доброй плодородной лёссовой почве, и я не мог сделать ни шагу ни назад, ни вперед. «Красные пики», увидев, что погоня за ними прекратилась, остановились и стали постреливать в мою сторону. Солдаты, укрывшись под вагонами, открыли стрельбу по ним. Я очутился между двух огней.

Подобную же ситуацию мне пришлось пережить в первую мировую войну. В августе 1914 г. русские войска отступали в Восточной Пруссии. Командир батареи 8-й артиллерийской бригады подполковник Барзенков вызвал меня и приказал с сотней казаков составить арьергард отряда. 30—40 всадников из сотни донских казаков уныло стояли возле дороги. Я пытался воодушевить их, убеждая, что связку прутьев трудно переломить даже сильному человеку, тогда как если брать по отдельности каждый прутик, то связку может переломить и ребенок. Однако моя притча из элементарной хрестоматии для школьников не произвела никакого впечатления. Из задних рядов послышались голоса: «Мы приставлены охранять обозы». Мне стало ясно, что от этих воинов с обозным настроением толку мало.

Опустилась предрассветная мгла, сыро, туман. Из небольшого перелеска застрочил пулемет. Угрюмый ряд спешенных казаков зашевелился, послышался возглас: «Вот бы в атаку теперь». Этот крик окрылил меня. Туманное утро и поросшая кустарником местность делали атаку перспективной. Подал команду: «По коням!» Из кавалерийского устава я помнил, что кавалерийский начальник при атаке на врага должен встать «перед его серединой на 24 шага». Скомандовал: «Шашки вон, марш, марш, в атаку за мной!» — и, дав шпоры своей изнемогающей от усталости Изергиль, не слишком резвым галопом помчался вперед во мглу, где строчил пулемет. Промчавшись шагов двести, не слыша за собой конского топота, я оглянулся — от моей доблестной донской сотни и следов не осталось. Таким образом, в арьергарде правой колонны 15-го армейского корпуса остался я один.

В Китае я попал в худшее положение. Я лишился возможности двигаться, а «Красные пики», заметив, что погоня за ними отошла к вагонам, осмелели и стали возвращаться. Я уже хорошо различал пики с красными лоскутами и лица их хозяев. Размышления о печальной перспективе завершения моего послужного списка были прерваны моим доблестным переводчиком Чжао: «Алекшей Вашильевич, айда, пошли». Один только Чжао в эту дождливую погоду, несмотря на липкую грязь и огонь с обеих сторон, пришел ко мне на помощь, и, опираясь на его плечо, медленно передвигая ноги, я в конце концов добрался до вагона. Наш вагон был рядом с вагоном Дэн Бао-шаня.

Г. Б. Скалов с ним договорился, что если придется уходить, то мы будем это делать «рука об руку». Скалов поверил и остался в вагоне, хотя войска, размещавшиеся в вагонах восточнее нашего, постепенно куда-то удалялись на запад, а охранение уже поравнялось с нашим вагоном. Пули изредка щелкали вблизи.

Я пошел выяснить, в чем дело, так как убедился на собственном опыте, что на слова и заверения Дэн Бао-шаня полагаться нельзя. Действительно, повстречавшийся мне командир 13-й бригады подтвердил, что Дэн Бао-шань перебрался в вагон к дубаню Юэ Вэй-цзюню, находившийся в километре к западу от нашего. Командир бригады рекомендовал нам отправиться туда же. Мы перешли в вагон дубаня, обыкновенный товарный вагон, но целый. Там располагался дубань Дэн Бао-шань, несколько других генералов и китайских советников на полу, на ватных одеялах. Большинство курили опиум или уже находились в трансе. Вскоре обнаружилось, что Юэ Вэй-цзюнь помышляет о бегстве на Шаньсянь, намереваясь бросить войска на произвол судьбы. Нужно было только удивляться, как войска еще не разбежались и сохраняли какую-то дисциплину.

Вечером 3 марта выехали на Шаньсянь. Дорога шла вверх. Поезд ехал так медленно, что расстояние между двумя смежными телеграфными столбами проползал за 2 мин. 15 сек. На станции Сяши простояли несколько часов, паровоз не мог взять подъем. 250 км мы преодолевали почти двое суток. Вскоре из Лояна передали, что войска Дэн Бао-шаня, покинутые начальством, охватила паника и они большей частью разбежались. Было сыро и холодно.

В Шаньсянь прибыли 5 марта, разместились в штабе 1-й смешанной бригады. Шаньсянь расположен на крутом берегу г. Хуанхэ. Горы лёссового характера ступенчатыми террасами спускаются к долине реки. Многие жители нашли себе приют на этих террасах. Они выдалбливали в горах не только жилища, но даже мебель и кухонный очаг. Столы, скамьи, лежанки, ниши для вещей и посуды и пр. — все составляло одно целое с помещением. Оконные и дверные проемы тоже выдалбливались и занавешивались: окна — промасленной бумагой, двери — тростниковыми циновками. Посуда и та была глиняная. Деревянных изделий здесь почти не было. Издали эти жилища напоминали ласточкины гнезда. Здесь люди жили и умирали. Они хотели лишь одного — чтобы никакие пришельцы их не тревожили и не мешали жить и работать.

В Шаньсяне мы оказались свидетелями бесславного конца 2-й Национальной армии. В заключение могу подтвердить ранее высказанное суждение о том, что 2-я Национальная армия, в нашем понимании этого слова, как единое целое никогда не существовала. Было лишь временно сложившееся искусственное объединение групп, войсковых соединений и частей под общим наименованием 2-я Национальная армия. Генералы и команди-

ры не только не имели органической связи с народом провинции Хэнань, но были чужды его интересам и враждебны ему. То же самое можно сказать и об отношении офицеров к солдатской массе. Дело в том, что на руководящих постах 2-й Национальной армии были выходцы из провинции Шэньси; вторые роли занимали выходцы из провинции Хэнань, бывшие некогда в подчинении У Пэй-фу. Таких соединений и частей во 2-й Национальной армии было большинство, поэтому не удивительно, что во время Шаньдунской операции из 21 бригады, бывшей в подчинении генерала Ли Ци-цая, 13 перешло на сторону У Пэй-фу. Остались верными дубаню шэньсийцы.

А. Я. Климов

Ни Юэ Вэй-цзюнь, ни его приближенные не помышляли о каких-либо революционных преобразованиях в провинции Хэнань в духе учения доктора Сунь Ят-сена и им не сочувствовали. К китайскому трудовому народу они в лучшем случае были равнодушны и смотрели на него как на объект для выжимания налогов. Поэтому работа советских советников во 2-й Национальной армии была бесперспективной.

Кайфынская группа советников была сильной по своему составу. Лапин, Лубе, Зимин, Булин, Васин, Акимов и два бывших царских генерала, Тонких и Руднев, обладали немалым боевым опытом гражданской и первой мировой войн и солидными военными знаниями. Большинство советников работали в Хэнаньской военной школе и заслуженно пользовались авторитетом как среди начальствующего состава школы, так и среди ее слушателей. Когда Лубе уезжал из Хэнани, его провожали начальник школы генерал Сюй, преподаватели и курсанты кавалерийского отделения. От их имени выступил один слушатель: «Мы вам благодарны за то, что вы нам разъяснили смысл наших уставов». Большинство советников, преподававших в школе, были награждены по представлению начальника школы орденами, в том числе и автор этих записок.

С дубанем Юэ Вэй-цзюнем и его штабом непосредственно сносился только начальник группы Г. Б. Скалов. В своей практической деятельности он уделял больше внимания политическим и дипломатическим вопросам, в частности отношениям с «Красными пиками». Посредником, а может быть, и вожаком этой организации был «Жан Красная пика». Я его часто видел на приемах у Г. Б. Скалова. Это был человек небольшого роста, суетливый, с бегающими по сторонам глазками. Небольшая жидкая бороденка цвета пакли и отвислые редкие усы не очень украшали его непредставительную фигуру. Как-то Георгий Борисович обмолвился: «Я едва сдерживаю 20 тысяч „Красных пик“, чтобы они не набросились на 2-ю Национальную армию». Полагаю, что он на собственном опыте в Лояне и Шаньсяне убедился, что ничто не могло удержать «Красные пики» от нападения на 2-ю Национальную армию.

В начале 1926 г. хэнаньская группа развила такую бурную деятельность, что ее советники и переводчики не в состоянии были справиться со всем объемом работ в войсковых частях и школе. Нужно было решать дилемму: школа или фронт. Г. Б. Скалов отдал предпочтение фронту, хотя в школе условия для работы были более благоприятными.

Возвращение через Шаньси в Пекин

После самоликвидации 2-й Национальной армии нам ничего другого не оставалось, как выбираться через провинцию Шаньси в Пекин. Начальник группы советников предложил мне с переводчиком Чжао отправиться вперед и пройти до самого Пекина. Предстояло проделать пешком около тысячи километров через Тайюань до Датуна, а дальше проехать по железной дороге, если железнодорожное сообщение к этому времени не будет нарушено. Это путешествие осложнялось тем, что в Шаньси находились враждебные армии. Договорились, что мы с Чжао переправимся на лодке через Хуанхэ и, выйдя на берег, покажем соответствующими условными знаками, что перебрались благополучно. 6 марта, прихватив ручной чемоданчик, мы с Чжао на утлой рыбачьей лодке пустились в путь. Река возле поселка Пинлу как бы зажата высокими берегами, а поэтому течение здесь очень быстрое, почти как в горных речках. Вода желтая и мутная, как жидкая глинистая грязь. На лодке мы с Чжао чуть было не поссорились. Он хотел выкинуть мой револьвер и карту в Хуанхэ, но я был против, хотя и знал, что за провоз оружия иностранцам полагается тюрьма или еще того хуже. При высадке военная охрана заставила всех пассажиров лодки поднять руки вверх и обшарила карманы и вещи. Я протиснулся вперед. Чжао перевел, что я — французский инженер, ограблен 2-й Национальной армией и еду в Тайюань. Они отнеслись ко

мне очень вежливо, багаж не осматривали и даже указали гостиницу, где можно переночевать. Устроившись в какой-то харчевне, мы тотчас же вышли на берег Хуанхэ, откуда виднелся противоположный берег и дом, где расположились Скалов и остальные члены нашей группы, и просигналили им о благополучной нашей переправе. Затем мы стали выяснять свой дальнейший путь. Надо было выйти на автомобильную дорогу, пролегавшую через г. Янчэн на Тайюань, для этого нам предстояло пересечь хребет Чжуйтан по горной тропе.

Провинция Шаньси занимает обширное возвышенное плато высотой от 1 тыс. до 3500 м, площадью 161 842 кв. км, с населением около 11 млн. Шаньси со всех сторон окаймлена горами. Горы, известные под общим названием Тайханшань, протянулись по границе с провинцией Чжили. На вершинах этих гор проходят ответвления Великой китайской стены. Вдоль северной границы по гребням гор тоже проходит Великая китайская стена. На востоке провинции, вдоль левого берега р. Фэньхэ, тянется горная цепь Хошань высотой до 2400 м с крутыми западными склонами. Другой хребет, Ляньчжашань, возвышается вдоль правого берега этой реки. С запада и с юга Шаньси естественной преградой служит Хуанхэ. Изолированное положение Шаньси и отсутствие междоусобных войн китайских милитаристов на ее территории после революции 1911 г. способствовали улучшению благосостояния этой провинции. Нам говорили, что в провинции совсем нет нищих. Действительно, во время нашего путешествия вдоль всей провинции с юга на север нам попались только семь нищих (четыре шаньдунца, два хэнаньца и один неизвестно откуда). Шаньси к тому же славилась своими минеральными богатствами. Ее каменноугольные копи — одни из самых мощных и доступных в мире. Кроме того, здесь имеется железная руда, сера, озерная соль и нефть.

Переночевав в харчевне, мы на следующий день, 9 марта, в 7 час. 30 мин. утра двинулись в путь через провинцию Шаньси к Датуну*. Для перехода через хребет Чжунхалан мы заблаговременно наняли мулов. Это незаменимый транспорт при путешествии в горах: мулы — сильные, выносливые и осторожные животные. От седока требуется лишь одно — не мешать мулу выполнять порученную ему работу. Погонщик мула прикрепил к седлу мой ручной чемоданчик, и мы двинулись. За один час преодолев небольшой подъем в 6—7 ли (т. е. 3—3,5 км), мы достигли селения Шау. Впереди лежало селение Мачэн, дорога к нему вилась по лёссовому ущелью. Чтобы излишне не утомлять животных, на крутых подъемах мы шагали пешком. Забираясь все выше по тропе, мы все сильнее ощущали дыхание северо-западного муссона.

* Далее я привожу все местные названия в той транскрипции, как они были занесены мною в путевой дневник в то время.

Самый трудный участок пути оказался на перевале. Здесь узкая скользкая тропа пролегала по карнизу горы, круто обрывавшемуся в пропасть глубиной 700—800 м. Кое-где лежал снег. Я думал, что надежнее по этому карнизу идти пешему, однако это оказалось не так, мои микропористые ботинки подвели меня. Я поскользнулся и чуть было на собственном опыте не проверил закон падения свободного тела с высоты 800 м, но успел ухватиться за карниз и кое-как выбраться на тропу. По совету проводника я уселся на гнедого мула. Мне пришлось сесть по-дамски на седло, которое ерзало туда и сюда, но другого выхода не было. Мул был очень опытен и осторожен: прежде чем сделать шаг вперед, он одной ногой убеждался в прочности грунта.

Между тем ветер становился временами таким сильным, что увлекал с собой не только лёссовую пыль и песчинки, но и мелкие камешки. Песчинки больно царапали лицо, забивали глаза и уши. По дороге мы часто встречали людей в очках с боковыми сетками, которые до известной степени предохраняли глаза от пыли при порывах ветра.

Миновав перевал, в 12 часов мы начали спуск вниз. Спуск был настолько крутым, что моя голова почти касалась крупа мула, а он на брюхе съезжал в лощину, забитую снегом, и затем по каменистому дну лощины до вала. Этот вал (дамба) длиной 50 км опоясывал соляное озеро Янчи, защищая прилегающую местность от наводнений. Озеро находилось под охраной специальных военных отрядов, одетых в общекитайскую военную форму. Соль служила одним из важнейших источников дохода дубаня Янь Си-шаня. Озеро представляло собой ряд бассейнов, огороженных валами. Мы обогнули озеро по дороге, проложенной по одному из валов, и в 6 часов вечера прибыли в Янчэн. Здесь мы остановились на ночлег в одной из гостиниц.

От Янчэна на север идет автомобильная дорога, которая на картах не обозначена, там же есть стоянка автомашин. Однако машины были реквизированы на военные цели, а потому дальнейшее путешествие на север предстояло совершать на рикшах. Мы наняли двух рикш, рослых парней, которые взялись довезти нас до самого Тайюаня за 15 юаней. С их хозяином мы договорились, что они будут питаться на свои деньги. В пути, однако, они питались за мой счет. Мы сделали так, чтобы хозяин не узнал об этом и не снизил им заработную плату.

И вот перед нами хорошо укатанная автомобильная дорога шириной до 9 м, с придорожными канавами. Вдоль дороги — столбы с телефонно-телеграфными проводами. Из-за отсутствия подробной карты очень важно было дать хотя бы примерное описание этого пути, произвести маршрутную съемку. Правда, это требовало от меня большого напряжения сил, так как в сутки приходилось преодолевать 100—140 ли (50—70 км) в зависимости от трудности пути, а также возможности остановиться на ночлег, найти харчевню. При такой скорости я мог заметить

лишь общий характер дороги и близлежащей местности, мостов и рек.

В беседах с местными жителями удавалось выяснить некоторые данные о населенных пунктах: чем занимаются местные жители, какие налоги с них взимают, какие злаки сеют и т. п. При этом мы сталкивались с большими трудностями, поскольку Чжао — шаньдунец, а разница в диалектах настолько значительна, что ему нередко приходилось прибегать к помощи иероглифов, которые он здесь же, на песке, и изображал. В первый день мы прошли 105 ли, т. е. более 50 км. Средняя скорость нашего передвижения была около 11 ли (3,5 км).

Самым крупным из населенных пунктов, встречавшихся нам по пути, был город Аньи. Город, обнесенный стеной, имел около тысячи дворов, 70% его населения составляли крестьяне, занимавшиеся хлопководством. Доход с 1 му исчислялся в 30—40 юаней. Местность здесь представляла собой лёссовые террасообразные возвышенности без крутых подъемов и спусков. У селения Цунгоучэн дорогу пересекала р. Суйхэ. Течение ее быстрое, ширина водной части — всего 3—4 м, вода желтая. Начиная от селения Шагодянь (300 дворов) местность более пересеченная, овражистая. С крестьян взимался налог в 140—160 тунцзыров в год с 1 му на содержание школы и больницы. Любопытно, что в школу должны были ходить все дети, иначе взимался штраф.

На ночлег мы остановились в Вэньси, довольно крупном населенном пункте (около 1 тыс. дворов и более 200 мелких торговых и кустарно-промышленных предприятий). Путешествие по Шаньси оказалось более безопасным, чем по другим провинциям. Даже в Шагодяне участок имел восемь полицейских. Китайские хунхузы (на севере) или туфэи в Хэнани представляют собой крупные своеобразные организации. Чжао довелось основательно с ними познакомиться и испытать на себе их методы взимания дани с местного населения. Чжао когда-то служил приказчиком в одном торговом предприятии в Харбине. Однажды хозяин отправил его по делам в г. Цзямусы. Было уже темно, когда пароход проплыл мимо селения Мяоцун на р. Сунгари.

Неожиданно послышалась ружейная пальба, целая туча джонок облепила пароход, и десятки людей в лохмотьях с криками и шумом полезли на борт. Угрожая оружием, они заставили капитана застопорить ход, а затем причалить к берегу у устья р. Муданьцзян. Здесь всех пассажиров высадили, и начался допрос с пристрастием. Настала очередь Чжао. Надо сказать, что Чжао всегда носил городское европейское платье: котелок, пиджак, рубашку с хорошо накрахмаленным воротничком, галстук и приличное пальто. Все заверения Чжао, что он всего-навсего приказчик и денег у него больших никогда не было и нет, были напрасны. Он предъявил им свои доку-

менты. Но хунхузы не пожелали утруждать себя исследованием юридических тонкостей. Они приступили к допросу старым, испытанным способом. Допрос велся, как в диалоге Орлика и Кочубея из «Полтавы»: «Где спрятал деньги?. ...Деньги где? Скажи... Молчишь? Ну, в пытку».

Бедного Чжао привязали веревками за большие пальцы обеих рук к сучьям высокого дерева и подтянули вверх так, что он только кончиками ног касался земли. «Деньги где, скажи!» Один из бандитов со свирепой рожей и кривым глазом взял толстую палку и стал бить Чжао по животу. Горемычный Чжао кричал и стонал до тех пор, пока не потерял сознание. Тогда его отпустили. Корчась от боли, он лежал, свернувшись калачиком под деревом. Затем хунхузы, завершив допрос, согнали ограбленных пассажиров и команду в овраг, а сами принялись готовить ужин: пшенную кашу с мясом. Когда каша была готова, это «доблестное» воинство расположилось около котлов и мисок и со смехом и прибаутками приступило к ужину. Один из хунхузов с добродушным лицом обратился к Чжао: «А ты чего смотришь? Бери ложку, присаживайся и ешь». Но, по словам Чжао, он был «шибко сердитый» и не стал есть.

У нас были опасения, что история с допросом Чжао на Сунгари повторится и в Шаньси. На следующий день, 11 марта, мы продолжали наше путешествие. Встали пораньше, чтобы успеть поесть и отмаршировать до наступления сумерек свои 60—70 км. Я шел пешком. Рикша вез мой небольшой чемоданчик. Нам, советским людям, претило ездить на рикше. Кроме того, я взялся вести маршрутную съемку, а на рикше это делать было неудобно. Чжао был менее щепетилен и большую часть пути ехал на рикше и клевал носом. К северу от Вэньси автомобильная дорога проходила по долине р. Фэньхэ, постепенно взбираясь все выше. Мы прошли местечко Динчэн, имевшее 810 дворов и 20 торговых и кустарных промышленных предприятий. Местность становилась все более пересеченной, и дорогу часто преграждали овраги.

Остановку на обед мы сделали в местечке Хомачэн, отсюда Фэньхэ резко сворачивала на запад до впадения в р. Хуанхэ. Фэньхэ, крупная горная река провинции Шаньси, приносит много ила, протекает с севера на юг до Хомачэна, через всю провинцию и главный город Тайюань. Фэньхэ вообще широкая река, но в это время года она мелководна и разбивается на множество отдельных ручьев. В этот день мы нашли себе ночлег вблизи крупного населенного пункта Цюймо (в нем около тысячи торговых предприятий). Здесь мне представилась возможность немного подробнее ознакомиться с жизнью местных жителей.

В городе было примерно шесть помещиков, владевших более 300 му земли каждый. 50—60 семейств арендовали землю на три с половиной года, арендная плата составляла 3,5 юаня

за 1 му, доход — 15—16 юаней с 1 му. Удобрения и скот — арендатора. Арендная плата не менялась в зависимости от урожая, поэтому в случае неурожая положение арендаторов было незавидным. У них отбирали все имущество в счет погашения задолженности. Арендаторами были преимущественно выходцы из других провинций: хэнаньцы и шаньдунцы. Налоги взимались на содержание школ и полиции, торговый налог составлял около 200 тунцзыров в год. Каждый уезд платил дубаню Янь Си-шаню 30—40 тыс. юаней военного налога, который распределялся между крестьянами по 100 тунцзыров с 1 му.

Дорога пролегала по долине р. Фэньхэ, защищенной с запада горными цепями Ношань и Любляншань, а с востока — Хошань. Местность сильно пересеченная, склоны обеих горных цепей покрыты лесом. Дорога, в частности в районе Мэнчэна, проходит через лёссовые ущелья. Мэнчэн имеет около 400 дворов. В том районе, по заявлению одного купца — торговца пушниной, мех тогда вздорожал на 100%. Земля тоже сильно поднялась в цене. Цена 1 му земли среднего качества — 40—50 юаней, а хорошей земли — 100 юаней. Для того чтобы прокормиться, на каждого человека надо иметь по крайней мере 5 му.

Южнее Пинъяна нам встретился отряд шаньсийских войск: шесть артиллерийских орудий и повозки со снарядами. Войска не могли похвастаться дисциплиной и строевой выправкой, на походе — ни строя, ни порядка. С 12 на 13 марта мы ночевали около большого города Пинфу, расположенного в стороне от дороги. В городе около 800 торговых и кустарных промышленных предприятий. Купцы жаловались, что в городе большой наплыв европейцев, которые скупали хлопок и другие товары, взвинчивая цены. Дубань Янь Си-шань к ним благоволил и не взыскивал пошлины. 13 марта в 7 час. 15 мин. утра мы отправились дальше. Дорога намного повысилась, у местечка Хундин высота над уровнем моря достигла около 500 м. Дорога по-прежнему шла по долине р. Фэньхэ, окруженной горами, на левых склонах которых простирались обширные поля.

В местечке Хундин насчитывалось более 400 торгово-промышленных кустарных предприятий. В этот день в городе был праздник и конская ярмарка, на которую понаехало много народу. Там и сям пускали фейерверки, играла незатейливая музыка. День был солнечный, теплый. Создалось впечатление, что население Шаньси благоденствовало под «мудрым» правлением дубаня Янь Си-шаня и при содействии французских купцов и предпринимателей. Но каждая медаль имеет оборотную сторону.

Я обратил внимание, что Чжао о чем-то перешептывался с хозяином гостиницы, высоким, гибким, моложавым китайцем, видно, большим пройдохой. Чжао стал приглаживать свои волосы, встряхнул пальто, и затем оба куда-то удалились. Надо

заметить, что Чжао был холостяк, но к женскому полу относился положительно. Примерно через час Чжао вернулся, вид у него был какой-то озадаченный. Я его ни о чем не расспрашивал, знал, что Чжао откровенно все сам расскажет. Некоторое время спустя он подсел ко мне и начал историю своего приключения.

— Моя пошла за чжангуйдэ (хозяин постоялого двора), пришли к дому с закрытыми воротами. Чжангуйдэ постучал, какой-то мужчина подошла к нему, и они о чем-то пошептались, после чего мужчина открыл ворота. Вошли в небольшую, чисто прибранную комнату. В комнате у окна сидела молодая женщина и рукодельничала. Чжангуйдэ ушел, оставив нас вдвоем. Разговаривали о том о сем. Женщина подошла к кровати, оправила ее. В это время за перегородкой заплакал ребенок. Женщина выбежала, утихомирила его, вернулась, села на кровать. Моя спросил ее, чей это ребенок.

— Это мой сынок.

— А муж твой где?

— А он открывал вам ворота.

Чжао сразу потерял охоту оставаться там.

— Дал моя ей два доллара, поблагодарил за приятный разговор и ушел.

Вот тебе и изнанка счастливого царства «доброго» дубаня Янь Си-шаня, где мужья торгуют женами.

Мы продолжали наш путь после обеда все по той же пересеченной местности с лёссовыми террасами по довольно широкой долине. Горы возвышались по обеим сторонам дороги на 5—10 ли. С 13 на 14 марта ночевали в селении Шита.

14 марта снова тронулись в путь. Каменистые утесы нависали над дорогой от Наньгуаня до Чанли, шедшей в гору. Фэньхэ здесь отличалась очень быстрым течением, на ней было много водяных мельниц и запруд. Попадались небольшие села, зажиточные крестьяне сдавали землю в аренду преимущественно переселенцам из Шэньси. От Хочжоу дорога шла по левому протоку р. Фэньхэ в гору. Повсюду широко применялось искусственное орошение, что при лёссовом характере почвы позволяло собирать обильные урожаи.

С 14 на 15 марта мы ночевали в селении Чантягуань, возвышавшемся на 1,2 км над уровнем моря, поэтому было довольно прохладно. Харчевни, в которых мы обычно останавливались, не блистали чистотой. Спали мы не раздеваясь, а питались так: я в большинстве случаев ел яичницу или крутые вареные яйца, а Чжао брал лапшу и другие китайские блюда. Я рассчитывал на то, что яйца легче поддавались санитарной обработке, чем другие китайские блюда, особенно подаваемые в холодном виде.

Но вот как-то случилось, что в Чанли куриных яиц не оказалось. Чжао предложил только что сваренную похлебку, уве-

ряя, что она вкусна и чисто приготовлена. Делать было нечего, нужно же что-нибудь есть, назавтра предстоял трудный путь через горный перевал. Нам подали похлебку, как мне показалось, грибной суп. Я съел с аппетитом целую миску и потребовал еще. То, что грибы выглядели как-то странно, с бугорками, я объяснил тем, что в Китае все не так, как у нас, и опорожнил вторую миску. После ужина, напившись чаю, ко мне подсел Чжао и с заговорщическим видом спросил:

— Алекшей Вашильевич, твоя знаешь, что кушай?

— Как что? Грибной суп.

— Ни черта подобный! Трепанга.

Что мне оставалось делать? Плеваться было поздно, а на вкус блюдо мне понравилось.

После ночлега в Чантягуане мы ранним утром двинулись в путь: нам предстояло преодолеть самый возвышенный участок — от перевала через седловину к другому перевалу. Наиболее высокая точка перевала Хансаньялин была за селением Линши, а затем начался довольно крутой спуск в лёссовое ущелье. Долина расширилась, горы отступили в стороны. Населенные пункты выглядели более зажиточно, чем на юге Шаньси. Селения обнесены прочными глинобитными стенами. Пройдя без остановки часов двенадцать, мы остановились на ночлег в довольно крупном селении Чанлинчэн, оно имело 700—800 дворов и около 100 торгово-промышленных и кустарных предприятий. Крестьяне-середняки, самые богатые, имеют 100 му, земля неважная. Применяют искусственное орошение.

От Чанлинчэна нам оставалось полтора-два перехода до Тайюаньской железной дороги. Мы торопились в Тайюань в надежде, что там удастся достать автомашину до Датуна, пока не начались военные действия между 1-й Национальной армией и армией Янь Си-шаня. От Чанлинчэна дорога вела на северо-восток по берегу реки до крупного населенного пункта Пинъяо и далее на север до железной дороги. Кругом расстилалось плоскогорье, поросшее лесом, располагавшееся над уровнем моря до 1 км. Мое путешествие пешком по горам не прошло даром — отскочила микропористая подошва у моих ботинок. В селениях, через которые мы проходили, кожаной обуви нельзя было достать. Когда мы дошли до ближайшей железнодорожной станции, наш вид не внушил бы доверия любому, даже маловзыскательному блюстителю общественного порядка. Мы не то чтобы загорели, а скорее были опалены горным солнцем и северными муссонами. Лёссовая пыль нас пропитала, как говорится, насквозь, до самых костей. Костюмы наши были измяты и покрыты толстым слоем пыли. В довершение всего оторванная подошва ботинка каждый шаг сопровождала чечеткой.

В ближайшей харчевне мы привели себя в более или менее сносный вид. Мы расплатились с рикшами и, одарив их за

добросовестную работу, двинулись на станцию. Я рассчитал время так, чтобы прибыть на станцию за пять минут до отхода поезда, дабы укрыться от глаз железнодорожной полиции. Но рикши в благодарность за даровое питание и щедрые чаевые с шиком подкатили нас к станции не за 5, а за 15 минут до отхода поезда. Естественно, жандармский унтер-офицер сразу нас заметил. Он несколько раз прогуливался мимо, пристально разглядывая нас. Наконец поезд подоспел, и мы заняли купе первого класса на два человека. Но жандарм тоже вошел в поезд и уселся на скамейке против нашего купе. Входная дверь в купе была из матового стекла. Бедняга Чжао совсем пал духом. В моем ручном чемоданчике лежали далеко не мирные предметы: револьвер, карта с отметками маршрута, маршрутная съемка 500 км с заметками о движении шаньсийских войск и бинокль. Я подошел к двери, посмотрел на жандарма, свистнул и жестом руки предложил ему убраться. Он послушно ушел.

Сопровождавший нас жандармский служака успел доложить своему начальству, и полицейские ожидали нас на вокзале. Чжао был ни жив ни мертв. Но пыльные очки маскировали выражение его глаз, а налет пыли скрывал побледневшее лицо. В подобной ситуации наиболее верное средство — нахальство. Поэтому я прямо подошел к ним и предложил Чжао перевести вопрос: «Где находится гостиница „Фаго фандянь"?» Они любезно дали мне адрес и, по-видимому, очень обрадовались, что я намерен остановиться в этой гостинице. В гостинице оказались комфортабельные номера, с ваннами и другими удобствами. С минуты на минуту должна была прийти администрация гостиницы или жандармы, с тем чтобы узнать, куда мы едем, произвести осмотр документов и т. д. Еще было время сжечь свои записки, перспективные снимки во время боя у Чжумадяня. Но уничтожить плоды своих трудов, потребовавших огромных усилий и напряжения нервов, у меня рука не поднималась, хотя Чжао умоляюще взирал на мой чемодан.

Наконец явился администратор и попросил визитную карточку. И вот внизу на табло приезжающих появилась фамилия Пьера Роллана. После этого мы стали приводить себя в порядок. Пришлось три раза менять воду в ванне, чтобы смыть с себя добрый плодородный китайский лёсс, способный проникать через несколько слоев одежды. Следующей моей заботой было найти кожаные ботинки. Задача оказалась очень сложной, так как кожаную европейскую обувь здесь не носили, хотя Тайюань и был зоной французского влияния и здесь проживала большая французская колония. Наконец, совершенно случайно я нашел одну-единственную пару ботинок, которые оказались почти впору.

Когда я возвратился в гостиницу, слуга сообщил, что представители французской колонии выразили желание со мной

познакомиться и спрашивали, когда можно видеть меня. Я знал французский язык и довольно бегло со сносным произношением мог вести беседу на несложные темы, но все же не настолько бегло, чтобы любой француз меня понял. Пришлось сказаться больным и выходить к столу только тогда, когда никого не было. Я обучил Чжао отвечать на мои вопросы лаконичными фразами и словами: да, нет, правильно, это точно и т. д. И когда бой приносил нам кушанье, добрый Чжао «французил» хотя и невпопад, но добросовестно. Наши попытки раздобыть автотранспорт до Датуна не увенчались успехом. Тем временем любопытство французов разгорелось настолько, что некоторые стали бесцеремонно заглядывать к нам в дверь. Я вынужден был лечь в постель и изображать больного, дабы любым способом избежать встречи с обитателями французской колонии. Интерес французов к моей личности объяснялся просто: своим псевдонимом я избрал громкую французскую фамилию. Мы ломали голову, как поскорее исчезнуть. Мы наняли рикш и на рассвете 19 марта тайком выехали в Датун.

Наше путешествие дальше продолжалось в том же духе, что и до Тайюаня. Я производил маршрутную съемку автомобильной дороги и собирал информацию о селениях и их жителях. Чжао то шагал рядом, то дремал на рикше. Дорога становилась все круче, пока, наконец, на четвертые сутки мы не увидели перевал через хребет Шихушань, в 10 км к северу от Фанчисяня, довольно крупного населенного пункта. На перевале обнаружилась целая система оборонительных сооружений, по сути дела небольшая крепость старинной постройки — форт. Укрепление как бы закрывало проход от Датуна на Тайюань и составляло единое целое с одним из ответвлений Великой китайской стены, тянувшейся от Нанькоуского ущелья по горам, вдоль северной границы провинции Шаньси и далее. Стены и крепость хорошо сохранились. Со стен крепости открывался широкий кругозор на север и северо-запад километров на двадцать. Песок, принесенный северными муссонами из пустыни Гоби, сильно сократил в некоторых местах высоту стены. Но и в то время Великая китайская стена не утратила своего значения.

Через двое суток мы достигли конечного пункта нашего пешеходного путешествия — Датуна, крупного города, обнесенного высокой каменной стеной. Мы с Чжао хотели через ворота войти в город, чтобы устроиться на ночлег, но восемь солдат со штыками наперевес преградили нам путь. Перспектива ночевать под открытым небом меня не радовала. Я подступил к ним вплотную и потребовал через Чжао вызвать их начальника. Стража растерялась. Солдаты переглядывались, не зная как быть. На шум из караульного помещения выскочил офицер. Он очень вежливо нам разъяснил, что в город он может нас впустить, но до утра мы уже оттуда не выйдем. А если мы наме-

рены дальше ехать по железной дороге, то лучше пройти на станцию, которая находится недалеко от города, и подождать поезда на Пекин, прибывающего через час. Нам оставалось только поблагодарить любезного офицера и поторопиться на станцию. Мы как раз вовремя успели сесть на последний поезд.

Распад 1-й Национальной армии

В это время для 1-й Национальной армии создалась напряженная обстановка (схема 5). В конце февраля 1926 г. противники перешли в наступление одновременно в двух направлениях — на Пекин и Тяньцзинь.

Шаньдунская группа войск Ли Цзин-линя, состоявшая из двух дивизий пехоты и кавалерийской бригады, при поддержке бронепоездов отряда Нечаева 1 марта заняла Мачан и развила наступление на Баодин. 3-я Национальная армия не оказала сопротивления и стала отходить на северо-запад от железной дороги. Против этой группировки Ли Цзин-линя были брошены 1, 4, 9 и 11-я дивизии 1-й Национальной армии, которые вели упорные бои севернее Мачана. Наступление Ли Цзин-линя было приостановлено, три бронепоезда уничтожены, один захвачен. В районе Хэцзиньфу (120 км юго-западнее Тяньцзиня) две кавалерийские бригады 1-й Национальной армии стремились остановить противника и овладеть Баодинфу.

12 марта японские миноносцы приняли участие в операции против войск Фэн Юй-сяна и обстреляли порт Дагу. Англо-американская дипломатия оказала давление на центральное правительство и потребовала прекращения антиимпериалистических выступлений в районах Дагу, Тяньцзиня и Пекина. 18 марта в Пекине вспыхнула демонстрация протеста студентов, рабочих, ремесленников против вмешательства иностранцев во внутренние дела Китая. Правительственные войска разогнали демонстрацию, было убито более 40 человек.

В марте и апреле после упорных боев с войсками Чжан Цзо-линя и У Пэй-фу 1-я Национальная армия была вынуждена оставить Тяньцзинь и Пекин. В это время я уже приехал в Пекин и своими глазами увидел отступление 1-й Национальной армии. Солдаты покидали Пекин вечером в полном порядке, без суеты, соблюдая дисциплину. Потеря Пекина и Тяньцзиня была для 1-й Национальной армии тяжелым поражением.

1-я Национальная армия отошла к Калгану и заняла оборонительные позиции: главные силы — пять корпусов пехоты и один кавалерийский — были сосредоточены в районе Нанькоу, Фэнчжэня, Пиндицюаня, причем основную тяжесть обороны несли три пехотных корпуса в Нанькоу и Калгане. Западная группа, включавшая два пехотных корпуса, заняла оборону в Пиндицюане и Фэнчжэне. Для защиты левого фланга были выдви-

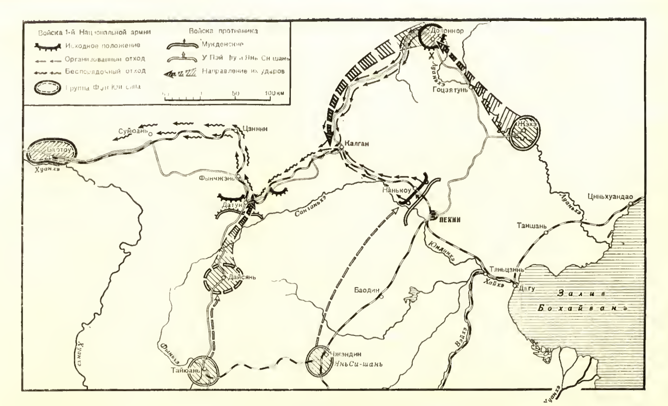

Схема 5. Отход 1-й Национальной армии от Наньоку

нуты к району Долоннор одна пехотная бригада и одна кавалерийская дивизия. Армия Фэн Юй-сяна насчитывала всего 120—130 тыс. человек, линия фронта протянулась на 250 км, глубина обороны — на 70—90 км.

Позиции 1-й Национальной армии прикрывались с северо-востока хребтом Большого Хингана и его отрогами, а с юго-востока — другими горами. На фронтах 1-й Национальной армии выявились два основных наступательных направления: главное — вдоль Пекин-Калганской железной дороги и другое — вдоль автомобильной дороги Тайюань — Датун. Кроме того, имелось третье, вспомогательное операционное направление — от Жэхэ (Чэндэ) до Долоннора, откуда шла прямая дорога на Калган.

В конце апреля группа мукденских войск (25 тыс.) повела наступление на наньkoуские позиции 1-й Национальной армии. Положение мукденских войск, в частности группы Чжан Цзун-чана, осложнилось восстанием крестьян («Красных пик») в районе Цзинани в провинции Шаньдун. Это заставило Чжан Цзун-чана вернуть свои войска из-под Наньkoу в свою провинцию. Однако 1-я Национальная армия не воспользовалась благоприятно сложившейся обстановкой на пекинском направлении для контрудара у Наньkoу и ограничилась обороной. Пассивность 1-й Национальной армии, а также неудача фронтальных атак мукденской армии на Наньkoу побудили командование мукденской армии и их японских хозяев прибегнуть к маневру и нанести удар по флангам обороны 1-й Национальной армии.

В районе Жэхэ (Чэндэ) они стали сосредоточивать крупную группировку для удара на Долоннор. Одновременно неприятель при посредничестве Японии принудил дубаня Шаньси Янь Сишаня нарушить свой традиционный нейтралитет и занять в отношении 1-й Национальной армии враждебную позицию. В районе Датуна были сконцентрированы крупные силы, несколько отдельных бригад общей численностью около 30 тыс., имевшие цель ударить по флангу и тылу 1-й Национальной армии.

Командование 1-й Национальной армии приняло правильное решение — предупредить удар датунской группировки шаньсийцев и 19 мая самим двинуть в наступление два корпуса. В результате этого удара часть шаньсийской группы в районе Датуна была окружена и уничтожена. Однако дальнейшее движение 1-й Национальной армии на Тайюань затормозилось затяжными боями за перевалы через хребет Шихушань в районе Яньчжоу и Дайсяня. Еще в марте, проходя через этот хребет, я произвел его маршрутную съемку. Я знал, что это место было очень трудно взять наступающим с севера. На перевале была крепость, составлявшая ансамбль с Великой китайской стеной, расположенной по гребню хребта Шихушань. Подступы к этой крепости открыты совершенно, и местность на севере просматривается на 20—25 км.

Слабая боеспособность шаньсийских войск и угроза вторжения Национальной армии в провинции Центрального Китая вынудили империалистические державы принять меры к более тесному взаимодействию армий Чжан Цзо-линя и У Пэй-фу. У Пэй-фу выделил часть своих сил в район Наньцюгуань (западнее Чжэндина). 1-я Национальная армия приостановила дальнейшее наступление ввиду отсутствия резервов.

После ухода 1-й Национальной армии из Пекина столицу Китая наводнили новые «хозяева» — орды Чжан Цзо-линя. Такое название наиболее точно определяло характер деятельности новых пришельцев. В городе начались бесчинства, грабежи и насилия. Особенно усердствовали белогвардейские наемники Чжан Цзо-линя. Мне довелось наблюдать характерную для того времени картину. Из магазина на Хадамын-стрит буквально вывалился белогвардейский офицер в форме китайского майора. Сквернословя на чем свет стоит, он взгромоздился на рикшу. Рикша обернулся к нему, чтобы узнать, куда везти пассажира. Но обладатель медно-красной испитой физиономии, изрыгая целый поток отборных ругательств, прорычал «пшел» и пнул рикшу ногой.

Отели посольского квартала заполнились до отказа состоятельными жителями Пекина, имевшими все основания опасаться «мукденских порядков». Я жил в отеле, расположенном в посольском квартале, и, следовательно, встреч с мукденскими пришельцами не предвиделось. Однако во время обеда за соседний стол уселся «сам» Меркулов с дамой. Властное лицо серо-бордового цвета, грузное тело, облаченное в темно-коричневый костюм. Заметив мою ироническую улыбку, вождь белоэмигрантских отбросов напыжился, побагровел и, стукнув кулаком по столу, прохрипел: «Обнаглели!»

Обитатели посольского городка, учитывая возможность организованных провокаций со стороны белогвардейцев, приняли ряд предосторожностей в целях самообороны. Мы провели сигнализацию и телефонную связь вдоль ограды нашего посольства и установили круглосуточное дежурство вооруженных мужчин посольства.

Из событий этого времени у меня запечатлелась в памяти встреча с нашим выдающимся исследователем Центральной Азии П. К. Козловым. Он сделал нам доклад о своей только что закончившейся экспедиции в Монголию и Тибет. Петру Кузьмичу к тому времени было уже 63 года, но если бы не седые подстриженные усы и седина в висках, никто не дал бы ему этих лет. Высокого роста, стройный, с военной выправкой; лицо его, бронзовое от загара и ветров гобийских пустынь, дышало неукротимой энергией. П. К. Козлов в живой, увлекательной речи поразил нас точностью изложения фактов и обилием материалов, собранных им. Он поделился с нами своими открытиями, сделанными экспедицией при раскопках Хэнтэй-Ноину-

линских курганов восточных гуннов, живших в I в. до н. э. П. К. Козлов, как известно, приобрел мировую славу, обнаружив развалины города XIII в. Хара-Хото. В результате археологических раскопок в этом «мертвом городе» было найдено много ценных вещественных доказательств существования самобытной материальной и духовной культуры и 2 тыс. томов книг на тангутском языке. Могильники гуннов и развалины Хара-Хото являются выдающимся археологическим открытием XX в.

Петр Кузьмич поделился также воспоминаниями о своем учителе, знаменитом путешественнике Николае Михайловиче Пржевальском. В частности, он упомянул об одном эпизоде, случившемся во время четвертой экспедиции Пржевальского (1883—1885). «Как-то Николай Михайлович подозвал меня и сказал: „Козлов, отправляйся вот в этот район, — он указал на карте место и махнул рукой в направлении горизонта, где в тумане едва различались вершины гор, — достань живого дикого барана". Коротко охарактеризовав отличительные признаки барана, он отметил на карте маршрут следования экспедиции, место ее нахождения. Это было первое мое самостоятельное поручение. Меня наполняло гордостью доверие Николая Михайловича и в то же время смущали трудность и сложность задачи. Я знал, что к моему суровому и требовательному начальнику без барана лучше не возвращаться. Трое суток блуждал я в пустынном, необжитом гористом крае. Наконец мне посчастливилось напасть на след злополучного барана, поймать его и доставить живым Николаю Михайловичу. Это и был знаменитый ovis poli Пржевальского».

Н. М. Пржевальский, его ученики и продолжатели его дела М. В. Певцов, Г. Н. Потанин, В. И. Роборовский, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлов, В. А. Обручев провели ряд выдающихся экспедиций в Центральной Азии, принесших немало замечательных открытий, перечисление которых заняло бы много времени и места.

9 июля 1926 г. Национально-революционная армия выступила из Гуандуна в так называемый Северный поход. 12 июля войска этой армии одержали ряд побед над милитаристами и овладели Чанша, главным городом провинции Хунань. Таким образом, создалась реальная возможность для соединения 1-й Национальной армии с НРА.

Реакционной коалиции Чжан Цзо-линя, У Пэй-фу и Янь Си-шаня необходимо было немедленно покончить с 1-й Национальной армией. Но поскольку враждующие милитаристы не желали первыми подвергать себя риску, стремились выиграть время и сохранить силы для дележа добычи, то их хозяевам вновь пришлось взять на себя организацию взаимодействия армий этих милитаристов. С этой целью 2 августа 1926 г. при непосредственном участии Японии в Тайюане был создан объ-

единенный штаб войск Севера, куда вошли представители У Пэй-фу, Чжан Цзо-линя и Янь Си-шаня. Основная идея плана, выработанного этим штабом, заключалась в том, чтобы нанести одновременные удары по флангам широкого фронта обороны 1-й Национальной армии: слева — наступление со стороны Жэхэ на Долоннор, с последующим движением на Калган и заходом в тыл нанькоуской группе и справа — от Тайюаня на Датун. Надо было окружить и уничтожить главные силы 1-й Национальной армии в районе Нанькоу — Калган. Для осуществления этого плана сосредоточенная в районе Жэхэ крупная группировка мукденских войск перешла в наступление на Долоннор. У Пэй-фу сконцентрировал часть своих сил северо-восточнее Тайюаня для наступления на Нанькоу с юга, а Янь Сишань из района Дайсяня должен был наступать на Датун, чтобы прервать железнодорожную коммуникацию Калган — Баотоу.

Наступление мукденских войск на Долоннор из-за беспечности левофлангового отряда 1-й Национальной армии, захваченного врасплох, началось успешно. Отступление армии приняло характер панического бегства.

Наступление на Датун Янь Си-шаня угрожало прервать коммуникации Национальных армий на Баотоу. Это побудило командующего Чжан-дутуна (Фэн Юй-сян в конце апреля отбыл в СССР) не уповать на бога, а начать отступление по всему фронту. Если до Калгана отступление еще носило более или менее организованный характер, то дальше, особенно от Фынчжэня на Пиндицюань, солдаты бежали в полном беспорядке.

Нанькоуская группа потеряла всю материальную часть. Сам главком бросил войска на произвол судьбы и под охраной маузеристов сбежал в Суйюань. Армия, лишившись командования, превратилась в толпу. Вдоль дороги в десятикилометровой полосе — сплошной поток «беженцев». У крестьян отбирали ослов, мулов, лошадей. Удирали на поездах, не соблюдая никаких правил железнодорожного движения, один поезд вплотную к другому, ехали на красный свет семафора, и это не раз кончалось крушением. Офицеры занимались личными делами, семьями, а солдаты, не получавшие годами жалованья и питания, грабили местное население. Северо-западная армия как целый организм перестала существовать.

Советник Зимин в своем дневнике пишет: «На дороге завязалась тридцатиминутная перестрелка с отрядом хунхузов, человек 600—700, которые отступили и дали дорогу. Этот же отряд повстречался с генералом Гун Фа-куем. Их встреча также началась с перестрелки, но после обмена визитными карточками с начальником отряда хунхузов части Гун Фа-куя прошли». Подавляющая часть солдат 1-й Национальной армии перешла на сторону противника — дубаня Янь Си-шаня. Даже такая стойкая часть Национальной армии, как 5-я армия генерала

Фан Чжэн-у, лишилась 50% своего состава. От отряда, состоявшего из 79 маузеристов, осталось только 20. Некоторые солдаты ушли к хунхузам.

Насколько тяжелым был этот тернистый путь для наших советников, показывает инцидент 3 сентября у Баотоу. Отряд солдат напал на наших советников. Советник генерал Иванов-Рынов был ранен в обе ноги, а переводчик Косарев получил тяжелое ранение и умер. Солдат конвоя был убит. Генерала Чжана все это ничуть не беспокоило. В Баотоу мы сами позаботились о конвое.

Отступая в панике, армия разбивалась на группы: аньшаньская — 10—15 тыс. человек (остатки 2, 3 и 5-й Национальных армий), ганьсуская — всего 20 тыс. человек, в том числе 8—9 тыс. жителей Ганьсу, баотоуская группа — 30—40 тыс. человек, перешедшая к Янь Си-шаню. Здесь же были сосредоточены основные запасы боеприпасов. К сентябрю кавалерия 1-й Национальной армии окончательно рассеялась, остатки потрепанной армии собрались в Ганьсу. Дивизии сохранили основные свои кадры. Дубань Ганьсу и местное население — мусульмане не очень склонны были принимать у себя солдат 1-й Национальной армии. Население припрятывало продовольствие.

Причины поражения 1-й Национальной армии

Когда происходило отступление 1-й Национальной армии из Внутренней Монголии в Ганьсу, я уже уехал в отпуск в Советский Союз. Составить себе ясное представление о причинах столь неожиданного распада армии Фэн Юй-сяна мне было трудно. Сам ее руководитель маршал Фэн Юй-сян в это время, как известно, находился в Советском Союзе. Его замещал и по военной и по административной линии генерал Чжан Чжи-цзян. Как говорилось выше, этот генерал был бесталанным администратором и бездарным военачальником. Будучи христианином, он насаждал христианство среди солдат 1-й Национальной армии с помощью миссионеров с упорством, достойным лучшего применения, и уповал в военном деле больше на помощь бога, чем на собственные дарования. Но бог, как утверждал прусский король Фридрих II, на той стороне, которая имеет более сильные батальоны. В данном случае сила была на стороне реакционных милитаристских группировок Чжан Цзо-линя и У Пэй-фу, которые обладали двойным и даже тройным превосходством над христианской армией Фэна. Но все дело в том, что бегство 1-й Национальной армии, а затем и ее распад не сопровождались серьезными боями. Кроме поражения небольшой группы 1-й Национальной армии в районе Долоннора, на других участках фронта боев не было. Национальная армия сдала свои позиции у Нанькоу без всякого сопротивления, и

мукденские войска заняли их на другие сутки после ухода солдат.

1-я Национальная армия, некогда входившая в состав чжилийской группировки У Пэй-фу, формировалась на милитаристской основе. Она не избежала склок и трений среди генералов, столь характерных для армий милитаристов. Фэн своим авторитетом до некоторой степени сглаживал и нейтрализовал эти склоки. Его заместитель Чжан не обладал силой характера, не отличался умом и не пользовался авторитетом среди подчиненных. Во время командования армией Чжан Чжи-цзяном склоки между генералами крайне обострились и в особенности усилилась вражда между ним и заместителем Лу Чжунлином.

Экономическое положение северо-западных провинций и материальное обеспечение армии и при Фэн Юй-сяне было тяжелым, а с оставлением Пекина и Тяньцзиня стало невыносимым. Солдаты более двух лет не получали жалованья, оружие было в плохом состоянии, не хватало снарядов и патронов. Органическая связь с населением отсутствовала.

Наши советники во время отступления армии получили возможность ближе познакомиться с местным населением северо-западных провинций. Вот их впечатления. Население жило и управлялось по старым законам пекинского правительства. Национальную армию население знало по налогам, поставкам продовольствия, обмундирования и выполнению бесплатных работ для армии. Правда, командование армии не препятствовало пропаганде гоминьдана в этих провинциях, но здесь гоминьдановские организации были крайне малочисленны, они были созданы лишь в городах. Причина заключалась в слабом развитии промышленности в северо-западных провинциях и малочисленности пролетариата.

Командование армии ничего не предпринимало ни для улучшения экономического положения занимаемого армией края, ни для привлечения крестьян и ремесленников на свою сторону. Население смотрело на солдат Национальной армии как на обычных солдат милитаристов — грабителей и насильников, своих врагов. Беседуя с населением, мы выяснили, что во многих деревнях вообще ничего не слышали о Сунь Ят-сене, гоминьдане, Октябрьской революции в России и Советском Союзе. Но не только население, даже некоторые солдаты Национальной армии не имели представления об этом. Многие офицеры принимали наших советников за миссионеров или за американцев. Не приходится удивляться, что 1-я Национальная армия рассыпалась при первом же испытании, что население прятало продовольствие и оказывало сопротивление отходящим частям Национальной армии. Бесславный конец 1-й Национальной армии был следствием органически заложенных в ней причин, как армии в своей основе милитаристской.

И эта армия, разложившаяся до основания и растерявшая почти всю свою боевую технику, в сентябре, по возвращении Фэн Юй-сяна из СССР, восстановила основную свою силу и боевую мощь и в дальнейшем активно участвовала вместе с Национально-революционной армией в разгроме мукденской и чжилийской милитаристских армий. Причины этого кроются в специфике весьма противоречивой обстановки китайской гражданской войны между милитаристами, в жизненной силе китайского народа, стремившегося к освобождению от власти милитаристов и к независимости от империалистических держав, и в той моральной и материальной помощи, которую бескорыстно оказывал китайскому народу Советский Союз.

Перемена военной обстановки на севере Китая была обусловлена тем, что, несмотря на подавляющее превосходство чжилийско-мукденской группировки над 1-й Национальной армией, она не сумела окончательно уничтожить ее, а позволила ей отсидеться на наньkoуских позициях с апреля по июль 1926 г. Это объяснялось опять-таки разногласиями между Чжан Цзо-линем и У Пэй-фу, следовательно, между Англией и Японией по основным вопросам китайской проблемы.

Суть этих разногласий тогда не была еще ясна. Однако косвенные данные и сопоставление различных фактов, почерпнутых из прессы, давали возможность сделать некоторые выводы. В связи с затруднениями Англии в политике в Европе и на Ближнем Востоке (до заключения Мосульского соглашения) японские военные круги вознамерились воспользоваться моментом и установить гегемонию Японии в «умиротворенном Китае». Предлогом послужило якобы невыполнение Англией соглашения с Японией о координации действий на юге Китая (в Гуанчжоу).

Соглашение У Пэй-фу с Чжан Цзо-линем в январе 1926 г. предусматривало подавление национально-революционного движения в Китае и ликвидацию влияния СССР в Китае (так называемый план Чемберлена) путем создания сильного центрального правительства, которое при поддержке великих держав организовало бы экспедиции против «непокорных провинций».

Однако попытка создать такое правительство при существовании Национальной армии, которая занимала труднодоступные позиции в Наньkoу, при наличии в Гуандуне Гуанчжоуского революционного правительства и позиции «нейтралитета» Сунь Чуань-фапа, владевшего важными в экономическом отношении пятью провинциями, оказалась нереальной.

И хотя избранный премьером упэйфуист Си Си-чуй был доверенным Чжан Цзо-линя и удовлетворял представителей обеих милитаристских группировок, непрерывные дрязги между ними из-за каждого министерского портфеля привели в конечном счете к тому, что это правительство стало чисто формальным и реальной власти не приобрело.

Второе соглашение между мукденской и чжилийской группировками уже говорило о том, что в тогдашней военно-политической обстановке создание авторитетного центрального правительства перестало быть актуальным; ближайшей задачей этой милитаристской коалиции стала ликвидация Национальных армий как на севере, так и на юге Китая, и лишь во вторую очередь — политическое устройство страны. Этим же соглашением было определено разграничение оперативных сфер мукденской и чжилийской группировок. Первая сосредоточивала свои силы против 1-й Национальной армии, а вторая, оказывая ей частичную помощь, главный свой удар направляла против армии Гуанчжоуского правительства.

Однако японские военные круги выразили недовольство той сферой влияния, которая в соответствии с англо-японским соглашением предназначалась им. Судя по некоторым данным, второе мукдено-чжилийское соглашение, сообразуясь с директивами Лондона и Токио, урегулировало и этот вопрос. Чжан Цзо-линю (Японии) была предоставлена полная свобода в Маньчжурии, Шаньдуне, Внутренней Монголии, а Англия получила бо́льшую свободу действий на юге Китая против Гуанчжоу.

Одновременно усилилась агрессивность устремлений военных кругов Японии против СССР. Они полагали, что именно теперь настал удобный момент для подрыва авторитета СССР в Китае и на побережье Тихого океана. Японская военщина должна была инспирировать агрессивность Чжан Цзо-линя в вопросах железнодорожной политики в Маньчжурии (включая КВЖД); добиваться от министерства иностранных дел Японии решения вопроса о Цзяндао (пограничный район между Кореей, Северной Маньчжурией и южной частью Приморской области, заселенный корейцами), имеющего политико-стратегическое значение; требовать увеличения численности японских гарнизонов в Маньчжурии и права мобилизовать в случае надобности японское население в Южной Маньчжурии.

В завязавшемся узле политических интриг выдвинулся Сунь Чуань-фан, лидер пяти провинций, тесно связанный с США. Япония и Англия усиленно стремились заручиться поддержкой правительства в Вашингтоне в очередных вопросах китайской политики. Японский военный атташе посетил Сунь Чуань-фана в Нанкине, настойчиво добиваясь привлечения его к участию в гражданской войне.

Сунь Чуань-фан был связан с шанхайскими лидерами правого гоминьдана, и его выдвигали в качестве национального лидера, «собирателя китайской земли». Китайское агентство Говэнь 10 июля сообщало о желании дубаней Хэнани и Хубэя присоединиться к его федерации (пяти провинций) и признать его главкомом всех вооруженных сил провинций долины Янцзы. Этот факт свидетельствовал о том, что у У Пэй-фу недоста-

вало сил для противодействия Северному походу Национально-революционной армии Гуанчжоуского правительства.

С ликвидацией 1-й Национальной армии в Северо-Западном Китае завершился длительный этап ее борьбы с мукдено-чжилийским блоком. Теперь надо было ожидать перехода Чжан Цзо-линя (Япония) к агрессивным действиям во Внутренней Монголии и против МНР. К осуществлению этих планов были привлечены монгольские князья и ламы, эмигрировавшие из МНР в Хэйлунцзян. По словам одного эмигранта, поход на Улан-Батор намечался с трех сторон: одно направление — из Калгана и два — из Хайлара по р. Керулен. В вопросе об этой экспедиции Япония заручилась поддержкой Англии, а возможно, и США. Кроме Чжан Цзо-линя к участию в подготовке нападения на МНР был привлечен и атаман Семенов с его панмонгольскими лозунгами, ему было отпущено полмиллиона иен.

Повсеместный рост революционного движения в Китае побудил империалистические державы проводить более либеральный курс в китайской политике: Англия была готова признать ограниченную таможенную автономию Китая и сделать ряд уступок в вопросах муниципальной политики и в иностранных сеттльментах; Япония в целях установления контакта с правым крылом национальной буржуазии Китая была согласна на перемещения на руководящих постах мукденской армии и администрации, жертвуя даже Чжан Цзо-линем.

Все это свидетельствовало о том, насколько сложна и противоречива была внешняя и внутренняя политическая обстановка на северо-западе Китая во время нашего там пребывания. Работа затруднялась еще тем, что наши группы, сформированные в короткий срок, не получили ни возможности, ни времени для предварительной подготовки.

Наше стремление разобраться в обстановке Национальных армий наталкивалось на сопротивление китайских военачальников, которые под тем или иным предлогом нам в этом отказывали. Беглое знакомство с боевой подготовкой Национальных армий побудило наших советников заняться составлением планов коренной реорганизации армии на современный лад. Однако расчеты показали невозможность осуществить это мероприятие из-за недостатка времени, отсутствия необходимого количества инструкторов соответствующей квалификации, отсутствия наглядных пособий и приборов, а главное — военных переводчиков.

Недостаточное наше знакомство с историей Китая, бытом и нравами китайского народа, его культурой приводило нас к ряду ошибок. Мы принимали за чистую монету заверения китайских генералов в глубокой преданности учению Сунь Ят-сена и революции, пока не познакомились с ними на практике. Наши предложения по ведению операций не принимались во внимание, нас не приглашали на ответственные совещания; о важ-

нейших решениях дубаня и подопечных генералов мы узнавали позже всех. Не удивительно, что наша военно-оперативная деятельность часто сводилась к регистрации событий и информации об обстановке высших руководящих органов.

Однако в ходе борьбы с мукдено-чжилийскими милитаристами руководство Национальными армиями вынуждено было терпеть у себя наших советников, допускать к работе среди населения своих провинций представителей гоминьдана, а временами и членов китайской компартии и прибегать порой к революционной фразе — все это способствовало революционизированию населения провинций и частично армии. Сила революционных идей была настолько притягательна, а ненависть к империалистам настолько велика, что впоследствии при наступлении НРА к северу от Янцзы в провинцию Хэнань на сторону революции перешли и бывшие соединения 2-й Национальной армии, некогда изменившие ей. Поэтому надо признать, что деятельность советских людей в Китае не пропала даром. Она способствовала расширению и углублению революции в Китае и освобождению китайского народа от власти империалистических пособников — милитаристов.

НА ЮГЕ КИТАЯ

Из Москвы в Гуанчжоу

После непродолжительного отдыха в Кисловодске мы с женой Диной Яковлевной Благодатовой (Даровская) выехали в сентябре 1926 г. из Москвы скорым поездом во Владивосток. Дальше нам предстояло следовать через Шанхай в Гуанчжоу.

До Владивостока поезд шел десять с половиной суток. С нами в купе ехало молодое семейство с семимесячным ребенком. Он был нездоров и плакал все ночи напролет. В купе не хватало воздуха от запаха пеленок. В Хабаровске нам посчастливилось переменить купе. Стоя у окна и любуясь необъятными просторами нашей Родины, мы наслаждались сменой ландшафтов и изумительной игрой таежных красок. Мимо проплывали бескрайние степи Западной Сибири и, наконец, «славное море — священный Байкал». Все это оставляло неизгладимое впечатление и скрашивало наше утомительное путешествие. В прошлом году я проезжал эти места весной, когда природа Сибири после длительной зимы оделась в ярко-зеленый покров. Теперь осень — какое богатство красок!

Во Владивосток поезд прибыл точно по графику. И это было удивительно в то время. Еще в прошлом году порядок на железных дорогах оставлял желать лучшего. Железнодорожная магистраль протяженностью 10 тыс. км представляла собой жалкое зрелище. В особенно плачевном состоянии был участок от Читы до Владивостока. Малонаселенная местность была разорена недавно отгремевшей войной с интервентами. Станции лежали в развалинах, железнодорожники ютились в вагонах, которые одновременно служили и станциями. Разрушенные мосты подпирались штабелями шпал. На остановках — хоть шаром покати, купить нечего, все приходилось везти с собой. И в эти-то годы, несмотря на наше тяжелое хозяйственное положение, когда мы еще не достигли довоенного уровня развития экономики, мы оказывали китайскому народу в его борьбе за национальную независимость не только моральную, но и материальную помощь. Советские инструкторы, инженеры, техники и переводчики выехали в Китай. Большие материальные средства были направлены туда по просьбе Гуанчжоуского правительства.

Во Владивосток мы приехали утром 27 сентября. Нам посчастливилось достать билеты на пароход, отбывающий в тот же день в Гуанчжоу. У нас еще оставалось немного времени, чтобы ознакомиться с достопримечательностями Владивостока. В моей памяти сохранилось лишь общее впечатление об этом живописно расположенном городе, сильно пострадавшем во время гражданской войны, интервенции Японии и других империалистических держав. Мне не удалось побывать на Русском острове, где находилась могила моего отца — капитана 32-го Восточно-Сибирского полка, погибшего во время русско-японской войны. По пути в Гуанчжоу мы сделали две остановки: одну — кратковременную, в японском городе Модзи, и вторую, более продолжительную, — в Шанхае. Но мы вовремя не сумели получить визы в японском консульстве во Владивостоке, поэтому японские власти не разрешили нам сойти на берег. В Шанхае мы пробыли пять суток и имели достаточно времени, чтобы познакомиться с этим важнейшим портом Китая. Город являл собой яркий пример закабаления империалистическими государствами китайского народа на его собственной земле.

Шанхай тогда был самым крупным промышленным и торговым центром Китая. Численность населения города превышала 3 млн.

Город, расположенный вблизи устья р. Янцзы, на ее притоке Хуанпу, окружен низменностью, состоящей из наносных отложений в виде песка и ила, которые постепенно двигают дельту в море. Некогда Шанхай находился на берегу Восточно-Китайского моря, теперь же он отстоит от него на 30 км.

Климат Шанхая мягкий, муссонный, влажный. Средняя температура июля +27°, а января +3, —2°. За год, главным образом летом, здесь выпадало 1130 мм осадков. Географическое положение Шанхая очень выгодно: глубина фарватера Хуанпу достигала 8 м, что позволяло заходить в Шанхай крупным морским пароходам. Недаром город именовался главными воротами Китая в страны Тихого океана.

Шанхайский порт — один из крупнейших в мире. На его причалах могли грузиться одновременно более сотни судов. Шанхай — крупный узел железных дорог, индустриальный центр страны с многочисленным и активным пролетариатом.

Большая часть Шанхая располагалась на левом берегу р. Хуанпу. Центр города приходился как раз на место впадения Сучжоуского канала в Хуанпу. С запада на восток протянулась главная улица города — Нанкин-род. Набережная реки в то время носила название «Банд» и была застроена монументальными зданиями делового Шанхая. К северу от городского центра, на левом берегу канала Сучжоу, находился промышленный район Шанхая — Чапэй.

По своему внешнему облику Шанхай сильно отличался от других китайских городов. В нем были высокие дома, озеле-

ненные улицы, парки и сады. Уже в то время по улицам ходили троллейбусы, и регулировщики-сикхи саженного роста, в высоких чалмах, регулировали движение городского транспорта при помощи светофоров. Но наиболее благоустроенными были международный сеттльмент и французская концессия. Монументальные многоэтажные здания, сверкавшие стеклами и блеском начищенной меди, демонстрировали власть иностранных монополий над технической отсталостью и внутренним неустройством хозяев этой земли. Собственно же китайские районы имели узкие улицы, небольшие дома и неблагоустроенные мазанки, бамбуковые фанзы.

По Нанкинскому договору, навязанному Китаю Англией в 1842 г., Шанхай сделался открытым портом, и там были созданы иностранные концессии. С этого времени Шанхай стал главным опорным пунктом агрессии капиталистических государств против Китая.

По мере того как рос крупный промышленный центр страны, поднималась его революционная активность в борьбе с империалистической агрессией. Уже в июне 1919 г. здесь бастовали десятки тысяч рабочих. В 1920 г. в Шанхае возник марксистский кружок, а в июле 1921 г. состоялся нелегальный первый съезд Коммунистической партии Китая. Почти каждый год вспыхивали забастовки рабочих Шанхая, выступления учащейся молодежи и ремесленников, демонстрации протеста против иноземных угнетателей.

В Шанхае мы остановились в так называемом бордингхаузе Баумгартена. Хозяин меблированных комнат — выходец из России, переселившийся в Шанхай еще до революции, — помнил русский язык. Он стал для нас источником информации о жизни и быте населения и достопримечательностях этого большого города, полного контрастов.

В консульстве нам рассказали о Северном походе НРА против чжилийских милитаристов У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана. Выяснилось, что в настоящее время борьба идет за Учан. Нам казалось, что целесообразнее было бы прервать поездку в Гуанчжоу и из Шанхая направиться прямо навстречу НРА в Ханькоу—Учан. Правда, такое путешествие было сопряжено с некоторым риском, поскольку путь пролегал через районы, занятые противником. Но это меня не страшило, на севере Китая я уже приобрел опыт путешествия по районам, захваченным милитаристами. Главная трудность состояла в том, что для поездки в Ханькоу нужны были средства (в Москве нам выдали деньги только до Гуанчжоу), а также переводчик. В Шанхае я пытался через сослуживца Хмелева получить деньги, но консульство такими средствами не располагало, и нам пришлось ехать без особой надобности в Гуанчжоу.

На пятые сутки нашего пребывания в Шанхае пароход справился с погрузкой материалов для Гуанчжоу, и мы трону-

лись в путь. Нам предстояло впервые увидеть Тихий океан. Путешествие протекало более или менее спокойно. Океан оправдал свое название Тихого, волнение было несильным, хотя для Балтийского или Черного морей оно, наверное, считалось бы штормовым. Трудно передать впечатление от величия и могущества этой безмерной громады воды, нарастающего чередования огромных волн, готовых раздавить как ореховую скорлупу наше судно. Вероятно поэтому встреча в океане с любым путником вызывает на лицах людей оживление и радость: каждый стремится передать как близкому другу или знакомому свои лучшие пожелания счастливого и благополучного плавания.

По пути в Гуанчжоу мы заходили в Сватоу. Это уже тропики. Дома здесь легкие, ажурные, не рассчитанные на зимние холода. Сватоу известен не только красотой и живописностью тропических пейзажей, оригинальностью архитектуры зданий, но и производством рукодельных изделий. Женская половина нашего корабля с увлечением занялась изучением художественных вышивок сватоуских мастериц. Мужская же часть с тревогой подсчитывала бюджет, думая о том, как бы благополучно добраться до Гуанчжоу.

В Гуанчжоу

21 октября в 3 часа дня мы прибыли в Гуанчжоу. Подъезжаем к Вампу. Нас встречают товарищи на катере во главе с заместителем начальника гуанчжоуской группы М. Г. Ефремовым (Абнольд). Мы упаковали свои вещи и стали ждать очередной процедуры — таможенного досмотра. Оказалось, что в Гуанчжоу таможенные агенты — белоэмигранты. Произошел характерный инцидент с нашим дипломатическим курьером Майзелем. Таможенный чиновник не хотел выпускать его на берег без осмотра дипломатического багажа, так как наше консульство не предупредило таможенную администрацию о приезде дипломатического курьера. Но здесь, на юге Китая, настали другие времена для агентов империалистических держав. Встречавшие нас товарищи оттеснили таможенника и прорвались с вещами к выходу. Таможенный чиновник, не рассчитывая на поддержку китайской администрации и полиции, для виду проворчал что-то о нарушении порядка и удалился восвояси.

По прибытии в Гуанчжоу вначале мы устроились в гостинице «Азия». Это было большое шестиэтажное сооружение, целый комбинат, с рестораном, универмагом, кинотеатром, открытой сценой и даже цирком. Национальное правительство после ухода НРА в Северный поход, по существу, лишилось реальной власти. Правые элементы гоминьдана стали поднимать голову, ожила и компрадорская буржуазия. Все это моментально отразилось на соблюдении внутреннего порядка,

М. Г. Ефремов

прежде всего в общественных местах. Мы испытали это на себе, когда разместились в лучшей гуанчжоуской гостинице. Она была оборудована на европейский лад, имела более 600 номеров, но порядок и чистота в ней отсутствовали: лифт не работал, матрацы жесткие, постельное белье грязное. Питание в ресторане гостиницы было дорогим и невкусным.

Наше пребывание в Гуанчжоу совпало с проведением профсоюзной конференции. Такие события на юге Китая сопровождались, как большие народные празднества, стрельбой из хлопушек, криками и неимоверным шумом. Приезжему человеку эти празднества могли показаться штурмом города или схватками на улицах. После такой встречи мы суток двое не могли прийти в себя от головной боли. Говорили, что при подобных выступлениях расходовалось до 30—40 кг пороха. И эта цифра не была взята из головы, судя по тому, что стрельба в городе слышалась непрерывно с утра до поздней ночи. А как бы этот порох пригодился НРА в Северном походе, например при штурме крепостей! Вместо того чтобы взбираться на стены по деревянным лестницам и устилать крепостные рвы сотнями убитых и раненых, достаточно было бы одной-двух порций пороха, чтобы проделать брешь в стенах или подорвать ворота.

Катер, которым нас доставили с корабля в Гуанчжоу, назывался «Павлов» в честь первого начальника гуанчжоуской группы советских военных советников, выдающегося военачальника Красной Армии.

С Павлом Андреевичем Павловым я познакомился на службе в Харьковском военном округе. Мы участвовали в одних и тех же боях в первой мировой и гражданской войнах.

П. А. Павлов родился в 1892 г. в семье генерал-лейтенанта царской армии. Образование Павлов получил в кадетском корпусе, но вскоре оставил военную службу, где ему была уготована блестящая карьера. Павел Андреевич поступил в Петербургский политехнический институт. Там он вступил в социал-демократическую подпольную группу. За организацию первой

политической забастовки в 1910 г. Павлов был арестован. В 1914 г .его призвали в армию и направили в школу прапорщиков. Затем Павлов был произведен в офицеры лейб-гвардии Волынского полка. В первой мировой войне он несколько раз был ранен, получил четыре боевые награды.

П. А. Павлов

С началом революции Павел Андреевич сразу же перешел на ее сторону, в 1919 г. вступил в члены РКП(б). Во время гражданской войны он со своим соединением в составе ударной группировки 13-й армии громил Деникина под Кромами и Орлом; будучи командиром сводной дивизии курсантов, участвовал в разгроме Врангеля в Крыму, а также армии Махно под Гуляй Полем. В этом сражении я был начальником артиллерии 40-й Богучарской дивизии.

Гуляйпольское сражение особенно интересно тем, что оно явилось последним крупным кавалерийским сражением в мировой истории. Армия Махно имела 8—9 тыс. сабель и около 400 пулеметных тачанок. На нашей стороне в этом бою участвовали кроме нашей 40-й Богучарской дивизии 3-й кавалерийский корпус в составе трех дивизий и сводная бригада П. А. Павлова*. Затем П. А. Павлов был послан в Тамбовскую губернию для ликвидации банд Антонова и в Бухару для борьбы с басмачами.

За боевые заслуги он был награжден двумя орденами Красного Знамени, Золотой Бухарской Звездой II степени и серебряной шашкой. Словом, Павел Андреевич Павлов был талантливым военачальником, храбрым воином, образованным и культурным человеком (он знал пять языков), беззаветно преданным партии и делу Ленина.

В июне 1924 г. из Москвы на должность главного военного советника при Сунь Ят-сене был направлен Павел Андреевич Павлов. Это была очень удачная кандидатура. Высоко обра-

* С моего наблюдательного пункта отлично было видно, как две кавалерийские массы сшибались в рукопашной схватке, сверкая шашками, под аккомпанемент сотен пулеметов. Это сражение происходило на обширной равнине Гуляй Поля, чуть запорошенной снегом.

зованный боевой командир, участник мировой и гражданской войн в России, он быстро разобрался в обстановке и выработал план преобразования «союзных» армий, а на деле армий местных милитаристов, в единую армию Гуандуна. (В дальнейшем предполагалось преобразование ее в Национально-революционную армию Китая.) В качестве первого шага на этом пути он предлагал создать Совет обороны во главе с Сунь Ят-сеном в составе Ху Хань-мина, Ляо Чжун-кая, командующих «союзными» армиями, начальника школы Вампу Чан Кай-ши, начальника полиции Гуанчжоу У Те-чэна. П. А. Павлов стал главным военным советником Совета обороны. Функции этого Совета первоначально не были точно определены, да и не могли быть определены по той причине, что «союзные» армии были милитаристского типа, каждая преследовала свои цели. Все зависело от политического курса руководства гоминьдана.

На главного военного советника П. А. Павлова легла тяжелая задача: реорганизовать «союзные армии» и подготовить Гуандун к обороне. На Совет обороны в перспективе возлагалось верховное стратегическое руководство. 24 июля 1924 г. П. А. Павлов доложил Совету обороны шесть основных пунктов по реорганизации союзных армий и по обороне Гуандуна. Эти положения, ввиду их важности для понимания значения последующего преобразования вооруженных сил Гуандуна в НРА, я приведу в несколько сокращенном виде. Этот свой доклад Совету обороны о реорганизации «союзных» армий Павлов изложил в неполном виде, дабы не отпугнуть гуандунских генералов от реформы. Сущность этих мероприятий в основном сводилась к следующему.

1) Создать в «союзных» армиях политический аппарат, в дивизии и корпуса выделить ответственных представителей партии. Организовать при школе Вампу кратковременные курсы для подготовки военно-политических работников. В армии развернуть политическую работу под руководством члена ЦИК гоминьдана, входящего в состав Совета обороны.

2) Унифицировать военное обучение как в военных школах, так и в войсках. Создать при школе Вампу из состава «союзных» армий два полка «общесоюзных войск», на обучение которых обратить особое внимание. (Впоследствии они составили «партийные войска».)

Эти мероприятия, а также такие, как создание гуанчжоуского укрепленного района и общих броневых сил (бронепоездов) и ряд других мер способствовали сплочению вооруженных сил Гуандуна для обороны этой провинции. Однако П. А. Павлов не мог пойти на углубление дальнейшей реорганизации «союзных армий» в одно целое, так как для командующих этих армий «самостийность» была «вопросом жизни».

По достижении некоторой консолидации вооруженных сил Гуандуна Сунь Ят-сен решил предпринять Северный поход. Во-

енно-политическая ситуация на юге Китая была очень сложной и противоречивой. П. А. Павлов считал, что сил недостаточно для такого похода. Но для более детального знакомства с обстановкой он занялся обстоятельным ее изучением. С этой целью он отправился на восток Гуандуна, во время этой поездки он трагически погиб в Шилуне, утонул в р. Дунцзян *.

Сунь Ят-сен, потрясенный внезапной гибелью своего главного военного советника, говорил: «Небо создает таланты для служения человечеству. Генерал Павлов, храбрый и благородный, был героем многих сражений. Он пришел, чтобы помочь Китаю как солдат и ученый. Он излагал свои планы, обнаружившие его дарования. Какая трагедия, что он погиб в то время, когда все ждали, что он доведет до конца свою исключительную работу».

В Гуанчжоу М. Г. Ефремов предложил мне выехать в распоряжение В. К. Блюхера вместе с Гуанчжоуским правительством, которое на днях отправлялось на север, в Ухань. Маршрут, избранный правительством, был кратчайшим, но поездка со дня на день откладывалась, и я застрял в Гуанчжоу вместе с вновь прибывшими советниками М. Г. Снеговым, М. Ф. Куманиным на неопределенное время. Чтобы не терять времени, я занялся изучением военной обстановки.

Обстановка на юге Китая

Провинция Гуандун расположена на юге Китая — в субтропиках. Площадь ее — 220 тыс. кв. км, население — 27 500 тыс. Береговая линия провинции сильно изрезана, много заливов, островов и полуостровов. Рельеф преимущественно горный. Горная система Наньлинь занимает седьмую часть всей площади провинции. Высшая ее точка на западе достигает 2 тыс. м.

* Бывший латышский партизан, старый большевик Александр Петрович Гринберг сообщил мне в этой связи следующее. В мае 1921 г. он участвовал в ликвидации антоновщины в Тамбовской губернии. Начальником его боевого участка оказался П. А. Павлов. По словам Гринберга, это был замечательный командир и удивительный человек, поражавший всех своим аскетизмом. Он рассказал об одном, тогда непонятном ему инциденте, происшедшем с Павловым. Однажды на марше от Тамбова до Кирсановского района они ехали верхом. Все шло нормально, пока им не пересек дорогу ручеек не шире двух-трех метров. Внезапно Гринберг почувствовал, что спутник схватил его за руку. Он оглянулся и увидел, что Павлов, побелев как бумага, смотрел вперед расширенными от ужаса глазами. Тем временем лошади сами легко перенесли их через ручей, а Павлов так и повис на руке Гринберга.

Специалисты-медики объяснили мне, что Павлов, возможно, страдал одной из разновидностей так называемых фобий, в данном случае «потамофобией», или «боязнью рек», подобно тому как некоторые боятся высоты, открытых пространств, воды и т. д. Причины возникновения этих заболеваний пока еще точно не установлены учеными.

Приморская полоса низменная, а дельты рек Сицзян, Бэйцзян и Дунцзян (самая южная часть Гуандуна) имеют аллювиальную, плодородную почву. Эта местность наиболее густо населена, здесь живет около $^3/_4$ населения провинции. Климат с долгим жарким летом и теплой сухой зимой. Средняя температура июня +25—27°, января +14—18°. В году выпадает 1200—2000 мм осадков. В Гуандуне растут тропические леса — восковое, камфорное, лаковое, пальмы и другие ценные породы деревьев с очень прочной древесиной. Здесь возделываются разнообразные сельскохозяйственные культуры, урожай снимается три, а иногда четыре раза в год. Выращивают такие фрукты, как бананы, ананасы, апельсины, мандарины.

Гуандун богат минеральными ресурсами, но в то время они изучены были мало. Здесь были обнаружены значительные месторождения вольфрама, сурьмы, марганцевой руды, каменного угля, железной руды, висмута, молибдена, ртути и др.

Административным центром провинции является Гуанчжоу (около 1 млн. жителей), расположенный в дельте р. Сицзян на ее рукаве Чжуцзян (Жемчужная). Это самый крупный торгово-промышленный город и порт провинции. Он является центром металлообрабатывающей, электротехнической, химической и текстильной (шелковой) промышленности, в основном находившейся на мануфактурной или кустарной стадии. Здесь было развито производство художественных изделий из лака, фарфора, слоновой кости, пользующихся широкой известностью на мировом рынке.

Провинция Гуандун богата революционными традициями. Здесь начал свою деятельность великий деятель китайского революционного движения доктор Сунь Ят-сен. Гуандун была одним из центров революции 1911 г., приведшей к свержению ненавистной китайскому народу маньчжурской династии.

В 1916 г. южные провинции организовали федерацию независимых от реакционного пекинского правительства провинций. В 1917 г. в Гуандуне было создано правительство Южного Китая, но только с 1923 г., когда его в третий раз возглавил Сунь Ят-сен, оно стало проводить прогрессивную политику. Здесь же под влиянием Октябрьской революции в России зародилась и развивалась антиимпериалистическая борьба пролетариата, которую возглавила созданная в 1921 г. Коммунистическая партия Китая. В 1922 г. в Гуандуне появились крестьянские союзы. Таким образом, эта провинция стала важным центром массового рабоче-крестьянского движения.

Весной 1925 г., когда я работал в аппарате военного атташе, у нас не было ясного представления о положении в Гуандуне. В начале лета в Пекин на отдых приехал Василий Константинович Блюхер. Я обратился к нему с просьбой помочь разобраться в событиях на юге Китая. Василий Константинович, пробежав мой вопросник, улыбнулся и сказал: «Ничего

себе, вопросики». Затем твердо сообщил: «Хорошо, я это выполню». Он писал около двух месяцев. Эта работа была отпечатана в тринадцати экземплярах на пишущей машинке и разослана в другие группы советников.

Некоторое время спустя Н. В. Куйбышев проездом в СССР задержался в Пекине и по просьбе советников тоже сделал доклад о текущих событиях на юге Китая. Оба эти сообщения помогли нам ознакомиться с многосложной и противоречивой обстановкой на юге Китая, быстрее войти в курс дела.

Военно-политическая обстановка на юге Китая существенно отличалась от того, что мы наблюдали на Севере. Там Национальные армии были в основном централизованы и в большей или меньшей степени подчинялись своим командующим (дубаням), в частности Фэн Юй-сяну, Юэ Вэй-цзюню и Сунь Юэ. На юге Китая в начале 1925 г. в непосредственном распоряжении главы правительства Сунь Ят-сена находился лишь отряд бодигаров в 150—200 человек. Остальные войска, размещавшиеся на территории провинции, составляли «Союзную армию», т. е. ряд самостоятельных армий, находившихся в подчинении у отдельных независимых генералов, которые, в свою очередь, в какой-то мере подчинялись президенту Сунь Ят-сену.

По политической окраске и значимости генералы делились на четыре группы. В первую группу входили обычные милитаристы, изгнанные из своих провинций и пришедшие в Гуандун, чтобы поправить дела и вернуться к себе. Они объявили себя союзниками Сунь Ят-сена и сторонниками революции. На деле же они замышляли свергнуть Гуанчжоуское правительство и захватить Гуандун. К этой группе можно отнести генералов Ян Си-миня и Лю Чжэнь-хуаня.

Вторую группу составляли старые соратники Сунь Ят-сена, разделявшие его мировоззрение. Однако и эти генералы стремились сохранить независимость в военном отношении, надеясь вернуть свои провинции, дабы занять там руководящее положение и затем образовать «союз провинций» под флагом гоминьдана. К этой группе причисляли хунаньских генералов Тань Янь-кая, Чэн Цяня и хэнаньского Фан Ши-миня.

Третью группу генералов возглавлял Сюй Чун-чжи. Его армия, состоявшая из местных уроженцев, пользовалась наибольшей популярностью среди местного населения. Сам генерал Сюй Чун-чжи, умный, хитрый милитарист, стремясь воспользоваться массовым подъемом революционного движения в Гуандуне, тоже провозгласил себя сторонником гоминьдана и произносил революционные речи. На деле же он поддерживал тесную связь с компрадорской буржуазией и членами правого крыла гоминьдана и получал от них материальную помощь. Эта группа выдвинула лозунг «Кантон для кантонцев», означавший, что войска других провинций должны быть изгнаны из провинции.

Четвертая группа включала генералов мелких воинских формирований, некоторые из них насчитывали менее 100 человек. Наиболее крупными были хубэйская, цзянсийская и фуцзяньская армии.

Все эти «союзники» поделили между собой территорию Гуандуна, разоряли местное население, выколачивая налоги, составлявшие доход генералов этих армий. И таким способом создавалась материальная независимость «армий» от правительства. Формально подчиняясь правительству, генералы благодаря своей хозяйственной автономии пользовались полной самостоятельностью. Фактически правительство не могло провести ни одного мероприятия, если та или иная группа генералов не была заинтересована в его осуществлении. Правительство вынуждено было свои действия предварительно согласовывать с отдельными генералами, уговаривать их и т. п.

В результате генералы не считались с решениями правительства и его политикой и гнули свою линию. А числившаяся в распоряжении правительства 150-тысячная армия существовала только на бумаге. Между тем некоторые из этих генералов были даже членами ЦИК гоминьдана. Так, правительству и советским военным советникам стоило большого труда, чтобы эти генералы приняли участие в походе против армии Чэнь Цзюн-мина. Правительство, не обладая реальной властью, нередко вынуждено было санкционировать даже их грабительские налоги, тем самым компрометируя себя в глазах населения.

Правительству срочно нужна была армия. Первая и неотложная наша задача, — говорил Сунь Ят-сен, — сформировать революционную армию по советскому образцу и подготовить на юге страны достаточно надежный плацдарм для похода на север.

Первым шагом к созданию такой армии явилась организация в Гуанчжоу военно-политической школы Вампу. Она должна была стать ядром революционной армии, подготовить политически грамотный командный состав, а также кадры для формирования армии на новых началах.

Какое большое значение Сунь Ят-сен придавал этой школе, видно из того, что он сам предполагал возглавить ее, а своим заместителем назначить Чан Кай-ши. Но этот генерал сумел войти в доверие к Сунь Ят-сену, создать видимость преданности его учению и добиться назначения начальником школы.

Значение школы Вампу для создания Национально-революционной армии правительству Южного Китая было очевидно. Наш военный атташе А. И. Геккер по просьбе Сунь Ят-сена направил в Гуанчжоу из первой пятерки военных советников четырех человек, прибывших в Китай еще в июне 1923 г.: В. Поляка, Я. Германа, А. Черепанова и Н. Терешатова.

В ходе своей деятельности в Китае мне пришлось знако-

миться с учебным процессом в военных школах 1-й Национальной армии в Калгане, Пиндицюане и Фэнчжэнтине, а также во 2-й Национальной армии в Хэнани. О школе Вампу я получил представление из рассказов и работ других советников, главным образом книги А. И. Черепанова «Записки военного советника в Китае» (М., 1964). Вследствие важной роли этой школы для революции 1925—1927 гг. приведу краткие справочные данные о ней. Школа была открыта в мае 1924 г. В конце 1924 г. общая численность ее состава равнялась 1500 человек, в том числе 950 курсантов, остальные — преподаватели, администрация, обслуживающий персонал, солдаты охраны. Школа была объединенного типа. Основную массу курсантов составляли пехотинцы и пулеметчики, затем следовали артиллеристы, саперы, связисты и снабженцы. Срок обучения пехотинцев — 6 месяцев, артиллеристов — 12 месяцев. Остальные категории слушателей проходили курс обучения в течение 9 месяцев.

Большинство курсантов составляла студенческая и учащаяся молодежь, знакомая с идеями Сунь Ят-сена и бывшая их приверженцами.

Официальной датой открытия школы считается 15 июня 1924 г. Во вступительной речи Сунь Ят-сена разъяснялась необходимость создания революционной армии для освобождения страны от империалистов и их слуг — феодальных милитаристов. Курсанты школы должны были составить костяк армии, призванной осуществить благородные цели. Сунь Ят-сен призывал курсантов брать пример с Красной Армии, которая очистила свою землю от контрреволюционеров и империалистов. С самого открытия школы основная организационная и учебная работа в ней легла на плечи советских специалистов: В. Е. Поляка (который был старшим в первой группе советников), А. И. Черепанова и Н. И. Терешатова. Деятельность наших советников по обучению китайских офицеров и преподавателей новым методам руководства войсками и ведения боевых операций на основе нашего боевого опыта первой мировой войны и гражданской войны в значительной мере была связана с преодолением их инертности, сопротивления всему новому, прогрессивному, революционному. Прибытие в Гуандун главного военного советника П. А. Павлова и новых военных советников (Айтыкина, Д. Угера (Реми), Степанова, Сахновского, Дратвина) и особенно (в начале октября 1924 г.) большой группы советников во главе с новым главным советником В. К. Блюхером (вместо П. А. Павлова) — Т. А. Бессчастнова, Г. И. Гилева, М. Я. Гмиры, И. Я. Зенека (Зембровского), Ф. Г. Мацейлика, И. Н. Зильберта, Я. Полло, В. П. Рогачева, И. К. Мамаева, Е. А. Яковлева и других — во многом облегчило организацию учебного процесса в школе. Ввиду успешного обучения курсантов в школе Вампу, было решено расширить прием в нее до 2500 человек в четвертом наборе. В школу стали

В. Е. Поляк

принимать молодежь почти из всех провинций Китая, а также из Кореи и Вьетнама.

Параллельно с ростом контингента школы увеличилась численность так называемых «партийных войск» — от одного полка до дивизии. Это позволило Сунь Ят-сену обрести реальную силу, с помощью которой он имел возможность наводить порядок в Гуанчжоу и Гуандуне и консолидировать оборону провинции.

Курсанты школы Вампу принимали деятельное участие в политической жизни Гуандуна. На базе этой школы были сформированы так называемые партийные войска правительства. Сперва был организован один полк, а затем дивизия, которая послужила основой формировавшейся новой Национально-революционной армии Гуанчжоуского правительства. Весной 1925 г. эти войска вполне оправдали себя в боях против армии Чэнь Цзюн-мина. Партийные войска правительства снискали популярность среди населения провинции Гуандун.

Весной 1925 г. Гуанчжоуское национально-революционное правительство приступило к реорганизации «союзных армий», стремясь придать им общие организационные формы, создать аппарат главного командования всеми вооруженными силами и наладить централизованное снабжение, — словом, поставило цель создать единую Национально-революционную армию. Но первые попытки правительства в этом направлении встретили ожесточенное сопротивление генералов-«союзников». Юньнаньский генерал Янь Си-минь и гуансийский генерал Лю Чжэнь-хуань откровенно выступили против национально-революционного правительства.

Мятеж был быстро ликвидирован главным образом новыми правительственными войсками и частично гуанчжоуской армией Сюй Чун-чжи. Это способствовало повышению авторитета Гуанчжоуского правительства.

После разгрома мятежных генералов (в середине июня

1925 г.) представилась возможность продолжить реорганизацию армии. Были созданы Военный совет с функциями главного командования, а также Главный штаб в качестве исполнительного органа Военного совета. Председателем Военного совета был назначен член Политбюро ЦИК гоминьдана Ван Цзин-вэй, главнокомандующим — Чан Кай-ши, военным министром — Тань Янь-кай, главным военным советником — Н. В. Куйбышев, начальником Главного штаба — В. П. Рогачев, начальником Политуправления — И. Я. Разгон (Ольгин) (помощник Н. В. Куйбышева по политической части). В ведении Военного совета были следующие вопросы: строительство армии, ее реорганизация, утверждение штатов, бюджеты частей, планы комплектования и т. п. Военный совет заседал два раза в неделю. Поскольку функции Военного совета, Политбюро ЦИК гоминьдана и Главного штаба не были четко разграничены, некоторые вопросы они решали вместе. Главный штаб Военного совета состоял из управлений (оперативно-разведывательного, административного) и инспекций (пехоты, артиллерии, инженерных войск, связи, санитарной).

Н. И. Терешатов

Непрерывные контрреволюционные выступления «союзных» генералов тормозили работу Военного совета и Главного штаба. При поддержке компрадорской буржуазии в Гуанчжоу был убит выдающийся деятель китайской революции Ляо Чжун-кай. В этом убийстве оказался замешанным секретарь Политбюро ЦИК гоминьдана Ху Хань-минь. В дальнейшем оппозиционные «союзные» генералы стали готовить военный переворот для свержения правительства. Реорганизация армии снова приостановилась, но к этому времени партийные войска выросли в целый корпус.

К 1 октября 1925 г. в состав Народно-революционной армии входили: 1-й корпус Чан Кай-ши, 2-й корпус Тань Янь-кая (бывший хунаньский), 3-й корпус Чжу Пэй-дэ (бывший юньнаньский), 4-й корпус Ли Цзи-шэня (бывший гуандунский), 5-й кор-

А. И. Черепанов

пус Ли Фу-линя (бывший гуандунский), отдельная дивизия У Те-чэна, отдельная дивизия Чэн Цяня.

Объединение вооруженных сил Гуандуна в относительно короткий срок, введение их в единую систему, централизация высшего военного аппарата, упорядочение военного хозяйства, создание и усиление технических средств борьбы, введение политработы во всей армии — все это свидетельствовало о той огромной работе, которая проводилась Сунь Ятсеном, китайскими коммунистами и советскими военными и политическими советниками под руководством Бородина.

Переход от милитаристской системы организации и функционирования армии к централизованной системе совершался не сразу и проходил не гладко, а путем борьбы идейной, организационной и дипломатической. Процесс реорганизации НРА к началу 1926 г. далеко еще не завершился, хотя формально НРА считалась единой. Сепаратизм в корпусах, реорганизованных из бывших «союзных» армий, конечно, не был еще изжит (за исключением 1-го корпуса — войска Вампу). Переименование в корпуса мало что изменило в существе армий. Офицеры-хунаньцы тяготели ко 2-му хунаньскому корпусу, юньнаньцы — к 3-му, а гуанчжоусцы — к 4-му.

Комплектование армии командным составом по-прежнему проводилось беспорядочно. Старший командный состав подбирался командиром корпуса по принципу старой дружбы, родства, а не по деловым качествам: знаниям, опыту и т. д.

Некоторые командиры (например, командир 5-го корпуса генерал Ли Фу-линь) не были пригодны к исполнению своих обязанностей, но правительство не могло их сместить из-за популярности в тех слоях населения, с настроением которых правительству приходилось считаться.

Средний командный состав комплектовался по тем же принципам, что и старший, т. е. по дружбе со старшим начальником, по знакомству (кончили одну и ту же школу или земляки-хунаньцы, фуцзяньцы и т. п.). Но бывали случаи повышения по службе и за боевые заслуги. Это происходило в основном среди низшего командного состава. В старшем командном со-

ставе процент окончивших школы был относительно высок, в среднем — гораздо ниже. И все же средний командный состав готовился более тщательно, поскольку, в сущности, на него ложилась вся тяжесть работы в частях. Лучшую часть младшего комсостава составляли окончившие провинциальные унтер-офицерские школы, другую (меньшую) — старые солдаты, не имевшие среднего образования, но зато обладавшие практическим опытом.

Д. Угер (Реми)

Солдаты на юге Китая, как и вообще в Китае, набирались вербовкой, в большинстве случаев из деклассированных элементов деревни и города. Они нанимались, по существу, без надежды на получение денежного вознаграждения, за чашку риса и казенное обмундирование. Вербовали рекрутов обычно в северных провинциях во избежание массового дезертирства. Население считало солдат чужаками, а грабежи и насилия солдат усугубляли этот разрыв. Естественно, при таком моральном уровне солдатской массы НРА правительству пришлось принять меры по укреплению дисциплины среди солдат: с одной стороны, соответствующей политработой, с другой — улучшением материального положения солдат (улучшение питания, аккуратная выплата положенного жалованья и т. д.).

Большинство командного состава НРА считало себя революционерами и гоминьдановцами. На деле лишь небольшой процент их немного разбирался в политических вопросах. Солдаты только в последнее время начинали кое-что понимать в событиях в Гуандуне. Политработа не везде была налажена и не везде велась доходчиво и умело, а поэтому и результаты были не очень высоки. В школе Вампу политработа была поставлена лучше, но даже здесь она велась без тщательно составленного плана и программы.

Политработа гоминьдана сводилась в основном к созданию ячеек в частях, причем новые члены партии не знакомились ни с ее программой, ни с ее целями, и, таким образом, запись в партию происходила механически. На вопрос, заданный кур-

Т. А. Бессчастнов

сантам в школе Вампу, сколько у них гоминьдановцев, слушатели отвечали: «Мы все гоминьдановцы».

Политические беседы обычно велись кое-как. Рассылавшиеся по частям листовки редко доходили до сознания солдат, так как в большинстве своем они были неграмотными.

В отдельных частях и школе Вампу после смерти Сунь Ят-сена возникло «Общество изучения суньятсенизма» для популяризации его идей.

Некоторые коммунисты вошли в это общество, но, по-видимому, не сумели наладить там работу. Вместо обеспечения своего влияния и пропаганды идей Сунь Ят-сена они создали оппозицию.

В результате влияние правых гоминьдановцев в «Обществе изучения суньятсенизма» усилилось, взаимоотношения между членами общества и коммунистами обострились. И хотя было решено работу общества поставить под контроль Политуправления, вытеснить оттуда правых, как показал ход событий, так и не удалось.

Работа коммунистов в частях НРА, особенно в 1-м корпусе, играла большую роль. Во главе значительной части политотделов корпуса стояли коммунисты. Их было много среди комиссаров и даже на командных должностях. Например, командиры 2-го полка 1-го корпуса и 34-го пехотного полка были коммунистами. В боях коммунисты проявили большое мужество и храбрость, многие из них отдали свою жизнь за свободу. Правда, иной раз коммунисты допускали тактические ошибки, и это приводило к трениям с гоминьдановцами. В связи с этим было дано указание, чтобы каждый коммунист содействовал укреплению влияния гоминьдана в армии наряду с усилением влияния КПК.

В общем, можно сказать, что хотя политработа в НРА была еще далеко не на должной высоте, но даже в таком несовершенном виде она давала огромные преимущества армии в повышении ее сознательности, нормализации взаимоотношений с

местным населением, что во многих случаях способствовало успеху боевых операций.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции оказала решающее влияние на развитие национально-освободительной борьбы в Китае. Под ее влиянием возникла Коммунистическая партия Китая, ознаменовавшая выход на политическую арену рабочего класса Китая. Сунь Ят-сен пересмотрел программу своей партии и внес в политическую платформу гоминьдана новое содержание (три принципа). Национализм теперь выражал революционную борьбу против империализма за превращение Китая в независимое, суверенное государство. Принцип народовластия означал создание государства, где власть принадлежит народу, а не милитаристам, помещикам и капиталистам. Принцип народного благоденствия заключался в ограничении власти капитала и «уравнении прав на землю», чтобы «каждый пахарь имел свое поле».

Г. И. Гилев

Таким образом, на первом этапе китайской революции гоминьдан представлял собой партию блока национальной буржуазии, мелкой буржуазии города, рабочих и крестьян. На севере Китая мы были склонны переоценивать революционную роль гоминьдана. Дело в том, что там действовал закон Юань Ши-кая, по которому гоминьдан, как мы уже отмечали, был объявлен вне закона, а быть гоминьдановцем не только не сулило материальных выгод, но и было небезопасно для жизни.

Иначе обстояло дело на юге Китая, особенно когда двери партии, находившейся у власти в Гуанчжоу, были широко открыты для приема новых членов из всех слоев населения Гуандуна.

Наш главный политический советник М. М. Бородин считал, что гоминьдан — пока еще неустойчивый блок разных сил и что на него нельзя особенно полагаться.

Неустойчивость гоминьдана, ставшего во главе национально-революционного движения, обусловливалась разношерстностью его социальной основы и неоформленностью идейно-теоретического мировоззрения. Это выражалось в наличии в гоминьдане пяти группировок.

Первую составляли исключенные из гоминьдана, но считавшие себя гоминьдановцами. Они играли контрреволюционную

И. Я. Зенек

роль и тормозили развитие революции.

Вторая группа — правое крыло гоминьдана. Как и первая группа, она препятствовала развитию революции. Социальной ее опорой являлась компрадорская буржуазия. Группа не имела оформленного теоретического мировоззрения по вопросам политики партии.

В третью группу входили центристы, ее возглавлял Чан Кайши. Она включала национальную буржуазию и отчасти интеллигенцию. Они также еще не создали своего цельного мировоззрения, но пытались теоретически обосноваться и оформиться, выхолащивая из теоретического наследия Сунь Ят-сена революционное содержание. Это была самая влиятельная группа, она обладала реальной силой и в принципе враждебно относилась к империализму. Империалисты, когда им было выгодно, шли на компромисс с нею. Эта группа поддерживала забастовки и бойкот английских товаров. Она не возражала против развития рабочего движения, но под ее контролем и руководством.

Четвертая группа (небольшая) придерживалась левого направления и союза с коммунистической партией. Ее социальная опора — мелкобуржуазная интеллигенция. Она тоже не имела самостоятельной теории, но питала ненависть к империализму и китайскому милитаризму. В практической работе следовала за пятой группой — компартией Китая, которая, несмотря на свою малочисленность, играла выдающуюся роль в развитии национально-революционного движения.

Еще при жизни Сунь Ят-сена верные и последовательные сторонники его учения стали именоваться левыми гоминьдановцами в отличие от отколовшихся от его учения центристов и правых гоминьдановцев. Левых возглавлял председатель Политбюро ЦИК гоминьдана и министр финансов Ляо Чжункай, искренне стремившийся осуществить учение Сунь Ят-сена на практике. Он отстаивал политическую установку Сунь Ят-сена о союзе с Советской Россией и блок с коммунистами. Он активно боролся за улучшение положения рабочих и крестьян.

После его смерти в августе 1925 г. от рук наемных убийц правых гоминьдановцев партию возглавил лидер левых гоминьдановцев Ван Цзин-вэй. Но он не обладал силой характера

своих предшественников — Сунь Ят-сена и Ляо Чжункая, не пользовался их авторитетом ни в партии, ни среди широких слоев народа.

Е. А. Яковлев

Чан Кай-ши, используя свое положение начальника школы Вампу, затем командира 1-го корпуса (куда входили так называемые партийные войска национально - революционного правительства), а также члена Военного совета, привлек на свою сторону командный состав и солдат армии. Таким образом он, как говорится, «обвел вокруг пальца» правительство и легко приобрел в свое распоряжение наиболее сильную и хорошо подготовленную группу войск. Чан Кай-ши лишил, по существу, правительство его силы и сумел после переворота 20 марта 1926 г. занять положение диктатора, о чем пойдет речь ниже.

Советники на юге Китая и реорганизация НРА

Основная задача наших советников на юге Китая вытекала из решения национально-революционного правительства создать единую армию на принципах централизованного управления, с единообразной боевой подготовкой и общим политическим воспитанием.

Наши советники делали все, чтобы укрепить положение национально-революционного правительства, объединить вокруг него более или менее революционных генералов, выявить контрреволюционные элементы и обезвредить их.

Помимо военно-политической обстановки советники тщательно изучали особенности характера генералов и их окружения, их истинные настроения и интересы, скрывающиеся за революционными и демагогическими фразами. Взаимоотношения советников с генералами складывались в зависимости от их характеров, темперамента и такта. Естественно, взаимоотношения обострялись, если генерал уклонялся под тем или иным предлогом от выполнения приказов высших инстанций.

Во время военных операций советники помогали составлять планы, организовывать руководство и координировать действия

различных боевых групп, а иногда и сами шли в атаку. Роль советника во многом зависела от характера «подопечного» генерала и диапазона его военных знаний. Советник разъяснял генералу стоящие перед армией задачи, чтобы он мог правильно оценить обстановку и сделать соответствующие выводы.

Участие советников в организации и ведении политработы зависело от конкретных условий в том или ином соединении, наличия политотдела и подготовленности самого советника.

В хозяйственные вопросы обычно советники избегали вмешиваться, кроме тех случаев, когда требовалось их содействие в получении от высших инстанций денег или других материальных средств. Только централизованная монолитная армия, находящаяся в полном подчинении национально-революционного правительства, могла покончить с господством милитаристов в Китае и освободить страну от полуколониальной зависимости. Для этого необходимы были политические и экономические предпосылки, прежде всего финансовые и материальные средства для организации централизованного снабжения. Это поставило бы генералов, бывших милитаристов, в финансовую и материальную зависимость от правительства.

Указания по реорганизации и централизации армии исходили от Военного совета. Председатель его Ван Цзин-вэй был перегружен партийными и государственными делами, а поэтому в суть военных вопросов не вникал. Другой член Военного совета, Чан Кай-ши, надо полагать, хорошо понимал значение централизации армии, но расценивал ее как покушение на свой авторитет и ущемление его прав как главкома, тем более что с председателем Военного совета он был далеко не в приятельских отношениях. Поэтому Чан Кай-ши скорее саботировал эти мероприятия, чем способствовал их проведению в жизнь.

В Военном совете принимали участие в качестве докладчиков начальник Главного штаба (одно время им был В. П. Рогачев) и китайские генералы. Но последние еще не успели войти в курс дела и чаще всего оставались пассивными наблюдателями.

Советники вели большую работу как в армии, стремясь повысить авторитет народно-революционного правительства и Военного совета, так и среди широких масс населения. Руководитель южнокитайской группы Н. В. Куйбышев считал, что необходимо поднять авторитет Военного совета путем создания крепкого аппарата, действительно руководящего армией и способного «укротить» не в меру самостийного генерала, продолжать добиваться обучения войск и их снабжения по единому плану.

Николай Владимирович неоднократно рекомендовал нам подробно разъяснять китайским генералам каждое мероприятие. И это нередко приводило к успеху.

Постепенно Главный штаб стал авторитетной организацией. Штаб работал по определенному плану, туда чаще обращались за указаниями.

Руководство политической работой в армии сосредоточилось в Политическом управлении и отделе военных кадров ЦИК гоминьдана. Политуправление ведало учетом и назначением политработников (раньше этим занимались Военный совет и сами генералы). Произошли сдвиги и в снабжении оружием и деньгами. Теперь регулярно поступали сведения о том, сколько оружия и каких систем было на вооружении войск, поэтому можно было правильно его распределять. Но недостатков оставалось еще много, и их нельзя было сразу устранить.

До сих пор командиры были заинтересованы в наборе как можно большего количества рекрутов и подчас набирали бандитов, мальчишек и 70-летних стариков, хромых, слепых, опиекурильщиков, сифилитиков и т. п. Теперь при Главном штабе организовалось специальное вербовочное бюро.

Несмотря на некоторые успехи в реорганизации армии, ряд факторов политического и экономического порядка тормозил дальнейшее укрепление боеспособности Национально-революционной армии. Прежде всего следует отметить усиление антагонизма внутри гоминьдана между различными его группировками. Этот внутрипартийный антагонизм распространялся и на членов правительства и Военного совета, и на командный состав армии. Внутрипартийные противоречия резко проявились на II конгрессе гоминьдана, состоявшемся в Гуанчжоу в январе 1926 г., когда правые требовали изгнания коммунистов из партии. Еще большие препятствия укреплению армии заключались в экономических причинах. Нехватка средств, необходимых на содержание Народно-революционной армии, сильно затрудняла реорганизацию армии.

При переезде из Владивостока в Гуанчжоу мне довелось познакомиться с финансовым советником национального правительства проф. Виктором Морицовичем Штейном и некоторое время жить с ним и его семьей в одной квартире. Он охарактеризовал в нескольких словах упадок финансового хозяйства Китая в то время. Финансовая система Китая находилась в запущенном состоянии вследствие господства в стране феодальных порядков. Фактически хозяевами финансов в отдельных провинциях, в том числе и в Гуандуне, были генералы, милитаристы, безгранично властвовавшие на занятой ими территории.

Между официальным взиманием податей и открытым взяточничеством со стороны финансовых органов не было, собственно говоря, никакой разницы. В центральный бюджет притекало из всей массы выколоченных с населения податей лишь мизерное количество. Туда поступали деньги, полученные преимущественно под контролем империалистических держав (таможенные пошлины, соляные налоги). Колоритной фигурой по

части лихоимства был министр финансов Сунь Фо — сын Сунь Ят-сена. Прикрываясь именем своего отца, он совершал недозволенные поступки. Он много раз обкрадывал ведомства, которые возглавлял: министерство финансов, министерство путей сообщения, городское самоуправление Гуанчжоу и пр. Сунь Ят-сен, узнав о таких «финансовых операциях» сына, предлагал отдать его под суд, но дело всякий раз улаживали из уважения к отцу.

В денежном обращении Китая господствовала удивительная неразбериха, в стране имело хождение огромное количество бумажных знаков. Главными их видами были билеты, выпускаемые правительственными банками, иностранными кредитными учреждениями, коммерческими банками Китая, затем неразменные бумажные деньги, выпускаемые провинциальными казначейскими банками, мелкокупюрные бумажки, заменяющие разменную монету, и т. д. Каждая из этих бумажек имела свой курс. Дело доходило до того, что отделение какого-нибудь банка не принимало по номиналу банкноты, выпущенные другим отделением того же банка. Из металлических монет в Китае были в ходу медные чохи (тунцзыр), выпускавшиеся монетными дворами, с резко сниженным содержанием меди против установленного. Поэтому эта монета была сильно обесценена. Серебряный доллар (юань) считался единственной полноценной серебряной монетой с содержанием 89—90% чистого серебра. Разменная монета (10—20 центов) выпускалась монетными дворами различных генералов и содержала серебра значительно ниже нормы. Отсутствие единой финансовой системы в Китае крайне затрудняло централизованное снабжение армии.

До перехода к централизованному снабжению никакого учета имущества, планового распределения и контроля за его использованием в большинстве армий китайских милитаристов не существовало. Повсюду господствовало бесконтрольное самоснабжение. Как правило, генерал, командир соединения, иногда и командир части, нанимая солдат на службу, брал на себя обязательство кормить их, одевать и платить жалованье в установленном размере (8—10 юаней в месяц). Продовольственные нормы отсутствовали. Обычно давали в пищу: рис, овощи, немного свиного сала, масла или жира. Кормили два раза в день. Дневной паек стоил 20 центов. Из причитающегося солдату жалованья 6—7 юаней вычиталось на питание и обмундирование, а остаток — 2—3 юаня в месяц — составлял его доход, который служил приманкой для вербовки рекрутов.

Отсутствие штатов, положений, регулирующих вопросы снабжения, права и обязанности снабженческого аппарата, отсутствие отчетности и контроля за выполнением — все это предоставляло широкие возможности для обогащения лиц, причастных к набору и снабжению войск. Для генералов-милитаристов война была бизнесом.

Любопытное заявление в связи с этим сделал генерал, бывший командующий 5-й Национальной армией Фан Чжэн-у. В минуту откровенности он сообщил советнику Андерсу (И. Корнееву), что генералы составляют между собой тесную корпорацию независимо от принадлежности к той или иной милитаристской группировке. Ежегодно они собираются в одном из городов Китая, где в товарищеском кругу обсуждают военные планы и заключают союзы на предстоящий год. В другой раз Фан Чжэн-у рассказывал, что, как-то оставшись не у дел, живя без средств, на иждивении друзей, однажды получил приглашение на такой обед. Один генерал дал ему 3 тыс. винтовок, другой — денег, а Чжан Цзо-линь пригласил его вступить в свою армию. Тогда Фан Чжэн-у сформировал дивизию и вступил в армию Чжан Цзун-чана. Когда же началась война Чжан Цзо-линя против Национальной армии, он со своими войсками перешел на сторону этой армии, поднял революционное знамя и подписался под программой левого гоминьдана.

Переворот Чан Кай-ши и руководители Военного совета НРА

Успех реорганизации армии прежде всего зависел от соблюдения финансовой дисциплины. На все организационные мероприятия должны были расходоваться только отпущенные на них средства согласно приказу Военного совета. Однако Чан Кай-ши, хотя и был соавтором этого приказа, первым стал нарушать его и требовать сверх плана 2,5 млн. юаней, главным образом для 1-го корпуса и школы Вампу, которые он считал своей собственностью. Чтобы выполнить его требование, надо было кому-то недодать такую же сумму.

Происшедший разлад послужил непосредственным поводом к перевороту, который в истории революционного движения Китая известен как «события 20 марта». Это было контрреволюционное выступление Чан Кай-ши на пути к личной диктатуре. 20 и 21 марта он изгнал коммунистов из 1-го корпуса и школы Вампу, некоторых арестовал, оцепил войсками штаб и квартиры советников, поставил караул у дверей квартиры А. С. Бубнова (Ивановского), главы советской делегации. Затем его войска окружили Сянганский стачком, арестовали руководителей забастовки, в основном коммунистов. Он упразднил Военный совет, объявил себя главнокомандующим Национально-революционной армией и потребовал отъезда из Китая Н. В. Куйбышева, В. П. Рогачева и И. Я. Разгона.

Однако Чан Кай-ши, осознав, что он не получит широкой поддержки среди генералитета, вскоре пошел на попятную. «События 20 марта» обнаружили слабость левых гоминьдановцев как самостоятельной силы, особенно их руководителей — Ван Цзин-вэя и Тань Янь-кая. Ван Цзин-вэй, узнав о перевороте

Чан Кай-ши, сказался больным, а затем и вовсе сбежал из Гуанчжоу. Тань Янь-кай занял выжидательную позицию. Выступление Чан Кай-ши не нашло отклика ни среди генералитета, ни среди широких кругов населения. Генералы Дэн Янь-да, Ли Цзи-шэнь и другие выражали ему свое возмущение.

Большинство гоминьдановских генералов не хотели возвышения Чан Кай-ши, а тем более его диктаторства. Чан Кай-ши сразу почувствовал эту реакцию. Он впал в истерику, стал клясться в верности гоминьдану и просил Ван Цзин-вэя вернуться. Между тем Ван Цзин-вэй, уйдя с поста, даже не сделал публичного заявления с осуждением Чан Кай-ши. Поскольку «события 20 марта» связаны с именами трех руководящих деятелей Высшего военного совета: Чан Кай-ши, Ван Цзин-вэя и Тань Янь-кая, остановлюсь коротко на их характеристике.

Чан Кай-ши (Цзян Цзе-ши) родился в 1887 г. в провинции Чжэцзян в семье торговца солью. Он с ранних лет готовился к военной карьере. Один год он учился в военной школе в Баодине и четыре года провел в Японии, где окончил военное училище. Впоследствии он побывал в Советском Союзе. Принимал участие в революции 1911 г., в частности в боях в Шанхае. Затем на некоторое время он отошел от революции, занялся более прибыльными делами.

Подвизаясь как маклер на шанхайской бирже, он нажил состояние денежными спекуляциями. В этот период Чан Кай-ши приобрел полезные знакомства и связи, в частности с Дай Цзи-тао, будущим идеологом правых гоминьдановцев, и с известным шанхайским капиталистом Чжан Цзин-цзяном, которого впоследствии, после переворота 20 марта, выдвигал на руководящие роли. После разразившейся денежной депрессии в Шанхае он углубился в политическую деятельность и примкнул к революционному движению Сунь Ят-сена, пожертвовав для его развития значительную сумму денег. Чан Кай-ши втерся в доверие к Сунь Ят-сену и стал рекламировать себя левым гоминьдановцем. Сунь Ят-сен назначил его начальником школы Вампу, которая, как ранее было сказано, должна была формировать командные кадры для Национально-революционной армии Гуанчжоуского правительства.

Чан Кай-ши хорошо усвоил известное положение «Есть сила — есть власть». И он начал на основе кадров Вампу формировать «свою силу». Сперва были сформированы два полка так называемых партийных войск, затем 1-й корпус, командиром которого стал Чан Кай-ши. Этот корпус Чан Кай-ши стремился пополнить земляками из Чжэцзяна. Во главе этих партийных войск он принял участие в 1-м и 2-м Восточных походах против милитариста Чэнь Цзюн-мина. Какова была его роль в этих операциях, подробно изложил советник генерал-лейтенант Александр Иванович Черепанов в книге «Записки военного советника в Китае». В июне 1925 г. Чан Кай-ши был

назначен главным инспектором Национально-революционной армии и членом Военного совета.

По моим личным наблюдениям, а также по рассказам других советников, которым приходилось сталкиваться с Чан Кай-ши, первое, что в нем сразу же бросалось в глаза, — это мнительность, самолюбие и властолюбие. Владея военными знаниями, он на практике не был волевым и мужественным военачальником. В бою он проявлял нерешительность, склонность к переоценке сил противника, а нередко в трудные минуты с ним случалась истерика. Он сравнительно легко соглашался на нововведения. Но Чан Кай-ши никогда не прощал умаления своей власти и авторитета. Эту особенность его характера проницательно разгадал В. К. Блюхер.

Чан Кай-ши, в сущности, был человеком несильного характера, прислушивался к советам окружающих. Свои решения он проводил скрытно и настойчиво, редко шел напролом.

Ван Цзин-вэй (Ван Чжао-мин) (1881—1944) начал политическую деятельность в 1906 г., примкнув к созданной Сунь Ят-сеном революционной демократической организации «Тунмэнхуэй». В 1910 г. он участвовал в покушении на принца-регента, за что был посажен в тюрьму. Ван Цзин-вэй — старейший соратник Сунь Ят-сена, лучший оратор и публицист гоминьдана. Его левые взгляды ни у кого не вызывали сомнения. После смерти Ляо Чжун-кая Ван Цзин-вэй явился естественным преемником Сунь Ят-сена. Он, как бог Саваоф, имел три лица: был председателем Политбюро гоминьдана, председателем правительства и председателем Военного совета.

Одевался он всегда по последней моде, был тщательно причесан, следил за своей внешностью и позой, как оперный артист. Первое лицо в государстве, Ван Цзин-вэй по слабости характера тотчас же выпускал из своих рук бразды правления при мало-мальски крутом повороте в революционном движении, как это и случилось во время «событий 20 марта». Как председатель правительства, он не только не организовал отпора Чан Кай-ши, хотя сил у него было достаточно, а личная популярность и авторитет велики, но трусливо бежал из Гуанчжоу от не менее перетрусившего Чан Кай-ши. (В Китае такую ситуацию нам нередко приходилось наблюдать.)

Тань Янь-кай — военный министр Национально-революционного правительства, член Военного совета, командир 2-го корпуса, член Политбюро гоминьдана. Родился в провинции Хунань в 1876 г. Его отец был императорским наместником Хугуна (теперешние провинции Хубэй и Хунань), следовательно, Тань Янь-кай имел знатное происхождение и принадлежал к высшим представителям ученого сословия *. Это способ-

* Тань Янь-кай еще до революции 1911 г. сдал столичные экзамены, получил ученое звание «цзиньши» и был членом Ханьлинской академии в Пекине.

ствовало быстрому его продвижению по служебной лестнице. В 1909 г. был выбран председателем хунаньского провинциального комитета. На второй год революции стал руководителем военных дел в Хунани (дубацем), но в 1913 г. был снят с этого поста за участие в восстании против Юань Ши-кая — президента Китайской республики. В 1916 г. Тань Янь-кай был возвращен на этот пост.

В 1922 г. он был назначен министром внутренних дел пекинского правительства, но не принял этого поста. Слыл левым гоминьдановцем. В хунаньских кругах пользовался популярностью и являлся кандидатом в правители Хунáни. Из руководящих лиц Национально-революционного правительства он был наиболее честным и порядочным человеком, но слабохарактерным и нерешительным, подверженным влиянию своего окружения. В корпусе пользовался уважением, но поскольку военного образования он не имел, то фактически корпусом заправлял его заместитель — генерал Лу Ди-пин, а Тань Янь-кай осуществлял общее высшее руководство. Внешне он выглядел как пастор из юмористического журнала: тучный, медлительный, с широким лицом, темными очками на приплюснутом носу.

Тань Янь-кай имел достаточно широкий административный опыт на крупных постах. В его руках была военная сила — 2-й корпус. В борьбе с Чан Кай-ши он мог также рассчитывать на поддержку 6-го корпуса Чэн Цяня и, по-видимому, 3-го корпуса Чжу Пэй-дэ.

После переворота Чан Кай-ши внутреннее положение в Гуандуне значительно осложнилось. По требованию Чан Кай-ши 24 марта из Гуанчжоу уехала делегация во главе с А. С. Бубновым, а с ней Н. В. Куйбышев, И. Я. Разгон и В. П. Рогачев.

Обострились внутренние трения между правыми и левыми гоминьдановцами, а также разногласия в левом крыле по вопросу о роли коммунистов и централизации аппарата как в государстве, так и в армии. По приезде в Гуанчжоу Ху Хань-миня правые приобрели вождя. Он стал тайно сколачивать блок правых: Сунь Фо, У Те-чэн, У Чжао-шу и Чэнь Мин-шу (командир 10-й дивизии 4-го корпуса). Ху Хань-минь предлагал Чан Кай-ши арестовать только что приехавшего из отпуска М. М. Бородина и тем самым вызвать еще больший разлад среди левых. Но Чан Кай-ши был так напуган усиливавшимися раздорами, что не пошел на это. Он не принял Ху Хань-миня, который вынужден был уехать из Гуанчжоу.

Усилилась борьба крестьян с помещиками, сянганская стачка легла тяжким бременем на напряженный бюджет правительства. Оказываемая правительством помощь не могла удовлетворить пикетчиков, в результате произошел ряд инцидентов с конфискацией стачечниками имущества и даже захват пароходов с грузами и т. д. Внутрипартийная борьба распространилась и на армию. В школе Вампу часть курсантов стала под

влиянием правых и сторонников Чан Кай-ши активно выступать против коммунистов, готовилась антикоммунистическая демонстрация во 2-й (чанкайшистской) дивизии. Все это могло толкнуть Чан Кай-ши на дальнейший реакционный шаг — разрыв гоминьдана с коммунистами.

Коммунистическая партия Китая приняла решение не усложнять накалившуюся обстановку и пойти на компромисс с Чан Кай-ши. Коммунисты согласились не занимать постов начальников отделов в центральных органах гоминьдана; создать межпартийную комиссию (совет) из пяти гоминьдановцев и трех коммунистов для решения вопросов о взаимоотношениях между компартией и гоминьданом с участием представителя ИККИ в качестве советника.

Чан Кай-ши, в свою очередь, дал обязательство принять меры против контрреволюционной деятельности правых. Он распустил «Общество изучения суньятсенизма», в котором утвердились и проводили свою контрреволюционную работу правые, а также арестовал одного из лидеров правых генералов — У Те-чэна. Все эти вопросы внутрипартийного порядка были решены на пленуме ЦИК гоминьдана. Кроме того, было предложено начать переговоры об окончании забастовки, отменить нефтяную монополию, учредить арбитражные комиссии для улаживания конфликтов между предпринимателями и рабочими, между помещиками и крестьянами.

Военно-политические группировки НРА после «событий 20 марта»

Чан Кай-ши стремился установить свою диктатуру. Однако у центристской группировки, к которой он принадлежал, не хватало военных сил. В гоминьдане центристам противостояли левые, выступавшие за развитие национальной революции в сотрудничестве с Коммунистической партией Китая. Левые гоминьдановцы пользовались большой популярностью среди широких масс трудового народа.

Центристы, чтобы упрочить свое положение в гоминьдане, вырвать из-под влияния левых мелкую буржуазию, крестьян и даже рабочих, нападали на них. В то же время они стремились отмежеваться от правых, с этой целью они арестовали У Те-чэна, выслали из Гуанчжоу Ху Хань-миня и даже Сунь Фо. Характерно одно из официальных выступлений Чан Кай-ши. Он говорил: «Необходимо расправиться с правыми. Я решил распустить „Общество изучения суньятсенизма“, но одновременно будет распущен и „Союз молодых военных“ *. Нужно уволить начальника полиции генерала У Те-чэна, пусть едет в

* Организация, руководимая коммунистами.

Шанхай. Нужно работать с коммунистами, но раз мы расправляемся с правыми, нужно проявлять строгость и к коммунистам. Коммунисты должны иметь свою партию, но работать вместе с гоминьданом. Революция может победить только при наличии двух партий — гоминьдана и коммунистов».

Таким образом, центристы придерживались типичной для них позиции — между двух стульев.

Противоречия в гоминьдане распространились и на армию, что тормозило строительство единой военной системы. Теперь в Гуандуне сложились три военные группировки, каждая из них была связана с той или иной группой в гоминьдане, не имевшей, однако, определенной политической программы. Каждая из этих групп была настолько разношерстна и имела столько противоречий, что любая новая ситуация могла привести к неожиданным комбинациям.

Не желавшие мириться с диктатурой Чан Кай-ши опирались на так называемую левую группу армии (2, 3 и 6-й корпуса, около 30 тыс.). Лидером ее считался Тань Янь-кай.

Солдаты этих корпусов в большинстве случаев происходили из других провинций, поэтому у них отсутствовали тесные контакты с местным населением. Командиры группировались на основе связей по Баодинскому училищу. Лидеры их были связаны с левым крылом гоминьдана.

Влияние Чан Кай-ши распространялось на войска, включавшие 1-й корпус в составе 1, 2, 3, 14 и 20-й пехотных дивизий, и школу Вампу, всего около 20 тыс. человек. Чан Кай-ши стремился перетянуть на свою сторону Чжу Пэй-дэ (командира 3-го корпуса), Чэн Цяня (командира 6-го корпуса) и Чэнь Мин-шу (командира 10-й дивизии). «Общество изучения суньятсенизма» приобрело большое влияние в частях Чан Кай-ши. Школа Вампу, бывшая ранее опорой левого крыла гоминьдана, теперь превратилась в военную базу центристов и продолжала эволюционировать вправо. Вынужденный уход коммунистов из частей Чан Кай-ши отрицательно сказался на работе их политаппарата. Заменившие их на руководящих постах члены «Общества изучения суньятсенизма» не могли и не хотели работать в том же направлении.

По данным политотдела, 60—70% состава школы Вампу были сторонниками левого гоминьдана. Резкие политические колебания в частях Вампу повлекли за собой сильное снижение боеспособности этих частей. Они уже мало чем отличались от других корпусов. Среди командного состава стали проявляться признаки разложения. Солдатская масса была сбита с толку неожиданной заменой комиссаров и снятием с постов командиров-коммунистов. Население стало настороженно относиться к частям Вампу.

4-й корпус (гуанчжоуский), состоявший из четырех дивизий (16 тыс. человек), числился правогоминьдановским. Лидером

его считался генерал Ли Цзи-шэнь. Этот корпус был тесно связан с Гуандуном и раньше, до мятежа военного министра генерала Сюй Чун-чжи, находился в его подчинении.

Командный состав этого корпуса не хотел мириться с привилегированным положением в армии 1-го корпуса Чан Кай-ши и его диктаторскими замашками и добивался равного с ним положения. В то же время командиры корпуса враждебно относились к рабочему и крестьянскому движению.

Одно время лидером гуандунских войск был Ху Хань-минь, который вначале побаивался командира дивизии Чэнь Мин-шу, затем сблизился с ним. Оба они входили в школьное землячество офицеров, окончивших военное училище в Баодине, которые позднее объединились под знаменем гоминьдана в «Общество взаимной помощи». Надо заметить, что в военное училище в Баодине могли попасть грамотные молодые люди из буржуазных семейств или из помещичьей среды.

4-й корпус был связан с 7-м по Баодинской школе. К ним примыкал вновь сформированный 8-й корпус, образованный из войск хунаньского генерала Тан Шэн-чжи, перешедшего на сторону Гуанчжоуского правительства. Впоследствии из войск, вновь оказавшихся на стороне правительства, были дополнительно сформированы 9-й и 10-й корпуса, которые тоже вошли в третью военную группировку НРА, что придало ей значительную силу. Однако у этой группировки фактически не было политического вождя. Командир корпуса Ли Цзи-шэнь был слишком бесцветной фигурой и для роли вождя не годился. Ху Хань-минь после переворота Чан Кай-ши вынужден был удалиться в Шанхай.

5-й корпус, которым командовал генерал Ли Фу-линь, не примыкал ни к одной из группировок и занимал нейтральную позицию. Ли Фу-линь, единственный из командиров корпусов Национально-революционной армии, не занимал высоких постов в гоминьдановском партийном аппарате, хотя считал себя гоминьдановцем с 1912 г. Его прошлое было довольно колоритно. Говорили, что он некогда был атаманом гуандунских пиратов и 5-й корпус сформирован в основном из его подручных. Вступив в армию Сунь Ят-сена, он обязался держать всю массу морских разбойников, которые хозяйничали на морском побережье в устье рек Гуандуна, в ежовых рукавицах. Пираты с ним считались и, ходили слухи, платили ему дань. Ли Фу-линь примыкал к правым в гуандунской группировке и был связан с местными помещиками и купцами.

О Северном походе

К началу 1926 г. положение Гуанчжоуского правительства упрочилось и границам провинции Гуандун перестала угрожать опасность. Несмотря на внутренние трения в Национально-рево-

люционной армии, обусловленные «событиями 20 марта» и укреплением личной диктатуры Чан Кай-ши *, авторитет Гуанчжоуского правительства вырос не только внутри Китая, но и вне его.

Из провинций Фуцзянь и Цзянси Гуандуну не могли угрожать крупные силы. В Хунани в начале марта один из генералов, теснимый с севера, Тан Шэн-чжи, открыто перешел на сторону Гуанчжоуского правительства. Его войска были преобразованы в 8-й корпус НРА. Дубань Хунани упэйфуистский ставленник Чжао Хэнь-ти бежал из провинции. В Сычуани генералы Ян Цзю-мин и Ян Сэнь изъявили готовность выступить против У Пэй-фу.

Китайская буржуазия, ранее напуганная рассказами о большевизме, бывшая в оппозиции к Гуанчжоу, теперь начала устанавливать с ним связи. Шанхайское купечество направило в Гуанчжоу делегацию.

Ближайшими противниками Национально-революционной армии были войска У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана. В начале Северного похода значительная часть сил У Пэй-фу была отвлечена на севере борьбой против Национальной армии. Под его контролем оставались провинции Хубэй, Хунань и частично Хэнань, т. е. территория площадью 400 тыс. кв. км с населением 55 млн.

Его армия включала около семи пехотных дивизий и три отдельные бригады, всего примерно 100 тыс. человек. У дубаня провинции Хунань Чжао Хэнь-ти было около четырех пехотных дивизий и до трех отдельных бригад, почти 30 тыс. человек.

Группировка Сунь Чуань-фана контролировала пять провинций: Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь и Аньхуэй (637 тыс. кв. км с населением около 100 млн.). Войска этой группировки насчитывали около 15 пехотных дивизий и 24 отдельные бригады общей численностью 225 тыс. человек, но собственных войск Сунь Чуань-фана было не более 25—30 тыс. Взаимоотношения Сунь Чуань-фана с У Пэй-фу были натянутые, это давало возможность НРА бить каждого противника в отдельности.

Я не был участником начального этапа Северного похода, поэтому остановлюсь лишь в общих чертах на этой операции, чтобы выяснить, какие обстоятельства привели к группировке сил, сложившихся при выходе НРА на рубеж Янцзы. Для описания этой экспедиции основным источником послужили воспоминания участника Северного похода Тимофея Семеновича Бородина, бывшего моего сослуживца по 40-й Богучарской дивизии во время гражданской войны и по совместной работе во 2-й Национальной армии в Кайфыне.

---

* 4 июня 1926 г. Чан Кай-ши был избран на конференции гоминьдана на пост председателя ЦИК, и тем самым в его руках сосредоточилась не только военная, но и политическая власть.

Скажу несколько слов о тех моментах, которые в большой степени влияли на ход боевых действий, в первую очередь о политработе в Национально-революционной армии.

Политработу в НРА возглавляло Политуправление, а в корпусе и дивизии — политотделы. В 1-м корпусе коммунисты были изгнаны из политотдела. В других корпусах (2, 3, 4 и 6-м) во главе политаппарата, как правило, стояли коммунисты или левые гоминьдановцы. В 4-м корпусе коммунистов-политработников было до 15—20%, а в отдельных полках — до 75%. В 6-м корпусе коммунистов было меньше. То же самое можно сказать и о вновь сформированных 7-м и 8-м корпусах, в которых политотделы создавались в ходе боев. Недостатки политработы заключались в отсутствии опытных работников, ограниченности денежных средств и формальном отношении со стороны командования. Обычно деньги поступали к командирам корпусов, а те использовали их по своему усмотрению. Вследствие этого политотделы находились в полной зависимости от командования. В 8-м корпусе начальником политотдела был какой-то авантюрист. В целом политработа велась среди солдат, офицеров и местного населения (крестьян, рабочих, купцов и интеллигенции).

Естественно, политическое воспитание солдат вследствие слабой укомплектованности кадрами и недостаточной их опытности было во время похода на более низком уровне, чем в мирное время. И все же некоторые лозунги практического характера пользовались большой популярностью и способствовали завязыванию контактов между местным населением и солдатами. Лозунги «Не грабь», «Справедливое соглашение», «Не принуждай силой к работе местное население» настойчиво внедрялись политработниками и содействовали росту симпатии к армии со стороны местного населения. Был распространен и такой лозунг: «Солдаты — авангард народа в борьбе с милитаристами и империалистами».

Большую помощь в агитации и пропаганде оказывал печатный материал: листовки, брошюры, плакаты и т. д.

Политработа с командным составом велась в индивидуальном порядке. Основным ее принципом было: «Хорошее обращение и забота о солдатах».

Политработники НРА помогали крестьянам в организации союзов, а также создавали благоприятные условия для деятельности коммунистической партии среди местного населения. Основными направлениями были: созыв крестьянских собраний, разъяснение целей Северного похода, содействие крестьянским организациям в создании союзов, активная поддержка войск продовольствием (рисом, просом), поставкой кули, разведкой и т. п.

Политическое просвещение среди интеллигентов тоже приносило свои плоды: они включались в национально-освободи-

тельное движение, распределяли популярную литературу, организовывали митинги, демонстрации, помогали местному населению при перевыборах избавиться от неугодных начальников уездов и т. п.

Солдат НРА учили хорошо обращаться с военнопленными, обеспечивать уход за ранеными. Однако в расположении противника специальная литература и плакаты почти не распространялись.

Армии китайских милитаристов, как известно, принадлежали их командирам. Перед солдатами этих армий ставились две задачи: во-первых, устрашать население, чтобы оно аккуратно платило налоги; во-вторых, воевать. Для выполнения первой задачи боевая подготовка, по существу, была не нужна, так как для этого годился солдат, умевший хорошо маршировать и проделывать ружейные приемы.

Милитаристы получали деньги на содержание войск и тратили их по своему усмотрению. В подвластных им районах с их ведома заготовлялись обмундирование и обувь из местных ресурсов. Запасы продовольствия создавались ротами, батальонами или полками в зависимости от сосредоточения войск и размеров местных пунктов.

Централизация снабжения, проведенная в НРА, касалась главным образом денежного довольствия, вооружения и боеприпасов. Командиры корпусов и отдельных дивизий распределяли деньги по частям и расходовали как хотели. В. К. Блюхер рекомендовал нашим советникам не вмешиваться в эту деятельность, чтобы не портить с ними отношений.

С началом Северного похода централизованное снабжение стало нарушаться вследствие отрыва армии от ее базы (Гуандун) и обрастания армии новыми формированиями из перешедших на сторону НРА частей и соединений противника. Многие генералы восстановили свою самостоятельность. Они обеспечивали свои войска деньгами, собирая налоги с населения, а вооружение и боеприпасы пополняли за счет трофеев.

Будет полезным остановиться вкратце на характеристиках некоторых генералов НРА.

Преданный Чан Кай-ши генерал Хэ Ин-цинь, командир 1-го корпуса, окончил японское военное училище. Он продвигался по служебной лестнице вслед за своим хозяином. Хэ Ин-цинь был заместителем начальника школы Вампу с самого ее основания, служил у Чан Кай-ши сперва командиром полка, затем дивизии и, наконец, корпуса. Неплохой командир, он много над собой работал, был исполнительным, но малоинициативным. К словам советников прислушивался и стремился их предложения осуществлять на практике. Среди высшего генералитета он не пользовался большим авторитетом.

2-м корпусом НРА командовал заместитель Тань Янь-кая Лу Ди-пин, уроженец Хунани. Военное образование он получил

в Баодинском училище. Преданный Тань Янь-каю командир, неплохой организатор, он ратовал за централизацию в корпусе и настойчиво ее проводил, продвигая в то же время на высшие должности своих людей.

Чжу Пэй-дэ, командир 3-го корпуса, член ЦИК гоминьдана, происходил из бедной семьи, жившей в провинции Юньнань. Военное образование получил в провинциальной военной школе в Китае и в военном училище в Японии. Военную службу он начал в Юньнани, служил у генерала Тан Цзи-яо, вместе с ним выступил в революции 1911 г. против маньчжурской императорской династии, а затем против Юань Ши-кая. Перейдя на сторону Сунь Ят-сена, он участвовал в подавлении контрреволюционных выступлений. Чжу Пэй-дэ отличался решительностью, энергией, любил дисциплину и следил за ней, как фельдфебель. Он пользовался авторитетом как командир, знавший военное дело, без него не обходилась ни одна военная операция. К советникам и их предложениям был внимателен, стоял за реорганизацию армии, по крайней мере на словах.

Генерал Ли Цзи-шэнь — командир 4-го корпуса, гуансиец, лет сорока, имел военное образование, был работоспособен, стремился конкретно разобраться в интересующих его вопросах. Решения принимал после долгого раздумья. Ревниво относился к своей власти и препятствовал всякому, кто опережал его. Он был начальником Главного штаба и членом ЦИК гоминьдана. Политическую работу как в армии, так и среди населения поддерживал и одобрял. Противился диктаторским замашкам Чан Кай-ши.

Чэн Цянь (хунанец) — командир 6-го корпуса, член ЦИК гоминьдана, считался личным другом Сунь Ят-сена, при нем был членом Военного совета и военным министром. Военное образование получил в военной школе в Пекине, а затем в Японии. В партии гоминьдан состоял уже десять лет. Принимал участие в походах против контрреволюционеров и милитаристов. Постоянно совершенствовал свое военное и политическое образование, отличался простотой в обращении с солдатами, пользовался уважением и авторитетом среди них. Однако его приказы носили характер просьб. Он был хорошим исполнителем, но боялся принимать самостоятельные решения.

Генерал Тан Шэн-чжи — хунанец, перед началом Северного похода перешел от У Пэй-фу на сторону Гуанчжоуского правительства. Военное образование получил в Баодинском военном училище и примыкал к так называемой баодинской группировке внутри НРА. Крупный помещик и капиталист, когда-то был монахом в буддийском монастыре. Он продолжал оставаться ярым приверженцем буддизма, возил с собой изображение Будды и соблюдал соответствующий ритуал, возжигая свечи. Среди его подчиненных было много буддистов. С первых своих шагов в НРА объявил себя левым гоминьдановцем, искал

сближения с коммунистами, требовал демократических реформ. В политработе в своих войсках настойчиво утверждал связь между буддизмом и суньятсенизмом и заявлял, что Сунь Ят-сен на практике якобы стремился проводить учение Будды.

Начальником Политуправления НРА был левый гоминьдановец Чэнь Гун-бо, кандидат в члены Политбюро ЦИК гоминьдана. Будучи когда-то коммунистом, он вышел из партии из-за своих анархистских замашек и недисциплинированности. Одновременно был заведующим Отделом труда ЦИК гоминьдана и ректором Университета им. Сунь Ят-сена. Политработе в армии уделял очень мало внимания.

Реорганизация и централизация НРА не сделали ее монолитной, потому что чересчур сильно проявляли себя центробежные силы.

Из приведенных характеристик высших руководящих генералов и членов правительства видно, что они гораздо больше заботились о своих личных интересах и интересах группировок, в которые входили их корпуса.

В мае 1926 г. Национальное правительство начало непосредственную подготовку к походу с целью свержения власти северных милитаристов. Были обещаны по завершении Северного похода широкие реформы для крестьян и рабочих. Генералам тоже посулили хлебные районы во вновь завоеванных провинциях. Все смотрели на Северный поход как на возможность разрядки напряженного экономического положения в Гуандуне.

Ни Национальное правительство, ни Чан Кай-ши не собирались всерьез проводить обещанные реформы, хотя население принимало их за чистую монету. По мере продвижения армии на север волна национально-освободительного движения поднималась все выше, росли рабочие и крестьянские организации, вспыхивали антиимпериалистические демонстрации. Революционные выступления порой опережали фронт наступления Национально-революционной армии.

Генералы Юга (высший командный состав НРА) относились далеко не дружественно к этим выступлениям народа, но они ничего не могли поделать. Чтобы остановить его, нужно было отказаться от тех лозунгов, с которыми они двинулись в поход.

Чан Кай-ши, Тан Шэн-чжи и другие генералы не скупились на революционные фразы на освобожденных территориях и подписывали приказы о различных революционных мероприятиях. Это создавало благоприятные условия для деятельности Коммунистической партии Китая и левого гоминьдана. Революционизирование народа особенно высоких темпов достигло в Хунани. В конце 1926 г. в Хунани насчитывалось 2 млн. членов крестьянских союзов, в два раза больше, чем в Гуандуне. В городах количество членов профсоюзов возросло до 170 тыс. промышленных рабочих.

Наступление на Учан

Ближайшая стратегическая задача НРА заключалась в разгроме войск милитариста У Пэй-фу, выходе на рубеж р. Янцзы и овладении троеградьем — Ханькоу, Ханьян и Учан (схема 6).

В отношении вооруженных сил другого милитариста чжилийской группировки, Сунь Чуань-фана, расположенных в районах Цзюцзян, Наньчан, Нанкин и Ханчжоу, было решено занять выжидательную позицию, дабы не провоцировать его на совместное выступление с У Пэй-фу.

Национальное правительство даже отклонило предложение некоторых генералов провинций Фуцзянь и Цзянси о присоединении к НРА, чтобы не испортить отношений с Сунь Чуань-фаном.

Официальной датой начала Северного похода считается 9 июля 1926 г. НРА выступила двумя группами: восточная — под непосредственным командованием Чан Кай-ши, в составе 1, 2 и 3-го корпусов, и западная — под общим командованием генерала Тан Шэн-чжи, в составе 4, 6, 7 и 8-го корпусов.

Западная группа НРА на данном этапе выполняла основную роль и была нацелена на Учан против главных сил У Пэй-фу.

Согласно расчетам командования, наступление планировалось так, чтобы к 6 августа войска западной группы достигли исходного рубежа против главных сил У Пэй-фу по р. Мицзян. Однако войска Тан Шэн-чжи уже 12 июля овладели г. Чанша, столицей Хунани, и поэтому представилась возможность рубеж западной группы передвинуть на р. Мишуй в 60 км к северу от Чанша. Порядок боевых действий НРА намечался следующий. Среди частей западной группировки головным следовал 4-й корпус, которым фактически командовал молодой, энергичный генерал Чжан Фа-куй; западнее должен был наступать 8-й корпус; после соединения 4-го и 8-го корпусов начинал наступление 7-й гуансийский корпус Ли Цзун-жэня; 6-й корпус Чэн Цяня двигался несколько восточнее.

Восточную группировку возглавлял Чан Кай-ши, при нем советником состоял В. К. Блюхер. 2-й и 3-й корпуса направлялись на Лилин для защиты западной группировки от возможных ударов с востока со стороны Сунь Чуань-фана, а 1-й корпус оставался в Чанша в качестве резерва главнокомандующего.

9-й и 10-й корпуса, сформированные из войск провинции Гуйчжоу, в районе г. Чандэ (к западу от Дунтинху) обеспечивали левый фланг западной группировки НРА, по мере ее продвижения перед ними стояла задача начать наступление через Аньфу, Фэнчжоу, Гуньань до р. Янцзы. Созданный из цзянсийских войск, перешедших на сторону НРА, 14-й корпус, размещенный в г. Наньсюй (к северо-востоку от Шаочжоу — конечного пункта Гуанчжоуской железной дороги), должен был охранять границы провинции Гуандун с северо-востока.

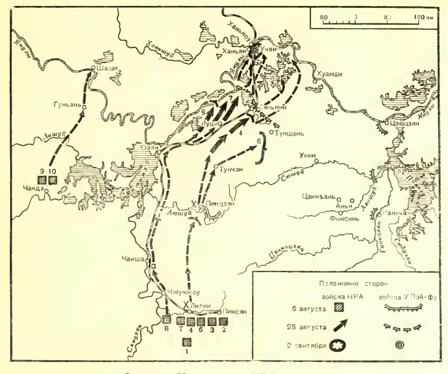

Схема 6. Наступление НРА на Учан

Несколько слов о Хунани. Эта провинция расположена далеко от моря, почти вся покрыта горными цепями. Северная, низменная часть ее, непосредственно примыкающая к провинции Хубэй, представляла собой котловину, в центре которой — одно из крупнейших озер в Китае — Дунтинху. Общая площадь Хунани — более 215 тыс. кв. км. Население составляло 28 млн. человек. Провинция бедна путями сообщения. Дорога от Шаочжоу к Чанша, стиснутая между горных цепей, являлась, по существу, тропой, по которой могли идти в ряд один-два человека. Поэтому войска на походе вытягивались в бесконечно длинную цепочку, а грузы переносились кули. Одно полевое орудие в разобранном виде со снарядами требовало до 90 кули. Жители южной горной части Хунани издавна промышляли переноской грузов.

Наступление Национально-революционной армии проходило в самое жаркое время года, когда температура воздуха достигала 120° по Фаренгейту. Кроме того, здесь свирепствовала холера, которая унесла много человеческих жизней, в том числе и в войсках. Болезнь охватила до 50% личного состава 6, 2 и 3-го корпусов. Один советник, Лодзинский, тоже заболел холерой и

выжил только благодаря своему богатырскому здоровью, а его переводчик Яновский умер.

Остановимся на общей характеристике военных операций Северного похода. Авангардные части 4-го корпуса, во главе которых наступал отдельный полк коммуниста Е Тина, при поддержке десяти отрядов восставших крестьян нанесли поражение передовым частям У Пэй-фу: 1—2 июля — в районе Лутина, где были захвачены первые пленные, 2—3 июля был взят населенный пункт Юсянь. 8 июля передовые части 4-го корпуса разбили крупные соединения войск У Пэй-фу, оборонявшие г. Лилин, захватили трофеи и несколько сот пленных. Дальнейшее наступление западной группы войск продолжалось тоже успешно, и к 15 августа, как было намечено по плану, войска группы вышли на рубеж р. Мишуй. Здесь противник сосредоточил значительные силы и оказал упорное сопротивление, особенно при обороне Пинцзяна. 19 августа после кровопролитного боя части 4-го корпуса форсировали Мишуй, окружили противника и принудили к сдаче в плен. Здесь было взято около 6 тыс. пленных и много трофейного оружия. Особенно отличился полк Е Тина.

7-й и 8-й корпуса тоже успешно продвигались вдоль железной дороги и 21 августа овладели важным узлом коммуникаций в Хунани — г. Юэяном (Иочжоу). После поражения противника в районе Пинцзяна и выхода западной группы на линию Тунчэн — Юэян обстановка коренным образом изменилась в пользу НРА и восточная ее группа получила возможность наступать против Сунь Чуань-фана в направлении Наньчан — Цзюцзян.

Западная группа продолжала наступление на Учан и к вечеру 27 августа вышла на сильно укрепленный рубеж, где противник использовал мелкие реки и озера. 28 августа 4-й корпус должен был двигаться вдоль железной дороги на Сяньнин; 6-й корпус — правее; 7-й корпус — между железной дорогой и озером Футоуху; 8-й корпус двумя дивизиями — между озером Футоуху и рукавом р. Янцзы, одна находилась в резерве 4-го корпуса. Остановлюсь несколько подробнее на этом бое, поскольку он ярко характеризует китайских генералов. Когда 4-й корпус перешел в наступление, он неожиданно был контратакован с запада, т. е. с участка 7-го корпуса. Это означало, что 4-й корпус вел бой в одиночестве, без соседей. Правда, противник все же был разбит и понес большие потери: около 2 тыс. убитых и утонувших и около 5 тыс. пленных. Оказалось, что 7-й и 8-й корпуса оставались на прежних позициях.

Подобная история повторилась и в следующем сражении в междуозерном дефиле Лянцзиху — Хуантанху (в 40—50 км к югу от Учана). У Пэй-фу здесь сосредоточил крупные силы: одну пехотную дивизию и две смешанные бригады. Как и в предыдущих боях, наступление должно было вестись 30 августа общими усилиями 4-го и 7-го корпусов. Ценой больших потерь

и напряженного боя 4-й корпус опять-таки в единственном числе прорвался через озерное дефиле и разбил последний резерв У Пэй-фу. 7-й корпус только через сутки подошел к месту боя.

Еще раз такое же явление наблюдалось при подходе к Учану. 4-й корпус приблизился к нему 31 августа, а 7-й и 8-й корпуса — лишь к исходу 1 сентября, поэтому план штурма Учана был сорван. Только 2 сентября 4-й и 7-й корпуса и 2-я дивизия 1-го корпуса начали штурм Учана. Но вследствие плохой подготовки войск к штурму и отсутствия централизованного руководства не было заготовлено достаточного количества лестниц, и штурм не удался. В тот же день под Учан прибыли Чан Кайши, В. К. Блюхер и Тан Шэн-чжи. 3 сентября состоялось совещание высшего командования. Блюхер подробно разобрал причины неудачного штурма Учана и, в частности, отметил отсутствие взаимодействия между штурмующими войсками.

Штурм Учана решили повторить. Под общей командой генерала Тан Шэн-чжи 2-я дивизия 1-го корпуса должна была атаковать город с северо-востока, упираясь правым флангом в Янцзы, 4-й корпус — с юга, а 7-й корпус (2-я и 3-я дивизии) — с запада, упираясь левым флангом в р. Янцзы. Артиллерия не была подготовлена к штурму, так как из 12 русских горных орудий были исправными только 3. Но и эти орудия не могли быть использованы, так как советника по артиллерии Т. С. Бородина отослали в Юэян. Его вернули лишь за три часа до начала штурма, и не хватило времени, чтобы ввести артиллерию в бой.

Для войск, лишенных артиллерии, Учан был сильным оборонительным сооружением. Стены города, основанного в III в., представляли собой высокий вал, облицованный камнем с наружной стороны. Стены достигали 10—15 м высоты и, как у обычного китайского города, имели прямоугольное начертание и выходили воротами на север, восток, запад и юг. Наиболее сильно были укреплены западные ворота с высокой наблюдательной башней («Башня желтого сокола»), с которой открывался широкий простор. Стены были окружены глубоким рвом, но вода там почти высохла. Только с севера и юга два довольно глубоких канала, сообщавшихся с двумя соседними озерами, защищали подступы к стенам города.

Гарнизон Учана, состоявший из дивизии Коу Ин-цзе и других частей, насчитывал в общей сложности более 10 тыс. человек. Коу Ин-цзе был мне знаком по сражению под Чжумадянем в феврале текущего года. Это был наиболее преданный У Пэй-фу генерал, умевший держать в повиновении свои части. У Пэй-фу и Коу Ин-цзе жестоко подавляли любые попытки войти в контакт с Национально-революционной армией, за нарушение дисциплины расстреливали всех, вплоть до высших начальников.

Повторный штурм Учана начался в 3 часа утра 5 сентября. Несмотря на ряд частных успехов (прорыв за стену города 6-го

полка 2-й дивизии) и усилия советских военных советников, непосредственно участвовавших в штурме, Учан взять не удалось. 7-й корпус остался верен себе, ограничился наблюдением и перестрелкой. В результате 2-я дивизия 1-го корпуса потеряла 300 человек, 4-й корпус — 500 и 7-й корпус — около 100 человек. Это распределение потерь среди участников штурма показывало долю участия частей в штурме Учана.

Интересна одна деталь, характерная для командиров корпуса НРА. 3 сентября части 8-го корпуса обнаружили 12 полевых (75 мм) орудий Арисака с полным комплектом боеприпасов на складах 18-й и 25-й хубэйских дивизий в Ханьяне. Генерал Тан Шэн-чжи на совещании 3 сентября и позже об этой находке не доложил штабу. Если бы они были доставлены к началу штурма 5 сентября, то могли бы кардинально повлиять на ход боя. Но, по-видимому, это не входило в расчеты командира 8-го корпуса Тан Шэн-чжи.

6 сентября вечером на совещании командиров корпусов у главнокомандующего было утверждено предложение Тан Шэн-чжи не штурмовать Учан, а окружить войсками 4-го корпуса. 8-й корпус взял на себя миссию овладеть Ханькоу и Ханьяном. Впоследствии выяснилось, что еще утром 6 сентября, следовательно, до начала совещания, одна из дивизий 8-го корпуса уже заняла Ханьян, но Главный штаб ничего не знал об этом. И только 7-го вечером командир 8-го корпуса Тан Шэн-чжи прислал донесение о форсировании Янцзы и захвате Ханьяна и Ханькоу якобы после упорного боя. Вероятнее всего, Тан Шэн-чжи еще до штурма Учана договорился с упэйфуистским генералом Лу Цзо-луном о его переходе на сторону НРА. Его войска были преобразованы в 15-й корпус НРА.

При проведении Учанской операции обострилась склока между генералами старого гуанчжоуского 4-го корпуса и недавно примкнувших к НРА 7-го и 8-го корпусов. Эта группа во главе с Тан Шэн-чжи, для того чтобы не обессилеть к моменту дележа добычи, стремилась всю тяжесть боев переложить на 4-й и 1-й корпуса, уклоняясь даже от выполнения боевых приказов, отданных самим же Тан Шэн-чжи. Чтобы расколоть эту беспринципную группировку, Блюхер добился переориентировки 7-го корпуса на наньчанское направление. 4-й корпус блокировал Учан обсервационным порядком, т. е. никто не мог войти и выйти из города.

Активные действия против гарнизона города осуществляла авиация (два самолета), сбрасывая бомбы на позиции противника, а также артиллерия. За время 35-дневной осады на город было сброшено около 200 пудов бомб и выпущено до 4 тыс. снарядов калибра 75—76 мм. Бомбометание осуществляли наши летчики В. Е. Сергеев и А. М. Кравцов, а огнем артиллерии руководил опытный артиллерист Т. С. Бородин. Однако из-за организационных неурядиц невозможно было использовать

А. М. Кравцов

ее в полную меру. В армии имелось до 70 орудий (75 мм) системы Круппа и Арисака старых образцов с небольшим количеством боеприпасов (10—15 выстрелов на орудие).

Недавно прибывшие советские орудия имели прицельные приспособления, позволявшие вести огонь с закрытых позиций, что давало бы большие преимущества над артиллерией противника, стрелявшей только с открытых позиций. Но китайские артиллеристы не знали этого способа ведения огня. Орудия переносили кули в разобранном виде. Поэтому их сборка и выдвижение на огневые позиции занимали очень много времени. К тому же они были распределены между различными соединениями армии, и надзор за их использованием со стороны советника артиллерии и его помощь крайне осложнялись.

Наньчанская операция восточной группы НРА

В конце августа 1926 г., когда основные силы западной группировки НРА вели бои на ближайших подступах к Учану, поступили сведения о концентрации войск Сунь Чуань-фана на западной границе провинции Цзянси. Появилась угроза деблокады Учана. Надо было сорвать выступление Сунь Чуань-фана в помощь У Пэй-фу, не дать ему времени для сосредоточения своих сил.

С этой целью главное командование НРА в начале сентября отдало приказ войскам восточной группировки перейти в наступление на наньчанском направлении против наньчан-цзюцзянской группировки Сунь Чуань-фана. Исходное положение войск восточной группы и направления их движения были следующие.

2-й корпус, занимавший исходные позиции в Лилине, должен был наступать в направлении Пинсян, Юаньчжоу, Синьюй, Линьцзян, форсировать в этом районе р. Ганьцзян и выйти к Наньчану с юго-востока; 3-й корпус из района Лилина — в направлении на Пинсян с выходом на подступы к Наньчану с юго-запада; 1-я дивизия 1-го корпуса из района г. Люяна — на

Фынсинь для наступления на Наньчан с запада; 6-й корпус из района Тунчэна — через Инин, Цзиньань для атаки на Наньчан с северо-запада. 7-й корпус 8 сентября двинулся из района Учана вдоль р. Янцзы на Цзюцзян, имея цель прервать железнодорожное и водное сообщение Цзюцзяна с Наньчаном, овладеть Цзюцзяном, а затем выйти к Хукоу.

Н. И. Кончиц

В первые дни наступления войск восточного фронта были достигнуты частичные успехи в сражениях с противником в пограничной полосе провинции Цзянси. 6-й корпус в районе Инина разбил одну дивизию противника и захватил 3 тыс. пленных, 2-й и 3-й корпуса разгромили две группы противника (около 12 тыс. человек) в районах Пинсяна и Ваньцзяна и стремительно двигались к Наньчану.

20 сентября 6-й корпус генерала Чэн Цяня (советник Н. И. Кончиц) ворвался в Наньчан и занял этот город. Здесь были освобождены из тюрьмы два наших летчика — Ремизюк (Вери) и Кобяков, сделавшие вынужденную посадку в районе, занятом противником.

Однако 3-й корпус генерала Чжу Пэй-дэ своевременно не поддержал своего соседа. Противник подтянул резервы и 23 сентября, перейдя в контрнаступление, выбил 6-й корпус из Наньчана, вынудив его отойти на запад. При этом особенно пострадала 19-я пехотная дивизия.

3-й корпус только после повторного приказа начал наступление на Наньчан, которое из-за его отрыва от других сил не имело успеха. Этот корпус отступил с тяжелыми потерями. 2-й корпус, выйдя из района Линьцзяна, не проявил активности, а ограничился ролью безучастного наблюдателя сражения 6-го и 3-го корпусов над Наньчаном. 7-й корпус Цзюцзяна не достиг.

Несогласованность действий 6-го и 3-го корпусов, пассивность остальных соединений восточной группировки НРА дали возможность Сунь Чуань-фану собрать силы для контрнаступления, отбросить войска восточного направления к границам Хунани и создать угрозу Чанша — главному городу провинции Хунань. Только после падения 10 октября Учана стало возмож-

ным усилить восточное направление 4-м «железным» корпусом и 2-й дивизией 1-го корпуса. 28 октября эти войска были объединены с 7-м корпусом в северо-западную оперативную группу под общим командованием командира 7-го корпуса. Штаб корпуса обосновался в Инине. Главные силы Сунь Чуань-фана, насчитывавшие 30—40 тыс. человек, заняли оборону в сильно укрепленном районе Наньчан—Цзюцзян, а также в населенных пунктах Туцзяпу, Юнсю, Дэань, Махуйлин, Шахэ.

1 ноября войска восточного направления НРА начали общее наступление на наньчан-цзюцзянском фронте и втянулись в упорные бои. Противник оказывал сопротивление. Все же 4 ноября 7-й корпус занял Цзюцзян. 2-му и 3-му корпусам удалось овладеть Наньчаном только 8 ноября. Таким образом, в результате наладившегося взаимодействия войск восточной группы главные силы Сунь Чуань-фана были разбиты и окружены. 30—40 тыс. солдат войск противника были взяты в плен. Остатки его армии бежали по берегу Янцзы к Аньцину.

Успех этой операции способствовал продвижению самой восточной колонны войск НРА, наступавшей на Фуцзянь. Эта группировка, включавшая 5-ю отдельную дивизию, 1-й и 14-й корпуса, под командованием генерала Хэ Ин-циня (советником у которого был А. И. Черепанов) в первой половине ноября овладела городами Цзяньнин и Цзяньян.

В это же время на крайнем западном участке фронта НРА 8-й корпус и 15-я отдельная дивизия наступали вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги, вторглись в пределы провинции Хэнань и заняли горный проход Ушэнгуань. Здесь они вошли в контакт с войсками Фан Ши-миня, бывшего командира 6-й дивизии 2-й Национальной армии. Он был знаком мне по совместному участию в бою под Чжумадянем в феврале 1926 г.

В результате успешных операций под Учаном и Наньчаном войска НРА заняли наиболее крупные торгово-промышленные города по среднему течению Янцзы. Власть Национального правительства распространилась на обширную территорию провинций Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Хунань, Хубэй, Цзянси (общая площадь — 1,2 млн. кв. км) с населением свыше 150 млн. человек.

Вооруженные силы Национально-революционной армии значительно выросли за счет перешедших на ее сторону войск милитаристов и достигли 250 тыс. человек, составивших 19—20 корпусов.

В ожидании отъезда

1 ноября 1926 г. я получил наконец денежный расчет, расплатился с долгами и купил себе походное снаряжение. Наша поездка на фронт зависела от времени отъезда правительства на Север. А поскольку отъезд откладывался со дня на день, то

М. Г. Ефремов решил представить военных советников М. Г. Снегова, М. Ф. Куманина и меня начальнику Главного штаба НРА генералу Ли Цзи-шэню. Он был примечательной фигурой среди генералитета НРА, и ему следует уделить больше внимания.

Ли Цзи-шэнь являлся одновременно командующим войсками провинции Гуандун и 4-м корпусом. Командование корпусом было номинальным, так как корпус находился на фронте и фактически им руководил его заместитель, командир 12-й дивизии генерал Чжан Фа-куй. За выдающиеся боевые заслуги корпусу было присвоено наименование «железного». Но Ли Цзи-шэнь стремился не выпускать из своих рук военную силу. Чжан Фа-куй подписывал боевые приказы по корпусу, скрепляя их личной печатью Ли Цзи-шэня.

Ли Цзи-шэнь своим внешним видом не производил никакого впечатления. Он был небольшого роста и поэтому носил сапоги на высоких каблуках, чтобы хоть на 2—3 см казаться выше. Военное образование он получил в Баодине, считался опытным, знающим военное дело генералом. Политическую работу среди войск и населения он одобрял, но до известной степени. Мы думали, что Ли Цзи-шэнь, занимавший должность начальника Генерального штаба, заинтересуется вопросами, связанными с подготовкой района, занятого НРА, к обороне, перспективами дальнейшего строительства НРА и ее обеспечения вооружением, кадрами высшего начсостава и т. д. Однако Ли Цзи-шэнь — то ли вследствие своей необщительности, то ли по другим причинам — нашей встрече не очень обрадовался, вопросов не задавал и всем своим видом выражал желание поскорее от нас отделаться. М. Г. Ефремов настойчиво просил его принять советских генштабистов и побеседовать с ними.

Впоследствии, после нашего отъезда из Гуанчжоу, Ли Цзи-шэнь показал свое истинное нутро. Как только правительство отбыло в Ухань, Ли Цзи-шэнь в качестве командующего войсками провинции Гуандун, а следовательно, и члена провинциального правительства резко повернул вправо: начал борьбу со стачками, обезоружил рабочих, не препятствовал миньтуаням подавлять крестьянские союзы. Позднее, в апреле 1927 г., он принял самое активное участие в контрреволюционном перевороте в Гуанчжоу.

Левые фразы Ли Цзи-шэня против Чан Кай-ши после «событий 20 марта» обнаруживали лишь его непомерное честолюбие, личную антипатию к Чан Кай-ши, стремление захватить власть, а вовсе не желание освободить Китай от власти милитаристов.

Победы Северного похода, общий революционный подъем в стране сказались на ходе пленума ЦИК гоминьдана, который открылся 15 октября в Гуанчжоу. Решения пленума были более радикальными, чем предыдущие постановления высших органов гоминьдана. В декларацию о ближайших задачах гоминьдана

были включены пункты антиимпериалистического характера: против неравноправных договоров, за возврат иностранных концессий, за ликвидацию деятельности иностранных банков и др. Были приняты постановления о снижении арендной платы на 25%, фабричном законодательстве, женском равноправии и др.

С большим подъемом в Гуанчжоу была отмечена годовщина Великой Октябрьской революции в России, 7 ноября объявили праздничным днем. Повсюду прошли многочисленные митинги и собрания. Город буквально утопал во флагах СССР и гоминьдана. Эти празднества совпали с днем победы НРА под Наньчаном и с днем рождения Сунь Ят-сена (12 ноября).

В праздничные дни мы с Диной Яковлевной и семейством проф. В. М. Штейна знакомились с достопримечательностями Гуанчжоу, памятниками старины и искусством кустарей — изделиями из слоновой кости, перламутра, янтаря, лака, шалями с художественной вышивкой и т. д. В окрестностях Гуанчжоу памятники древней архитектуры и скульптуры, высеченные из камня барельефы, могильники и каменные всадники попадались нам очень часто. Культ предков в то время был в полном расцвете. Могильники богатых китайцев представляли собой целые сооружения, облицованные камнем или кирпичом. Каждый китайский крестьянин мечтал быть похороненным на своем поле. Это стремление «ближе к милому пределу почивать», по исчислениям некоторых экономистов, отнимало до одной десятой пригодной для обработки земли.

Лавочки-мастерские, в которых изготовлялись и продавались кустарные художественные изделия, располагались по цехам: улица или участок янтарных изделий, слоновой кости, шалей, атласных туфель, картин и т. д.

Мы с В. М. Штейном не могли отвести глаз от изделий из слоновой кости: шахмат, ажурного шара величиной с биллиардный, в котором вмещались один в другом 25 таких же, но соответственно меньшего диаметра шаров, свободно вращавшихся в любом направлении на оси. Понравился нам и целый слоновый бивень с изображением процессии людей в паланкинах.

В этой же лавочке мы наблюдали процесс изготовления фигурок из слоновой кости. В маленькой комнатушке, согнувшись над станком, сидел старый китаец и вытачивал из куска слоновой кости какую-то фигурку. Станок напоминал бормашину зубного врача. Ножная педаль приводила в движение нижнее колесо. Приводом к верхнему колесу меньшего диаметра служила крепкая пеньковая веревка. Миниатюрным буравчиком китаец наносил тончайшую художественную резьбу. Оказалось, требовалось около пяти лет неустанной работы, чтобы создать такой ажурный шар.

В Гуанчжоу жены военных советников тоже включались в работу советской колонии. Кто трудился в аппарате М. М. Бородина или в штабе М. Г. Ефремова, кто — в торгпредстве в

качестве бухгалтеров, машинисток, кто — по общественной линии. Некоторые занялись преподавательской деятельностью. Д. Я. Даровская имела квалификацию преподавательницы французского языка. Она стала преподавать русский язык в военной школе.

Учебники и наглядные пособия отсутствовали. Пришлось самим взяться за их изготовление. На картонных квадратах тушью вычертили буквы русского алфавита, и это дало возможность всему классу составлять слова и фразы. Ученики были очень прилежны и внимательны, занимались с увлечением и радовались своим успехам, как дети. После двухмесячных занятий ученики умели писать под диктовку несложные предложения.

Однако обстоятельства сложились так, что членам советской колонии в Гуанчжоу пришлось переезжать в Ханькоу и Наньчан, которые к этому времени были заняты войсками НРА. Ученики, естественно, были огорчены перерывом в уроках русского языка, особенно когда явно обозначился прогресс. Они очень тепло простились со своим преподавателем, и один из них от имени всех слушателей выразил благодарность. Даровская с группой жен советников выехала в Шанхай в конце декабря на зафрахтованном китайцами норвежском пароходе, груженном досками. Из команды парохода только капитан и старший помощник были норвежцами, остальные — китайцы. В дороге китайские власти принудили капитана принять на пароход около 2 тыс. суньчуаньфановских солдат. Топлива не хватило, и пароход дрейфовал в открытом море несколько суток, пока голодные солдаты не взбунтовались и не пустили на топливо часть груза — доски.

Капитан рекомендовал пассажирам не выходить на палубу, заполненную солдатами. Из иллюминатора кают-компании было видно, как солдаты умывались в единственной бочке с водой, полоская в ней свои полотенца, обтирая лицо и руки. Не удивительно, что в китайской армии были так широко распространены кожные болезни. Только на одиннадцатые сутки пароход вошел в шанхайский порт. Из Шанхая в Ханькоу женская группа ехала по Янцзы на английском пассажирском пароходе, который из-за военных действий останавливался по ночам.

Поездка с членами правительства в Наньчан

После долгих проволочек первая группа членов Национального правительства 16 ноября выехала из Гуанчжоу в Ухань через Наньчан. В эту группу входили: министр финансов Сунь Фо, который, по-видимому, возглавлял группу, министр юстиции Сюй Цянь, министр иностранных дел Чэнь Ю-жэнь с двумя дочерьми, Сун Цзы-вэнь (брат Сун Цин-лин, вдовы Сунь Ят-се-

на). Вместе с ними уезжали главный политический советник М. М. Бородин * и его консультант, переводчик и друг Чжан Тай-лэй, кандидат в члены ЦК КПК. На Чжан Тай-лэя, технического секретаря Политбюро ЦИК гоминьдана, была возложена организация переезда этой части правительства в Ухань. К ним присоединились финансовый советник В. М. Штейн, а также гражданские и военные советники С. А. Далин, Е. С. Иолк, О. С. Тарханов, М. Г. Снегов, М. Ф. Куманин и я.

От Гуанчжоу до станции Шаочжоу мы ехали по железной дороге, которая находилась в ужасном состоянии. Шпалы местами настолько прогнили, что рассыпались как труха. Поезд временами полз так медленно, особенно на подъемах, что пешеход мог с ним соревноваться в скорости движения.

Железная дорога протяжением 250 км проходила по правому берегу быстрой Северной реки (Бэйцзян) по живописнейшей местности. Вода в реке казалась совершенно голубой. Высокие горы, покрытые кустарником и бамбуковыми рощами, с востока и запада окаймляли долину реки. Погода встречала нас неприветливо, шли дожди. Низкие облака окутывали вершины гор и мешали любоваться пейзажем. На каждой крупной станции выстраивался почетный караул из солдат местных гарнизонов, худых, в отрепьях, вооруженных бракованным оружием. Толпы

---

* Бородин Михаил Маркович — друг и советник доктора Сунь Ят-сена. В 1923 г. Сунь Ят-сен обратился к Советскому правительству с просьбой направить в Китай в качестве главного политического советника Гуандунского правительства М. М. Бородина, с которым он был знаком еще в годы политэмиграции. Великий вождь китайского народа был полон решимости реорганизовать гоминьдан в подлинно революционную партию, которая бы опиралась на широкие народные массы.

М. М. Бородин (Грузенберг) родился в 1884 г. в деревне Яновичи Витебской губернии. Работал сплавщиком леса по р. Западная Двина. Затем переехал в г. Ригу, где учился в вечерних школах. Там он приобщился к революционной деятельности, а в 1903 г. 19 лет от роду вступил в латышскую социал-демократическую партию и начал трудную жизнь революционера-профессионала. В 1904 г. эмигрировал в Швейцарию. М. М. Бородин активно участвовал в революции 1905 г., работал в Рижском комитете РСДРП, принял участие в Таммерфорской конференции и в Стокгольмском съезде. В 1906 г. Михаил Маркович эмигрировал в Лондон и вел работу среди эмигрантов. В это время он был известен под фамилией Бородин. В 1907 г. эмигрировал в США. Там он работал и учился в крупных промышленных центрах и участвовал в Социалистической партии Америки и совместно с другими политэмигрантами участвовал в издании журнала «Американский рабочий». В 1918 г. Бородин вернулся в Москву, но вскоре по поручению В. И. Ленина повез в США известное письмо «К американским рабочим». По просьбе В. И. Ленина Бородин перевел на английский язык «Детскую болезнь „левизны“ в коммунизме». Он участвовал в I конгрессе Коммунистического Интернационала, выполнял ряд поручений Коминтерна в различных странах и принимал участие в редактировании журнала «Коммунистический Интернационал» на английском языке. В 1922 г. был арестован в Англии и провел полгода в тюрьме. В 1923 г. ЦК РКП(б) командировал М. М. Бородина в Китай на должность главного советника при Национально-революционном правительстве. Его авторитет среди китайцев был исключительно велик.

народа криками и выстрелами хлопушек приветствовали членов правительства.

На этих станциях изредка при более или менее благоприятных условиях погоды собирались летучие митинги, на которых члены правительства рассказывали народу о значении и задачах Северного похода и призывали население к поддержке войск НРА. На конечную железнодорожную станцию Шаочжоу мы прибыли только к 8 часам вечера. Здесь состоялся банкет, мы, военные советники, на нем не присутствовали. В этой группе мы были пассажирами, языка не знали и использовали время для подготовки к предстоящему путешествию. Отсюда мы пешком отправились по маршруту, известному в истории как «посольский путь». Некогда, в конце XVIII в., этой дорогой проследовало английское посольство лорда Маккартнея из Гуанчжоу в Пекин.

Вначале наш путь пролегал по долине р. Дяньшуй, левому притоку р. Бэйцзян, до г. Наньсюй и затем к перевалу Мэйлин через хребет Таюлин. Этот хребет вместе с другими отрогами гор составлял границу между провинциями Цзянси и Гуандун и являлся водоразделом бассейнов рек Бэйцзян и Ганьцзян. Ганьцзян — правый приток Янцзы, впадавший около Наньчана в озеро Поянху, которое сообщалось протокой с Янцзы и служило резервуаром для оттока излишков воды из Янцзы в период половодья. Движение по «посольскому пути» членов правительства происходило очень медленно. Начали мы путешествие 17 ноября в 1 час дня, а должны были выступить в путь в 8 часов утра. Чжан Тай-лэй, человек очень энергичный, вежливый и приветливый, совершенно измучился с такими высокими и капризными начальниками. То кули не хватало, то паланкинов недослали. Неизбежную дезорганизацию в передвижение этого правительственного кортежа вносили митинги с местным населением.

Такое непосредственное общение членов правительства с народом провинций, завоеванных НРА, было бы эффективно, если бы все члены правительства искренне стремились осуществить основные пункты своей программы: «каждому пахарю свое поле», снижение арендной платы, свобода организации крестьянских и профессиональных союзов и пр. Это привлекло бы на сторону правительства массу народа, оно получило бы в свои руки реальную силу в борьбе с милитаристами и неомилитаристами типа Тан Шэн-чжи и Чан Кай-ши.

По опыту прошлых лет я решил и здесь вести путевые заметки: путешествие становилось более интересным и полезным. Питаться нам приходилось в придорожных харчевнях, которые отличались крайней бедностью.

Наше внимание привлекла живописная местность, покрытая вечнозеленой растительностью. Долина Дуаньшуйхэ была заполнена зарослями сахарного тростника, и мы могли вдоволь лако-

миться его сладким соком. На следующее утро у министра иностранных дел Чэнь Ю-жэня не оказалось кули и он не мог дальше двигаться. Пришлось заняться поисками транспорта.

19 ноября мы вышли в 6 часов утра, так как предстоял длинный путь. Но в уездном городе Шисин местная администрация упросила правительство пообедать и выступить на организованном здесь митинге. Это позволило нам еще раз насладиться богатейшей местной природой, тем более что вскоре пришлось проститься с вечнозеленой растительностью и субтропическим пейзажем.

20 ноября мы сделали небольшой переход, но я повредил ногу на неровной горной тропе, а так как пользоваться паланкином не хотел, то отстал и на ночлег прибыл поздно.

21 ноября преодолели наиболее трудный участок пути — перевал Мэйлин. Дорога здесь уложена каменными плитами, и даже временами возможно одностороннее автомобильное движение. Однако очень часто рисовые поля так сужали дорогу, что она превращалась в тропу. Вблизи перевала Мэйлин виднелся старинный буддийский храм с красными колоннами и узорчатой крышей. С перевала нам открылся величественный вид на долину р. Ганьцзян. На перевале находились крепость и старые крепостные ворота, которыми запирался проход из провинции Гуандун в Цзянси. За перевалом лежала другая провинция, люди говорили на другом диалекте.

В Цзянси мы остановились на ночлег в большом уездном городе Наньаньфу (Даюй). Отсюда можно было плыть по р. Ганьцзян на сампанах, но М. М. Бородин решил продолжать путь по-прежнему пешком. Здесь я видел оригинальный способ поливки полей. Большое, похожее на мельничное, колесо вращалось под давлением воды. К лопастям были прикреплены полые бамбуковые гильзы, закрытые с одной стороны с таким расчетом, чтобы в погруженном состоянии они наполнялись водой, а при обороте колеса вода из гильз выливалась в подвешенные желоба для поливки полей, садов и огородов.

В этом же районе я наблюдал ловлю рыбы с помощью птиц с длинными клювами, похожих на бакланов. Рыбак шестом загонял рыбу в сети, им же он пользовался для сохранения равновесия. Возле берега к бревну была приторочена плетеная из прутьев корзина для рыбы. Птица-рыбак плавала вблизи, ныряла и вытаскивала рыбу. Чтобы птица не заглатывала рыбу, на шею ей надевали кольцо. Пойманную рыбу птица подносила хозяину, который бросал ее в корзину.

23 ноября вечером нас нагнал сампан — большая лодка метров 15—20 длиной и около 3—4 шириной, с вместительным трюмом и крытым в средней части верхом из циновок и брезента. На этом сампане мы добрались до Наньчана.

В Ганьчжоу мы прибыли 24-го в 12 часов дня. Население и городские власти устроили торжественную встречу членам пра-

вительства. 25 ноября состоялся грандиозный митинг, на который собралось 20 тыс. народу. Митинг прошел очень организованно. Вся местная буржуазия и помещики сразу сделались «революционерами» и наперебой провозглашали самые левые лозунги. Для нас устроили обед по-европейски: кормили черепашьим супом с голубиными яйцами. Вечером, часов в 16, снова тронулись в путь.

В районе этого города река Гань довольно широка, до 0,5 км. В этом месте через нее перекинут понтонный разводной мост. Ниже Ганьчжоу начинаются пороги. На острове в местечке Танлан, утопая в зелени, возвышался храм, почитавшийся матросами и рыбаками как священное место. Когда мы приблизились к нему, наш рулевой, молодой черноволосый парень, весельчак и острослов, схватил заблаговременно приготовленные курительные благовонные свечки, подбежал к носу сампана, водрузил их там в какое-то отверстие, воскурил, сделал несколько молитвенных приседаний и прошептал молитву.

Пассажиры сампана часто грелись на солнце на палубе и напевали нестройными голосами песни, чаще всего про «Ягодку Дуню». Как-то вечером после нашего очередного концерта во время паузы неожиданно донесся молодой звонкий голос: «Дуня, Дуня, Дуня — я, Дуня — ягодка моя». Это пел наш рулевой, удивительно правильно схвативший слова и мотив нашей песни.

Мы продвигались вперед очень медленно из-за частых встреч правительства с населением крупных городов и их администрацией. По ночам тоже приходилось останавливаться, поскольку фарватер реки не был провешен для движения в темноте. 28 ноября мы пристали к небольшому городу Тайхо. Накрапывал мелкий дождичек. Никто из правительства не вышел для встречи с местным населением и властями города. Эта почетная миссия выпала на долю М. М. Бородина.

Наконец, 29-го мы, советники, в 3 часа дня прибыли в Цзиань. Оказалось, все члены правительства приехали уже семь часов тому назад. Нас ожидала торжественная встреча с пальбой хлопушек и бог знает еще чем. Наша гражданская публика отправилась в паланкинах и на лошадях на банкет. Но М. М. Бородин решил дипломатически «заболеть». Он был обижен бестактностью некоторых министров. Они как бы забыли про главного политического советника, избегали его и, по существу, прервали с ним всякое общение. Нас не предупреждали ни о месте стоянки, ни о времени выезда. А о таких мелочах, как довольствие советников, никто не заботился. Министр Сунь своих обещаний не выполнял и даже не предупредил об изменении плана поездки. М. М. Бородин, стремясь навести порядок хотя бы в советской группе советников, назначил Снегова ее комендантом. Михаил Георгиевич со свойственной ему энергией приступил к исполнению своих обязанностей.

2 декабря, после того как туман рассеялся, мы двинулись в путь. За 10 км до Наньчана нас встретил главнокомандующий Чан Кай-ши, который стоял на палубе парохода, одетый в военную форму с гоминьдановским галстуком, повязанным, как у пионеров. Среднего роста, худощавый, с впалой грудью, он не производил импозантного впечатления. Лицо его сияло от самодовольства. Он старался придать своей позе величественность, но ему это плохо удавалось.

В Наньчане правительственную группу ожидал торжественный прием, играли два духовых оркестра, самолеты сбрасывали листовки.

Вечером во дворце дубаня, где разместилась штаб-квартира главнокомандующего, состоялся банкет. Чан Кай-ши произнес полуторачасовую речь, по сути дела явившуюся изложением его программы. Остальные члены правительства, чтобы не «терять лица», тоже поговорили минут по 30—40. В общем, не банкет, а заседание парламента. Чан Кай-ши призывал к незамедлительному наступлению. Он держался не только как хозяин, но и как диктатор. Рядом с собой он усадил М. М. Бородина и В. К. Блюхера.

3 декабря в 12 часов снова был банкет у Чан Кай-ши, но уже иного порядка. Чан Кай-ши по-прежнему председательствовал, члены правительства сидели там, где успели занять места. На этот банкет пригласили дам и обошлись без длинных речей.

4 декабря для советников состоялся доклад В. К. Блюхера, а точнее, беседа, длившаяся семь часов. Общий вывод сводился к следующему: наступление временно необходимо прекратить, следует завершить борьбу на флангах, чтобы лучше обеспечить военно-стратегическое положение, с мукденской группировкой не стоит портить отношений.

5 декабря члены правительства и некоторые наши советники отбыли в Ханькоу. У меня нет точных данных о том, какие решения по вопросам политической и хозяйственной жизни во вновь занятых провинциях приняло правительство, но сложилось впечатление, что практические меры для улучшения положения не принимались. Например, не успели члены правительства доехать до Уханя, как в Наньчане вспыхнули забастовки из-за финансового кризиса. Бастовали ремесленники, лавочники, рикши. Я видел массовую демонстрацию рабочего люда, которые как флаг несли рабочую рубаху с пятнами крови. Все объяснялось просто. Вновь занятые провинции были обременены налогами старых хозяев-милитаристов У Пэй-фу, Сунь Чуань-фана и др. Новые хозяева — неомилитаристы типа Чан Кай-ши и Тан Шэн-чжи — самовольно создавали новые формирования, не учитывая реальных возможностей, облагали население налогами.

Разлад между правительством и неомилитаристами все более углублялся. Чан Кай-ши своим пренебрежительным отно-

шением к членам правительства на банкетах в Наньчане подчеркивал этот разлад. Как-то на банкете в Учане, устроенном для нас начальником Политического управления генералом Дэн Янь-да (сменившим Чэнь Гун-бо), выступил мой старый знакомый по провинции Хэнань генерал Бо Ли-вэй. В своем выступлении он говорил о жадности китайских генералов, для коих корыстные интересы важнее общественного дела.

О деятельности штаба южнокитайской группы

Опыт Северного похода и особенно Наньчанского сражения показал, что масштабы операций настолько возросли по сравнению с военными действиями в провинции Гуандун, что для оценки обстановки и выработки плана потребовалось сотрудничество ряда лиц.

С этой целью был создан штаб южнокитайской группы. Меня назначили начальником этого штаба. Начальником оперативного отдела стал М. Г. Снегов, имевший опыт штабной работы. Он был человеком общительным и жизнерадостным, с неиссякаемым запасом здоровья и энергии.

Начальник разведывательного отдела Струмбис был человеком другого склада. Молчаливый и упорный, он пытался недочеты работы разведывательного отдела штаба главнокомандующего возместить собственной усидчивостью и трудолюбием.

Отделы боевой подготовки и организационный возглавлял мой товарищ по выпуску из Военной академии РККА Е. В. Тесленко. Высокого роста, стройный и худощавый, он с трудом переносил тропический климат Гуандуна, который неблагоприятно отражался на его здоровье.

Е. В. Тесленко выполнял большую работу по суммированию данных о боевой подготовке в соединениях НРА и подготавливал предложения по ее усовершенствованию. Из организационных вопросов наиболее срочным было рассмотрение материалов штатных комиссий, созданных главкомом, оценка их и составление планов.

В штабе работал еще артиллерист, бывший царский генерал Руднев. Ввиду его преклонного возраста я не мог на него возложить какие-либо определенные обязанности. Он знал несколько языков и владел талантом на схеме четко и красиво изображать самую запутанную обстановку военных действий в Китае и оформлять отчетные материалы доклада. В Хэнани мы с ним читали в Кайфынской военной школе лекции по артиллерии.

Одним из самых больных вопросов были географические карты. Мы пользовались лишь несколькими экземплярами сорокаверстки. А как известно, без хороших карт невозможно осуществить планирование современных операций. Составление

Н. Т. Рогов

безрельефной карты бассейна р. Янцзы было поручено моему старому знакомому по Пекину топографу С. Протасову. Но и всем командирам штаба приходилось уделять много времени и помогать С. Протасову в этой трудоемкой работе.

Финансовую отчетность группы вела Нина Михайловна Зенек, жена советника И. Я. Зенека (Зембровский), человек очень аккуратный и дотошный. Шифровальщиком был Зотов, скромный, аккуратный и добросовестный. Машинистками при штабе работали Надя Цорн, вышедшая впоследствии замуж за советника по тылу Н. Т. Рогова (Лодзинский), и Д. Я. Даровская. Обеим работы хватало. Приходилось часто не только печатать под диктовку, но и одновременно вносить литературную правку. Так, помощник В. К. Блюхера по политической части Теруни предпочитал диктовать свой материал. Небольшого роста, живой, непоседливый, житель горной Армении, Тер, как его сокращенно звали, всегда торопился. У него слова не поспевали за мыслями, и приходилось их приводить в соответствие.

Названия «начальник отдела», «начальник штаба» могут показаться претенциозными, так как начальники отделов работали в единственном числе. Каждый начальник отдела должен был собирать материал, обрабатывать и оформлять необходимые документы. Все это усложнялось отсутствием закрепленного за штабом переводчика.

Малочисленность состава штаба приходилось компенсировать напряженным трудом. Обычно наш рабочий день длился 16—18 часов в сутки без выходных дней. Мне доставалось не меньше других. Василий Константинович часто засиживался по ночам. Приходилось днем работать со штабом, а ночью с ним. Размах деятельности штаба во многом зависел от переводчиков. У нас их было двое: Э. М. Абрамсон (Мазурин) и М. И. Казанин (Лотов). Оба они были не только переводчиками, но и консультантами-китаеведами и секретарями по китайским делам, Эммануил Моисеевич Абрамсон был личным переводчиком Блюхера. Китайским языком он владел с детства. Шатен, среднего роста, в очках, спокойный и выдержанный, он производил впечатление ученого мужа.

М. И. Казанин также владел несколькими языками. В начале 20-х годов он провел два года в Пекине на дипломатической работе, затем несколько лет учился за границей. Он страстно интересовался искусством и все свободное время проводил у китайских антикваров, которые благодаря его знаниям в области искусства и китайского языка охотно с ним разговаривали и показывали ему замечательные произведения. Он всегда соблюдал дисциплину, и мои отношения с ним не оставляли желать ничего лучшего. Он был моим переводчиком не только в Наньчане, но и во время всего пребывания в Нанкине*.

Э. М. Абрамсон

В Наньчане мы жили в каменном двухэтажном доме, расположенном за стенами города. Это создавало некоторые неудобства, так как по китайским обычаям на ночь ворота закрывались. Мы часто возвращались домой поздно ночью, и приходилось пререкаться с охраной ворот. В конце концов штаб снабдил нас особыми пропусками в виде серебряных пластинок с соответствующими иероглифами.

В нижнем этаже дома находились общие комнаты: зал и небольшая уютная столовая. Зал был обставлен богатой мебелью смешанных стилей. Легкая плюшевая европейская мебель и пианино чередовались со старинной, резной из черного дерева в китайском стиле. Углы зала украшали огромные, в рост человека, фарфоровые вазы с изображениями драконов и других чудес китайской мифологии. На стенах зала и столовой были развешаны картины на исторические сюжеты.

В верхнем этаже, отведенном под наше общежитие, размещались В. К. Блюхер, его адъютант М. Я. Гмира и переводчик Э. М. Абрамсон, все с женами. Я с женой и остальные товарищи из штаба нашей группы — внизу. Чугунные печи топили коксом, поэтому мы часто угорали.

Коротко остановлюсь на некоторых запомнившихся мне событиях, связанных с деятельностью нашего штаба в Наньчане.

---

* См.: М. И. Казанин. Записки секретаря миссии. М., 1964; его же. В штабе Блюхера. М., 1966.

Мы догадывались о процессах, протекавших в то время внутри партии гоминьдан, об углублявшихся противоречиях между гоминьданом и Коммунистической партией Китая, растущих разногласиях среди членов правительства и трениях между различными группировками генералитета НРА.

В. К. Блюхер в частном разговоре после возвращения из Ханькоу упомянул о выступлении М. М. Бородина на одном собрании или банкете, где он, между прочим, говорил: «Есть у нас один генерал, который ведет свою собственную политическую линию вразрез с установками правительства, вопреки его директивам. Он должен помнить, куда бы он ни скрылся, он не уйдет от народного правосудия, карающая рука народного возмездия его найдет и покарает». Затем Бородин обратился к Чан Кай-ши: «Товарищ Чан Кай-ши, мы вместе с вами шли до Янцзы, надеюсь, что и дальше пойдем рука об руку».

Надо сказать, это выступление М. М. Бородина ошеломило Чан Кай-ши. Он стал держаться скромнее и умерил свои диктаторские замашки и картинные позы. Но Чан Кай-ши не отрешился от своих притязаний на диктатуру и стал настойчиво готовиться к ее осуществлению, тщетно маскируя эти приготовления. Он развил кипучую деятельность по вербовке единомышленников. Наш штаб в Наньчане размещался вблизи апартаментов Чан Кай-ши, и мы видели ежедневно поток именитых военных и гражданских лиц, которых главком принимал у себя индивидуально до поздней ночи.

Было бы лучше, если бы подобное выступление сделали Тань Янь-кай или Ван Цзин-вэй на собрании гоминьдана или на пленарном заседании правительства и приняли необходимые меры по предотвращению повторения путча Чан Кай-ши. Но это были люди слабохарактерные, неспособные на решительные революционные действия.

Однажды Наньчан посетил советский военный атташе Роман Войцехович Лонгва. Во время гражданской войны он командовал дивизией и за взятие Брест-Литовска был награжден орденом Красного Знамени.

В. К. Блюхер поручил мне встретить его на вокзале и проводить к нему в кабинет. На вокзале Лонгве была устроена торжественная встреча представителями различных общественных организаций с оркестром. Ему подали паланкин и донесли до штаба главнокомандующего. Лонгва намеревался сперва зайти к В. К. Блюхеру, и мы уже свернули на дорожку, которая вела к его квартире. Но в это время Чан Кай-ши открыл дверь своей квартиры и жестом пригласил Романа Войцеховича к себе. Тот на мгновение заколебался, но затем решительно повернул навстречу Чан Кай-ши.

По-видимому, Чан Кай-ши опасался предварительной информации и решил его зазвать к себе. Знакомство с военным атташе состоялось на квартире у главнокомандующего.

Р. В. Лонгва пробыл в Наньчане несколько дней. Его пребывание прошло в визитах к Чан Кай-ши и другим лицам китайского главного командования и приемах их у себя в отведенной ему резиденции.

У меня не сохранились в памяти какие-либо интересные подробности об этих переговорах. 28 декабря Лонгва уехал. Проводы его были более чем скромные. По-видимому, Чан Кай-ши не добился от советского военного атташе ни признания, ни поддержки.

1 января 1927 г. состоялся парад войск наньчанского гарнизона. День выдался облачный и ветреный, но теплый. Войска в летнем обмундировании задолго до начала парада были выстроены по восточной и южной сторонам обширного плаца. Для принимающего парад соорудили высокий помост с крышей из циновок на случай дождя. Командовал парадом генерал Чжу Пэй-дэ, командир 3-го корпуса НРА. Он был единственным всадником, возвышавшимся над всей массой пеших воинов, собранных на площади.

Парад сильно затянулся, поскольку ему предшествовали речи, которые отняли много времени. Наконец появился главнокомандующий в сопровождении большой свиты из представителей правительства и местных властей. Чан Кай-ши занял свое место на помосте, предварительно церемонно пригласив В. К. Блюхера, шедшего рядом, войти первым. В. К. Блюхер был одет в военный костюм, но без знаков различия, в армейской фуражке и высоких сапогах. Он, отклонив предложение Чан Кай-ши, с удивительным тактом и, я бы сказал, изящество последовал за ним.

Чан Кай-ши, как обычно, принял одну из излюбленных поз, но более скромную, чем при встрече правительства в Наньчане. Одет он был в армейскую форму, френч и брюки навыпуск. По-видимому, полученный им отпор от генералитета и беседы с советским военным атташе кое-чему научили его.

Внизу у помоста расположились командиры корпусов и дивизий Национально-революционной армии. Среди них выделялась ростом и осанкой фигура генерала Лу Ди-пина, временно заменявшего командира 2-го корпуса. Начался парад. Строевая выправка и церемониальный марш НРА производили впечатление гораздо более слабое, чем классически вымуштрованная 1-я Национальная армия до ее разгрома летом 1926 г. Меня, как артиллериста, особенно удручал вид артиллерии, которую тяжело тащили на себе люди.

Еще незадолго до начала Северного похода специальная комиссия, разрабатывая новые штаты НРА, отошла от традиционной четверочной организации пехотной дивизии и предложила троечную, принятую в Красной Армии. Эта структура НРА в основном оправдала себя во время Северного похода. Она оказалась легче управляемой и более гибкой, чем структура

дивизий У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана. Слабое оснащение общевойсковых соединений НРА пулеметами и артиллерией не имело решающего влияния на исход сражений, поскольку у противника также не хватало техники.

Перед разработкой предстоящих операций против мукденошаньдунской группировки, более сильной и технически лучше оснащенной, чем армии У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана, Чан Кай-ши созвал комиссию из высшего генералитета для рассмотрения организационной структуры НРА в свете новых боевых задач. Для участия в комиссии были приглашены все командиры корпусов и дивизий.

Одно из важнейших требований, которое должно было учитываться при составлении организационной структуры войск, заключалось в том, чтобы обеспечить превосходство армии над противником в соответствии с материальными возможностями. В этом отношении проект штатов китайской комиссии не был безупречен.

Китайские генералы стремились к бесконечному увеличению численности дивизий, причем главным образом за счет неподготовленных кадров. Командир корпуса генерал Бай Чун-си, например, ссылался при этом на гвардейскую дивизию Сунь Чуань-фана, которая по числу солдат равнялась почти двум корпусам НРА. Такая тенденция раздувания общевойсковых соединений понятна — чем больше дивизий, тем больше возможностей ее командирам наращивать свое благосостояние.

В начале 1927 г. по распоряжению В. К. Блюхера и просьбе Чан Кай-ши была создана штатная комиссия советников под моим председательством, занимавшаяся также организацией войск. Наша комиссия всеми силами боролась против тенденции китайских генералов к раздуванию штатов. Например, мы возражали против включения в штат дивизии саперного батальона, так как на вооружении войск не числилось даже саперных лопат. Любая пехотная часть могла считать себя саперной и строить оборонительные сооружения, если бы был инструмент. Мы предлагали перевести хотя бы часть артиллерии на конную тягу. Но это оказалось очень сложно. К югу от бассейна Янцзы не было пригодных для этих целей лошадей. Кроме того, надо было налаживать шорное производство, уход за лошадьми, объездку лошадей и решать массу других мелких вопросов. Поэтому мы сочли целесообразным наладить возможно скорее формирование минометных (бомбометных) частей системы Бранда — Стокса.

Наладить производство минометов не представляло особой сложности. Во 2-й Национальной армии командир 16-й бригады Чжан Сы-чэн изготовлял их кустарным способом. Ханьянский арсенал с такой задачей безусловно справился бы. Тем более это было необходимо потому, что мукденская армия и шаньдунские части имели минометы.

3 января 1927 г. состоялось заседание нашей комиссии, на котором присутствовали Чан Кай-ши и В. К. Блюхер. Комиссия утвердила проект реорганизации НРА.

На мой взгляд, здесь следует коротко охарактеризовать деятельность нашей летной группы. Несмотря на свою немногочисленность, она выполняла очень ответственную работу в чрезвычайно сложных условиях тогдашнего Китая.

Летная группа включала летчиков В. Е. Сергеева, А. М. Кравцова, Ремизюка, Д. Тальберга, Д. Угера и бортмехаников О. Базенау, Кобякова. Все они работали не только советниками-инструкторами, обучавшими кадры НРА летному делу, но, по существу, составляли все военно-воздушные силы НРА. Они вели воздушную разведку позиций противника, бомбили вражеские объекты (например, гарнизон Учана), боевые и походные порядки противника во всех операциях Народно-революционной армии. Не раз наводили они панику на войска противника, нарушая их движение и маневры. Все это осуществлялось на самолетах старых конструкций с изношенным техническим оборудованием.

Естественно, что плохое состояние самолетов неизбежно приводило к авариям. Одна из таких аварий едва не окончилась трагически для командира авиагруппы В. Е. Сергеева и его пассажира — генерала Е Тина. Только высокое летное мастерство и самообладание Василия Евгеньевича спасли положение. Самолет благополучно приземлился в лесу. Летчик и пассажир отделались легкими травмами, но очень многочисленными. Когда после перевязки Сергеева встретила жена, только что приехавшая из СССР, она была смущена. «Куда же тебя целовать? Все бинты, бинты», — сказала она. Действительно, голова, руки, шея — все было забинтовано.

Командир авиагруппы В. Е. Сергеев родился в 1897 г. в Вологодской губернии в семье крестьянина. В 1915 г. его призвали в армию и командировали во Францию на учебу по специальности авиационного механика. По возвращении из Франции он принял активное участие в гражданской войне. Затем В. Е. Сергеев снова пошел учиться, в 1924 г. окончил Московскую школу летчиков и как окончивший с отличием был оставлен при ней в качестве инструктора. Среди его учеников были Чкалов, Юмашев и другие впоследствии выдающиеся наши летчики.

Из его биографии видно, что Василий Евгеньевич был бесстрашным боевым летчиком, опытным авиационным инструктором и квалифицированным авиамехаником. Это послужило основанием для назначения его в Китай старшим авиационным советником Народно-революционной армии. Самоотверженная боевая работа В. Е. Сергеева была высоко оценена Советским правительством — он был награжден орденом Красного Знамени.

Положение во вновь занятых провинциях и раскол НРА

Правительство при переезде из Гуанчжоу в Ухань на митингах обещало народу провести целый ряд мероприятий: снижение налогов, уменьшение арендной платы, улучшение условий труда рабочего люда и т. д. Однако, утвердившись в Ханькоу, оно не торопилось выполнять свои обещания. И вот тогда в ряде провинций начались стихийные выступления.

Одним из революционных выступлений народных масс был захват английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне. Это событие произошло в первых числах января. В то время в Учане и Ханькоу происходили народные торжества по случаю переезда в Ухань Национального правительства. 3 января 1927 г., в последний день этого празднества, вечером ожидался большой фейерверк на Янцзы поблизости от английской концессии. Собралось много народу полюбоваться зрелищем, и некоторые невзначай нарушили запретную зону этой концессии. Солдаты английского отряда морской пехоты, охранявшие зону, изгоняя «нарушителей» из концессии, ранили нескольких китайцев.

И тут ненависть, таившаяся в глубине души китайского народа, вырвалась наружу. Под напором бушевавшей толпы английские моряки вынуждены были покинуть территорию концессии. Однако Уханьское правительство не решило сразу же установить свою власть на концессии и призвало народ сохранять спокойствие.

На следующий день, 4 января, созванный по инициативе Хубэйского совета профсоюзов митинг потребовал вывести английские войска из концессии. Министр иностранных дел Евгений Чэнь (Чэнь Ю-жэнь) обратился к английской администрации, настаивая удалить солдат. Народ разнес сооруженные англичанами баррикады и вступил как хозяин на узурпированную у него землю, проявив вместе с тем организованность и выдержку. Ни одного случая грабежа, насилия и пожаров не наблюдалось. Несколько дней спустя революционно настроенные массы Цзюцзяна по примеру Ханькоу захватили местную английскую концессию.

Захват английских концессий свидетельствовал о пробуждении в китайском народе чувства национального достоинства. Это событие подняло престиж Национального правительства Китая за рубежом. Хотя около Ханькоу и Цзюцзяна на якорях стояли корабли английского военно-морского флота, ощетинившись дальнобойными орудиями, но вооруженной интервенции не последовало. Англичане хорошо понимали, что теперь пришлось бы воевать не с продажными правителями, а с китайским народом.

Размах революционного движения во вновь присоединенных провинциях перепугал не только империалистов, но и некоторых

членов правительства и руководителей партии гоминьдан. Особенно сильный страх охватил большую часть высшего командного состава НРА. Ведь почти все генералы вышли из среды помещиков или капиталистов или сделались ими по мере роста их благосостояния. Когда крестьяне стали добиваться осуществления лозунга Сунь Ят-сена «каждому пахарю — свое поле», вся революционная фразеология генералов тотчас же улетучилась.

Если в ходе дальнейшего революционного движения генералитета НРА распалась на две группировки (наньчан-нанкинскую во главе с Чан Кай-ши и уханьскую, возглавляемую Тан Шэн-чжи), то этот раскол произошел никак не из-за принципиального различия их идеологии, а из-за личных антипатий между Тан Шэн-чжи и Чан Кай-ши. Генерал Тан Шэн-чжи был дубанем провинции Хунань, одним из самых крупных помещиков этой провинции и крупным предпринимателем. Были сведения, что все публичные дома в Чанша принадлежали ему. Стремясь вернуть свои владения, Тан Шэн-чжи примкнул к Уханьскому правительству.

Раскол НРА на две группировки произошел не сразу. В начале января на совещании командиров корпусов и дивизий в Наньчане по штатным вопросам Чан Кай-ши пытался выяснить взгляды генералов восточной группы. Я был свидетелем бурной заседательской деятельности Чан Кай-ши. Заседания назначались почти ежедневно и затягивались до поздней ночи. Конечно, речь шла не о штатах, с ними уже давно было покончено. По дошедшим до нас сведениям, Чан Кай-ши с генералами даже предлагал М. М. Бородину выехать в СССР.

Если раньше, после «событий 20 марта», диктаторские замашки Чан Кай-ши вызывали негодование ряда генералов НРА, прослывших верными последователями Сунь Ят-сена, то теперь положение изменилось. На сторону НРА перешло много генералов из лагеря милитаристов, но не по «велению сердца», а по конъюнктурным соображениям. Непомерное разбухание НРА за счет включения бывших войск милитаристов привело к падению боеспособности армии. Правительство не в состоянии было финансировать новые формирования. Ухудшились материальная обеспеченность войск, моральное состояние солдат, политическая работа в армии и среди населения ослабла. Все это привело к антиправительственным выступлениям в ряде мест.

1 февраля 1927 г. несколько подразделений наньчанского гарнизона, перешедших на сторону Национального правительства и включенных в 3-й корпус генерала Чжу Пэй-дэ, подняли мятеж. Три батальона солдат ворвались в министерство финансов, изъяли оттуда 8 млн. денежных знаков и убежали в горы. Они бы прихватили еще больше денег, если бы не случившийся поблизости советник по тылу Н. Т. Рогов, человек атлетического сложения и богатырской силы. Воспользовавшись общей

сумятицей, он оттащил большой ящик с деньгами в сторону. Когда порядок был восстановлен, Рогов вернул финансистам ящик с деньгами, тем самым, по-видимому, предотвратив финансовую катастрофу Национального правительства.

Национально-революционная армия начала Северный поход в составе шести корпусов, к февралю 1927 г. их количество утроилось за счет войск милитаристов, которые имели самую разную подготовку.

В Китае имелось достаточно руководств по военному делу и разных уставов (японских, германских), переведенных на китайский язык, но все они относились к довоенному времени. Армия воспитывалась и обучалась не по писаным уставам, а по «преданиям старины» и по традиции. Обучение было несложное: выправка и шагистика. После превращения толпы рекрутов в строевую часть, способную двигаться и менять строй по команде, производилось обучение рассыпному строю. Это считалось развертыванием в боевой порядок. Винтовки и патроны выдавались бойцам, но стрельбе их не обучали — берегли патроны. Знакомство со стрелковым делом ограничивалось разборкой и сборкой оружия, чисткой винтовки и прикладкой. Полевые и тактические занятия не велись.

Это разношерстное войско бывших милитаристов разного толка совершенно затопило НРА, и без того ослабленную крупными потерями за время похода. В соответствии с указаниями Блюхера мы решили, не дожидаясь директив Военного совета, разработать для советников корпусов программу подготовки бойцов и занятий с командным составом. Особое внимание в ней уделялось политической подготовке. Советникам войсковых соединений вменялось в обязанность разработать конкретную программу подготовки подопечных частей и соединений в соответствии с их уровнем.

11-й корпус НРА

Наиболее успешно работа по повышению боевой подготовки проходила во вновь сформированном 11-м корпусе НРА. Командиром корпуса был назначен Чэнь Мин-шу (командир 10-й дивизии 4-го корпуса), один из наиболее подготовленных и энергичных китайских генералов. В командование 10-й дивизии вступил его заместитель генерал Цзян Гуан-най. Кроме 10-й дивизии в состав 11-го корпуса вошли 24-я пехотная дивизия Е Тина и 26-я пехотная дивизия Ян Ши-чана, выделенная из 9-го корпуса. Корпус дислоцировался в районе Уханя и осуществлял в нем гарнизонную службу и охрану правительства.

Советником при 11-м корпусе состоял наш инструктор В. Е. Горев (Никитин). Своим внешним видом он импонировал китайцам. Он стремился детально разобраться во всех противоречиях, имевшихся в корпусе. Знание английского языка очень

помогало ему, так как позволяло в беседах с китайцами, владевшими английским языком, обходиться без посредников. С Горевым я повстречался еще на севере Китая в 1-й Национальной армии. Там он конспирировался под «дядю Сэма»: отпустил бороду клинышком, курил большую шкиперскую трубку и носил фамилию Гордон.

В. Е. Горев

В конце января в корпусе была составлена трехмесячная программа обучения войск, основной упор делался на полевые занятия. Из 36 учебных часов в неделю 18—24 часа отводились на занятия в поле и стрелковое дело, а на строевую подготовку и физическую культуру — только 9 часов.

В 11-м корпусе к ведению боевой подготовки привлекался весь командный состав, вплоть до командиров дивизий. Штаб корпуса руководил обучением старшего и высшего командного состава корпуса, в том числе и военно-научной работой.

На занятиях со старшим и средним командным составом изучались марш и встречный бой, оборона и наступление. Занятия иллюстрировались наглядно (на картах и на ящике с песком). Особое внимание обращалось на выработку у китайских командиров навыков ясно формулировать приказы, отдавать их четким командным языком, кратко формулировать свои решения, организовывать взаимодействие между частями войск. Это считалось слабым местом в подготовке командного состава китайской армии: приказы отдавались в форме советов или рекомендаций, что давало возможность исполнителям уклоняться от их выполнения. Так, в ранее описанном бою под Чжумадянем 2-й Национальной армии с войсками У Пэй-фу артиллерия открывала огонь по инициативе командира орудия или по предложению зрителей — пехотных солдат.

Одновременно с боевой подготовкой велось организационное переустройство корпуса. Штаб был сформирован заново. На

должности начальника штаба корпуса и начальников секций (оперативной, разведывательной, боевой подготовки и адъютантской) подбирали старших офицеров со значительным служебным и по возможности боевым стажем. Адъютантская секция руководила учетом и подбором комсостава.

В корпусе было унифицировано вооружение. До этого каждая часть корпуса представляла собой музей оружия разных калибров и разных систем, что, естественно, затрудняло пополнение войск боеприпасами в сражениях. Вооружение перераспределили между частями корпуса и дивизий так, чтобы каждый полк был вооружен однокалиберными винтовками: Арисака (6,5 мм), или немецкими (7,9 мм), или нашими трехлинейными. В каждой дивизии был создан образцовый полк с одинаковым вооружением, и каждому батальону были приданы два станковых пулемета.

Политзанятия в корпусе пользовались популярностью. Большинство командиров понимало их необходимость и для их проведения выделяло 3—4 часа учебного времени. Однако трудности возникали в связи с тем, что не хватало политработников. Чтобы восполнить этот пробел, подобрали 50 командиров и организовали для них краткосрочные курсы. Начальником политотдела корпуса был назначен развитой и умный командир, правда имевший репутацию реакционера. Начальники политотделов дивизий даже замышляли начать против него кампанию, но советник Горев рекомендовал пока его не трогать, пусть, мол, проявит себя на деле. Представленный этим командиром план политработы был составлен настолько хорошо, что даже не потребовал дополнительных поправок.

Положение Горева как советника упрочилось, его предложения внимательно выслушивались и выполнялись. Многие офицеры и генералы заходили к нему побеседовать, что давало ему возможность глубже познакомиться с их жизнью, быть в курсе их сокровенных мыслей.

Гореву удалось добиться создания в 11-м корпусе Военно-научного общества (ВНО). Во главе его правления стояли командир корпуса Чэнь Мин-шу и его начальник штаба. Основная тематика докладов ВНО черпалась из опыта боев 10-й дивизии в Северном походе. На фоне этих боев разбирались вопросы организации и ведения наступательного и оборонительного сражений. В дискуссиях выявился колоссальный разнобой во взглядах командиров по вопросам тактики. Пришлось установить общие ориентировочные положения и нормы по организации марша, наступления и обороны. Этот обмен мнениями приносил очень большую пользу. Ни в одной из китайских армий командный состав никогда военно-научной работой не занимался. Впервые в НРА в 11-м корпусе удалось побудить командиров критически посмотреть на свой боевой опыт и извлечь полезные уроки.

Однако на боеспособность войск 11-го корпуса отрицательно влияло неудовлетворительное снабжение боеприпасами. Войска были слабо обеспечены винтовочными патронами (менее 100 штук на винтовку), снарядами (100 снарядов на орудие) и минами (60 мин на миномет).

Каково же было политическое состояние 11-го корпуса? Левогоминьдановские настроения в корпусе обусловливались революционными традициями гуанчжоуских частей, составлявших костяк корпуса, значительным процентом коммунистов и левых гоминьдановцев в политических отделах дивизий, оказывавших положительное влияние на солдат. Немалое значение имело и территориальное размещение 11-го корпуса, находившегося поблизости от правительства в Ухане.

Эти обстоятельства не позволили Чэнь Мин-шу распоряжаться корпусом по своему произволу. Авторитет Чэнь Мин-шу как военачальника, в общем, был на высоте, но среди командиров были и недовольные. Так, например, новый командир 10-й дивизии, генерал Цзян Гуан-кай, был возмущен финансовыми махинациями своего шефа. Старые офицеры, коренные гуанчжоусцы, негодовали по поводу притеснения их по службе и назначения на высшие должности офицеров — выходцев из других провинций. Действительно, 70% личного состава корпуса составляли гуанчжоусцы, из них на старшие командные должности были выдвинуты только семь человек, тогда как выходцам из других провинций было предоставлено восемь мест. Но это объяснялось злоупотреблением своим служебным положением начальника адъютантской секции штаба корпуса фуцзяньца Лю, который протащил на ответственные посты своих приятелей.

По поводу разногласий главкома с правительством Чэнь Мин-шу старался открыто не высказывать своего мнения. Он поддерживал постоянную связь с Чан Кай-ши, не порывая приятельских отношений и с генералом Тан Шэн-чжи. Такая позиция Чэнь Мин-шу не вызывает удивления. Вражда Чан Кай-ши и Тан Шэн-чжи, в сущности, коренилась в личной антипатии, в соперничестве за власть.

6 марта 1927 г. Чэнь Мин-шу неожиданно самовольно покинул свой пост и уехал в Шанхай лечиться. Перед отъездом в беседе с Тан Шэн-чжи и Чжан Фа-куем он изложил мотивы, побудившие его «выйти из игры» — уйти в отставку. То же он сделал и в письме к правительству. Я рассказываю об инциденте с Чэнь Мин-шу несколько подробнее, так как он был типичным для многих генералов НРА. Чэнь Мин-шу не удовлетворяло его положение в 11-м корпусе, но прямо об этом он не говорил. Он выражался туманно, говорил, будто не хочет ехать (пока?) в Нанкин, так как главком окружен правыми, но в то же время ему не нравились и левые. Устраниться от дел, по-видимому, ему посоветовал начальник политотдела корпуса,

который развернул резкую антиправительственную агитацию (в частности, против Ван Цзин-вэя и советников).

Отъезд Чэнь Мин-шу наделал много шуму. На специальном совещании Тан Шэн-чжи, Чжан Фа-куя и Дэн Янь-да было решено предложить командование 11-м корпусом Цзян Гуан-каю. Правительство, рассмотрев этот вопрос, вынесло оригинальное постановление: «Считать, что Чэнь Мин-шу поехал в Шанхай лечиться, но без разрешения правительства».

Самовольный уход с поста Чэнь Мин-шу едва не повлек за собой развал всего корпуса. Первым скрылся начальник политотдела, затем оставленный Чэнь Мин-шу заместителем командир 10-й дивизии. Ходили слухи, будто Тан Шэн-чжи хочет разоружить 11-й корпус. Возникла опасность повального бегства командиров полков и командиров штаба. Начальник адъютантской секции корпуса Лю, воспользовавшись этой ситуацией, пытался продвинуть на «вакантные» места своих ставленников. Наконец Чжан Фа-куй принял командование 11-м корпусом, в котором осталось пять дивизий: 10, 12, 24, 25 и 26-я. Он решил сохранить корпус во что бы то ни стало.

Чжан Фа-куй разгромил фракционные группы, в частности фуцзяньцев. Начальник адъютантского отдела вынужден был уйти в отставку; начальник оперативного отдела Чжан «заболел». Хотя после этих «хирургических» операций наступило некоторое успокоение и появилась возможность продолжать работу в корпусе, однако до окончательной нормализации было далеко. Все «больные», переселившись в Ханькоу, не потеряли связей со своими единомышленниками в корпусе и отрицательно влияли на них. Так, например, начальник политотдела 24-й дивизии (коммунист) получил анонимное письмо, в котором его называли «собакой, лижущей сапоги Чжан Фа-куя», и советовали уйти в отставку. Такова была обстановка на юге Китая накануне решающей кампании против коалиции мукденцев, шаньдунцев и остатков войск У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана.

В. К. Блюхер

В настоящее время о жизни и деятельности В. К. Блюхера уже написано немало трудов.

Однако в своей книге мне хотелось бы вновь обратиться к воспоминаниям о Василии Константиновиче, рядом с которым мне довелось работать в Китае. На мой взгляд, будет нелишним воспроизвести некоторые эпизоды его биографии, которые наложили отпечаток на его дальнейшую деятельность.

В. К. Блюхер родился 19 ноября 1889 г. в деревне Барщинка Ярославской губернии. Начальное образование он получил в церковноприходской школе. Как известно, крестьяне до революции не могли прожить своим хлебом до нового урожая и с

давних пор уходили в города на заработки или продавали изделия из дерева и других материалов через прасолов и коробейников. Отец Блюхера отдал своего сына по окончании школы в приказчики к купцу первой гильдии Клочкову в Петербурге.

В. К. Блюхер

Здесь с отроческих лет Василий Блюхер на собственном опыте познакомился с изнанкой буржуазного общества: неуемной роскошью и праздной жизнью верхов, бесправным положением рабочего люда и полуголодным его существованием. Возможно, критическое отношение к действительности зародилось у него под влиянием старшего приказчика Петра Кузнецова, впоследствии попавшего в тюрьму за революционную деятельность. Блюхер был свидетелем «Кровавого воскресенья» в Петербурге. Все это оказало воздействие на формирование его характера.

Более солидную революционную школу Блюхер прошел, работая на заводах сперва в Петербурге, а затем в Москве, в Мытищах. За участие в забастовке он пробыл два с половиной года в тюрьме. В 1914 г. его призвали в армию и направили рядовым в 19-й Костромской полк, ведший бои на австрийском фронте. Там он проявил себя не только как храбрый солдат, но и как волевой, находчивый командир. В сражении на р. Дунаец под Тарнополем его тяжело ранило. В 1916 г. он был уволен «по чистой» из армии. После ранения он вновь поступил приказчиком и занялся самообразованием в Народном университете Шанявского.

Своей революционной деятельности Блюхер не бросил и в 1916 г. На механическом заводе в Казани его приняли в коммунистическую партию. В 1917 г. по поручению партии Блюхер вступил в 109-й запасный полк, а затем был послан в Челябинск для борьбы против Дутова. В борьбе с контрреволюцией выковался выдающийся военачальник Красной Армии. Только перечисление его походов заняло бы много места.

Впервые я встретился с В. К. Блюхером летом 1920 г. под Каховкой. Он командовал тогда 51-й стрелковой дивизией, вхо-

дившей в состав правобережной группы (позже 6-й армии), которую возглавлял Эйдеман. В то время я служил помощником начальника артиллерии юго-западного фронта В. Д. Грендаля. Иногда мне приходилось командовать артиллерией всей правобережной группы, в частности при форсировании Днепра. Но чаще всего я имел дело с артиллеристами 51-й стрелковой дивизии, составлявшей основной костяк обороны Каховского плацдарма. Под руководством Блюхера 51-я стрелковая дивизия отразила попытки взять Каховку, которые предпринимал Врангель, пользовавшийся поддержкой многочисленных танков и авиации. Поражение белогвардейцев под Каховкой оказалось столь сокрушительным, что явилось началом конца всего белогвардейского движения против Советской России.

Осенью 1923 г. я видел Блюхера в гостях у Сангурского*. Мне особенно запомнилось, что он держался очень скромно и сдержанно. Как-то в разговоре он сказал видному военачальнику Красной Армии Зиновьеву: «А тов. Сангурский, пожалуй, грамотнее нас с тобой напишет приказ».

На приемах Блюхером китайских генералов мне бросилась в глаза одна интересная черта. Он умел внимательно выслушивать своих собеседников и вызывать их на откровенность. Это давало ему возможность при составлении планов учитывать пожелания и интересы исполнителей, что было очень важно в тех условиях.

Блюхер пользовался у большинства китайских генералов очень большим авторитетом. Проекты приказов, составленные Блюхером, подписывались главкомом без поправок. Если Чан Кай-ши для срочной консультации или по какому-либо другому делу заходил к Блюхеру, то он садился обычно на кончике стула и в знак почтения складывал руки на коленях.

Василий Константинович держался с главкомом вежливо, без высокомерия, но с чувством собственного достоинства. Из китайских генералов только Бай Чун-си вел себя развязно даже на приеме у Блюхера: разваливался в кресле, закинув ногу на ручку кресла. Блюхер вежливым спокойствием и выдержкой давал понять Бай Чун-си бестактность его поведения. С главкомом Бай Чун-си и вовсе не церемонился: демонстративно поворачивался к нему спиной, расхаживая на собраниях с места на место, громко разговаривал во время речи Чан Кай-ши или подавал реплики. Его неприязнь к главнокомандующему была общеизвестна, но его ценили как одного из наиболее знающих военное дело китайских генералов.

Внешний облик В. К. Блюхера соответствовал его внутреннему содержанию. Он обычно носил китайскую военную форму

* М. В. Сангурский — командир Красной Армии. Во время гражданской войны командовал известной 40-й Богучарской дивизией. Осенью 1926 г. был назначен главным военным советником при маршале Фэн Юй-сяне и начальником группы советников при 1-й Национальной армии.

без знаков различия, высокие сапоги. Речь его текла неторопливо и уверенно. О том, какое впечатление производил он на людей, встречавшихся с ним впервые, можно понять из высказывания американской журналистки Анны Луизы Стронг. Ее интервью было напечатано в ханькоуской газете весной 1927 г., где она передавала в приподнятых и восторженных словах неотразимое впечатление, производимое «динамической личностью генерала Галина». Она подметила быстроту его реакции, широту кругозора, меткость и образность суждений.

Блюхер требовал от советников, чтобы они добивались от подопечных генералов быстрого, четкого и инициативного выполнения приказов главкома и оказывали конкретную помощь им.

Во внеслужебное время он обращался со всеми дружески, часто шутил и даже пел вместе с нами сочиненную доморощенным поэтом минорную песенку: «Завтра, быть может, нас под Учаном погребут». Наибольшим его расположением, пожалуй, пользовался советник при 1-м корпусе Александр Иванович Черепанов, которому нередко приходилось работать вдали, без переводчика, без возможности перекинуться с кем-либо русским словом. И когда от А. И. Черепанова приходили донесения, он сочувственно кивал головой.

Отношение Блюхера к китайскому трудовому люду, рабочим и крестьянам вытекало из сознания нашего интернационального долга, проникнутого искренней симпатией и сочувствием к его тяжелой доле.

Во время Шанхайской операции поступили вести о том, что пролетариат Шанхая поднял восстание. Войска Сунь Чуаньфана грозили жестокой расправой восставшим. Блюхер срочной шифровкой потребовал от советника В. Н. Панюкова (Коми) при командующем войсками Бай Чун-си, действовавшими на шанхайском направлении, скорейшего наступления для выручки шанхайских рабочих. Прекрасно зная реакционные убеждения генерала Бай Чун-си, Блюхер предложил завуалировать наступление оперативными соображениями.

На одном из банкетов, устроенном в ознаменование победы под Наньчаном, он выступил примерно так: «Мы, советские люди, горды тем, что на нашу долю выпала честь передать свой революционный опыт, приложить силы и знания для выполнения нашего интернационального долга — помочь великому китайскому народу освободиться от власти милитаристов и империалистического ига. Для полного завершения этой великой миссии мы готовы пролить свою кровь до последней капли».

Тогда же, после банкета, Чан Кай-ши хотел раздать советникам, участникам Северного похода, ценные подарки. Василий Константинович убедил главкома, что мы не вправе принимать от него подарки. Тем самым он хотел показать, что наша помощь бескорыстна и что мы оказывали помощь Национально-революционной армии Китая не ради интересов Чан Кай-ши,

а для освобождения Китая от полуколониальной зависимости.

Ближайшим помощником Блюхера в наньчанский и уханьский периоды нашей деятельности была прежде всего его жена Галина Александровна Кольчугина. Родилась она в Харькове, росла и воспитывалась в Харбине, окончила Бестужевские курсы в Петрограде. Я с нею был знаком еще по Пекину, там она работала в пекинском отделении ТАСС. Из Пекина ее перевели в Ханькоу для работы в аппарате Бородина в качестве переводчицы английского языка, машинистки и стенографистки. Галина Александровна обладала независимым, сильным характером и была исключительно ценным помощником Блюхеру. В этом я лично убедился во время нашей поездки в Хэнань. Кольчугина не забывала своих старых знакомых, относилась ко всем людям внимательно и помогала в беде.

Другими надежными помощниками Блюхера, находившимися в непосредственном его распоряжении, были его личный переводчик Эммануил Моисеевич Абрамсон, о котором я уже упоминал, и адъютант М. Я. Гмира.

Михаил Яковлевич Гмира, 1900 г. рождения, происходил из крестьян Полтавской губернии. С самого начала революции он — активный ее участник, организатор комсомола в родном городе Золотоноше, сражался в партизанском отряде, а затем в Красной Армии. В 1920 г. вступил в коммунистическую партию. По окончании гражданской войны он учился в Киевском военном училище. В 1923 г., по окончании его, стал политруком саперной роты и одновременно слушателем филологического факультета Ленинградского университета; начальник гарнизона Ленинграда, командир 1-го корпуса В. К. Блюхер приметил способного молодого человека. Уезжая в Китай, он предложил Гмире ехать с ним в качестве секретаря-адъютанта. И тот согласился. Мне часто приходилось видеть его на работе. Собранный, аккуратный и подтянутый, Гмира, а впоследствии и его жена Любовь Михайловна были верными и терпеливыми помощниками Василия Константиновича. Они ведали всей его канцелярией и приемом многочисленных посетителей. А ведь с Блюхером нелегко было работать: он не делил сутки на день и ночь и порой трудился все 24 часа.

В Центральном Китае в начале 1927 г.

К 1 января 1927 г., когда Национально-революционная армия вышла на р. Янцзы, началось открытое выступление милитаристов Чжан Цзо-линя и Чжан Цзун-чана в поддержку У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана против Национального правительства в Ухане. К 20 декабря 1926 г. главные силы шаньдунской армии Чжан Цзун-чана были переброшены на Тяньцзинь-Пукоускую железную дорогу и сосредоточивались в районах Ян-

чэна, Сюйчжоу, Банбу. Эта группировка включала около 30 пехотных и одну кавалерийскую бригады, всего 95 тыс. человек.

Кроме того, из Баодина в эти же районы были переброшены 1-я и 2-я пехотные дивизии и части еще двух дивизий (всего 25 тыс. человек). По сообщениям газет, в провинции Шаньдун усиленно формировались новые соединения и велась подготовка к переброске на юг частей трех пехотных дивизий (13, 27 и 35-й). 2 января 1927 г. одна пехотная шаньдунская дивизия вступила в Нанкин, а два полка другой дивизии — в Шанхай. В районе Аньцина сосредоточились части 7-го шаньдунского корпуса.

Началась также усиленная переброска мукденских войск по железной дороге к границам провинции Хэнань. Главные силы этой армии находились на северном участке Пекин-Ханькоуской железной дороги в районе Цычжоу, Шуньдэ, а остальные — на северном берегу Хуанхэ. Мукденцы, видимо стремясь обеспечить наступление на Хэнань против Фэн Юй-сяна, а возможно, и против Янь Си-шаня, направили в район Суйюани 9-й корпус (15 тыс. человек). Это связывало до некоторой степени мукденцев и затрудняло развитие операции в южном направлении. Чжан Цзо-линь добивался согласия У Пэй-фу на усиление своих войск на центральном участке Пекин-Ханькоуской железной дороги, что дало бы возможность мукденцам действовать по внутренним операционным линиям: на западе — против северо-западной армии Фэн Юй-сяна и на юге — против НРА — и вывело бы мукденцев в центральный район провинции Хэнань. Вместе с тем Чжан Цзо-линь имел тайное намерение — подчинить себе У Пэй-фу и войска провинции Хэнань.

После ухода из Хэнани 2-й Национальной армии там создалось своеобразное «междуцарствие», действовали шесть-семь соперничавших военно-политических группировок.

1-я группа — бывшие генералы 2-й Национальной армии, командиры 4-й и 5-й пехотных дивизий — Чэн Вэнь-чжао и Ван Вэй-вэй, «верноподданные» У Пэй-фу. Они занимали район Янчэна.

2-я группа под командованием Тянь Вэй-цзина (около 10 тыс. человек) была тесно связана с шаньдунским дубанем Чжан Цзун-чаном.

3-я группа под командованием Цзинь Юнь-э и Вэй И-саня (около 20 тыс. человек) располагалась вдоль Лунхайской железной дороги, главные силы — в районе железнодорожного узла Чжэнчжоу. Эта группа отмежевалась от У Пэй-фу и северных милитаристов.

4-я группа — упэйфуиста Коу Ин-цзе. Основные свои силы — хубэйские войска — он потерял в боях против 2-й Национальной армии и в борьбе за господство в Хэнани. Теперь в его распоряжении оставались по преимуществу части Ицзюнь (Старые войска) и часть новобранцев из туфэев. Его войска распо-

лагались на востоке Хэнани, главные силы — в районе Кайфына.

5-я группа — войска Чжан Чжи-гуна и Лю Чжэнь-хуа неопределенной ориентации, от 5 до 10 тыс. человек. Эти войска, размещавшиеся в Лояне, были укомплектованы членами общества «Красные пики» и туфэями. Их заветной целью было не допустить никого в свои владения.

6-я группа — бывшие части 2-й и 3-й Национальных армий, осевшие на западе Хэнани, в районе Тунгуань и на востоке Шэньси, в районе Шаньсянь, возглавляемые генералом Ян Чжитаном. Они были настроены против мукденцев и имели связь с войсками Фэн Юй-сяна.

Каждая из этих группировок отличалась весьма разношерстным составом и была плохо обеспечена боевой техникой и боеприпасами.

Список хэнаньских военных группировок был бы неполным, если не упомянуть войска генерала Фан Ши-миня, которые обосновались в гористом районе юго-запада провинции, упорно отражая все попытки У Пэй-фу проникнуть в занятый ими район. Фан Ши-минь был связан с НРА и числился даже командиром 13-го корпуса.

В начале января 1927 г. мукденские и шаньдунские войска приблизились к границам Хэнани, и возникла реальная угроза оккупации этой богатой провинции войсками северных милитаристов. Эта опасность вызвала расслоение среди разношерстных групп хэнаньского генералитета. Большинство их было против вступления мукденцев в Хэнань, некоторые даже преданные У Пэй-фу командиры стали от него отходить. В результате там остались две основные группировки: упэйфуистская, состоявшая из прежних его соратников, которая примирилась с неизбежным — союзом с мукденцами и шаньдунцами против НРА. Во главе их стал фанатично преданный У Пэй-фу генерал Коу Ин-цзе.

Вторая группировка, возглавляемая генералами Цзинь Юнь-э и Вэй И-санем, так называемая Армия успокоения Китая, включала в большинстве своем генералов, некогда входивших в состав 2-й Национальной армии. Они были полны решимости не пускать северных милитаристов в Хэнань. К этой антимукденской группировке примыкали генералы Ван Вэй-вэй, Чэн Вэнь-чжао, Тянь Вэй-цзин, Ма Ци-ди, Чэн Чжао-вэнь и др. Их войска располагались по Пекин-Ханькоуской железной дороге и в долине р. Вэй (севернее Синьсяна).

Когда северо-западная армия Фэн Юй-сяна вступила в район Тунгуаня и начала наступление на Лоян, У Пэй-фу всполошился. Тем более что Фэн Юй-сян получил реальную возможность установить контакты с Фан Ши-минем и НРА. У Пэй-фу усилил этот район войсками генерала Ван Вэй-чэна, который вышел в район Мачэна и здесь занял оборонительные позиции. Выступ-

ление Цзинь Юнь-э и Вэй И-саня против мукденцев вынудило У Пэй-фу быть сговорчивее с мукденцами, и он согласился принять их помощь. Имелись сведения о заключении официального договора с мукденцами. Договор подписали: У Пэй-фу, Цао Кунь, Коу Ин-цзе, Тянь Вэй-цзин, Хо Гу-ань. Чжан Цзолинь также выделил для поддержки У Пэй-фу войска четвертого направления под командой своего сына Чжан Сюэ-ляна и Хан Мин-гуаня, а также Чу Ю-пу.

Разобраться в этом генеральском кроссворде — нелегкая задача. Генералы переходили из одной военно-политической группировки в другую, руководствуясь главным образом личными интересами и конъюнктурными соображениями. Солдатская масса послушно следовала за своим хлебодателем — генералом, а после его поражения нанималась к другому генералу, порой противнику старого.

Вооруженные силы северных милитаристов

Лидером контрреволюционного движения в Китае с начала 1927 г. стал Чжан Цзо-линь. Враг всего нового, прогрессивного, верный слуга империалистической Японии, он делал все от него зависящее, чтобы разгромить китайское революционное движение.

После неудавшегося восстания Го Сун-лина военщина Японии окончательно прибрала к рукам мукденскую армию. При посредничестве японских инструкторов было проведено техническое перевооружение этой армии и усовершенствована ее боевая выучка. В это время наиболее влиятельной фигурой в мукденской группировке стал Чжан Сюэ-лян, а его ближайшим помощником — Чжэ Цзо-хуа *. Чжан Сюэ-лян выступал активным сторонником войны с южанами. Он стремился избавиться от опеки отца и захватить инициативу на дипломатическом и военном поприще.

Другой крупной фигурой среди мукденской военщины был начальник мукденского арсенала генерал Ян Юй-тин. У него сложились натянутые отношения с Чжан Сюэ-ляном, поскольку он был назначен на эту должность Чжан Цзо-линем без ведома Чжан Сюэ-ляна. Ян Юй-тин возражал против военных действий с Национальным правительством.

Под командованием Чжан Сюэ-ляна находились семь корпусов (7, 9, 10, 11, 13, 15 и 8-й кавалерийский), имеющих 120 тыс.

---

* Чжэ Цзо-хуа выдвинулся во время восстания Го Сун-лина, у которого он был начальником артиллерии. В ходе восстания изменил Го Сун-лину, неожиданно открыв огонь по тылам восставших войск. За это его назначили на должность начальника артиллерии мукденской армии.

бойцов, а также отдельные бригады и полки общей численностью 60 тыс. человек. Наиболее преданными Чжан Сюэ-ляну считались 10-й корпус, 2-я и 6-я отдельные бригады. Мукденские корпуса были полностью укомплектованы штатами. Все офицеры этой армии прошли специальную военную подготовку, а высший их комсостав обучался не менее одного года в японских военных школах. Мукденский корпус состоял из двух-трех пехотных бригад трехполкового состава, артиллерийского полка, отряда связи. Некоторые корпуса имели в своем составе кавалерийские бригады.

Численность каждого из этих корпусов составляла 13—15 тыс. 8-й кавалерийский корпус Ван Фу-лина состоял из трех кавалерийских и одной пехотной бригады, всего около 10 тыс. человек. Лучшей частью мукденской армии была артиллерия, находившаяся в непосредственном подчинении Чжан Сюэ-ляна. Она была сведена в 10 артиллерийских полков, 50% ее составляла полевая артиллерия, 40% — горная и 10% — тяжелая артиллерия. Материальная часть артиллерии на 80% была произведена мукденским арсеналом и 20% — иностранных систем. Артиллерийский полк включал три батальона (дивизиона), батальон — три роты (батареи), каждая батарея имела четыре орудия. Кроме того, в каждый артиллерийский полк входило от двух до четырех рот пехоты для постоянного прикрытия, подчиненных командиру артиллерийского полка. На каждое орудие полагалось до 400 снарядов. Лучшими артиллерийскими полками считались 3, 4 и 7-й.

Все офицеры окончили артиллерийские школы и были обучены вести огонь с закрытых позиций. Их артиллерия была на конной тяге.

Из всего этого видно, что мукденская армия, особенно артиллерия, значительно превосходила НРА по военно-техническому оснащению и военной выучке.

Но мукденская армия была потрясена восстанием Го Сун-лина, а война против Национального правительства Китая не пользовалась популярностью. Эта армия имела значительное количество самолетов, но они находились в неважном техническом состоянии, личный состав был плохо обучен летному делу. Само мукденское командование не рассчитывало на свою авиацию.

К 15 марта 1927 г. мукденская армия располагалась шестью группами. 1-я группа — в районах Кайфына и Ланфана (10-й и 11-й корпуса), а также между районом Вэйхуэй и переправой на р. Хуанхэ (7-й и 11-й корпуса). Это были ее главные силы общей численностью 55—60 тыс. человек. 2-я группа — 8-й и 15-й конные корпуса (25 тыс.) заняли район Баодин — Пекин, сменив шаньдунские войска. 3-я группа — 9-й корпус, находившийся в провинции Чахар. 4-я группа — отдельные бригады и артиллерия, не входившая в состав корпусов, — была в личном

распоряжении Чжан Сюэ-ляна*. 5-я группа (20 тыс.) составляла ближайший тыл мукденской армии (захват Пекина и охрана железной дороги от Пекина до Мукдена). Войска 6-й группы обеспечивали глубокий тыл в Маньчжурии и охрану КВДЖ: семь кавалерийских бригад и пять пехотных бригад (20—30 тыс. человек). Таким образом, общая численность мукденской армии составляла 180 тыс. человек, 320 полевых и горных орудий, 36 тяжелых орудий.

Чжили-шаньдунская армия под общим командованием дубаня провинции Шаньдун Чжан Цзун-чана состояла из собственно шаньдунской армии (около 100 тыс.) и армии дубаня Чжили — Чу Ю-пу (60 тыс.). Шаньдунская армия включала 12 корпусов (с 1-го по 12-й) и несколько отдельных дивизий и бригад. Численность корпусов и организационный их состав были разные. Например, 1-й корпус (25 тыс. человек), находившийся в Цзинани, командиром которого числился Чжан Цзун-чан, состоял из пяти пехотных бригад, одной кавалерийской бригады, одной артиллерийской бригады, бронепоездов и инженерного полка (26 февраля часть корпуса была переброшена в Нанкин). 6-й корпус Сюй Юн-цзина общей численностью около 32 тыс. человек включал три дивизии трехбригадного состава и отдельный кавалерийский полк. Ряд корпусов находились в стадии формирования, например 2-й и 9-й. Кроме 12 корпусов имелось еще шесть отдельных дивизий (11, 15, 22, 50, 65 и 67-я) и несколько отдельных кавалерийских бригад.

Остановлюсь подробнее на 65-й пехотной, так называемой Нечаевской дивизии (165-я и 166-я бригады). 165-я бригада, китайская, состояла из 3 тыс. солдат и офицеров, имела 4 орудия, 6 пулеметов и 6 бомбометов; 166-я русская бригада насчитывала в своем составе 1462 русских и 1669 китайцев. Нечаевской дивизией командовал белогвардейский генерал Нечаев. Вначале он сформировал из своих сослуживцев и белоэмигрантов бригаду, а затем дивизию, которая с бронепоездами полковника Чехова составляла ударную силу армии Чжан Цзун-чана. Пожалуй, благодаря этой силе ему удавалось столь значительное время удерживаться в Шаньдуне, несмотря на тяжелое экономическое положение и малую боеспособность китайской армии.

Экономическое положение Шаньдуна в то время было исключительно тяжелым. Со вступлением Чжан Цзун-чана на пост дубаня этой провинции с населения ежегодно взимали налогов на 100 млн. юаней. Кроме того, войска тоже выжимали в своих

---

* Девять кавалерийских бригад по два полка и два отдельных кавалерийских полка, шесть пехотных бригад по три полка, две бригады связи, инженерная бригада. Военно-воздушные силы объединяли пять отрядов (150 самолетов), семь танков, семь бронепоездов, конвойные войска, три пехотных полка и три отряда этапных войск.

уездах налоги. Не удивительно, что жители, доведенные до отчаяния непосильными тяготами, решались на крайние меры. Провинция Шаньдун по росту бандитизма занимала первое место в Китае. А крестьянские восстания там не прекращались. Чжан Цзун-чан выделял для борьбы с туфэями и восставшими крестьянами целые соединения.

Военно-техническое состояние шаньдунской армии было относительно удовлетворительным, но ее моральный дух был очень низок. Солдаты систематически не получали жалованья. Грабеж местного населения служил постоянным источником существования солдат шаньдунской армии. Генералы этой армии славились лихоимством по всему Китаю. Некоторые из них, учитывая слабую реальную силу своей армии, вели переговоры с представителями Народно-революционной армии в Шанхае о переходе на ее сторону. Главные силы шаньдунской армии в начале 1927 г. размещались в районе Банбу — Сюйчжоу: части 3-го и 5-го корпусов занимали район Пукоу, 4-й и 7-й корпуса — район Аньцина, 11-й корпус — север провинции Аньхуэй, а 8-й корпус перебазировался из Циндао в район Шанхая.

Армия Сунь Чуань-фана к началу 1927 г. несколько оправилась от понесенного поражения в районе Наньчан — Цзюцзян и возросла до 90 тыс. человек. Шанхайское купечество выделило Сунь Чуань-фану 3 млн. юаней. Япония и Германия дали ему много вооружения и боеприпасов. Но вновь набранная армия Сунь Чуань-фана, наскоро сколоченная, необученная и плохо обеспеченная, не отличалась высоким моральным состоянием. Грабежи местного населения не прекращались, что вызывало неприязнь к суньчуаньфановской армии.

Возросли трения у Сунь Чуань-фана с подчиненными ему генералами. Чжан Цзун-чан медлил с выступлением на помощь Сунь Чуань-фану, который соглашался уступить ему Нанкин. Тогда Сунь Чуань-фан обратился за помощью к Англии (она располагала в районе Шанхая значительными силами). Британский отряд (около 23 тыс. человек), находившийся под командованием генерала Д. Дункана, включал разношерстные подразделения: 3-ю и 14-ю пехотные бригады, 5-й Пенджабский батальон, 21-й батальон 12-го Пенджабского полка (из Бомбея), 2-й батальон Диргемского полка (из Сингапура), 2-й батальон Пограничного полка, 4-й батальон Бедфорского полка, 1-й батальон Хортфорского полка.

Иностранные державы подготовили на помощь войскам Сунь Чуань-фана значительные морские силы (150 вымпелов). Если учесть общую малочисленность сухопутной английской армии в мирное время, то приходится признать, что английское правительство придавало Шанхаю немаловажное политическое значение. Однако победоносное наступление НРА, завершившееся полным разгромом войск У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана и ее выходом на рубеж Янцзы, почти трехкратное увели-

чение ее сил за счет перешедших солдат из войск милитаристов, огромная популярность среди крестьян вынудили английские правящие круги воздержаться под предлогом сезонного мелководья на Янцзы от поддержки Сунь Чуань-фана. Между тем успехи НРА вынуждали милитаристов искать выход. Чтобы поднять моральный дух армии, Сунь Чуань-фан развернул большую пропагандистскую кампанию против революционного Китая под лозунгами: «Война против большевизма есть спасение народа», «Национальное объединение Китая должно быть под пятицветным знаменем». В пропагандистских целях привлекли более 800 студентов.

Для улучшения боевой подготовки солдат Сунь Чуань-фан распределил подчиненные ему войска на пять групп. Сунь Чуань-фан взял на себя командование первой группой войск, в нее вошли 2, 13 и 14-я пехотные дивизии (около 9—10 тыс. человек); район их сосредоточения намечался в Тунлу. Вторая группа под командой генерала Чжэн Цзун-яо из 4-й и 10-й пехотных дивизий (7 тыс. человек) располагалась в районе Ханчжоу. Третья группа под командой Мэн Чжао-юя (6-я и 11-я пехотные дивизии — 8 тыс. человек) сосредоточилась в районе Тунлу — Синьчан. Четвертая группа Бай Бао-шаня в составе 5-й пехотной дивизии, отряда Е Кай-синя и других (8 тыс. человек) занимала район Нинго. Пятая группа Чжоу Инь-жэня (8 тыс. человек) свои главные силы отводила через Тайчжоу на Нинбо. Для охраны тыла оставались: в Шанхае — 9-я пехотная дивизия, в Нанкине — 12-я смешанная бригада, в Аньцине — 6-я пехотная дивизия. Две пехотные дивизии вообще не участвовали в операциях из-за неблагонадежности.

Войска провинции Аньхуэй находились в то время на перепутье: они не знали, к кому примкнуть — к шаньдунцам или к НРА. Дубань провинции Чэнь Тяо-юань, он же командир 6-й дивизии армии Сунь Чуань-фана, колебался в выборе будущего хозяина: Чжан Цзун-чан или Чан Кай-ши? Были сведения, что он вел переговоры о переходе в войска Чжан Цзунчана. Другие генералы самостоятельно пытались договориться с шаньдунцами, как, например, командиры 1-й и 4-й смешанных бригад Ян Ши-чжун и Мо Фэн-пин. Командир 3-й смешанной бригады, находившийся вблизи расположения шаньдунских частей, перешел на их сторону по собственному почину. С представителями НРА также велись переговоры.

Решение вопроса, на чью сторону и когда перебежать, зависело главным образом от предполагаемых выгод.

Шаньсийский дубань Янь Си-шань был как бы своеобразным флюгером. В ноябре 1925 г., когда мукдено-шаньдунская группировка во время восстания Го Сун-лина оказалась на грани катастрофы, Янь Си-шань надел маску союзника Национальных армий и выступил заодно с ними против Чжан Цзо-линя. Через полгода, когда военное счастье отвернулось

от Национальных армий и разгромленные их остатки укрылись в бедных малонаселенных провинциях Ганьсу и Шэньси, Янь Си-шань вновь превратился в союзника мукденцев и принял самое деятельное участие в разгроме 1-й Национальной армии. Не прошло и семи-восьми месяцев, как фортуна милитаристов У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана отвернулась от них. Северо-западная армия (бывшая 1-я Национальная) с помощью СССР стала быстро наращивать силы. А когда НРА вышла на рубеж Янцзы, Янь Си-шань вновь подумывал о переходе на сторону южан.

Однако при всех политических скачках от одной группировки милитаристов к другой Янь Си-шань не стремился расширить границы своих владений за счет соседних провинций. Он крепко охранял свои границы, не допуская туда ни противников, ни союзников. Только за один год он почти в два раза увеличил свою армию, к началу 1927 г. она насчитывала около 15 пехотных дивизий. Основной принцип его военной стратегии заключался во фразе: «Не тронь меня, и я тебя тоже не трону». Такой курс Янь Си-шаня охранял провинцию Шаньси от военных потрясений. Шаньси в течение пятнадцатилетнего правления Янь Си-шаня не знала войн.

Отсутствие единства между членами коалиции милитаристов в борьбе против Национального правительства, взаимное недоверие и внутренние противоречия в каждой группировке привели к тому, что их выступления против НРА и армии Фэн Юй-сяна были разрозненными, несогласованными и нерешительными.

Чжан Цзун-чан отказался поддержать наступление Сунь Чуань-фана в Чжэцзяне в январе 1927 г., так как последний не хотел уступить Нанкин и Шанхай и даже угрожал отвести свои войска из района Аньцин — Пукоу в Сюйчжоу. Не договорился Сунь Чуань-фан и с Чжан Цзо-линем, поскольку Сунь Чуань-фан запретил мукденские деньги в своем районе. Не ладились взаимоотношения Чжан Сюэ-ляна с шаньдунцами и Чжан Цзун-чана с чжилийским дубанем Чу Ю-пу. Гвоздем разногласий были управление Пекин-Ханькоуской железной дорогой и Чжилийская провинция. 4 декабря 1926 г. Чжан Цзунчан, находясь в Пекине, прибрал к рукам управление этой доходной железной дорогой.

Чжан Цзо-линь и У Пэй-фу никогда не ладили между собой. Несмотря на это, ввиду восстания Цзинь Юнь-э и других хэнаньских генералов на конференции северных милитаристов в Пекине в конце января было принято решение поддержать У Пэй-фу. С этой целью пять мукденских дивизий двинулись в Хэнань, а главные их силы — к переправам через р. Хуанхэ для последующего их сосредоточения в районе Чжэнчжоу — Кайфын. Многие генералы-упэйфунсты выражали недовольство союзом У Пэй-фу с Чжан Цзо-линем и готовы были отделиться

от него. Чжан Цзун-чан, оскорбленный несговорчивостью Сунь Чуань-фана, сперва отказался его поддерживать. Однако после конференции, делая вид, что он готовится наступать на Хэнань для поддержки У Пэй-фу в его борьбе с НРА, он придвинул к аньхуэй-хэнаньской границе 7-й и 11-й корпуса. Главные силы шаньдунской армии Чжан Цзун-чан сосредоточил в районе Банбу — Сюйчжоу для захвата Нанкина и Шанхая.

Сунь Чуань-фан считался главой пяти провинций (Аньхуэй, Цзянси, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь), но реальной власти над ними он не имел. После поражения осенью 1926 г. в провинции Цзянси исчезла даже эта видимость. Когда шаньдунские войска вступили в пределы Аньхуэй, тамошние генералы решили по-своему взаимоотношения с северными милитаристами и Национально-революционной армией. Из их войск были сформированы 33-й корпус НРА под командованием уже известного нам по событиям в Хэнани генерала Бо Ли-вэя, из войск других аньхуэйских генералов — 3-й временный корпус под командой генерала Лю Бао-ци (7500 бойцов, 20 орудий и 20 пулеметов).

Командование передовыми частями созданной лоскутной коалиции милитаристов взял на себя генерал У Пэй-фу. По его замыслу, главный удар намечался вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги на Ухань. Мукденские войска оставались в резерве, их задачей было отражать угрозы со стороны северо-западной армии Фэн Юй-сяна.

Чжили-шаньдунская армия, главные силы которой были сосредоточены в районе Сюйчжоу — Банбу, по этому плану должна была поддержать наступление У Пэй-фу ударом вдоль Лунхайской железной дороги на Кайфын. Как только главные силы У Пэй-фу достигнут Синьяна, чжили-шаньдунская группировка должна была перейти в наступление совместно с аньхуэйскими войсками на Цзюцзян. Армия Сунь Чуань-фана в это же время развила бы наступление в Чжэцзяне. При этом на фуцзяньского генерала Чжоу Ин-жэня была возложена задача воспрепятствовать наступлению группы НРА на север. Кроме того, согласно плану часть аньхуэйских войск, остатки гуандунских и других недобитых войск мелких милитаристов развивали наступление на Хукоу, взаимодействуя с флотом на Янцзы. Тем самым обеспечивалась взаимосвязь Чжэцзянской операции с наступлением главных сил У Пэй-фу на Хубэй и Цзянси. Однако план У Пэй-фу, «гладко писанный на бумаге», не соответствовал моральному состоянию войск реакционной коалиции и соотношению войск милитаристов и Национального правительства. Главная задача в борьбе с НРА возлагалась на войска У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана, которые недавно понесли жестокое поражение от Народно-революционной армии.

Новые союзники У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана — войска Чжан Цзо-линя и Чжан Цзун-чана взялись им помогать, есте-

ственно, не для того, чтобы вернуть утраченные ими провинции Хубэй и Цзянси, а чтобы самим утвердиться в этих богатых провинциях.

Расположение Национально-революционной армии в начале 1927 г.

Национально-революционная армия сильно выросла за счет влившихся в нее соединений из армий милитаристов У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана. Однако ее боевые качества значительно понизились. С одной стороны, это объяснялось понесенными потерями в Северном походе, когда погибли ее лучшие бойцы — коммунисты и левые гоминьдановцы; с другой стороны, влившиеся в ее ряды войска милитаристов принесли с собой все их отрицательные качества: политическую индифферентность, недисциплинированность, стремление к наживе и т. д.

Падение боеспособности НРА выразилось прежде всего в нарушении воинской дисциплины: бунт в 3-м корпусе в Наньчане и расхищение денег казначейства, самовольный уход со своих постов командира 11-го корпуса Чэнь Мин-шу и других генералов, переход на сторону противника частей и соединений. В конечном счете упадок политико-морального состояния и дисциплины в армии привел к расколу. К 1 января 1927 г. НРА сгруппировалась по трем основным направлениям: восточное, центральное и западное (схема 7).

Главнокомандующим восточного направления был командир 1-го корпуса генерал Хэ Ин-цинь. Советником у него был А. И. Черепанов, знающий и опытный командир, с 1924 г. работавший в Китае с этим генералом. Александр Иванович знал китайский язык и обходился без переводчика. Восточное направление включало два фронта: чжэцзянский и фуцзяньский. Чжэцзянским фронтом командовал генерал Бай Чун-си, советником был В. Н. Панюков. Чжэцзянский фронт составляли три оперативные группы из трех дивизий 1-го корпуса (1, 2 и 21-я), 19-го и 26-го корпусов, которые располагались в районе Яньчжоу — Ланьси.

Фуцзяньским фронтом командовал сам главком Хэ Ин-цинь. В его подчинении находились остальные три дивизии 1-го корпуса (13, 14 и 20-я), 14-й и 17-й корпуса, располагавшиеся в районах Фучжоу, Наньпина, Шаоу. На восточном направлении войска насчитывали всего 40—45 тыс. человек.

Войсками центрального направления командовал главком всех вооруженных сил НРА генерал Чан Кай-ши. Главный военный советник — В. К. Блюхер. Здесь было два фронта — правобережный (нанкинский) и левобережный (аньцинский). Правобережный фронт возглавлял командир 6-го корпуса генерал Чэн Цянь, советник — А. Н. Черников. Три оперативные группы

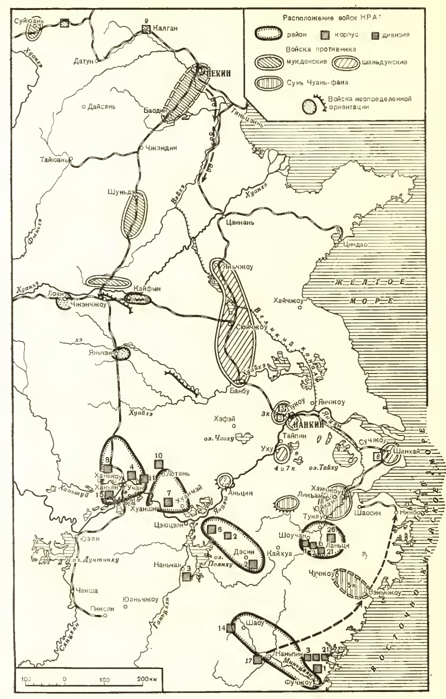

Схема 7. Положение НРА и войск противника к началу 1927 г.

этого фронта (2, 6 и 40-й корпуса) занимали район Гуансинь — Дэсин — Цзюцзян. Левобережным фронтом, тоже состоявшим из трех оперативных групп (7, 10 и 15-й корпуса), командовал генерал Ли Цзун-жэнь, советником был М. Ф. Куманин. Места расположения этого фронта — Хуанмэй, Лотянь, Ханькоу. Всего на центральном направлении было сосредоточено 50—55 тыс. человек.

На западном направлении войска (60—65 тыс.) находились под командой генерала Тан Шэн-чжи, советник — Ф. И. Ольшевский (Войнич). Это направление впоследствии развернулось в два фронта — северный, осью которого была Пекин-Ханькоуская железная дорога, и северо-западный. На северном фронте размещались 8, 35 и 36-й корпуса. Северо-западный фронт образовался только в апреле (4, 9, 11-й корпуса). Командование этим фронтом было поручено молодому, энергичному и инициативному командиру 4-го корпуса генералу Чжан Фа-кую, советником был В. Е. Горев. Основные силы западного направления сконцентрировались в Ухане. Передовые части заняли проход через хребет Мулин, пролегавший вдоль южной границы Хэнань — Хубэй в районе Ушэнгуань. Главный резерв главкома составлял 3-й корпус, размещавшийся в районе Наньчан — Цзюцзян.

В 1927 г. перед Национально-революционной армией стояла задача завершить освобождение Китая от власти милитаристов и империалистов. План военных действий основывался на военно-стратегическом положении армии к началу 1927 г. Войска западного и центрального направлений вышли к р. Янцзы, а войска восточного направления, вследствие структуры нижнего течения этой реки, располагались далеко от ее устья. Неналаженность снабжения, особенно боеприпасами, и финансовые трудности тормозили развитие предполагаемой операции. Поэтому решено было начать активные боевые действия на восточном направлении при поддержке войск центрального направления, чтобы обеспечить выход войск к нижнему течению р. Янцзы и занять Шанхай и Нанкин. Эту задачу намечалось осуществить следующим образом.

Войскам чжэцзянского фронта (группа Бай Чун-си) предстояло наступать вдоль правого берега р. Цяньтан на противника, располагавшегося в районе Ханчжоу — Юйхан.

На фуцзяньском фронте группа Хэ Ин-циня должна была разгромить фуцзяньскую группу противника под командованием Чжоу Инь-жэня, действующую в районе Чучжоу и Вэньчжоу. Затем войска Хэ Ин-циня должны были начать наступление вдоль южного берега р. Цяньтан на Ханчжоу.

Перед войсками центрального направления стояла задача поддержать наступление войск на восточном направлении. Правобережная группа Чэн Цяня двигалась, базируясь на Хукоу и Цзюцзян, вдоль правого берега Янцзы в южную часть провин-

ции Аньхуэй, а войска Ли Цзун-жэня — вдоль левого берега Янцзы на Аньцин, взаимодействуя с аньхуэйскими войсками, перешедшими на сторону НРА.

Цель их наступления заключалась в том, чтобы не допустить переправу войск противника через Янцзы. Войска западного направления имели обсервационную задачу, т. е. должны были наблюдать за военной обстановкой в Хэнани и северной части Аньхуэй и помогать хэнаньским войскам удерживать противника, а также не упускать из виду остатки войск противника, осевших на западе Хубэя. Резервный 3-й корпус в Наньчане был приведен в готовность к выступлению в восточном, северном и западном направлениях.

Бои в Чжэцзяне

Сунь Чуань-фан стремился прежде всего использовать разобщенность войск НРА восточного направления (северная ее группа отстояла от южной более чем на 500 км). Ему необходимо было выручить группу Чжоу Инь-жэня, оказавшуюся между теми же группировками НРА, в районе Чучжоу — Вэньчжоу.

Армия Сунь Чуань-фана скрытно развернулась на фронте Хэнчжоу — Лиян — Тунлу и 4 января перешла в наступление в направлении Яньчжоу — Ланьси. Однако Сунь Чуань-фан упустил выгодный момент. Из имевшихся в его распоряжении 13 пехотных дивизий и 6 смешанных бригад в наступление главных сил втянулось только 8 пехотных дивизий.

Это наступление частично поддержала 15-я пехотная дивизия из районов Тунлу и Суйань. 12-я пехотная дивизия противника, располагавшаяся на фланге войск НРА, находившихся в районе Яньчжоу — Ланьси, отошла на север, к Нинбо.

Передовые части НРА под давлением превосходящих сил противника по приказу главкома оставили Яньчжоу и Ланьси и в ожидании противника заняли следующие позиции: 1-я пехотная дивизия — к югу от Ланьси, 26-й корпус — Цзиньхуа, 2-я пехотная дивизия — Ланьси, 21-я пехотная дивизия — Чучжоу. Войска Сунь Чуань-фана завязали бои с НРА, в результате которых они были разбиты и отошли на Ханчжоу. Сунь Чуань-фан потерял в районе Тунлу — Ханчжоу 10—14 тыс. человек. Около Нинбо было взято в плен 8 тыс. солдат армии генерала Чжоу Ин-жэня.

Изолированное выступление Сунь Чуань-фана в Чжэцзяне заранее было обречено на провал, хотя и не исключался некоторый тактический успех. Общая военно-политическая обстановка, моральное состояние войск милитаристов были неудовлетворительными, широкие круги местного населения враждебно относились к ним и их покровителям.

После этой операции образовались за счет суньчуаньфановских войск новые корпуса НРА: 19-й — из 1-й дивизии Чэнь И,

3-й (временный) — из войск Лю Бао-тина, 33-й — из войск Бо Ли-вэя и др. Армия Сунь Чуань-фана, потерпев поражение в районе Яньчжоу — Ланьси, отошла на север провинции Чжэцзян.

Разложение чжилийской группировки, в частности уход Цзинь Юнь-э, побудило Чжан Цзо-линя и Чжан Цзун-чана поторопиться с оказанием помощи У Пэй-фу. В конце января усилилась переброска мукденских войск в Хэнань и ускорилось их сосредоточение в районе Чжэнчжоу — Кайфын. Шаньдунцы, в свою очередь, стали концентрировать крупные силы на хэнань-аньхуэйской границе в районе Пукоу и в южной части провинции Аньхуэй.

Главком чжэцзянского фронта НРА Бай Чун-си, получив сведения о переброске в район Шанхай — Нанкин шаньдунских войск и продолжающемся разложении суньчуаньфановских войск, решил перейти в общее наступление на шанхайском направлении, не дожидаясь подхода фуцзяньских войск Хэ Инциня. 27 января главные его силы (1, 2 и 21-я дивизии) перешли в наступление через Шоучан на Яньчжоу; на левом фланге 6-я дивизия 2-го корпуса — из Кайхуа на Суйань; 26-й корпус — вдоль правого берега р. Цяньтан на Цзиньхуа; отряд Ли двигался по левому берегу реки, волоча за собой лодки для переправы.

29 января произошел бой войск Бай Чун-си с основными силами Сунь Чуань-фана (8, 11, 12 и 14-я пехотные дивизии), оборонявшими рубеж Ланьси — Шоучан. Бой длился 16 часов с переменным успехом. Ночью оба противника одновременно решили, что они разбиты, и разошлись в разные стороны. Безрезультатность боя объяснялась плохим руководством войсками НРА и растерянностью самого Бай Чун-си. Во время боя он дезориентировал солдат частыми отменами своих распоряжений, принимал на веру преувеличенные сведения о противнике или слухи о его отходе и т. п. В конечном счете группа Бай Чун-си отступила на 25 км на юг. Противник тоже отошел на север, к Яньчжоу.

31 января войска Бай Чун-си привели себя в порядок и вновь перешли в наступление, но противника они уже не настигли. Только 2 февраля 26-й корпус занял Цзиньхуа, а 1-я дивизия — Ланьси, т. е. вышли на исходные позиции в начале операции. Дальнейшее наступление Бай Чун-си было приостановлено главкомом Чан Кай-ши для полного сосредоточения всех сил восточного направления.

Чжэцзянская операция показала, что НРА имела полную возможность в начале февраля овладеть Шанхаем и даже Нанкином.

Фуцзяньская группа восточного фронта под командованием самого Хэ Ин-циня надолго задержалась в провинции Фуцзянь в районах Фучжоу и Цзяньнина и не спеша продвигалась впе-

ред. Из-за этой медлительности войска Бай Чун-си оставались изолированными. Это тормозило также выход войск восточного направления к нижнему течению Янцзы и лишало их возможности быстро разгромить войска Сунь Чуань-фана до прибытия чжили-шаньдунских войск.

Только 10 февраля 17-й корпус прибыл в Вэньчжоу, где уже располагался 19-й (бывшая дивизия Чэнь И), а 14-й корпус достиг Пучэна, т. е. приблизился только на 250 км к линии фронта войск Бай Чун-си.

Чжэцзянская операция не привела НРА к решительному успеху на восточном направлении. Выделенные для ее осуществления средства оказались недостаточными. Верховное командование и правительство, озабоченные решением своих внутриполитических вопросов, упустили реальную возможность для разгрома оказавшейся в изоляции армии Сунь Чуань-фана. Силы восточного направления были разрозненными. Фактически Чжэцзянская операция велась самостоятельно группой Бай Чун-си, представлявшей всего лишь менее 20% сил восточно-центрального направления. Кроме того, остались неиспользованными внутренние положительные факторы: революционное настроение шанхайского пролетариата и поддержка НРА широкими массами населения. Все это привело к тому, что для прорыва НРА к нижнему течению Янцзы оставались только два направления: восточное и центральное. В Нанкине и Шанхае появились шаньдунские войска. Осуществление этой задачи получило наименование Нанкинской операции.

Нанкинская операция

Расстановка военных сил в начале марта 1927 г., непосредственно перед Нанкинской операцией, в общих чертах была следующей.

Армия противника — шаньдунские войска Чжан Цзун-чана — широким потоком переправлялась через Янцзы, усиливая и заменяя войска Сунь Чуань-фана на оборонительных позициях в районах Нанкина и Шанхая. Главные их силы сосредоточились в районе Нанкин — Пукоу. Другая крупная группировка сконцентрировалась в районах Сюйчжоу, Гуйдэ, Сучжоу (преимущественно новые формирования). Войска Сунь Чуань-фана были деморализованы и неблагонадежны, и их отвели на левый берег Янцзы в район Янчжоу — Тайчжоу.

Главные силы мукденских войск 28 февраля переправились через Хуанхэ в районе Кайфына и к северо-востоку от него под прикрытием шаньдунских войск и двигались в направлении Чжэнчжоу. У моста через Хуанхэ завязался артиллерийский бой с хэнаньскими войсками.

Войска, именовавшие себя «Армией обороны Хэнани», заняли оборонительную позицию против мукденских и шаньдунских

войск вдоль северной и восточной границы провинции Хэнань у Цзисянгуаня (45 ли к югу от Кайфына); у Чжунмоу и Бошаня — части 9, 15, 24 и 27-й пехотных дивизий. В районе Чжэнчжоу размещались 16-я и 23-я пехотные дивизии. К северному участку фронта обороны хэнаньских войск подтягивались войска Цзинь Юнь-э и Вэй И-саня.

Хэнань-аньхуэйскую границу защищали войска Ван Вэй-вэя, сосредоточившиеся на р. Шахэ. Общий резерв составляли войска Ян Шэ-жэня в районе Янчэна и 12-й корпус Жэнь Ин-цая в районе Синцай — Гуши. На западе войска Чжан Цзе-гуана и Лю Чжэнь-хуа, находившиеся в районе Лояна, вели переговоры о переходе на сторону северо-западной армии Фэна.

Таким образом, войска провинции Хэнань своим расположением прикрывали концентрацию войск западного направления НРА на юге провинции Хэнань. Но точная группировка и численный состав хэнаньских войск не поддавались учету. По опыту прошлых военных операций трудно было сказать, какие хэнаньские части останутся на стороне НРА, какие перекинутся в стан противника.

Войска НРА в начале марта 1927 г. заняли позиции по нижнему течению Янцзы (схема 8).

На шанхайском направлении располагалась группа Бай Чун-си, состоявшая из 1, 2 и 21-й пехотных дивизий 1-го корпуса, 26-го корпуса, отряда Ли Мин-яня (всего 15—20 тыс. человек, 94 пулемета, 500 орудий и 13 минометов). Главные силы сосредоточились в районе Цзясина. Резервом этой группы войск являлся 19-й корпус. Эти войска вошли в соприкосновение с противником в районах Цзиньнань, Пинху, Цзяшань. Главный удар, нацеленный на Сучжоу, был рассчитан на то, чтобы перерезать Шанхай-Нанкинскую железную дорогу. Этим силам противостояли 8-й шаньдунский корпус Би Шу-чэна (10—15 тыс.), 9-я дивизия Сунь Чуань-фана и другие части, общей численностью, как и у Бай Чун-си, 15—20 тыс. человек. Но имелись данные, что речная флотилия Сунь Чуань-фана и его 9-я дивизия вели переговоры о переходе на сторону НРА.

7 марта войска восточного направления под непосредственным командованием Хэ Ин-циня в полном составе, а также временно приданный им 2-й корпус (всего 27 тыс. человек), имея на вооружении 92 пулемета, 31 орудие и 23 миномета, вышли в район Хучжоу, Цзяньпина и Гуандэ. Перед ними стояла задача прорвать фронт противника на рубеже Юэян — Лиян и, взаимодействуя с войсками правобережной группы, разгромить нанкинскую группировку противника, овладеть районом Нанкина и выйти к Янцзы в районе Чжэньцзян — Нанкин.

Правобережная группа, включавшая 6-й и 40-й корпуса под командованием Чэн Цяня (15 тыс. человек, 53 пулемета, 33 орудия и 4 миномета), должна была после сосредоточения своих сил в районе Дунляншаня, Чжуншаня, Мацзянчжэня 12 марта

перейти в наступление на Тайпин. Взаимодействие с войсками Хэ Ин-циня служило гарантией для успешного развития боевых операций.

Противник на нанкинском направлении располагал 1, 4, 6 и 7-м шаньдунскими корпусами и Нечаевской пехотной дивизией, 6, 9 и 10-й пехотными дивизиями и несколькими смешанными бригадами, остатками войск Сунь Чуань-фана, общей численностью 50—60 тыс. Кроме того, намечалась переброска 6-го и 10-го корпусов шаньдунцев (около 30 тыс.), что с другими войсками составило бы около 100 тыс.

Таким образом, НРА в Нанкинской операции не имела превосходства ни в людских резервах, ни в военно-техническом отношении. Правда, войска нанкинского направления рассчитывали на некоторую помощь левобережной группы, в которую входили северные части аньхуэйских войск Чэнь Тяо-юаня и группа Ли Цзун-жэня. Северная группа насчитывала 19—20 тыс. человек, 7 пулеметов, 34 орудия. Однако реальная их сила была меньше, так как частично они были разоружены в окрестностях Банбу шаньдунцами. Этой группе было дано задание наступать на Банбу и содействовать продвижению правобережных войск к Нанкину.

В первой половине марта в штабе Блюхера шла напряженная работа. Василий Константинович ходил с озабоченным видом. С утра до поздней ночи к нему шли китайские генералы — руководители оперативных группировок и фронтов. В беседах с ними он выяснял их настроения, взаимное тяготение или вражду, кто на что претендует и т. д.

10 марта Блюхер собрал командиров штаба и задал им вопрос: переходить в наступление теперь же или дождаться более благоприятного момента? Командиры штаба, исходя из неблагоприятного соотношения сил для НРА (особенно их пугала Нечаевская дивизия, наводившая ужас на солдат), высказались за оборону. Я не соглашался с другими командирами штаба и предлагал немедленное наступление. На мой взгляд, некоторое численное превосходство противника компенсировалось несомненно более высоким моральным уровнем НРА, лучшей ее тактической выучкой и помощью наших советников. Кроме того, при наступлении НРА вполне могла рассчитывать на активную поддержку широких слоев населения на оккупированной шаньдунцами территории Цзянсу, особенно на помощь шанхайского пролетариата. Если бы мы заняли оборонительные позиции, то это привело бы к тому, что неустойчивые суньчуаньфановские соединения, перешедшие на сторону НРА, начали колебаться и ушли бы к противнику.

Я считал, что сейчас нельзя медлить с наступлением. Мы и так уже упустили благоприятный момент, когда армия Сунь Чуань-фана находилась в отрыве от своих союзников и была деморализована после поражения под Тунлу. Дальнейшее про-

медление могло привести к ухудшению в соотношении сил: предполагалась переброска в район Нанкина 6-го и 10-го корпусов шаньдунской армии. Сунь Чуань-фан тоже мог бросить на южный берег Янцзы свои войска (20 тыс.), пока еще приводившиеся в порядок в районах Янчжоу и Тайчжоу. Что касается грозной 65-й Нечаевской дивизии, то слухи о ее силе намного преувеличены. Из имеющихся данных видно, что на $^{3}/_{4}$ она состояла из обыкновенных солдат-шаньдунцев, остальные — белоэмигранты — люди без роду и племени. При встрече с серьезным, стойким противником они не выдержали бы испытаний.

Мое предложение, видимо, совпало с мнением Блюхера: хмурое лицо его просветлело, он широко улыбнулся, закивал головой. Совещание укрепило его в правильности решения наступать на Нанкин — Шанхай широким фронтом. С предложением главного военного советника согласился и Чан Кай-ши. Его штаб разработал детальный план, предусматривавший взаимодействие боевых групп и мероприятия по материальному обеспечению операции. Советники в войсках добивались точного и четкого осуществления принятого решения.

Внутриполитические трения, особенно в высших кругах генералитета, не утихали ни на минуту, хотя военные операции были в разгаре. Мы, командиры штаба, в сущности, мало были осведомлены о них. Для меня было совершенной неожиданностью, когда Блюхер объявил о своей поездке в Ханькоу и распорядился остаться его заместителем. 14 марта утром он отбыл в Ханькоу. Его приезд на вокзал китайцы сопровождали почестями: его несли в паланкине, играл оркестр. Я шагал рядом, пытаясь понять суть случившегося и как нам вести себя в отсутствие главного советника. Но Блюхер отмалчивался. Мне казалось, что ему не по нраву эта поездка, что он считает ее несвоевременной.

Поздно ночью 15 марта в помещении нашего штаба к задержавшемуся дежурному Струмбису подошел Чан Кай-ши. По его жестам тот понял, что нашему штабу предстоит переезд. Куда? В Цзюцзян. На следующее утро заместитель главкома уточнил, что пока нам надлежит до особого распоряжения оставаться на месте. 18 марта ночью пришла телеграмма, вызывавшая меня и Струмбиса в Цзюцзян. Дробить наш небольшой штаб на два не было никакого смысла, и мы решили к главкому ехать со Струмбисом, переводчиком Казаниным и шифровальщиком Зотовым. Остальных командиров штаба и технический персонал направили под руководством начальника отдела боевой подготовки Е. В. Тесленко в Ханькоу.

В Цзюцзян прибыли 20 марта на рассвете, главкома мы не застали, он уехал в Аньцин. И здесь с нами произошел небольшой инцидент. Моя поездка в Аньцин вслед за главкомом задерживалась из-за опоздания парохода. Пока же я отправлял из Цзюцзяна в Ханькоу Д. Я. Даровскую со срочными докумен-

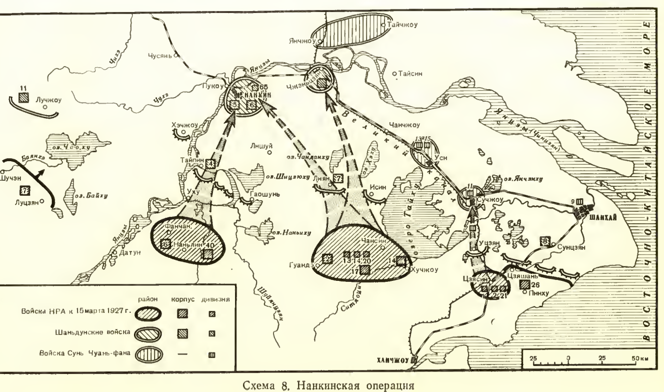

Схема 8. Нанкинская операция

тами и картами. С трудом удалось добыть ей место на японском пароходе и насколько возможно обезопасить секретный материал, который она везла. Неожиданно на пароход прибежал запыхавшийся наш бодигар Сережа, который взволнованно повторял «лайла, лайла» и для большей убедительности рукой изображал движение парохода, плывущего по волнам. Протяжный гудок привел меня в чувство, и я осознал весь трагизм своего положения. Я вихрем влетел по трапу на палубу. Пароход медленно удалялся, от кормы до пристани было уже метров шесть. На какое-то мгновение в голове пронеслось: «Ханькоу исключено, надо прыгать». Короткий разбег — и тело напряглось в прыжке.

До верха пристани я, конечно, не достал, но мне посчастливилось ухватиться за верхний брус. Подтянуться на руках и взобраться наверх было секундным делом. Следом за мной самоотверженно прыгнул Сережа и быстро вскарабкался на пристань, слегка зачерпнув ногами воду.

Поездка Дины Яковлевны в Ханькоу тоже не обошлась без приключений. Ей не удалось благополучно сойти с парохода, японская полиция обшарила ее вещи. Хозяйку и багаж не тронули (другие времена — другие песни), но взяли на заметку как большевистского агента.

Мы догнали главкома в Аньцине, столице провинции Аньхуэй. Здесь нас пригласили на банкет, устроенный провинциальным правительством в честь Чан Кай-ши как главнокомандующего НРА и члена Национального правительства Китая. Банкет проходил в узком кругу гостей. Представители провинциальных властей клеймили шаньдунских поработителей и заверяли в своей преданности идеям гоминьдана, выражая готовность следовать порядку, устанавливаемому Уханьским правительством в Китае. Между тем не далее как месяца полтора назад те же члены аньхуэйского правительства в том же самом помещении проводили банкет в честь командира 7-го шаньдунского корпуса и выражали надежду, что доблестная армия Чжан Цзун-чана оградит их от красной опасности. Пожалуй, тогда их выступления были искреннее. Надо сказать, банкетный стол не ломился от бесчисленных блюд, но он отличался изысканностью и дорогими китайскими деликатесами (акульи плавники, ласточкины гнезда, устрицы и тому подобные редкостные блюда).

Чан Кай-ши часто осведомлялся, когда же приедет Галин, и просил поторопить его.

В это время на фронте в районе Нанкина 23—24 марта шли ожесточенные бои, которые окончились поражением армии милитаристов. Несколько десятков тысяч солдат было взято в плен. Противник частично бежал из Янцзы и на Чжэньцзян. Чан Кай-ши тотчас же уехал в Нанкин, чтобы провозгласить себя победителем и поднять свой авторитет.

Так, наконец, успешно завершилась Нанкинская операция. Не буду подробно останавливаться на конечных результатах этих боев, подсчете трофеев и потерь и тактических методах, использованных при достижении победы над милитаристскими войсками.

25 марта в беседе с начальником штаба главнокомандующего генералом Чжаном я изложил свои соображения о перспективе дальнейших военных действий. Необходимо было использовать сумятицу в рядах противника после поражения и организовать преследование его на широком фронте. Для этого менее пострадавшим частям Бай Чун-си, Хэ Ин-циня и Чэн Цяня следовало переправиться на левый берег Янцзы и гнать разбитого противника на север до Банбу. Это создало бы прикрытие для Нанкина и Шанхая и нормальные условия для движения пароходов по нижнему течению р. Янцзы, чтобы не повторилась история, случившаяся с пароходом «Память Ленина», который, как известно, 28 февраля на пути из Шанхая в Ухань был задержан шаньдунскими войсками у Нанкина.

Ехавшие на этом пароходе жена М. М. Бородина и дипкурьеры были арестованы и под конвоем препровождены в Пекин, а команду парохода держали восемь месяцев в тюрьме. При приближении войск НРА к Нанкину шаньдунские головорезы затопили пароход. По этому маршруту намного скорее, чем через Гуанчжоу, можно было доставлять в Ухань военное снаряжение. Одновременно с преследованием противника передовыми частями НРА надлежало привести в порядок остальные войска восточного и центрального направлений. Надо было восполнить потери, провести ускоренную подготовку новобранцев, наладить снабжение, особенно боеприпасами.

Подготовив главные силы к началу мая, НРА могла бы перейти в наступление на трех направлениях, чтобы выйти к Лунхайской железной дороге. На западном направлении главный удар был бы нанесен по району Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

Март 1927 г. был наполнен событиями, которые подготовили крутой поворот в развитии китайской революции. Я имею в виду мартовский пленум ЦИК гоминьдана и разгром союзной армии шаньдунцев и Сунь Чуань-фана в Нанкин-Шанхайском сражении. Пленум ЦИК гоминьдана, открывшийся 10 марта, на котором преобладали левые гоминьдановцы, был направлен главным образом против попыток Чан Кай-ши захватить политическую власть в стране, т. е. установить диктатуру. Пленум утвердил основным принципом управления страной коллективное руководство. Решением пленума были упразднены должности председателя ЦИК и председателя Военного совета. Вместо них создавались Президиум ЦИК и Президиум Военного совета.

В резолюции подтверждался союз гоминьдана с Коммуни-

стической партией Китая. Впервые были избраны коммунисты на министерские посты: Су Чжао-чжэн — министром труда и Тань Пин-шань — министром земледелия. Далее в резолюции подчеркивалось стремление гоминьдана поддерживать революционное движение рабочих, крестьян и ремесленников за улучшение экономических условий.

Решения пленума напугали гоминьдановское болото. На словах Чан Кай-ши признал решения пленума и обязался им подчиняться, на деле же он не подчинился и стал сколачивать антипартийный и антиправительственный блок военщины и буржуазных элементов, которые боялись революционного движения.

Раскольническая деятельность Чан Кай-ши особенно усилилась на заключительном этапе Нанкинской операции. 15 марта ночью он неожиданно уехал в Цзюцзян (по-видимому, чтобы не присутствовать на пленуме гоминьдана), а оттуда также внезапно — в Аньцин. Этот город был неудобным местом для командного пункта главкома: находился на фланге фронта главных сил НРА и к тому же отделен от них рекой. Значение этого пункта скорее было политическое — столица провинции Аньхуэй, только что занятая войсками НРА. В Аньцине Чан Кай-ши проводил время на банкетах, на приемах различных делегаций, в отдалении от правительства, своих войск и штаба в Наньчане.

23 марта, получив известие о том, что Нанкин взят войсками НРА, Чан Кай-ши сразу же устремился туда. Эта частая перемена мест главкомом в самый разгар военных действий заведомо означала намерение Чан Кай-ши прервать всякие связи с правительством и войсками. Поездка Чан Кай-ши была предпринята не для решения военных вопросов, а для других целей, не имевших прямого отношения к его деятельности как военачальника.

В Нанкине

27 марта вечером наша группа прибыла на военном корабле в Нанкин и временно разместилась в предместье Сягуань. Кроме меня (исполнявшего обязанности заместителя Блюхера) приехали начальник разведки Струмбис, переводчик-китаевед М. И. Казанин, шифровальщик Зотов и советник по связи Корнеев (Кук). Позднее к нам присоединились жена Струмбиса и Д. Я. Даровская.

Несколько слов о Нанкине, одном из крупнейших городов Китая, административном центре провинции Цзянсу. Основная часть города (Цзяннань) расположена на правом берегу Янцзы, центральная часть, обнесенная стенами, отстояла на десять километров от реки. Другая часть города (Цзянбэй) расположена на левом берегу и, в свою очередь, состояла из городов Пукоу

и Пучжэнь. Два острова на р. Янцзы образовали район Цзянсинь.

Нанкин — крупный речной порт, доступный морским судам, хотя и удален от Восточно-Китайского моря на 240 км, железнодорожными линиями связан с Тяньцзинем и Шанхаем. Выгодное положение Нанкина делает его важным торговым центром страны. В городе развивалась главным образом легкая промышленность (текстильная и пищевая). Нанкин — один из древнейших городов Китая. Он основан в эпоху Чжоу и с III в. н. э. был столицей ряда феодальных царств, а в 1368 г. — династии Мин. В нем сохранились места погребений древних царей, каменные изваяния воинов и фантастических животных.

Нанкин был известен и как культурный центр Китая, в нем имелось примерно восемь высших учебных заведений. После поражения Китая в «опиумной» войне 1842 г. был подписан Нанкинский неравноправный договор на борту английского крейсера «Корнвалис», по которому для англичан был открыт ряд портов Китая с правом посылать туда консулов и был передан Англии остров Гонконг (Сянган). Англия получила также концессии и сеттльменты для поселения иностранцев, которые к тому же пользовались правами экстерриториальности. Вскоре после заключения этого договора США и Франция последовали примеру Англии и навязали Китаю неравноправные договоры на тех же условиях.

Нанкин с 1853 по 1864 г. был столицей тайпинского государства. В революцию 1911 г. и в последующие годы он не раз был одним из центров революционных выступлений китайского народа.

Чан Кай-ши несомненно учел историческое прошлое Нанкина, когда выбрал этот город центром своей заговорщической деятельности против Уханьского правительства. Впоследствии он стал столицей чанкайшистского правительства. Прибыв в Нанкин, Чан Кай-ши развил кипучую деятельность: то совещания с генералитетом и представителями провинциальных властей, то поездка в Шанхай, то переговоры с местными финансовыми тузами и местными властями, чтобы выжать побольше средств на содержание непомерно раздутой армии.

В Наньчане Чан Кай-ши заверял в своих публичных выступлениях об отречении от диктаторских прерогатив и передаче финансовых и снабженческих дел в руки правительства и Военного совета.

На самом деле он и не думал отказываться от диктаторства. В Нанкине и во время поездки в Шанхай он положил много сил на то, чтобы укрепить свое могущество.

Главными его помощниками были Бай Чун-си и Ли Цзишэнь. Они сообщили Ван Цзин-вэю, что отказываются ехать в Ханькоу, а Чан Кай-ши в выступлении 5 апреля объявил членов правительства и ЦИК гоминьдана самозванцами. 7 апреля

он разогнал представителей Главного политического управления НРА, заявив, что не признает самостоятельности политотдела.

Выступления идеологов контрреволюционной группировки были подготовлены им и сопровождались целым рядом практических шагов. Прежде всего Чан Кай-ши стремился упрочить свое военное положение в Нанкине. Он увеличил численность своих вооруженных сил и улучшил их стратегические позиции. С этой целью он удалил на левый берег Янцзы, в район Пукоу, неугодные ему 2-й и 6-й корпуса, поддерживавшие Уханьское правительство, а дивизии 1-го корпуса (1, 2, 3, 14, 21 и 22-ю) перебросил на их место.

Командир 2-го корпуса генерал Лу Ди-пин 5 апреля вечером, получив четвертую телеграмму от главкома о переброске в Пукоу и не надеясь больше на поддержку командира 6-го корпуса Чэн Цяня, согласился выполнить этот приказ. Советник И. Я. Зенек рекомендовал ему подождать директив номинального командира корпуса и председателя Уханьского правительства генерала Тань Янь-кая, но, не имея на то указаний Блюхера, не настаивал. В это время неожиданно ко мне пришел командир 6-го корпуса Чэн Цянь и просил совета, как быть с приказом главкома о переправе 6-го корпуса. Я спросил его, есть ли у него какие-либо указания правительства на этот счет. Чэн Цянь ответил отрицательно. Тогда я сказал, что главком полномочен отдавать военные приказы, а мы, как солдаты, обязаны их исполнять, другого мнения быть не может.

Еще раньше, до встречи с Чэн Цянем, я беседовал с Чан Кай-ши по этому поводу. Я советовал главкому задержать дивизии 6-го корпуса в Нанкине, поскольку они понесли большие потери в недавнем сражении и нужно время, чтобы восстановить силы и восполнить недостаток в военном снаряжении, особенно в боеприпасах. Чан Кай-ши резко отклонил мое предложение, заявив, что в других войсках потерь не меньше, чем в 6-м корпусе. Примерно в это же время состоялась встреча представителя ЦК Коммунистической партии Китая, побывавшего проездом в Нанкине, с нашими советниками, на котором он возражал против недоверия Чан Кай-ши. Одновременно он предупреждал быть готовыми к любой неожиданности. В борьбе за власть между Уханьским правительством и Чан Кай-ши было очень важно, на чьей стороне окажутся 2-й и 6-й корпуса.

Возможно, если бы тогда в Нанкине присутствовал В. К. Блюхер, то благодаря его авторитету у Чан Кай-ши и некоторых китайских генералов раскол в правительстве и НРА затормозился и было бы найдено какое-то компромиссное решение. В общем, Уханьское правительство потеряло инициативу. Никто из членов правительства не прибыл в Нанкин немедленно после его захвата, чтобы взять в свои руки управление завоеванными провинциями и не допустить, чтобы Чан Кай-ши превысил свои функции высшего военного руководства. Никто

не отдал распоряжения командиру 6-го корпуса Чэн Цяню защитить власть правительства в Нанкине. Пассивность Уханьского правительства облегчила Чан Кай-ши привлечение на свою сторону высшего командного состава и в конце концов захват политической власти.

В Нанкине я встретил командира 17-й дивизии (6-й корпус) генерала Ян Чу-гуана, с которым работал в Хэнаньской военной школе в 1925 г. В беседе с ним мы коснулись вопросов внутренней политики. Генерал Ян Чу-гуан как бы между прочим сказал: «Я иду туда, куда ведет нас командир корпуса генерал Чэн Цянь. Его политику я разделяю и за ним следую». Неделю спустя я узнал, что Чан Кай-ши, возвратясь из Шанхая, где ему удалось получить заем в 15 млн. долл., щедро одарил своих генералов. В числе награжденных называли и Ян Чу-гуана, которому дали 15 тыс. долл. и легковую машину.

Вскоре (23 апреля) я снова увиделся с Ян Чу-гуаном. Из разговора выяснилось, что теперь этот генерал перестал понимать правительство в Ухане, зато политика Нанкина ему ясна и он ее разделяет. Он считал, что Бай Чун-си — дельный человек, который энергично и толково выполнял поручения главкома. Затем он рассказал, что начальник штаба корпуса обращался к генералу Чэн Цяню (командиру корпуса), находившемуся в Ханькоу, и спрашивал его распоряжений. Большинство командиров хотели, чтобы Чэн Цянь примирил оба течения НРА, поскольку и главком и Бай Чун-си относились доброжелательно к 6-му корпусу.

Эти беседы окончательно убедили меня в том, что 6-й корпус наверняка перейдет на сторону главкома, а это, пожалуй, были самые надежные войска Уханьского правительства.

Оценивая силы обеих сторон, сосредоточенные в нижнем течении Янцзы, надо отметить, что главкому, а вернее Бай Чун-си, бывшему душой этого заговора, удалось объединить все контрреволюционные силы неомилитаристов. Вскоре выявился их состав: весь 1-й корпус, т. е. 1, 2, 3, 14, 21 и 22-я дивизии, что составляло два-три обычных корпуса; затем 7, 18, 26, 27 и 40-й корпуса. 20 дивизиям сторонников главкома Уханьское правительство могло противопоставить в этом районе только пять-шесть дивизий 2-го и 6-го корпусов.

Кроме того, против войск Уханьского правительства выступила сильная мукденская группировка, включавшая шесть полноценных корпусов, по 12—15 тыс. человек в каждом, а войскам главкома противостояли наполовину разбитые шаньдунцы.

Чан Кай-ши, добившись численного превосходства преданных ему вооруженных сил и выгодного стратегического положения их, отправив на левый берег неугодные ему 2-й и 6-й корпуса и колеблющиеся 14-й и 17-й корпуса, открыто обвинил правительство и ЦИК гоминьдана в самозванстве и потребовал подчинения только ему.

Чан Кай-ши не только убрал из Нанкина преданные правительству войска, но и создал новые формирования из пленных и перешедших на сторону НРА войск Сунь Чуань-фана и шаньдунцев.

Половинчатая и непоследовательная политика, пассивность и медлительность Уханьского правительства привели к потере им власти.

Правые первоначально были сильно напуганы революционными выступлениями широких народных масс. Они потеряли свои позиции даже в таких провинциях, как Чжэцзян и Фуцзянь, которые считались колыбелью купечества и компрадорства. Но, видя пассивность левых в осуществлении революционных преобразований, они воспрянули духом. Противник воспользовался выгодной обстановкой, сложившейся в результате раскола НРА и затянувшейся паузы в военных операциях на нижнем течении Янцзы, и сам перешел в контрнаступление. 7 апреля, пользуясь изоляцией 2-го и 37-го корпусов, шаньдунцы оттеснили их от железной дороги. 2-й корпус вынужден был оставить Пучжоу. Одновременно начала наступление группа войск Сунь Чуань-фана и вынудила 14-й и 17-й корпуса НРА отойти на правый берег Янцзы.

К тому же 6 апреля произошло событие международного значения. Банда чжанцзолиневских солдат и полицейских учинила погром в нашем посольстве в Пекине. Они арестовали профессора Пекинского университета Ли Да-чжао и 20 китайцев, проживавших на территории посольства, а также советских граждан — моих сослуживцев, сотрудников аппарата военного атташе — И. Д. Тонких и Лященко. Этот бандитский налет бывшего атамана шайки хунхузов Чжан Цзо-линя был произведен с ведома империалистических держав — Англии, США и Японии.

В эти же дни прибыли в Нанкин на смену 6-му корпусу (а если понадобилось бы, для его разоружения) дивизии 1-го корпуса. Только 9 апреля штаб 6-го корпуса получил запоздалый приказ Тань Янь-кая: оставаться в Нанкине и не повиноваться Чан Кай-ши. Нельзя сказать, чтобы это было абсолютно правильно. Правительство через голову главкома приказывало командиру корпуса не подчиняться Чан Кай-ши. Было бы логичнее снять главкома с поста, тогда отпадала бы сама собой необходимость выполнения его приказов. Однако удалить Чан Кай-ши с поста главкома, да еще после всех одержанных побед над милитаристами под его командованием, пусть номинальным, оказалось делом трудным.

Позднее, 13 апреля, Уханьское правительство отдало распоряжение о снятии Чан Кай-ши с поста главкома, исключении его из партии и аресте. Но было уже поздно: реальная сила, и военная, и экономическая, сосредоточилась в его руках. Генералы Хэ Ин-цинь, Бай Чун-си, Ли Цзун-жэнь с войсками состав-

ляли его вооруженную опору. Чан Кай-ши не только располагал полной финансовой и материальной поддержкой банкиров и компрадоров Шанхая, но и получил широкую помощь империалистических держав — Англии, США, Японии.

Наша жизнь в Нанкине осложнилась. По-видимому, Чан Кай-ши воспринял мою рекомендацию оставить 6-й корпус в Нанкине как наше намерение проводить линию Уханя. Нас перестали информировать о положении дел, в частности о позициях войск НРА, или давали искаженные сведения. Их приходилось добывать чуть ли не агентурным путем. Постановление Уханьского правительства о снятии Чан Кай-ши с поста главкома до нас, конечно, не дошло.

Характерный эпизод произошел с нашим советником 7-го корпуса Зигоном, недавно приехавшим из Советского Союза. Он не был искушен в китайской манере изъясняться и принимал за чистую монету такие выражения вежливости, как: «Я с глубоким вниманием слушаю мудрые поучения моего старшего брата» и т. д. и т. п. Как-то во время его доклада о расположении войск 7-го корпуса я усомнился в достоверности изложенных им фактов и предложил проверить их. По негласным сведениям, части этого корпуса располагались совсем в других местах. Зигон горячо отстаивал свою информацию, полученную им от самого командира корпуса. На следующий день он зашел ко мне и, несколько смущенный, доложил, что командир и штаб корпуса беззастенчиво обманывали его.

В начале апреля 1927 г. обстановка сложилась сумбурная и противоречивая. При каждой встрече главком Чан Кай-ши спрашивал меня, когда приедет Галин. Поэтому, когда советник по тылу Н. Т. Рогов проездом в Шанхай зашел ко мне и сообщил, что, возможно, в скором времени будет Блюхер, нас всех это очень обрадовало. Наконец-то наступит ясность. Мы надеялись, что будет налажено мирное сосуществование уханьской и нанкинской группировок НРА. Это было особенно необходимо накануне решающей схватки с северными милитаристами. Внутренние разногласия и тем более вооруженные конфликты между этими группировками могли повлечь срыв всей кампании, а в худшем случае — отступление НРА в Гуандун.

9 апреля я ездил в Пукоу, чтобы выяснить, как обстоят дела на фронте 2-го корпуса. Город был охвачен так называемой тихой паникой. Местные жители, боясь грабежей, закрывали окна домов, витрины лавок и магазинов. Чувствовалась настороженность. Части 2-го корпуса НРА оставили город и железнодорожную станцию Пучжоу.

12-го утром было решено поговорить с начальником штаба главкома о взаимодействии между уханьской и нанкинской группировками, в частности о разграничительных линиях примерно от Цзюцзяна на Кайфын. Казалось, мы нашли общий язык и определенное взаимопонимание. Однако наши надежды

на мирное сосуществование Уханя с Нанкином не оправдались. От советников 6-го корпуса я узнал, что Ухань занял непримиримую позицию по отношению к Чан Кай-ши и принято решение погрузить на пароходы и баржи 4-й и 11-й корпуса, овладеть Нанкином и восстановить общее Национальное правительство. Это решение Уханьского правительства никак нельзя было признать дальновидным и реалистическим. Оно сыграло бы на руку северным милитаристам и империалистам. Чжан Сюэ-лян мог выставить против малобоеспособных двух-трех корпусов Тан Шэн-чжи шесть мукденских корпусов, не считая войск У Пэй-фу, т. е. вдвое больше.

13 апреля вечером ко мне нежданно-негаданно зашел Чан Кай-ши. Он был одет в гражданское платье — длинный черный халат, поверх него темная шелковая куртка. Обычно он носил военную форму. Чан Кай-ши был сильно взволнован. Сначала он справился о нашей жизни, а затем спросил, нет ли известий от Галина. Тут же, не дожидаясь ответа, он сказал, что ему совершенно непонятно движение 4-го и 11-го корпусов по Янцзы на Аньцин.

Я ответил, что не располагаю никакими данными на этот счет, но с точки зрения военной теории подобный маневр 4-го и 11-го корпусов объясним и оправдан. Я сослался на свой опыт работы советником в Хэнани, когда я принимал участие в операции против войск У Пэй-фу в районе Чжумадяня. Наступательная операция 4-го и 11-го корпусов от Цзюцзяна, а еще лучше — из Аньцина вывела бы эту группу в объединенное расположение мукденских и шаньдунских войск и во фланг главным силам Чжан Сюэ-ляна, которые, вероятнее всего, будут действовать, базируясь на Пекин-Ханькоускую железную дорогу.

Не думаю, чтобы мои теоретические экскурсы убедили Чан Кай-ши. Он имел подробную и точную информацию о маневрах войск Тан Шэн-чжи от командиров и политработников 11-го корпуса и других соединений, которые перебежали к нему. В числе перебежчиков были командир 11-го корпуса генерал Чэнь Мин-шу, начальник политотдела этого корпуса и несколько командиров дивизий.

14 апреля в Нанкин пришел пароход из Ханькоу с группой наших финансовых советников во главе с В. М. Штейном и начальником отряда белоэмигрантов Гущиным. Профессор Штейн с финансистами ехали в Шанхай, они просили меня помочь им отправиться на шанхайском поезде. Это было нелегко сделать, так как левый берег был занят шаньдунцами, которые обстреливали Сягуань, а авиация бомбила ставку Чан Кай-ши.

А. Ф. Гущин, бывший полковник генерального штаба царской армии, белоэмигрант, возглавлял организованный при 2-й Национальной армии отряд белоэмигрантов, которые хотели бы вернуться в родные края. Своим участием в боях они стремились доказать, что стоят на стороне народных масс, революци-

онным путем добивавшихся свободы и независимости своей страны. Тем самым они отмежевались от той части белой эмиграции, которая поступила на службу к китайским милитаристам (дивизия Нечаева, бронепоезда Чехова) или в полицию империалистических держав (например, в Шанхае).

Мне предстояло «устроить» отряд, согласовав этот вопрос с Чан Кай-ши. При очередном посещении главкома я представил ему Гущина и предложил принять отряд в его ведение. Но Чан Кай-ши сказал, что он должен это обдумать и даст ответ через три дня. В переводе эта дипломатическая формулировка означала отказ.

Вместе с проф. Штейном ехали наши крупные партийные работники и представители Коминтерна, которые пробирались в Шанхай. Для этого им надо было «пролезть через пасть тигра», каким в данный момент являлся для китайских коммунистов Чан Кай-ши. Среди этих товарищей находились уполномоченный при ЦК Коммунистической партии Китая Григорий Наумович Войтинский, представители ЦК КПК, несколько корейцев и два индийца из Коминтерна. Отправить из Нанкина в Шанхай при помощи штабного аппарата Чан Кай-ши его заклятых врагов — коммунистов — дело нелегкое. Для этой цели я избрал М. И. Казанина, памятуя о его дипломатическом таланте.

Марк Исакович, человек культурный и весьма эрудированный, выполнил эту миссию блестяще. Он вконец очаровал начальника штаба Чан Кай-ши — генерала Чжана изысканной вежливостью, рассыпаясь в необыкновенно цветистых китайских выражениях, и добился для них специального поезда в Шанхай. Впоследствии во время моего отъезда из Китая в СССР Чан Кай-ши припомнил мне этот случай. Он послужил поводом для моего ареста в Шанхае. Оказалось, к этой делегации под видом технического работника примазался английский шпион, некий Пик (из белоэмигрантов), который описал эту поездку в одной из шанхайских газет под заглавием: «Как Роллан обманывал Чан Кай-ши».

Для того чтобы рассеять сомнения Чан Кай-ши и подтвердить серьезность наших намерений продолжать работу с ним, с этой группой по предложению Блюхера была прислана Д. Я. Даровская. К сожалению, она тоже не привезла ни письменной информации о текущих событиях, ни указаний, какой линии держаться с главкомом. Не внес ясности и Н. Т. Рогов, возвращавшийся из Шанхая в Ханькоу через Нанкин. Он сообщил об общей установке Ханькоу — никаких компромиссов с Чан Кай-ши, но операция 4-го и 11-го корпусов на востоке отменялась.

Эта риторическая фраза «никаких компромиссов», если ее правильно передал Рогов, противоречила действительности. Отмена переброски 4-го и 11-го корпусов на Нанкин, узаконение нашего пребывания в Нанкине, приезд Д. Я. Даровской, попыт-

ка передать отряд Гущина Чан Кай-ши, отправка финансовой делегации проф. В. М. Штейна в Шанхай и тому подобные действия в некотором смысле и означали компромисс.

Наше положение в штабе Чан Кай-ши стало двусмысленным: к военной работе нас не привлекали, информации никакой не давали, но и совсем пока не выгоняли. Мы жили в доме с тремя просторными помещениями, перемежавшимися внутренними дворами, отдельными павильонами с оригинальными дверями, сдвигавшимися и раздвигавшимися, как в вагонах. Дом был обнесен со всех сторон высокой каменной стеной выше человеческого роста, его легко можно было превратить в место нашего заключения. По-видимому, с этой целью к нам был приставлен целый штат обслуживающего персонала, а в качестве надзирателя и наблюдателя — худосочный прыщеватый офицер по имени Ли, якобы для связи. Он немного говорил по-французски, что давало мне возможность иногда использовать его как переводчика. У нас оказалось много свободного времени, и я решил ознакомиться с достопримечательностями Нанкина. Может быть, памятники старины дадут ключ к пониманию сложной китайской современности.

Мы посетили могилы императоров наиболее чтимой китайским народом минской династии. Родоначальником ее был император Чжу Юань-чжан — выходец из простых крестьян, буддийский монах, бродячий нищий, примкнувший к отряду партизан, боровшихся с завоевателями китайского народа.

Обочины дороги, ведущей к храму, где захоронены члены минской династии, были украшены изваяниями лошадей, слонов, верблюдов и еще каких-то фантастических животных. Недвижно застыли статуи воинов, жрецов, сановников, высеченные из камня. Наконец, у подножия горы, покрытой лесом, вырисовывался храм оригинальной архитектуры.

Новый хозяин Нанкина, Чан Кай-ши, не мог соперничать с императором Чжу Юань-чжаном, с вождем тайпинов Хун Сю-цюанем или с доктором Сунь Ят-сеном ни своими талантами вождя, ни силой характера, ни внешним обликом. Чтобы снискать популярность среди широких масс народа и приобрести авторитет в армии, ему пришлось прибегнуть к помощи священных могил великих деятелей прошлого. Все они, включая Сунь Ят-сена, избирали столицей Китая Нанкин. Чан Кай-ши, стремясь подчеркнуть преемственность традиций и свою верность делу Сунь Ят-сена, тоже избрал своей резиденцией Нанкин и даже воздвиг грандиозное и дорогостоящее сооружение — мавзолей Сунь Ят-сену.

Так на историческом фундаменте Чан Кай-ши пытался возвести пьедестал для своей неимпозантной и малопопулярной личности.

Образование Нанкинского правительства

18 апреля 1927 г. в Нанкине состоялась конференция гоминьдана, которая объявила себя Пленумом ЦИК гоминьдана, отмежевалась от Уханьского правительства и учредила новое правительство со столицей в Нанкине. Вечером в специальном павильоне был устроен банкет, на который пригласили и нас. За первым столом, поставленным впереди остальных, в середине восседал Чан Кай-ши, рядом с ним Ху Хань-минь, далее сидели М. И. Казанин и переводчик Ли (на случай, если бы выступили южане). Здесь я впервые увидел идеолога и вождя правых гоминьдановцев Ху Хань-миня. Он был в обычном гражданском платье, поверх которого была надета традиционная шелковая куртка темно-серого цвета. Очки делали его похожим на летучую мышь. Интеллигентное, резко очерченное лицо характеризовало его как волевого руководителя. Черные волосы, причесанные бобриком, оттеняли худощавое лицо. Напротив за столами сидели генералы и высшие штабные офицеры. Вот грузный, широколицый, в очках Хэ Ин-цинь, дальше — непоседливый, сухой, с бритым (или лысым) шишковатым черепом Бай Чун-си.

Присутствие Ху Хань-миня на банкете означало поправение центристской группы Чан Кай-ши и его сторонников. Ху Ханьминю необходима была поддержка вооруженных сил. Будучи ярым реакционером, он не отступал от своих принципов даже при неблагоприятной для его сторонников конъюнктуре. Чан Кай-ши в свое время отмежевался от Ху Хань-миня, тогда его реакционные выступления шокировали главкома, теперь он пришел к нему.

Кульминацией банкета явились выступления ораторов. Повидимому, на конференции, на частных собраниях и в индивидуальных беседах со строптивыми генералами все основные дискуссионные вопросы были оговорены, так как речи ораторов и реакция присутствующих отличались редким единодушием. Первым взял слово Чан Кай-ши. Его речь изобиловала выпадами против Коммунистической партии Китая, а также против М. М. Бородина, чью фамилию он склонял на разные лады.

По мере того как он воспламенялся от собственного красноречия, тон его выступления все повышался, пока не достиг истерического визга. Чан Кай-ши утверждал, будто Бородин обещал уехать в СССР, но не сдержал своего слова. «Я запросил Коминтерн телеграммой, — говорил он, — является ли Бородин представителем Коминтерна. Мне не ответили на мой запрос. Как они относятся к Центральному китайскому правительству? Не отвечают на мои запросы!» В данном случае Чан Кай-ши отождествлял себя с Центральным китайским правительством, т. е. откровенно признавал, что поступал как диктатор. Однако буквально через минуту, почувствовав, что он переборщил, Чан

Кай-ши бил себя в грудь и заверял присутствующих, что он не Кемаль-паша и не Муссолини. Речь его закончилась анафемой Коммунистической партии Китая. Надо заметить, что во время речи Чан Кай-ши переводчик Ли все дальше отодвигался от нас, отводил взгляд куда-то в пространство, делая вид, что он ничего общего с нами не имеет.

После Чан Кай-ши произнес речь Ху Хань-минь, в которой с яростью обрушился на Коммунистическую партию Китая. Особенно он протестовал против вхождения коммунистов в гоминьдан. Как и выступление Ху Хань-миня, речи последующих ораторов были проникнуты враждебностью к Коммунистической партии Китая, а также к Коминтерну.

Каждый оратор избирал для своих излияний какую-либо определенную сторону отношений компартии с гоминьданом. Например, Цзян Цзу-бин обвинял левых в том, что они отсиживались в тылу, в то время как правые воевали на фронте. Речь бывшего начальника политотдела 11-го корпуса явилась злобной клеветой на коммунистическую партию и на начальника политуправления НРА Дэн Янь-да. Когда он провозглашал тост за гоминьдан, Бай Чун-си, которому все время не сиделось на месте, вскочил как ужаленный и провозгласил тост за ликвидацию Коммунистической партии Китая.

Затем поднялся какой-то оратор, должность его мне не удалось выяснить. Своим неистовством он мог сравниться только с истеричной кликушей. Даже Ху Хань-минь не выдержал и прервал его. Обратясь к нам, он старался сгладить впечатление от сказанного. Он просил нас не принимать слова выступавших на свой счет, так как они имели в виду не русских коммунистов, а китайских. Ху Хань-минь заверил всех, что он глубоко ценит Коммунистическую партию России и В. И. Ленина. Затем он заявил, что в Коммунистической партии Китая имеются четыре течения и одно из них, идущее за Бородиным, — самое худшее. Думаю, на этом можно закончить изложение «откровений» Ху Хань-миня.

В общем, на банкете подверглась травле Коммунистическая партия Китая. Выступавшие требовали исключения коммунистов из гоминьдана. Хэ Ин-цинь заявил, что коммунистов надо изгнать из политотделов. Почти никто не говорил нормальным человеческим голосом, все орали, визжали, истерически вопили. Сперва я хотел напомнить разбушевавшимся ораторам, что мы приехали в Китай по их же приглашению, что Советский Союз безвозмездно помогает Национально-революционной армии. Именно наши советники помогли им объединить разрозненные отряды в единую армию, которая разбила войска северных милитаристов. Однако, наблюдая истерию не в меру возбужденных генералов, я решил покинуть это сборище. Перед уходом я просил главкома принять меня в ближайшее время. Своим уходом мы подчеркивали, что не разделяем ни настроения высту-

павших, ни содержания их речей. По-видимому, наш демонстративный уход с банкета подействовал на главкома и присутствовавших несколько отрезвляюще. Нас провожали молчанием *.

После банкета я неоднократно настаивал на встрече с Чан Кай-ши. Он соглашался, но в назначенное время его не оказывалось на месте. В конце концов надо было выяснить, нужны мы здесь или нет, в противном случае предложить главкому отпустить нас в Ханькоу. Из отрывочных сведений, поступавших из Шанхая, становилось ясно, что, по-видимому, дело шло к свертыванию нашей работы.

Как выяснилось впоследствии, банкет 18 апреля завершил работу конференции правых гоминьдановцев и был дан в честь создания нанкинского правительства. Председателем Комитета министров был избран лидер правых гоминьдановцев Ху Ханьминь. В правительство вошел У Чао-шу (С. С. Ву), уютные места в правительственной кормушке получили бывший левый гоминьдановец Гань Най-гуан и генерал Ли Цзи-шэнь.

15 апреля 1927 г. в Гуанчжоу генерал Ли Цзи-шэнь (начальник Главного штаба НРА) совершил контрреволюционный переворот. В Гуанчжоу ворвались войска. Полиция провела повальные облавы и массовые аресты по всему городу. В школе Вампу были взяты под стражу более 300 курсантов, их содержали на судах под охраной канонерок. Многочисленные аресты начались в Университете имени Сунь Ят-сена. Тихоокеанская профсоюзная конференция была сорвана, профсоюзных деятелей арестовали. Союз железнодорожников, оказавший вооруженное сопротивление, подвергся разгрому. В тюрьму попали даже некоторые члены провинциального правительства и провинциального комитета гоминьдана. Восстановленное «Общество изучения суньятсенизма» незамедлительно выпустило декларацию против коммунистов. В городе запестрели плакаты с надписями: «Долой Коммунистическую партию Китая», «Долой Уханьское правительство», «Да здравствует Чан Кай-ши!»

В то же время развернулись массовые репрессии против крестьянских союзов. Однако окончательно подавить революционное движение трудового населения не удалось. Оно продолжалось во многих городах и селениях всю весну и лето 1927 г. Если бы гоминьдан оставался верным принципам Сунь Ят-сена, он получил бы поддержку огромных масс крестьянства в борьбе против внутренней реакции и империалистов за освобождение Китая.

Обо всех событиях — образовании в Нанкине правительства, сепаратного от Уханьского, злобных выступлениях на банкете Чан Кай-ши и его окружения, создании для работы наших

* Эту же сцену на банкете на основании своих воспоминаний описал М. И. Казанин в книге «В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925—1927 гг.» (М., 1966).

Д. Я. Даровская

советников нетерпимых условий в Нанкине — необходимо было немедленно информировать В. К. Блюхера. Вместе с тем мы нуждались в указаниях, как вести себя дальше. Ведь была возможность затормозить или ускорить разрыв с Чан Кай-ши.

Однако послать в Шанхай было некого. Время было тревожное и небезопасное для нас как в Нанкине, так и в Шанхае. После разгрома нашего посольства в Пекине 6 апреля белогвардейцы в Шанхае совсем обнаглели и ежедневно провоцировали инциденты.

Пришлось прибегнуть к последнему резерву — Дине Яковлевне Даровской. В Нанкине переводчик Ли отказывался выходить с нами на улицу, ехать надо было без переводчика.

21 апреля утром, захватив необходимую документацию, она отправилась в Шанхай. Сопровождать ее я поручил неустрашимому бодигару Сереже. Поездка оказалась очень тяжелой. Вагон был битком набит пассажирами, которые устроились кто как сумел. В довершение всех бед Сережа по простоте своей души, стремясь вызвать уважение со стороны пассажиров к Д. Я. Даровской, начал рассказывать, какая она важная персона, что она жена главного военного советника в Нанкине и живет в Цзунсылинбу (Главный штаб). И это в то время, когда в Нанкине на улицах развешивались плакаты «Долой коммунистов!», «Долой Бородина!». Только после того как Дина Яковлевна отвела его в сторону и втолковала ему, что нельзя так говорить, Сережа понял свою ошибку и прекратил разговоры о русских советниках. Поезда ходили медленно, в Шанхай прибыли лишь на следующий день утром. Город находился на военном положении, вокзал и улицы были оцеплены проволочными заграждениями. Вокруг иностранных кварталов сооружены баррикады, усиленные проволочными заграждениями и мешками с землей. Наше консульство было окружено пикетами вооруженных белоэмигрантов и полицией *. Пикетирование кон-

* Полиция сеттльмента и концессии представляла собой значительную силу. Она состояла из собственно полиции и волонтерского корпуса. В по-

сульства полицией и белоэмигрантами имело целью изолировать его сотрудников от народа в те дни, когда проходило обезоруживание рабочих, аресты членов профсоюзов и китайских коммунистов. Все это нервировало и удручало консульских работников.

Сведения, привезенные Даровской из Шанхая, хотя и не давали прямого ответа на все интересовавшие нас вопросы, но все же кое-что проясняли. Стало очевидным, что империалистические державы — Великобритания, США и Япония — открыто вмешивались в дела Китая, помогали реакционному крылу НРА, возглавляемому Чан Кай-ши, в борьбе с революционным движением народных масс.

В Шанхае я видел в витрине одного фотоателье большой портрет Чан Кай-ши, протягивающего с улыбкой руку английскому консулу, тоже улыбавшемуся. На одном из митингов начальник штаба Бай Чун-си выступил с клеветническим заявлением, что английская концессия в Ханькоу взята китайцами под влиянием русских — М. М. Бородина и Теруни.

Как известно, Шанхай был отвоеван у войск Сунь Чуаньфана восставшими рабочими. С этим Чан Кай-ши не мог примириться. В день своего приезда в Шанхай, 26 марта, сразу же после его захвата войсками генерала Бай Чун-си, Чан Кай-ши стал готовиться к разоружению рабочих и ликвидации

лиции сеттльмента руководящие должности занимали англичане, а в концессии — французы. Рядовые полицейские в сеттльменте — индийцы, китайцы и белоэмигранты, в концессии — вьетнамцы, китайцы и белоэмигранты. Управление полиции в сеттльменте размещалось на Ярд-род, в концессии — на рю Массенэ.

Волонтерский корпус набирался из добровольцев — обитателей сеттльмента и концессии и двух отрядов белоэмигрантов. Волонтеры-иностранцы собирались по мере надобности в тревожное время. Отряды белоэмигрантов (платные) находились на постоянном казарменном положении и никогда не распускались.

Периодически в Шанхае устраивались парады войск охраны сеттльмента и концессии на беговом поле, демонстрируя местному китайскому населению мощь империалистов и поддерживая дух обитателей сеттльмента и концессии. На парад привлекались частично и вооруженные силы империалистических держав гарнизона Шанхая. Обычно парад открывала американская морская пехота, затем маршировали шотландцы в коротких юбках, английская пехота — в пробковых шлемах и шортах, французы — в длинных брюках и кепи.

Парад замыкали два отряда волонтеров-белоэмигрантов, именовавшие себя полками. В отряде сеттльмента носили форму своих хозяев. Ими командовал бывший полковник царской армии Сахаров. Отряд (полк) на концессии, в свою очередь, состоял из двух рот под командой бывшего генерала Золотова. Впереди этих рот белоэмигранты несли бело-красно-синие флаги бывшей Российской империи.

В Шанхае белоэмигрантов возглавлял бывший царский консул И. К. Кеслер — бессменный председатель эмигрантского комитета. Белоэмигрантскую часть полиции возглавлял некто Кедр-Ливанский. Он же руководил всеми белоэмигрантскими провокациями против советских людей и, в частности, принимал самое деятельное участие в нашем аресте.

коммунистических партийных организаций и красных профсоюзов. Лучшего исполнителя для этой черной работы, чем профашистски настроенный генерал Бай Чун-си, трудно было отыскать. Умный, хитрый и беспринципный Бай Чун-си взялся за дело со знанием и умением, со свойственной ему энергией. Он не сомневался, что империалистические державы и полиция окажут ему всемерное содействие.

Бай Чун-си установил личные контакты с японским консульством. Для соблюдения декорума ему необходима была поддержка «народных масс». Выход из положения был найден очень просто. Надо сказать, что в Шанхае, в недрах этого международного порта, свил себе гнездо преступный мир Китая. Подобно чикагским, гангстеры жили припеваючи. Они имели свои виллы, особняки, нередко непосредственно на территории международного сеттльмента. В их распоряжении были опиекурильни, игорные дома, дома терпимости и тому подобные доходные заведения. Полиция и администрация города участвовали на паях в их «деле», а потому бороться с преступниками было для них непосильной задачей. Гангстеры Шанхая, кроме всего прочего, промышляли контрабандой и подделкой разных товаров и продуктов, причем делали это так искусно, что не всякий дегустатор и товаровед мог отличить подделку от оригинала. Бай Чун-си ловко использовал для своих целей этих гангстеров и тайные организации люмпенов — общества «синих» и «красных» во главе с вожаком их иерархии — «Великим драконом».

Рабочие дружины были хорошо вооружены и подобно войсковым частям делились на роты, взводы. Чан Кай-ши, приехав в Шанхай, вначале для виду сохранил им оружие. Штаб рабочих дружин находился в клубе китайского издательства «Коммершэл пресс». Это было известно Бай Чун-си.

12 апреля войска Бай Чун-си и Чжоу Фэн-ци (командир 26-го корпуса) атаковали перед рассветом рабочие дружины одновременно во всех районах Шанхая. Они арестовали командиров, разгромили штаб-квартиры и помещения органов Коммунистической партии Китая и профсоюзов. Правительственные органы Уханя были ликвидированы и заменены комиссией в составе Бай Чун-си, У Чао-шу, Цай Юань-пэя и Ян Цюй-аня. Под руководством секретаря Бай Чун-си — Пэна и начальника оперативного отдела Чэн Гуна гоминьдановские ячейки были разогнаны и организованы новые (правые); вместо старых (красных) профсоюзов созданы другие (профашистские). Все эти мероприятия проводились под лозунгом «Победим продажных агентов, мешающих борьбе против Севера».

Влияние Чан Кай-ши несомненно возросло не только в зоне военных действий центрального и восточного направлений, но и в районе Уханя. Имелись даже сведения, что Сунь Чуань-фан заключил соглашение с Чан Кай-ши о совместной борьбе против

«красной опасности» и против Чжан Цзун-чана, а взамен выторговал себе звание заместителя главкома.

По сохранившимся у меня в дневнике записям, в частности по докладу советника связи Корнеева, положение правящей верхушки в Нанкине в основном сводились к следующему.

Чанкайшистское правительство в Нанкине все еще находилось на стадии организации и не пользовалось популярностью среди населения. Вся власть сосредоточилась в руках военных — главкома Чан Кай-ши, Бай Чун-си и Хэ Ин-циня, которые и олицетворяли реальное правительство. Главком по своим политическим устремлениям занимал промежуточное положение между гражданскими центристскими членами правительства и крайне правыми, которых по-прежнему возглавлял Ху Хань-минь. Чан Кай-ши в выступлениях заверял в своей приверженности трем принципам Сунь Ят-сена и на митингах, закатывая глаза, доказывал «преданность» учению великого китайского гражданина. На словах Чан Кай-ши был против соглашения с империалистами, Чжан Цзо-линем и Чжан Цзун-чаном. Он неустанно твердил, что важнейшая его задача — разгром мукденцев. Гражданские лица гоминьдана приняли сторону Чан Кай-ши. В нанкинской правящей группировке отсутствовало единство. Военная хунта, Бай Чун-си, Хэ Ин-цинь и командир 7-го корпуса Ли Цзун-жэнь толкали Чан Кай-ши вправо.

Бай Чун-си стремился всю власть прибрать к своим рукам. Он перетянул на свою сторону командиров 7, 26 и 40-го корпусов и потратил немало энергии, чтобы привлечь к себе командира 6-го корпуса генерала Чэн Цяня. Бай Чун-си с лихорадочной поспешностью создавал новые формирования: 13, 15 и 44-й корпуса. На командные должности он проталкивал своих ставленников. Чтобы Хэ Ин-цинь перешел на его сторону, Бай Чун-си делил с ним свои доходы. К группе Бая примыкал и начальник войск связи НРА. Бай Чун-си поддерживал Ху Хань-миня как идейного руководителя. Что касается Ли Цзи-шэня, возглавившего контрреволюционный переворот в Гуанчжоу, то он считался соперником и личным врагом Чан Кай-ши и последний ему не доверял. Но ненависть к коммунистам перевесила, и Ли Цзи-шэнь присоединился к главкому.

Из Уханя до нас доходили смутные и отрывочные сведения. Стало, в частности, известно, что правительство переживает финансовые трудности. Контрреволюционный переворот в Гуанчжоу и активизация на границах провинции Хубэй приверженцев У Пэй-фу, Ян Сэня и других генералов усугубили положение. Некоторые генералы и офицеры 4-го и 11-го корпусов, ранее считавшиеся более преданными Уханьскому правительству, чем комсостав других корпусов НРА, перебежали к Чан Кай-ши.

Хотя Национально-революционная армия раскололась на две

антагонистические группировки — нанкинскую и уханьскую, но наличие общего врага вселяло надежду, что возможна какая-то форма их сосуществования. Нанкинскую группировку НРА можно было направить против чжили-шаньдунских войск, а уханьскую — против хэнаньской группы мукденских войск. Ради осуществления этого плана я стал добиваться встречи с Чан Кай-ши.

В конце апреля состоялась продолжительная беседа с главкомом. Я обратил его внимание на то, что мы не получаем никакой информации от его штаба, а потому лишены возможности оказывать им помощь. Наблюдая за ним, я заметил, что в его позе, жестах и мимике появилось нечто новое. Казалось, он наполнился до краев сознанием собственного величия. Обычно при наших встречах он держался просто и благожелательно. Теперь он сидел, развалясь на стуле, скрестив руки на груди, как Наполеон, оттопырив нижнюю губу с выражением презрения.

Я высказал ему свои соображения о необходимости сохранить единство действий восточной и западной группировок НРА в интересах китайского народа и дела, завещанного Сунь Ят-сеном, до полного разгрома мукденских и шаньдунских милитаристов. Чан Кай-ши согласился с моими доводами. Тогда я предложил ему сообщить обо всем В. К. Блюхеру. Я даже вызвался доставить письмо, сказав, что остальные советники и моя жена останутся здесь до моего возвращения. Чан Кай-ши выразил свое согласие, и я стал готовиться к отъезду в Ханькоу.

3 мая мне встретился командир 17-й дивизии 6-го корпуса Ян Чу-гуань, который рассказал о некоторых подробностях сражения 19-й дивизии этого корпуса. Дивизия была разоружена по распоряжению главкома на второй станции от Нанкина. Командный состав в большинстве своем бежал в Цзюцзян. По другим источникам, разоружение дивизии произошло по настоянию самого генерала Ян Чу-гуаня, который надеялся на повышение в должности. Он мечтал стать заместителем командира корпуса.

В тот же день я зашел к начальнику штаба главкома за письмом В. К. Блюхеру. Начальник штаба генерал Чжан с готовностью обещал детально информировать нас об обстановке на фронте, сообщил даже оперативную сводку и лицемерно просил помогать им. На мои замечания по поводу чинимых нам препятствий Чжан реагировал точно так же, как его хозяин, той же мимикой и теми же жестами, даже выпятил вперед нижнюю губу. Только руки он не скрещивал на груди, по-видимому считая, что это — привилегия главкома.

5 мая утром, так и не дождавшись письма главкома, я и М. И. Казанин выехали в Ханькоу на катере министра финансов Сун Цзы-вэня, предоставленном мне для этой поездки.

Погода была солнечная, теплая, и мы могли вдоволь наслаждаться природой. Левый берег Янцзы до Аньцина был низменным, вода прибывала на глазах и затопляла необозримое пространство. В Аньцине мы сделали остановку, необходимо было выяснить одно дело — по полученным в Нанкине сведениям, наш штабной советник Струмбис был задержан в Аньцине. В управлении аньхуэйского дубаня нам сообщили, что недоразумение выяснилось и советник уехал в Нанкин.

На Янцзы есть знаменитое место — Мадан. Здесь река сжата с обеих сторон скалами, ширина ее около 300—400 м; посередине высится почти отвесная скала высотой около 100 м, которая называется «сиротской». На ее вершине и на западном склоне виднелся старинной архитектуры монастырь. Издали скала напоминала голову великана из оперы Глинки «Руслан и Людмила».

7 мая утром мы прибыли в Хукоу. Здесь я надеялся найти советника 2-го корпуса И. Я. Зенека. Но оказалось, что штаб корпуса уехал в Ханькоу. Мы продолжили свой путь, и часов в 10 утра на горизонте показался Цзюцзян.

В Ханькоу

8 мая утром наш катер прибыл в Ханькоу. Я поспешил к В. К. Блюхеру доложить (на основании информации советника В. Н. Панюкова) о происходящем в Нанкине и в Шанхае. Я высказал ему свои соображения по поводу совместных действий восточной и западной группировок НРА против мукденских и шаньдунских войск противника. Блюхер согласился с моим мнением. Что касается моего возвращения в Нанкин в качестве делегата связи при нанкинской группе НРА, то этот вопрос отпал сам собой.

После шанхайских событий 12 апреля Уханьское правительство опубликовало постановление о снятии Чан Кай-ши с должности главкома и исключении его из гоминьдана. Чан Кай-ши, со своей стороны, объявил Уханьское правительство самозваным и 18 апреля сформировал в Нанкине свое правительство. На первый взгляд это должно было бы коренным образом изменить внутреннюю ситуацию, но в китайской действительности такой «обмен любезностями» — заурядное явление. Янь Си-шань, дубань провинции Шаньси, в течение одного года три раза менял своих союзников, и каждая смена сопровождалась декларациями, украшенными поношениями в самых цветистых выражениях.

Неожиданно мне пришлось лететь самолетом на фронт в ставку командующего западным направлением генерала Тан Шэн-чжи, чтобы передать ему директиву Военного совета. Его ставка была расположена в Чжумадяне.

Собственно говоря, туда собирался В. К. Блюхер, но на 9 мая намечалось заседание Военного совета, на котором он должен был присутствовать. Полет был связан с риском. На воздушной трассе Ханькоу — Чжэнчжоу не была проведена рекогносцировка, и это был первый полет в северном направлении. Малейшая ошибка в ориентировке — и линия фронта нарушена, а мукденцы имели довольно сильную авиацию и опытных летчиков из белоэмигрантов — участников первой мировой войны.

Мне было хорошо известно место посадки. Глазомерная съемка местности Старого и Нового Чжумадяня дала возможность точно определить местонахождение важнейших ориентиров для посадки самолета — французской больницы и китайской кумирни.

Наш полет был совершен без особых приключений, если не считать небольшой заминки при перелете через хребет Мулин, когда облако закрыло на некоторое время ориентир — Пекин-Ханькоускую железную дорогу. Приземлились точно в намеченное время и в намеченном пункте, в районе станции Чжумадянь. Войска были выстроены по бокам аэродрома, присутствовал сам генерал Тан Шэн-чжи. Все ждали В. К. Блюхера.

Этот эпизод сам по себе не так уж значителен, чтобы упоминать о нем, если бы не тон и содержание директивы Военного совета, а также реакция генерала Тан Шэн-чжи на нее. Мне хорошо запомнилось, что директива предлагала, в частности, не церемониться с «Красными пиками», миньтуанями, крестьянскими союзами, которые будут мешать ведению военных операций.

Генерал Тан Шэн-чжи даже подскочил от удовольствия. «Хо! Хо!» — несколько раз воскликнул он.

Формулировка Военного совета узаконила самоуправство войсковых начальников в отношении местного населения и лишала возможности политотделы привлекать народ к содействию в выполнении боевых задач.

Хэнаньская военная операция

Итак, волею судеб на юге Китая образовались два правительства: в Ухане — революционное, в Нанкине — реакционное. Название «революционное» было слишком громким для Уханьского правительства. Главы его Ван Цзин-вэй и Тань Янь-кай были людьми несильного характера, они не были способны направлять ход событий в революционное русло, а безвольно следовали за стихийным развертыванием событий. Они опасались революционной активности трудового люда. Характерным для Ван Цзин-вэя было его поведение во время событий 20 мар-

та 1926 г., когда Чан Кай-ши попытался стать диктатором, а Ван Цзин-вэй бежал. Поэтому когда советник по тылу Н. Г. Рогов проездом из Учана в Шанхай повстречался со мной в Нанкине (14 апреля) и в разговоре сообщил, что Уханьское правительство заняло по отношению к Чан Кай-ши твердую позицию — «никаких компромиссов», я, по правде говоря, не поверил в реальную возможность ее осуществления.

Нанкинское правительство возглавили Чан Кай-ши и Ху Хань-минь. Одно лишь вхождение в состав этого правительства лидера правых гоминьдановцев определяло его реакционную сущность. Надо отдать должное: действовало оно энергично и целеустремленно. Чан Кай-ши еще в Наньчане стал сколачивать блок своих единомышленников. После взятия Нанкина и Шанхая в его распоряжение поступили большие финансовые средства. Это дало возможность Чан Кай-ши привлекать на свою сторону генералов и офицеров войск уханьской группировки НРА. В соответствии с образованием на юге Китая двух политических центров произошло раздвоение НРА на две группировки: уханьскую и нанкинскую. Уханьскую возглавлял командир 8-го корпуса генерал Тан Шэн-чжи, нанкинская осталась под непосредственным руководством Чан Кай-ши. Имелась еще небольшая группировка в Наньчане в распоряжении командира 3-го корпуса Чжу Пэй-дэ, занявшая промежуточную позицию.

Это произошло в тот момент, когда наступал решающий период схватки НРА с наиболее сильными группировками милитаристов: мукденской, шаньдунской и остатками войск У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана.

Обе группировки НРА стремились как можно больше увеличить численность своих войск за счет отколовшихся от У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана. Вооруженные силы уханьской и особенно нанкинской группировок сильно возросли, но их уровень, особенно моральное состояние, значительно снизился.

Основная стратегическая задача НРА в тот период (в момент выхода за Янцзы) оставалась прежняя — продолжать борьбу против северных милитаристов.

Решение этой задачи в то время можно было подразделить на три этапа: первый этап — разгром в Хэнани и Шаньдуне мукденской и шаньдунской милитаристских группировок как важнейших опор империалистических держав и выход на рубеж Лунхайской железной дороги Чжэнчжоу — Сюйчжоу; второй этап — завершение уничтожения остатков войск мукденской и шаньдунской группировок в Чжили и северо-восточной части Шаньдуна и выход на рубеж Пекин — Тяньцзинь; третий этап — овладение Маньчжурией.

Я остановлюсь только на некоторых вопросах первого этапа этого периода Северного похода НРА. Сущность плана военной операции состояла в следующем: уханьская группировка

НРА имела задачей разбить главные силы мукденских войск, сосредоточившиеся в Хэнани в районе Яньчэн — Чжэнчжоу — Кайфын, и во взаимодействии с северо-западной армией Фэн Юй-сяна окружить и уничтожить их к югу от р. Хуанхэ в районе Чжэнчжоу — Кайфын.

Нанкинская группировка имела задачей форсировать р. Янцзы широким фронтом и при содействии китайского военного флота развивать операцию в двух направлениях: главными силами — вдоль Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги на Сучжоу и вдоль Великого канала. Общая цель операции этой группировки — разбить главные силы шаньдунского милитариста Чжан Цзун-чана и овладеть провинцией Шаньдун.

Эти операции проводились обеими группировками самостоятельно, раскол между Нанкином и Уханем уже произошел. Расстояние между внутренними флангами нанкинских и уханьских войск на р. Янцзы было около 1200 км, а при выходе на рубеж Лунхайской железной дороги сужалось до 600 км.

В этой ситуации большое значение имело поведение Фэн Юй-сяна: примкнет ли он к Уханьскому правительству или перейдет на сторону Чан Кай-ши?

Я полагал, что главные усилия необходимо направить на недопущение междоусобной войны между нанкинской и уханьской группировками, которая была бы на руку империалистам.

Решение Политбюро ЦИК гоминьдана, принятое утром 10 апреля, о наступлении на Нанкин, чтобы принудить нанкинскую группировку к повиновению, было опрометчивым. Оно, по-видимому, было вынесено без консультации с военачальниками, так как соотношение сил и общее военно-стратегическое их расположение были далеко не в пользу уханьцев. К счастью, благоразумие одержало верх. На экстренном совещании Политбюро в тот же вечер было пересмотрено первоначальное постановление. Политбюро высказалось за подготовку к походу на Хэнань против мукденских милитаристов. 12-я пехотная дивизия, солдат которой уже посадили на пароходы для следования в Нанкин, была возвращена на старое место. Положение на хэнаньском театре военных действий (схема 9) в то время было крайне сложным и запутанным. У Пэй-фу, изгнанный НРА из провинции Хубэй, обосновался с остатками своих войск в Хэнани, избрав своей ставкой Лоян. Он подчинил своему влиянию значительную часть местных провинциальных войск, некогда входивших во 2-ю Национальную армию. Мукденские войска еще в марте 1927 г. заняли северо-западную часть Хэнани и стали переправляться через Хуанхэ. После долгих колебаний У Пэй-фу согласился на продвижение мукденцев на юг. Однако большинство хэнаньских генералов воспротивились оккупации Хэнани мукденцами, отделились от У Пэй-фу и организовали «Армию защиты Хэнани». Кто из хэнаньских генералов остался верным У Пэй-фу и стоял за союз с мукденцами,

кто вошел в «Армию защиты Хэнани» и порвал союз с У Пэй-фу, а кто вообще никому не подчинялся, как, например, генерал Фан Ши-минь, — не поддавалось точному учету. Это было трудно установить еще и потому, что на одном этапе военных действий одни и те же генералы объявляли себя упэйфуистами и союзниками мукденцев, на другом — союзниками НРА. Мукденцы подкупали хэнаньских генералов и натравливали их друг против друга. Но после того как некоторые генералы изменили им и 10-й мукденский корпус был сильно потрепан в Кайфыне, они отказались от переговоров с хэнаньцами и перешли в организованное наступление против них. Мукденцы нанесли хэнаньским генералам несколько поражений, уничтожили две дивизии и принудили их отойти за р. Шахэ.

«Армия защиты Хэнани» под общей командой генерала Цзинь Юнь-э 22 апреля под натиском мукденцев отступила: войска генерала Ян Хэ-жэня — к Чжоуцзякоу (на р. Шахэ); войска генерала Ма Цзи-ди — к Чжоучжэнъу; войска Пан Бин-сюня и Дуань Го-чжана вытянулись тонкой линией вдоль Чжучжуань — Шулидэн. Эта армия насчитывала всего около 30 тыс. человек, в том числе на фронте — около 20 тыс. и в резерве в районе Янчэна — около 10 тыс. Части Вэй И-саня, двигаясь из Синьяна на Лошань, вступили в бой с отрядом «Красные пики» и, потерпев поражение, отошли на прежние позиции. 12-й корпус занимал район Гуши — Синьцай. Потери, понесенные войсками Цзинь Юнь-э в боях, вызвали разложение в его армии и очередную генеральскую склоку. Влияние Цзинь Юнь-э ослабело. Вернее сказать, хэнаньские войска не были способны к серьезным боевым операциям.

Мукденская армия после переправы через Хуанхэ (ее главные силы — 8, 10, 11, 17-й корпуса) остановилась на рубеже Чжэнчжоу — Кайфын. Стратегическое положение ее оказалось незавидным. Северо-западная армия Фэн Юй-сяна и войска шаньсийского дубаня Янь Си-шаня угрожали правому флангу и тылу, для их защиты они были вынуждены выделить более одной трети своих войск. Так, в районе Калгана находился 9-й корпус, который должен был воспрепятствовать движению противника на Баотоу. В районе Чжэндина располагался 7-й корпус для предотвращения ударов армии Янь Си-шаня на Тайюань и Чжэндин. Кроме того, в районе Пекина и Баодина у них имелся сильный резерв до 20 тыс. человек. По мере их продвижения к югу от Лунхайской железной дороги возникла новая угроза для мукденцев: наступление главных сил армии Фэн Юй-сяна от Тунгуаня вдоль Лунхайской железной дороги на Чжэнчжоу. Именно к этому времени армия Фэна заняла Тунгуань и готовилась выступить на Лоян и далее по Лунхайской железной дороге.

Командование НРА на западном фронте только 20 апреля начало переброску новой группы войск для Хэнаньской опера-

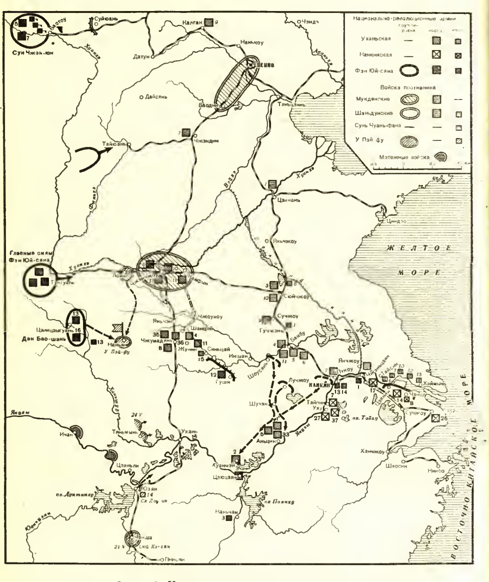

Схема 9. Хэнаньская военная операция

ции. Эта заминка произошла вследствие первоначального намерения выставить против Чан Кай-ши 4-й и 11-й корпуса. Передвижение войск прикрывала одна дивизия 36-го корпуса генерала Ли Сина, выдвинутая в районе Суйпина.

12-й корпус НРА генерала Жэнь Ин-ци, расположенный в районе Гуши — Синьцай, обеспечивал движение войск западного направления с востока.

После контрреволюционного переворота генерала Ли Цзишэня в Гуанчжоу юго-западная и западная границы зоны Уханьского правительства не были защищены от ударов сычуаньских генералов, Ян Сэня и других сторонников У Пэй-фу, скрывавшихся в гористой местности на северо-западе Хубэя. Под их давлением генерал Фан Ши-минь вынужден был отойти в район Цзаояна.

В это же время в нижнем течении Янцзы шаньдунско-суньчуаньфановская группировка противника, основательно потрепанная в Нанкинской операции, воспользовалась паузой, вызванной расколом НРА, оправилась от понесенного поражения и перешла к активным действиям. 7-й шаньдунский корпус при поддержке бронепоездов Чехова снова овладел Пукоу. Шаньдунские войска к 15 апреля сгруппировались следующим образом: 7-й корпус, остатки 4, 5 и 6-го корпусов (около 12 тыс. человек) располагались в районе Банбу; 9-й корпус (около 8 тыс.) — вблизи Сучжоу; основные силы — 3-й, 10-й корпуса и 67-я дивизия (10—12 тыс. человек) — в районе Сюйчжоу; 2-й корпус (около 8 тыс.) — в районе Лянчжэня. 12-й корпус (8 тыс.) вошел в район Янчжоу — Тайсин. 1-й корпус и гвардия Чжан Цзун-чана (20 тыс.) по-прежнему оставались в столице провинции — Цзинани; часть сил была направлена в район Гучжэня (севернее Банбу). Конную группу (четыре полка) отправили в район Инчжоу — Бочжоу для прикрытия Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги. 11-й корпус, потрепанный в боях, отошел к Банбу. Непосредственно для охраны Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги было выделено 16—18 тыс. охранных и тыловых войск.

Эта группировка шаньдунских войск прикрывалась со стороны провинции Хэнань двумя бригадами кавалерии, усиленными тремя пехотными бригадами, находившимися в районе Сюйчжоу. Передовые части кавалерии были выдвинуты в район Луи (Хэнань). Более крупных сил для взаимодействия с мукденской армией не было.

Наиболее боеспособными частями в шаньдунской армии считались 1, 2, 3, 7, 9 и 12-й корпуса, причем три из них (2, 9, 12-й) были недавно сформированы из туфэев.

Сунь Чуань-фан тоже активизировал свои действия и вынудил части 14-го и 17-го корпусов Чан Кай-ши, переброшенные на северный берег Янцзы, вернуться на исходные позиции. Главные силы Сунь Чуань-фана — 5, 7, 10, 12 и 15-я пехотные диви-

зии (около 20 тыс.) вышли на рубеж Хаймынь — Тунчжоу — Янчжоу.

Войска Чан Кай-ши к середине апреля расположились таким образом: 26-й корпус — в Шанхае; 1-я и 2-я дивизии 14-го корпуса обороняли южный берег Янцзы на участке Уси — Чанчжоу — Цзянин; 17-й корпус (два полка перешли на сторону шаньдунцев во время операции) — на северном берегу Янцзы; 4-й и 5-й полки размещались гарнизоном в Чжэньцзяне; 1-й полк — в Нинбо; 15-я отдельная дивизия, переформированная из 19-го корпуса, была переброшена в район Данъяна. Перешедшая на сторону НРА 16-я бригада 8-й пехотной дивизии Сунь Чуань-фана сосредоточилась в районе Чаншу.

1-й корпус: 13-я, 14-я пехотные дивизии занимали Нанкин, 2-я дивизия — Куншан, 21-я дивизия — Чжэньцзян; 7-й корпус: две пехотные дивизии — в Уху, 3-я дивизия — в Тайпине; 27-й корпус — в Уху; 37-й корпус был переправлен на южный берег Янцзы между Уху и Тайпином; 10-й корпус, располагавшийся в Лучжоу, перешел в район Аньцина. Части этого корпуса при содействии 7-го перехватили следовавшие по Янцзы трофеи 2-го корпуса (30 орудий, 30 бомбометов, 40 пулеметов и 6 тыс. винтовок).

Группа Бо Ли-вэя — 33-й корпус, 5-й временный корпус и 5-я отдельная дивизия (колеблющиеся) — примкнула к Чан Кай-ши и начала отход из района Шоусяна через Лучжоу на Аньцин.

Что же касается 2, 3 и 6-го корпусов, находившихся в прямом подчинении у Чан Кай-ши, но оставшихся верными Национально-революционному правительству в Ухане, то после измены Чан Кай-ши они по приказу правительства оставили занимаемые позиции: 8-я и 9-я дивизии 3-го корпуса из Аньцина отошли в Цзюцзян, а 2-й корпус — из Тунчэна в Хуанмэй. 6-й корпус, 16 апреля находившийся в районе Ванцзяочэна (30 ли южнее Нанкина), должен был отойти в Нинго, но 19-я дивизия этого корпуса была разоружена войсками Чан Кай-ши, а 17-я во главе с командиром дивизии Ян Чу-гуаном перешла на сторону Чан Кай-ши.

Приведенная выше группировка войск показывает, что Чан Кай-ши вследствие своей раскольнической деятельности и измены делу национальной революции предоставил шаньдунцам и войскам Сунь Чуань-фана передышку, чтобы они могли привести в порядок свои потрепанные в боях части, и воспрепятствовал успешному ведению войны с милитаристами. Непомерное разбухание Народно-революционной армии за счет привлечения милитаристов, перешедших на ее сторону, привело к перерождению ее в неомилитаристскую армию со всеми ее слабостями.

К середине апреля военно-стратегическое положение уханьской группировки НРА ухудшилось, оба фланга — восточный

и западный — оказались необеспеченными. Сычуань, примыкавшая с запада к провинциям, контролируемым Уханьским правительством, всегда славилась непрерывными войнами между тамошними генералами-милитаристами. Во время революционного подъема, после разгрома НРА войск У Пэй-фу, некоторые сычуаньские генералы сделались «отчаянными революционерами», заявили Уханьскому правительству о своей преданности революции и обратились к нему с просьбой принять их в НРА. Войска Ян Сэня получили наименование 20-го корпуса. Это была наиболее крупная группировка в Сычуани, состоявшая из пяти дивизий и четырех бригад, общей численностью около 40 тыс. человек. Войска генерала Лян Ши-хуана были переименованы в 22-й корпус, генерал Дэн Си-хоу стал командиром 28-го корпуса, генерал Лю Вэнь-гуй — командиром 24-го корпуса. Каждый из этих генералов объединил 20—30 тыс. человек.

В то же время в Западном Хубэе располагались местные войска (20—25 тыс. человек), перешедшие на сторону У Пэй-фу. В связи с наступлением армии Фэн Юй-сяна с запада вдоль Лунхайской железной дороги У Пэй-фу перенес свою ставку в Наньян. Отсюда он установил контакт с генералами-милитаристами в Западном Хубэе, некогда бывшими командирами его дивизий, затем при посредничестве этих генералов связался с Ян Сэнем.

Командир 13-го корпуса генерал Фан Ши-минь пытался оказать сопротивление, но потерпел поражение и вынужден был открыть им доступ в северную часть провинции Хубэй. Этим воспользовался генерал Ян Сэнь и в союзе с У Пэй-фу перешел в наступление на Ханькоу, овладев 16 апреля городами Ичан и Шаши.

Для Уханьского правительства создалась весьма напряженная обстановка, которая еще более усложнялась блокадой Уханя империалистами и Чан Кай-ши. Северные милитаристы Чжан Цзо-линь и Чжан Цзун-чан, пользуясь расколом в лагере южан, в конце апреля начали наступление вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги.

В этих сложных и противоречивых условиях единственно правильным решением Уханьского правительства было наступать против Чжан Цзо-линя. Оставшиеся в распоряжении Уханьского правительства войска, которые можно было двинуть на север, были относительно малочисленны (четыре-пять корпусов). Но правительство рассчитывало на помощь северо-западной армии Фэн Юй-сяна, к этому времени прочно обосновавшейся на территории Шэньси — Ганьсу и Западной Хэнани.

Наиболее ожесточенные бои развернулись в юго-восточной части провинции Хэнань, к югу от Лунхайской и к востоку от Пекин-Ханькоуской железных дорог. Местность здесь преобладала преимущественно равнинная, почва глинистая и лёссовая.

Густонаселенные села отстояли друг от друга всего на 1—1,5 км. Большинство селений были укреплены валами (высотой до 7—8 м) с бойницами и опоясаны рвами, часто заполненными водой. Местность пересечена реками, текущими преимущественно с запада на восток. Наиболее крупные из них — Шахэ и Жухэ. Шахэ — судоходная река, вброд непроходима, течение быстрое. Мостов почти нет, кроме железнодорожного моста у г. Янчэна. Берега низкие, укреплены дамбами высотой 5—8 м, которые защищали населенные пункты от разливов. Дамбы представляли собой удобные позиции для стрелкового оружия.

Мукденская армия под командованием Чжан Сюэ-ляна в составе 8, 10, 11, 15 и 17-го корпусов общей численностью 70 тыс. человек 22 апреля начала наступление из района Линьина в направлении Пекин-Ханькоуской железной дороги тремя группами: первая — из района Гуанчана на Шаоячжэнь, вторая — из Шаояоцзо на Мыньмяо и третья — из Дунгао на Шулитянь. В начале мая эти группы вышли к р. Шахэ.

В свою очередь, войска НРА и армия Фэн Юй-сяна 20—21 апреля начали наступление против мукденцев в направлении Пекин-Ханькоуской железной дороги на Чжэнчжоу (НРА) и из района Лояна вдоль Лунхайской железной дороги тоже на Чжэнчжоу (Фэн Юй-сян). Войска НРА западного направления, развернувшись на рубеже Чжумадянь — Жунин, наступали двумя группами: западная под непосредственным командованием генерала Тан Шэн-чжи в составе 35-го и 36-го корпусов и 1-й дивизии 8-го корпуса вдоль железной дороги. Другая группа, под командованием генерала Чжан Фа-куя, включавшая 4-й и 11-й корпуса и 15-ю отдельную дивизию генерала Хэ Луна (советником при этой группе был Горев), наступала восточнее в общем направлении от Жунина на Шанцай.

Армия Фэн Юй-сяна перешла в наступление 20 апреля четырьмя группами: первая (северная) под командой генерала Сун Чжэ-юаня (6-й и 4-й корпуса и три кавалерийские дивизии) — на Баотоу и далее на Калган; вторая (главные силы — 1, 3 и 5-й корпуса) под непосредственным командованием Фэн Юй-сяна — из района Шансяня, вдоль Лунхайской железной дороги, на Лоян, Чжэнчжоу; третья группа генерала Дэн Баошаня (8-й, 14-й и остатки 13-го корпуса генерала Фан Ши-миня) — из района, расположенного на стыке провинций Шэньси, Хэнань и Хубэй, на Наньян. Четвертая группа генерала Сюй Юань-шана в первых числах апреля вышла в район Уба, перед ней была поставлена задача достигнуть района Тайюаня в провинции Шаньси, чтобы содействовать, точнее, подталкивать вновь перешедшего на сторону НРА шаньсийского дубаня Янь Си-шаня на активные действия. Шаньсийская армия, переименованная в 3-ю НРА, должна была наступать на Шицзячжуан и перерезать путь отступления мукденцев по Пекин-Ханькоуской железной дороге.

Военно-политическая обстановка толкала обе противоборствующие группировки на решение своих стратегических целей наступательно. Намерение мукденцев вытекало из крайне невыгодного их стратегического положения: фланг и тыл их находились под угрозой армии Фэн Юй-сяна и Янь Си-шаня. Чжан Сюэ-лян, при содействии хэнаньских войск У Пэй-фу, решил разбить части западного направления Национально-революционной армии, а затем нанести поражение Фэн Юй-сяну.

В соответствии с намерением Чжан Сюэ-ляна мукденская армия к исходу 13 мая вышла на рубеж р. Шахэ. Правофланговый 17-й корпус (три пехотные и одна кавалерийская бригады и артиллерийский полк) наступал вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги и овладел г. Янчэном. Выдвинутые вперед кавалерийские части прошли 5 км и захватили переправу через р. Хунхэ возле ст. Синин. До подхода мукденцев этим пунктом владели хэнаньские части, на чьей стороне они были — трудно сказать. По некоторым данным, там находилась хэнаньская дивизия генерала Тянь Вэй-цзина, известного своими частыми переходами из одного лагеря в другой. В это время дивизия Тянь Вэй-цзина (около 8 тыс. человек) перешла на сторону мукденцев.

На левом фланге армии Чжан Сюэ-ляна наступал 11-й мукденский корпус (три пехотные и одна кавалерийская бригады и один артиллерийский полк, около 13 тыс. человек), который овладел переправой через р. Шахэ у Чжоуцзякоу. Командир корпуса генерал Чжоу Ин-цзян, наступая на Шанцай — Жунин, имел целью освободить хэнаньскую группировку войск У Пэй-фу, окруженную в районе Жунина частями Народно-революционной армии.

Надо заметить, что город Жунин имел для мукденцев не только стратегическое, но и политическое значение — это был оплот упэйфуистски настроенных слоев населения юга Хэнани. Занятие Жунина мукденцами значительно увеличило бы их численность за счет хэнаньских войск — сторонников У Пэй-фу и ставило бы эту группировку в выгодное фланговое положение по отношению к главным силам НРА, расположенным в районе Чжумадяня.

Передовые части НРА к вечеру 13 мая вышли к р. Жухэ, причем группа Тан Шэн-чжи захватила переправу через эту реку в районе Суйпина. Правее наступала группа Чжан Фа-куя: 4-й корпус (12-я и 25-я пехотные дивизии с двумя горными орудиями и 35 станковыми пулеметами, 10 тыс. человек) и 11-й корпус (10-я и 26-я пехотные дивизии, 8 тыс. человек, с двумя орудиями и 36 станковыми пулеметами). Правый фланг группы Чжан Фа-куя обеспечивала 15-я отдельная дивизия Хэ Луна. Нет надобности подробно излагать все перипетии этой сложной операции. К тому же у меня не сохранилось ни в памяти, ни в дневниках достаточного количества фактов, чтобы воспроиз-

вести ее более подробно. Не нашел их я и в архивных документах. Остановлюсь лишь на этих двух эпизодах тактического порядка, которые оказали решающее влияние на весь ход Хэнаньской операции и являлись наиболее характерными для оценки военного искусства и морального состояния обеих сторон.

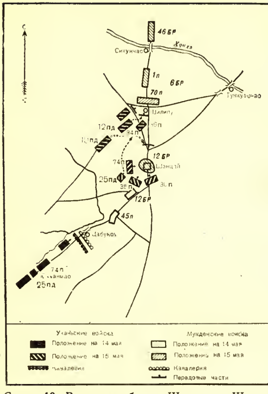

Схема 10. Встречные бои у Шанцая и Шилипу

Командование НРА получило сведения, что северо-западная армия Фэн Юй-сяна разбила хэнаньские войска в районе Лояна, блокировала этот город и продолжала наступление на Чжэнчжоу. В этих условиях Чжан Фа-куй получил приказ ускорить темп наступления и овладеть переправами через р. Хунхэ в районах Сихунчао и Тунхуачао. 4-й корпус должен был на рассвете 15 мая атаковать противника у Шанцая, а 11-й корпус — одной пехотной дивизией блокировать Жунин, в котором засели союзные мукденцам хэнаньские войска, а другой дивизией следовать на Шанцай в качестве резерва 4-го корпуса.

14 мая в 5 часов утра 4-й корпус выступил по дороге на Шанцай. В голове корпусной колонны следовала 25-я пехотная дивизия, которую возглавлял кавалерийский полк (100 всадников) и вел разведку. Столкновения с противником не предусматривалось. Штаб корпуса следовал за колонной 12-й пехотной дивизии. 11-й мукденский корпус, шедший на выручку Жунину, осажденному хэнаньцами, двигался двумя колоннами: главные силы — по правой дороге на Шанцай — Жунин (головной была 12-я бригада, за ней на расстоянии одного перехода следовала 6-я бригада). По левой дороге наступала 46-я бригада. Головная (12-я) бригада подготовилась к встречному бою — выделила сильный авангард (пять батальонов, всю артиллерию и тяжелые минометы). Такое построение походного порядка

соответствовало существовавшей в то время теории ведения встречного боя.

Около 15 часов дня кавалерийский полк южан на возвышенности у села Цабукоу столкнулся с головной заставой мукденцев, спешился, и завязалась оживленная перестрелка. Авангардный полк быстро развернулся и перешел в энергичное наступление. Мукденские части под натиском южан стали постепенно отходить. К 19 часам южане продвинулись на 5 км вперед, в бой вступила почти вся дивизия — семь батальонов. У мукденцев отражали атаки четыре полка и вся действовавшая артиллерия. С наступлением темноты бой прекратился.

Прибывший командир корпуса, допросив пленных, выяснил положение сил противника и решил окружить шанцайскую группу. Эта задача была поручена 25-й пехотной дивизии. 12-я пехотная дивизия была направлена в Шилипу, чтобы воспрепятствовать отходу противника из Шанцая и захватить переправу у Сихунчао до подхода крупных сил противника. (Шилипу расположено на полпути от Шанцикоу к переправе у Сихунчао). 15 мая в 6 часов утра 25-я дивизия возобновила наступление. Противник упорно сопротивлялся. Обе стороны ввели в бой все свои резервы, южане бросили даже комендантскую команду штаба дивизии. В 9 часов утра мукденцы начали сдавать, часть войск (12-я бригада и два полка хэнаньцев) укрылась за стенами в Шанцае, другие отступили в восточном и юго-восточном направлении. 25-я дивизия южан не преследовала их: она обложила город с запада и юго-запада в ожидании подхода 10-й пехотной дивизии, которая должна была разбить части противника на подступах к городу.

12-я пехотная дивизия в 3 часа выступила на Шилипу, выделив один батальон к северным воротам Шанцая, чтобы завершить его блокаду. В 12 часов дня авангард дивизии столкнулся на северной окраине Шилипу с мукденским отрядом, примерно около полка пехоты. Обе стороны действовали очень активно, стремясь обойти противника с фланга. В результате боя, длившегося около часа, мукденский отряд был разбит и переправа через р. Жухэ у Сихунчао была занята южанами. Бой протекал очень быстро, оба противника не успели даже ввести артиллерию, поскольку она находилась в хвосте колонны. Однако мукденцы сумели все же использовать минометы и причинили южанам немалый ущерб. Овладев переправой у Сихунчао, 4-й корпус выполнил свою задачу.

Таким образом, 4-й «железный» корпус НРА нанес поражение 11-му мукденскому корпусу (также называвшемуся «железным»), несмотря на численное и военно-техническое превосходство последнего. 11-й мукденский корпус состоял из 11 полков, 4-й корпус Чжан Фа-куя — из 9 полков. Кроме того, с мукденцами взаимодействовала одна дивизия хэнаньских частей Тянь Вэй-цзина.

Тогда же, 15 мая, произошел встречный бой 12-й пехотной дивизии с 46-й мукденской бригадой, которая тоже была разбита и отброшена на восток. Основные причины успеха южан заключались в превосходстве общего командования войсками, в наличии боевого опыта и, главное, в моральном превосходстве. У южан руководство боем сосредоточилось в руках командиров дивизий и командиров полков. Они находились вблизи передовой линии, лично наблюдали обстановку и тотчас же принимали соответствующее решение. В этом сказалась положительная роль советских военных советников, которые сами были впереди и показывали пример другим.

У мукденцев командиры бригад находились далеко от передовой линии и ходом боя руководили, по существу, командиры полков. Поэтому и действия бригад, в частности при использовании артиллерии, не были согласованными. Так, командир 11-го мукденского корпуса 14 мая находился на расстоянии трех переходов от своих передовых частей, штаб корпуса размещался в Чжоуцзякоу. Насколько плохим было взаимодействие между отдельными частями 11-го корпуса, видно из такого факта. 14 мая головной батальон 6-й бригады находился у переправы Сихунчао в 11 км от Шанцая, где происходил бой 12-й бригады с южанами, но 6-я бригада лишь в 12 часов дня 15 мая достигла Шилипу. Отсюда ясно, что в 6-й бригаде вообще не знали об этом бое или им сообщили слишком поздно.

Плохая осведомленность мукденского командования о позиции противника может показаться странной при наличии большого количества самолетов и кавалерии как в бригадах, так и в корпусах. В армии Чжан Сюэ-ляна 8-й корпус целиком был кавалерийским. Нельзя сказать, что командный состав мукденской армии имел плохую теоретическую подготовку. Напротив, почти все командиры мукденской армии — выпускники военных училищ, а старший командный состав — военных школ в Японии. Техническими средствами связи мукденские войска были обеспечены лучше, чем южане. У южан связь в полку поддерживалась пешими посыльными, а между дивизией и полком — телефоном и конными посыльными.

Впрочем, победа над мукденцами южанам далась нелегко. 25-я пехотная дивизия только 14 мая потеряла около 500 человек, авангардный полк 25-й дивизии потерял 80% командного состава, 12-я пехотная дивизия — два полка (около 300 человек), из них 60% потерь от огня минометов. Потери мукденцев точно не установлены, но, судя по косвенным данным, они понесли меньше потерь, чем южане.

Причины больших потерь у южан объяснялись материально-техническим превосходством мукденцев и отсутствием у южан навыков ведения боя на равнинной местности. Их боевые порядки в сфере действенного ружейно-пулеметного огня были слишком густые, перебежки велись взводами, а атаки носили

фронтальный характер. Мукденская конная артиллерия могла вести огонь с закрытых позиций. Артиллерия и минометы были хорошо обеспечены боеприпасами. Артиллерия южан переносилась с помощью кули в разобранном виде.

16 и 17 мая корпус Чжан Фа-куя вынужден был перейти к обороне. Противником его по-прежнему был 11-й «железный» корпус. Продолжались очень упорные и напряженные бои с переменным успехом. В конечном счете мукденское наступление было отражено. Отход войск на центральном участке послужил сигналом для общего отступления, которое потом превратилось в бегство. Части Чжан Фа-куя, преследуя противника, овладели переправой через р. Шахэ у Чжоуцзякоу.

Второй эпизод, на котором я остановлюсь, — это наступательная операция группы Чжан Фа-куя против организованной обороны мукденцев по северному берегу р. Шахэ, происходившая 24 мая. После неудачного для мукденцев встречного боя 14—17 мая они были вынуждены отойти на всем фронте за р. Шахэ. Их 17-й корпус, действовавший на направлении Пекин-Ханькоуской железной дороги, отступил в относительном порядке и без больших потерь за р. Шахэ и занял оборону в районе г. Янчэна.

11-й мукденский корпус, потрепанный в боях у Шанцая и Шилипу, постепенно отступил к р. Шахэ у Чжоуцзякоу, переправился через эту реку и разместился в районе г. Яньлина для того, чтобы привести себя в порядок. Левый фланг корпуса прикрывали хэнаньские части и 2-я кавалерийская бригада.

Части НРА преследовали противника. 36-й корпус НРА наступал в направлении железнодорожной линии, восточнее его двигалась группа хэнаньских войск под командованием генерала Лян Шу-кая, еще правее — группа Чжан Фа-куя в составе 4-го и 11-го корпусов (10, 12 и 25-я пехотные дивизии) и 15-й отдельной дивизии Хэ Луна. Войска южан на р. Шахэ были встречены огнем мукденцев. Только на правом фланге Чжан Фа-кую удалось продвинуть свой авангард на один переход.

В создавшейся обстановке Чжан Сюэ-лян принял решение: собрать в кулак группу войск в районе железной дороги для сильного удара в восточном направлении. Эта операция ударной группы поддерживалась двумя полками (53-й и 84-й) 34-й бригады 8-го кавалерийского корпуса, которые перебрасывались по железной дороге из Чжэнчжоу на северный берег р. Шахэ. Они занимали оборону влево от 17-го корпуса и прикрывали позиции главных сил армии.

Фронт обороны 34-й бригады тянулся на 22 км, 84-го пехотного полка — на 10—12 км. Он занял село Сяояочжэнь, выдвинув вперед разведку. В резерве был оставлен один батальон 53-го пехотного полка, в 2 км северо-западнее этого села. Главный удар южан ожидался на Сяояочжэнь. 24 мая на рассвете 15-я отдельная дивизия НРА переправилась через р. Шахэ в

15 км к востоку от левого фланга 34-й пехотной бригады. Переправа прошла без помех со стороны противника. Дивизия Хэ Луна немедленно использовала оперативный промах мукденского командования, перешла в наступление вдоль северного берега Шахэ и стала последовательными ударами теснить во фланг части 34-й бригады мукденцев. В 18 часов был занят Сяояочжэнь. 37-я бригада 10-го корпуса противника, подошедшая сюда с севера, нашла здесь не свои части, а войска южан и вынуждена была сразу же отойти на север и северо-запад.

27 мая главные силы войск Чжан Фа-куя приблизились к Линьцзину и вошли в соприкосновение с противником. Вокруг этого города противник создал сильный оборонительный узел. Чжан Фа-куй намеревался взять его, охватив с обоих флангов. 25-я пехотная дивизия должна была атаковать справа, а 12-я дивизия — слева. Однако этот замысел сорвался из-за промаха штабной службы. В 25-ю дивизию был послан офицер штаба корпуса с соответствующим приказом, но он заблудился, вернулся в штаб корпуса и лег спать, никому не доложив о случившемся. Начальник штаба корпуса и начальник оперативного отдела не проверили, получен ли дивизией приказ. Позднее дивизию подняли по тревоге, но время было упущено, и противник ушел.

Теперь мукденские войска занимали следующие позиции: 17-й корпус оборонял район Яньчэна, три бригады располагались фронтом на р. Шахэ, одна бригада в резерве. Левый их фланг восточнее Хэйлунтина прикрывала 49-я бригада У Пэйфу. В район Линьцзина прибыл 10-й корпус в составе трех бригад; 11-й корпус, приведенный в порядок и получивший пополнение, находился к югу от Яньлина. Общий резерв мукденских войск составляла бригада бодигаров Чжан Сюэ-ляна.

Войска НРА группы Чжан Фа-куя размещались в районе Сяояочжэня и Сихуа, а передовые части были выдвинуты к северу от Сяояочжэня. Корпус хэнаньских войск Лян Шу-кая занимал южный берег Шахэ от Хэйлунтина до железной дороги; 36-й корпус — железную дорогу и позиции к западу от нее. На крайнем левом фланге располагались хэнаньские войска.

Главное командование мукденской армии, учитывая обстановку, решило перейти в контрнаступление. 17-му корпусу было дано задание нанести главный удар в направлении железной дороги и восточнее ее. Его успех должен был развивать 11-й корпус, который был переброшен от Яньлина в район Линьцзина. 10-й корпус прикрывал эту операцию с востока. Начало наступления 17-го корпуса намечалось на 26 мая.

Мукденцам удалось форсировать р. Шахэ, прорвать позиции хэнаньских войск и вклиниться во фланг частей 36-го корпуса. Однако достигнутый успех им не удалось развить, так как резервы не подоспели. 36-й корпус южан ввел свои резервы и отбросил мукденцев на северный берег Шахэ. Неудача контр-

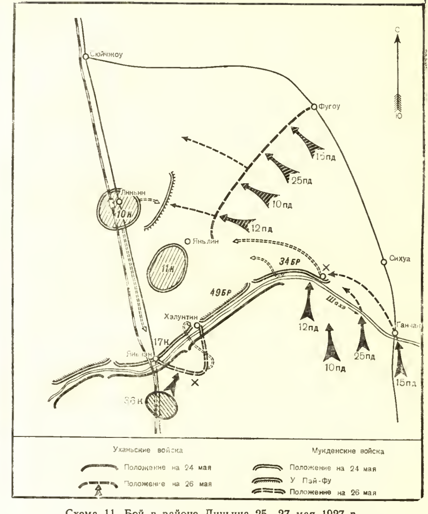

Схема 11. Бой в районе Линьина 25—27 мая 1927 г.

наступления мукденских войск повлияла на исход всей операции в Хэнани. Группа Чжан Фа-куя с дивизией Хэ Луна вышла 26—27 мая на линию Фучжоу — Фукоу, угрожая отрезать путь сообщения с Чжэнчжоу. В это же время, 20 мая, на северо-западе главные силы Фэн Юй-сяна (1, 3 и 5-й корпуса) разбили в районе Лояна шэньсийского милитариста Лю Чжэнь-хуа и продолжили наступление вдоль Лунхайской железной дороги, намереваясь выйти к Чжэнчжоу и преградить мукденской армии путь отступления на север.

Другая группа войск Фэн Юй-сяна — 13-й и 16-й корпуса — под командованием генерала Дэн Бао-шаня, двигавшаяся из

района Цзинцзигуаня, расположенного на стыке трех провинций (Шэньси, Хэнань, Хубэй), на Наньян (новая ставка У Пэй-фу), разбила противостоящие войска У Пэй-фу и 28 мая овладела этим пунктом. Мукденцам пришлось перейти к обороне и вывести свои войска из Хэнани за р. Хуанхэ. 10-й корпус с востока прикрывал отход главных сил своей армии на север. 17-й корпус отошел на сильно укрепленные позиции южнее Линьцзина.

Надо отдать должное мукденцам: они оборонялись стойко и искусно. Все атаки войск Чжан Фа-куя и 36-го корпуса были отражены. Им удалось использовать свое техническое превосходство в артиллерии и особенно в минометах. Отход войск они тоже провели очень умело, незаметно для южан. Им удалось переправить через Хуанхэ бо́льшую часть своей техники. Южане захватили только три танка, прикрывавшие отход мукденцев. Тем не менее поражение мукдено-чжилийской группировки было полное. Мукденские войска отступили за Хуанхэ, армия У Пэй-фу вообще перестала существовать как организованная и самостоятельная сила.

Приведенные два эпизода хэнаньской операции мукденской армии наглядно характеризуют ее военные принципы. Медлительность, безынициативность были характерны и для армий других китайских милитаристов.

Стратегическая обстановка в Хэнани требовала от Чжан Сюэ-ляна быстрого и энергичного выполнения принятого им решения (сперва нанести удар по уханьской группировке НРА — группе Тан Шэн-чжи, пока армия Фэн Юй-сяна находилась еще далеко). Из обзора военных действий в первом эпизоде видно, что мукденцы перешли в наступление только 14—15 мая слабыми силами, причем на главном направлении — против Жунина — наступали только одним корпусом против двух корпусов Чжан Фа-куя. В результате они потерпели поражение и отступили за р. Шахэ.

Такая же история повторилась с наступательной операцией мукденцев 26—27 мая. Чжан Сюэ-лян сумел сосредоточить в районе Янчэн — Линчэн свою ударную группировку — четыре корпуса, но в наступление перешел только один корпус. Мукденские войска, хотя и добились частичного успеха у ст. Янчэн, были вынуждены поспешно отойти за р. Хуанхэ, так как армия Фэн Юй-сяна подошла близко к ст. Чжэнчжоу, и им угрожало полное окружение и уничтожение.

1 июня 36-й корпус НРА занял Чжэнчжоу, а войска группы Чжан Фа-куя — Кайфын. Одновременно с НРА к Чжэнчжоу подошли войска Фэн Юй-сяна. Мукденцы в боях и особенно во время отступления понесли значительные потери — около 20 тыс. убитых, раненых и пленных.

Эта победа, одержанная НРА над самой сильной милитаристской группировкой, значительно укрепила позиции Уханьского правительства и создала реальные предпосылки для осво-

бождения всей территории Китая от власти милитаристов. Однако положение правительства оставалось очень серьезным, причем не столько из-за внешних врагов, сколько из-за внутренних — измен генералов и открытых выступлений контрреволюционных элементов в самом Ухане.

В разгар успешных операций НРА против мукденских войск сычуаньский милитарист Ян Сэнь 14 мая возобновил наступление против Уханьского правительства вдоль р. Янцзы на Учан. Главные силы Ян Сэня вышли 14 мая на рубеж Тяньмэнь — Цзяньли (120—130 км к юго-западу от Ханькоу). 16 мая восстала 14-я дивизия 15-го корпуса генерала Ся Доу-иня, которая была послана против милитариста Ян Сэня. Эта дивизия присоединилась к Ян Сэню, заняла г. Юэян и таким образом прервала железнодорожное сообщение Ханькоу — Чанша. Продолжая наступление на север вдоль железной дороги, она вышла в район Луньи (60 км к югу от Учана).

В Чанша 21 мая был совершен контрреволюционный переворот полковником Сюй Кэ-сяном. Были разогнаны профсоюзы, разоружены и разгромлены рабочие дружины. 18 мая ночью восставшие войска Ся Доу-иня приблизились на 30—40 км к Уханю. Положение осложнилось главным образом вследствие колебаний командного состава НРА, неуверенности правительства в своих силах и отсутствия единства в нем. Обнаружилось, что в 8-м корпусе и в военной школе часть командного состава настроена контрреволюционно и даже были открытые выступления против коммунистов.

Огромным напряжением сил удалось остановить Ян Сэня и усмирить мятежных генералов. 2-й корпус НРА был направлен против Ян Сэня, а 24-я дивизия, которой командовал коммунист Е Тин, — против Ся Доу-иня. На помощь им была послана военная школа. Благодаря самоотверженной работе коммунистов и их личному примеру Ся Доу-инь был разбит и захвачено более 1000 винтовок. Войска НРА тоже понесли большие потери: около 1300 человек было убито и ранено.

Обострение внутренних противоречий в национально-революционном движении связано главным образом с решением крестьянского вопроса. Настало время перейти от пламенных речей митинговых ораторов и общих декларативных пожеланий всевозможных комиссий и конференций к практическому обеспечению крестьян землей согласно лозунгу «каждому пахарю — свое поле».

Еще 27 апреля 1927 г. под давлением широких масс крестьянства и по настоянию Коммунистической партии Китая ЦИК гоминьдана принял решение о поддержке крестьян в их стремлении получить помещичьи земли, об укреплении крестьянских организаций и разоружении миньтуаней. Однако это решение ЦИК гоминьдана принял под давлением крестьянского движения, вопреки желанию большинства членов ЦИК, и правитель-

ство не торопилось претворять его в жизнь. Классовая борьба в деревнях Хунани и некоторых других провинций обострялась. Крестьянские союзы, руководимые коммунистами, по существу, становились в ряде мест органами революционной власти в деревне. Однако реальная власть в провинциях находилась в руках военщины.

Измена Фэн Юй-сяна

Если военные успехи НРА превзошли самые оптимистические ожидания, то внутриполитическое положение Уханьского правительства было весьма тревожным и напряженным. К этому времени войска Чан Кай-ши тоже вышли на Лунхайскую железную дорогу и таким образом вступили в непосредственное соприкосновение с войсками западного направления Тан Шэн-чжи.

На рубеже Янцзы ширина возможной операционной зоны (от Чжэньцзяна до Ханькоу) равнялась 1100—1200 км, а при выходе войск на Лунхайскую железную дорогу ее ширина сужалась до 600 км (от Сюйчжоу до Чжэнчжоу). В будущем, если бы войска вышли на железнодорожную линию Пекин — Тяньцзинь, эта зона сузилась бы до 200 км. Поэтому даже с точки зрения планирования военных операций необходима была какая-то договоренность с войсками, которыми командовал Чан Кай-ши.

Исходя из этого Уханьское правительство решило созвать конференцию военных лидеров в Чжэнчжоу. Многое теперь зависело от позиции Фэн Юй-сяна. Нам с В. К. Блюхером пришлось ехать на север в составе правительственной комиссии. В Чжэнчжоу выехали 6 июня поездом. Мост через р. Шахэ у Яньчжоу был разрушен, пришлось пересаживаться на мотоплощадку.

В Чжэнчжоу прибыли 7-го числа. Нас встретили солдаты войск Фэн Юй-сяна. На голове у них были кепи, очень похожие на те, которые носили у нас. До начала конференции оставалось некоторое время, и я использовал его для ознакомления с состоянием войск. Если по корпусу генерала Чжан Фа-куя мы имели довольно детальные сведения о численности боевого состава, то о 36-м корпусе у нас не было никаких данных.

Советник при 36-м корпусе Филипповский рассказал, что командный состав войск этого корпуса, преимущественно хэнаньцы, вначале был против похода на мукденцев и выражал недовольство политикой Тан Шэн-чжи. Теперь настроение изменилось к лучшему, стали больше доверять Уханьскому правительству. Младшие командиры дисциплинированны и исполнительны. Тактическая подготовка всех частей войск до батальона включительно удовлетворительна, но войсковая разведка

очень слаба, вернее, она просто не ведется. Изредка высылаются разведывательные дозоры — один офицер и два-три солдата, однако на их сведения нельзя абсолютно полагаться, так как они часто бывают недостоверны. Связь между корпусом, дивизией и полком (не далее 5 км) обеспечивалась телефоном. Что касается внутренней связи, то командиры часто забывали извещать в приказах и донесениях, где они находились. В штабе корпуса имелась одна рация для связи с высшим начальником.

В Чжэнчжоу мы разместились первоначально в доме миссионеров, обедали с членами правительства в банке. Там я встретил А. Я. Лапина и М. В. Сангурского. Они сообщили нам, что приезд Фэн Юй-сяна ожидается 9 июня.

Чжэнчжоу — узловая железнодорожная станция; здание станции маленькое, низкое, какие бывали у нас на полустанках на коротких железнодорожных линиях. 9 июня небольшая станционная площадка была заполнена до отказа встречающими Фэна членами правительства, военачальниками, делегациями местных властей, железнодорожными служащими и праздной толпой. На перроне был выстроен почетный караул солдат фэновской армии.

День был пасмурный, но теплый. Подошел товарный поезд, в нем было несколько классных вагонов, заполненных солдатами. Оркестр заиграл гоминьдановский гимн. Мы устремили свои взгляды на классные вагоны в надежде увидеть Фэн Юй-сяна с маршальскими регалиями по случаю встречи с правительством. Но там его не оказалось. Тогда я обратил внимание на товарный вагон, в дверях которого стоял высокий плотный солдат с черной бородой, в очках. Он был без оружия, на поясном ремне висел узелок с пампушками. Фэновские солдаты обычно свой дневной рацион питания носили в таких узелках.

Когда вагон остановился, бородатый солдат сошел с подножки вагона и застыл на перроне в недоуменной позе, как бы выражавшей: «Для кого и для чего эта встреча, я простой солдат из рабочих, крестьянский сын!».

Все поняли, что это и есть маршал Фэн Юй-сян. Члены правительства во главе с Тань Янь-каем хотели подойти к нему. Но восторженная толпа, преимущественно из железнодорожных рабочих, оттерла в сторону членов правительства, подхватила маршала на руки и понесла в легковую машину. Машина увезла его в подготовленную резиденцию.

Как потом выяснилось, Фэн Юй-сян ехал в классном вагоне, но за две станции до Чжэнчжоу пересел к солдатам. Этот трюк был рассчитан на сердца простых, бесхитростных людей, и, надо сказать, он достиг своей цели. Рабочие приняли маскарад Фэна за чистую монету. Я видел, каким восторгом горели их глаза. По их оживленной мимике и жестам (они поднимали большой палец вверх) я понял, что они были восхищены «про-

стаком-маршалом», его скромностью. Они как бы делали выбор между простым человеком и лощеными, богато одетыми членами правительства.

Не знаю, какие вопросы обсуждались на конференции и какие были вынесены решения. Но дальнейшие события говорили сами за себя. После конференции маршал Фэн Юй-сян выехал в Кайфын якобы для инспектирования находившихся там войск и нечаянно «проскочил» в Сюйчжоу. Там он 15 июня встретился с Чан Кай-ши. Но уже до поездки в Чжэнчжоу Фэн приказал сорвать плакаты и запретил вести агитацию против Чан Кай-ши. Далее он публично заявил, что не считает ни Чан Кай-ши, ни возглавляемое им нанкинское правительство контрреволюционным. На совещании Фэн Юй-сяна с Чан Кай-ши в Сюйчжоу была достигнута договоренность по следующим вопросам: М. М. Бородин должен выехать в Советский Союз, члены ЦИК гоминьдана в Ухане обязаны присоединиться к ЦИК гоминьдана в Нанкине, а кто не желает входить туда, тот может взять отпуск за границу. Войска Тан Шэн-чжи вливаются в войска под командованием Чан Кай-ши.

Таким образом, Уханьское правительство получило удар в спину от того, на чью поддержку оно больше всего рассчитывало в борьбе против Чан Кай-ши. Реальная власть, находившаяся в руках милитаристов старого типа (Чжан Цзо-линя, У Пэй-фу, Сунь Чуань-фана), теперь переходила к милитаристам нового типа — Чан Кай-ши, Тан Шэн-чжи, Фэн Юй-сяну.

Фэн Юй-сян, несомненно, одна из наиболее крупных фигур национально-освободительного движения в ранний период революции 1925—1927 гг. В беседе с членами нашего правительства, состоявшейся в Москве 21 мая 1926 г., он определенно высказался о своей роли в национально-освободительном движении.

Фэн Юй-сян причислял себя к пролетариату. Отец его был черепичником, дед — портным, сам он начал свою трудовую жизнь каменотесом. Когда ему исполнилось 18 лет, он сменил свою рабочую профессию на лямку солдата. Фэн Юй-сян не получил систематического образования, науку он постигал на военной службе.

В начале беседы Фэн оценивал общую политическую обстановку в Китае и роль Национальных армий в революционной борьбе. Английские и американские капиталисты, соревнуясь за преобладающую роль в Китае, опирались на поддержку той или другой группы китайских милитаристов.

Первоначально победу одержал генерал У Пэй-фу и объявил о создании республики во главе с президентом Цао Кунем, его ставленником. Национальная армия, входившая в то время в состав войск У Пэй-фу, отложилась от него (по каким мотивам — Фэн Юй-сян умалчивал), заключила союз с Чжан Цзолинем против У Пэй-фу и начала наступление через Жэхэ на

Пекин. Овладев Пекином, Фэн Юй-сян прогнал Цао Куня и молодого императора Пу И и решительно встал на поддержку народа, поборником интересов которого был Сунь Ят-сен. Реальные силы армии Фэн Юй-сяна достигали 40 тыс. человек. Противник превосходил их по количеству и качеству войск, а поэтому они не могли открыто заявить о поддержке Сунь Ятсена.

Чжан Цзо-линь разбил армию У Пэй-фу, три дивизии которого перешли на сторону Национальной армии. Была совершена большая ошибка — принимали в Национальную армию «необработанные» упэйфуистские части, которые впоследствии изменили ей. Затем началась борьба с Чжан Цзо-линем. Ранее она не развертывалась ввиду превосходства сил Чжан Цзо-линя. По мнению Фэна, гоминьдан делился на две группы: старых революционеров и новых. Старые революционеры были убеждены, что, прогнав императора и образовав Китайскую республику, они завершили свое дело; новая группа революционеров стремилась национальное освобождение довести до конца. 2-й и 3-й Национальными армиями руководили революционеры старого типа. На вопрос, к какой группе революционеров Фэн причисляет себя, он смущенно ответил: «Ни к какой, я просто военный».

Далее Фэн Юй-сян утверждал, что существовала еще третья группа революционеров — группа национального освобождения. К ней Фэн причислял 1-ю Национальную армию, которая опиралась на широкое народное движение на севере Китая. Затем он сообщил, что события начала 1926 г. связаны с секретным соглашением между Сунь Чуань-фаном и Национальными армиями о наступлении против Чжан Цзо-линя с севера и юга. Сунь Чуань-фан приступил к его выполнению. Командующий 2-й Национальной армией, дубань Хэнани Юэ Вэй-цзюнь просил Сунь Чуань-фана отдать Шаньдун, и Сунь Чуань-фан согласился. Фэн считал это крупной ошибкой, так как хотя наступление 2-й Национальной армии и началось удачно, но армия Юэ Вэй-цзюня из-за недисциплинированности и плохой организованности потерпела поражение.

Передача Шаньдуна 2-й Национальной армии раскрыла связь Сунь Чуань-фана с этими армиями. Чжан Цзо-линь обратился за помощью к Японии в обмен на концессии и экономические выгоды, вплоть до полного подчинения Китая Японии. На маневрах в Японии присутствовал генерал Го Сун-лин (в качестве представителя от Чжан Цзо-линя), а от Национальной армии — генерал Хан. Го Сун-лин, узнав о сговоре Чжан Цзо-линя с Японией, возмутился, назвал его вором и поклялся бороться против него. Фэн Юй-сян, узнав, что Го Сун-лин не согласился предать интересы Китая и намерен выступить против Чжан Цзо-линя, связался с ним и заключил тайный союз на следующих условиях: 1) борьба против Чжан Цзо-линя;

2) борьба с милитаристским насилием и империалистами за уничтожение неравноправных договоров; 3) опора на рабочих и крестьян и всеобщее обучение; 4) образование правительства из честных людей.

Го Сун-лин, со своей стороны, чтобы выиграть время и не выполнять приказов Чжан Цзо-линя, лег в госпиталь. Чжан Цзо-линь, узнав об измене Го Сун-лина, начал его преследовать.

Военная операция Го Сун-лина против Чжан Цзо-линя проходила успешно до вмешательства Японии, которая оказала помощь не только вооружением, но и живой силой. Это вмешательство Японии привело к гибели Го Сун-лина.

Фэн Юй-сян пояснял причины, побудившие его решиться на Тяньцзинскую операцию. Если бы Тяньцзинь остался в руках Чжан Цзо-линя, то 2-я и 3-я Национальные армии были бы разбиты, чего нельзя было допустить. 1-я Национальная армия после упорных боев взяла Тяньцзинь, а 2-я и 3-я армии начали наступление на Шаньдун. Внутренняя спайка и дисциплина отсутствовали в этих армиях. Их генералы постоянно ссорились между собой. Эти склоки, а также агентурная работа противника привели к тому, что три генерала — Вэн, Тян и Чэн, некогда перешедшие от У Пэй-фу на сторону Национальных армий, — теперь изменили и вернулись к своему старому хозяину.

У Пэй-фу, отравив хубэйского дубаня Сяо Яо-наня, снова вступил в борьбу. Он принял под свое командование войска покойного Сяо Яо-наня, усилил тремя хэнаньскими дивизиями и перешел в наступление против Национальных армий. Тяньцзинь и Хэнань оказались блокированными с трех сторон.

Далее Фэн благодарил за помощь Советский Союз и выражал соболезнование по поводу гибели трех советских летчиков, отдавших жизнь за общее дело. На вопрос, почему Фэн не состоит в партии, он ответил, что находился под влиянием предрассудков, запрещавших военным входить в партию, и думал, что 1-я Национальная армия может своими действиями помогать народу, даже если она формально не будет связана с гоминьданом. Вторая причина, почему он не вступил в партию, заключалась в том, что после смерти Сунь Ят-сена его вхождение в партию другие командующие Национальных армий могли истолковать как стремление взять на себя и партийное руководство, т. е. занять место Сунь Ят-сена. Теперь такая опасность исчезла, и он решил вступить в партию.

Фэн Юй-сян считал, что 1-я Национальная армия имела крепкое ядро. Советские инструкторы помогли увеличить боевую мощь армии. За четыре месяца боевых действий эта армия не понесла ни одного поражения. Хуже обстояло дело со 2-й Национальной армией. Армией командовали революционеры старого типа, армия была недисциплинированна, оторвана от населения. Главные причины отступления Национальных армий:

отсутствие патронов и снарядов и угроза тылу 1-й Национальной армии со стороны шаньсийского дубаня Янь Си-шаня.

В конце беседы Фэн сделал прогноз на будущее. Он полагал, что Чжан Цзо-линь и У Пэй-фу неизбежно передерутся. У Пэй-фу поддерживали англичане, Чжан Цзо-линя — Япония. Война этих двух группировок — это борьба двух империалистических держав за преобладание в Китае. 1-я Национальная армия намерена воспользоваться этой борьбой и в удобный момент в союзе с Сунь Чуань-фаном пойти против них. Измены Сунь Чуань-фана не надо бояться, он смертельный враг Чжан Цзун-чана. Сунь Чуань-фан был связан с Национальными армиями на 60%, с Гуанчжоу — на 30%, с гоминьданом — на 10%, питая сильную вражду к Чжан Цзо-линю. Тогда Национальная армия насчитывала около 140 тыс. человек. Предполагалось в ближайшее время перейти в наступление против Янь Си-шаня.

Фэн Юй-сян заявил, что командование Национальной армией решило преобразоваться в народное правительство северо-западных провинций. Основная линия правительства во внешней политике будет следующей: борьба за уничтожение неравноправных договоров, вывод всех иностранных войск из Китая, уничтожение всех концессий, полное осуществление программы гоминьдана.

Фэн Юй-сян в беседе весьма категорично подчеркивал это решение. Он утверждал, что Национальная армия будет развивать политработу. Заканчивая беседу, он просил помочь Национальным армиям материально: деньгами, вооружением, боеприпасами, медикаментами. Члены Советского правительства обратили внимание Фэн Юй-сяна на необходимость во время передышки не только накапливать военные силы Национальной армии, но и углублять связь с народом и народным движением. Этим должны определяться действия армии. Иначе народные массы могут рассматривать ее как милитаристскую армию. Одной из причин поражения Национальной армии является то, что она не привлекла симпатий народа.

Я изложил беседу в том виде, как она была застенографирована, с некоторыми поправками редакционного характера и сокращениями. Доклад Фэн Юй-сяна не отражал фактического положения дел. Претенциозные прогнозы маршала о том, что У Пэй-фу с Чжан Цзо-линем, а Сунь Чуань-фан с Чжан Цзун-чаном обязательно передерутся, потому что они «смертельные враги», не подтвердились. Перед лицом «красной опасности» «смертельные враги» нашли общий язык. Весной и летом 1927 г. Чжан Цзо-линь с У Пэй-фу плечом к плечу сражались против самого Фэна, а Сунь Чуань-фан с Чжан Цзун-чаном — против Чан Кай-ши.

21 июня вечером, а точнее, ночью у Блюхера состоялась беседа старшего советника при 1-й Национальной армии

М. В. Сангурский

М. В. Сангурского (я делал пометки в своем дневнике), в которой он так характеризовал Фэн Юй-сяна: «Первоначально он (Фэн) заигрывал с левыми, а вернее, относился к ним пассивно. Юй Ю-чжэнь, его заместитель по политчасти, делал доклады и проводил работу среди крестьянских организаций. Фэн Юй-сян вынужден был идти за левыми, признать Уханьское правительство, подписать телеграмму и декларацию против Чан Кай-ши. Однако он оставил себе лазейку для переговоров с Чан Кай-ши. В душе Фэн Юй-сян против революционного развития рабоче-крестьянского движения. Он начал уже репрессии против коммунистов. Это типичный милитарист новой формации, модернизированный У Пэй-фу. Характерны его демагогические приемы, которые он демонстрировал во время своих переездов. Например, его прибытие в Чжэнчжоу в товарном вагоне. Приезжая в большие города, он питался в харчевнях. Он приказал снять лозунги, направленные против Чан Кай-ши, осуществил тайную поездку в Кайфын, назначил свидание в Сюйчжоу с Чан Кай-ши.

Надо сказать, что советники, работавшие в армии Фэн Юй-сяна, проделали наиболее трудный путь. Начальником этой группы советников был Михаил Владимирович Сангурский. Смуглый, невысокого роста, плотный брюнет с узкими глазами и коротко подстриженными усами, Сангурский своим внешним обликом напоминал китайца, особенно когда он одевался в китайскую гражданскую одежду. Он окончил физико-математический факультет Московского университета и затем школу прапорщиков. С самого начала революции он сразу же перешел на ее сторону и вступил в коммунистическую партию в 1918 г.

Во время гражданской войны мне приходилось участвовать вместе с ним во многих боях. Сангурский отличался незаурядной храбростью и поразительным самообладанием. Его командный пункт всегда располагался в непосредственной близости от стрелковых цепей. Он чужд саморекламы и скорее был склонен преуменьшать заслуги свои и своей дивизии. Сангурский обладал превосходным чувством юмора. Некоторые молодые командиры в то время были склонны преувеличивать силу

противника, а короткие артиллерийские перестрелки они выдавали за «ураганный» огонь врага. Как-то Сангурский, докладывая М. В. Фрунзе, с иронией заметил: «Несмотря на ураганный огонь противника, доблестная Богучарская дивизия прорвала оборону противника и овладела Большим Токмаком. Ранены были двое: один упал с лошади, другой был ранен дышлом в спину». Его сослуживцы относились к нему по-товарищески и уважали его.

П. И. Смоленцев

Для характеристики стиля и методов работы советников северной группы я приведу три реляции по представлению к орденам Красного Знамени А. Я. Лапина, Н. Ю. Петкевича, К. Б. Калиновского и переводчика Ф. Боканенко. Осенью 1926 г. остатки 2-й и 3-й Национальных армий были осаждены в Сиане. В городе царил голод, в день умирало до 100 человек.

Командование 1-й Национальной армии направило на выручку осажденному гарнизону оперативную группу войск под командованием генерала Сун Лян-чэна. Советником при этом генерале был назначен А. Я. Лапин.

Эта группа войск по своей численности уступала в три раза противнику, блокировавшему Сиань. Лапин, используя оперативное превосходство, добился осуществления рейда усиленной пехотной дивизии в тыл противника. Нужно было не только проработать и тщательно рассчитать план операции, но и увлечь на его выполнение нерешительного и медлительного китайского генерала.

Во время боев А. Я. Лапин появлялся непосредственно в боевых порядках войск. Это намного подняло его авторитет как советника и как инструктора. Фэн Юй-сян в директивной телеграмме по армии выразил благодарность советнику Лапину за помощь войскам 1-й Национальной армии.

Затем Лапин принимал деятельное участие в операциях в Западной Хэнани. 1-я Национальная армия разгромила 8-й кавалерийский мукденский корпус и войска упэйфуистского генерала Чжан Цзы-гуна, было захвачено несколько тысяч пленных и 20 орудий.

Еще ранее за боевые отличия во время Тяньцзиньской опе-

рации в декабре 1925 г. были представлены к ордену Красного Знамени советники Н. Ю. Петкевич и К. Б. Калиновский и переводчик Ф. Боканенко. Николай Юлианович Петкевич руководил ночным набегом на станцию Янцунь через минированный участок пути бронепоездов, которые овладели станцией и прорвали первую линию обороны мукденских войск. Н. Ю. Петкевич также успешно руководил артиллерией при прорыве фронта мукденцев 25 декабря в районе станции Чжанкайчжоу и личным примером воодушевлял солдат в бою.

Константин Брониславович Калиновский был представлен к боевой награде за проявление инициативы и мужественное руководство боем бронепоездов. 16 декабря 1925 г. во время Тяньцзиньской операции, когда мукденские войска под командованием генерала Ли Цзин-линя совершали обходный маневр на ст. Лофа в тыл войскам 1-й Национальной армии, Калиновский по собственной инициативе направил бронепоезда на ст. Лофа и отбил все удары противника. Эти самоотверженные действия дали возможность войскам Национальной армии генерала Ли Мин-чжуна вовремя подоспеть на помощь и предотвратить вражеское наступление.

До приезда наших советников в 1-й Национальной армии вообще не имели понятия о бронепоездах. По эскизам Калиновского и при его консультации с помощью войскового сапера — инженера Чекина в железнодорожных мастерских станции Калган были построены отличные бронепоезда. Орудия размещались во вращающихся броневых башнях, а пулеметы и стрелки — на бронеплощадках.

С переходом Фэн Юй-сяна на сторону Чан Кай-ши дальнейшее наступление войск Уханьского правительства на север стало невозможным. Более того, Фэн Юй-сян в ультимативной форме потребовал роспуска Уханьского правительства. Но Ухань стал притягательным центром революционных сил. Многочисленные конференции и съезды отражали высокий революционный накал широких масс трудового народа и его готовность идти на любые жертвы за свободу Китая.

Однако руководящие лица правительства, такие, как Ван Цзин-вэй и Тань Янь-кай, а также военные лидеры Тан Шэн-чжи и даже Чжан Фа-куй готовы были пойти на соглашение с Чан Кай-ши и выполнить ультимативные требования, выработанные на сюйчжоуской конференции Чан Кай-ши совместно с Фэн Юй-сяном. Поэтому свертывание нашей работы в Китае стало неизбежным.

Отъезд из Китая

В начале июля 1927 г. я и несколько наших советников с женами выехали из Ханькоу в Шанхай на английском пароходе. Ехали мы довольно комфортабельно, каюта была простор-

ная, 17—18 кв. м. Эта поездка была отдыхом для нас. Так бывает на войне: после нескольких бессонных ночей один-два дня даже относительного затишья дают отдых.

После пережитого физического и нервного напряжения я отдавался созерцанию живописных ландшафтов великой китайской реки. Мимо проплыли утопавшие в зелени города: Цзюцзян, затем раскинувшийся на возвышенности Хукоу. Воды Янцзы стремительным потоком прорывались через теснину, образованную отрогами хребта Мулин у Мадана. А вот и Аньцин — столица провинции Аньхуэй с живописной высокой пагодой. Здесь Янцзы разливалась так широко, что северный берег исчезал где-то вдали. Наконец, показался Нанкин, с именем которого связаны и революционные взлеты и горечь поражений. Теперь уже недалеко и до Шанхая.

В. В. Вишнякова

В Шанхай мы приехали днем. Империалисты уже успели оправиться от потрясений, вызванных подъемом революционной волны, и стремились вернуть отторгнутое и наверстать упущенное. В это время в Шанхае муниципальная полиция и белоэмигранты ворвались в помещение Дальневосточного банка. В течение шести-семи часов обыскивали они помещения, обшаривали сейфы. Одновременно на территории французской концессии несколько советских учреждений подверглись нападению и обыску.

На этом провокации не окончились, были сделаны обыски в квартирах руководящих советских работников в Шанхае и других городах. Были захвачены личная переписка, фотографии и документы.

Как только мы ступили на землю Шанхая, меня остановил, по-видимому, английский чиновник полиции в сопровождении переводчика-белоэмигранта. Им был, как оказалось впоследствии, пресловутый Пик, точнее, шпик. Белобрысый, худосочный, с бегающими по сторонам глазками на бледном лице, этот молодой человек одно время работал в аппарате М. М. Бородина на технической работе. Пик был заподозрен как прово-

В. Т. Сухоруков

катор и английский шпион, но успел вовремя избежать возмездия и скрылся в Шанхае. Теперь Пик стал докладывать агенту английской полиции, как моя фамилия, какую я занимал должность и т. д. Я не стал дожидаться конца его «излияний» и уехал.

В Шанхае я застал Д. Я. Даровскую. Она мне рассказала о событиях в Нанкине после моего отъезда. Дина Яковлевна стала завхозом нашей небольшой нанкинской колонии. Переводчиков, по существу, там не осталось, осевший при нас офицер связи Ли владел лишь французским языком, да и то слабо. Жена советника Струмбиса заболела нервно-психическим расстройством. Китайский врач определил, что заболевание вызвано непривычной для нас китайской кухней. Вся тяжесть ухода за больной легла на Даровскую, пока не приехал Струмбис и не увез жену в Шанхай. При выезде из города военная полиция произвела обыск вещей у членов колонии.

После непродолжительного пребывания в Шанхае мы с ближайшим китайским рейсовым пароходом Шанхай — Владивосток, который отправлялся 18 июля, собрались выехать на родину. Однако власти Шанхая не пожелали так легко расстаться с нами. Начальник авиагруппы Сергеев, политработник Миляшкевич, переводчик Толстой и я не сумели уехать.

К этому времени произошел окончательный разрыв ЦИК гоминьдана и Уханьского правительства с Коммунистической партией Китая. Политическое бюро ЦИК гоминьдана постановило разорвать отношения с компартией, хотя некоторые видные деятели левого крыла гоминьдана резко протестовали против этого пагубного решения и в знак протеста покинули свои посты. Например, начальник политического управления Дэн Янь-да, министры Сюй Цянь, Чэнь Ю-жэнь и другие уехали из Уханя. Вдова Сунь Ят-сена опубликовала 14 июля декларацию, в которой горячо протестовала против политики гоминьдана, отошедшего в угоду генералам-неомилитаристам от учения Сунь Ят-сена об экономическом и социальном преобразовании Китая.

17 июля в самом Ухане произошел переворот, который совершил командир 35-го корпуса генерал Хэ Цзянь. Его войска заняли Учан, Ханькоу, Ханьян. По-видимому, все это было сделано с согласия уханьских правителей. Одновременно с этими контрреволюционными мероприятиями ЦИК гоминьдана были организованы антисоветские провокации. Китайские полицейские вкупе с полицией и консульскими властями империалистических держав осуществили налеты в ряде городов Китая не только на советские учреждения, но даже на квартиры советских официальных лиц. Не удивительно, что, когда мы 18 июля 1927 г. поднялись на борт китайского парохода «Хэнли», зафрахтованного нашим Совторгфлотом, явилась китайская жандармерия с отрядом маузеристов. А рядом на берегу у пристани стоял английский вооруженный солдат морской пехоты.

Н. В. Соловьев

В качестве Пинкертона в этой группе примазался все тот же пресловутый белогвардейский шпик Пик. Он ворвался в каюту и стал шарить под подушками. Наши советники вошли в каюту. Пик заметил это и, выхватив револьвер, устремился к двери. Я тумаком помог ему вылететь из каюты, и незадачливый Пинкертон растянулся. Затем, подобрав выпавший револьвер и шапку, Пик выбежал на верхнюю палубу под защиту китайских маузеристов.

Нам предложили следовать в управление полиции. Я заметил, что всем заправлял прокурор чанкайшистской группы войск, моложавый, высокий и худой брюнет в форме китайского генерала. Мы встречались с ним во время работы в штабе Чан Кай-ши. Нас поместили в комнату, где обычно допрашивали арестованных. Судя по техническим приспособлениям, находившимся здесь же, допрос, видимо, проводился с пристрастием.

Перед судейским столом, имевшим вид прилавка магазина,

в потолок был вмонтирован крюк с блоком, через который свисали две веревки, концы их оканчивались петлями. Заплечных дел мастера пропускали кисти рук своих жертв через эти петли и натягивали веревки до тех пор, пока кончики пальцев ног несчастного едва касались пола. В углу комнаты лежали самые разнообразные палки, наподобие хоккейных клюшек, которыми палач «подбадривал» допрашиваемого и делал его сговорчивее. С техникой такого судопроизводства меня познакомил мой бывший переводчик Чжао.

В нашей группе находился один японский коммунист. Арестованных одновременно с нами на пароходе китайских коммунистов отвели в отдельную камеру. На нас надели цепи с наручниками американского производства. При попытке вырваться или движении обеими руками наручники еще сильнее сжимали запястья. На следующий день утром в нашу камеру вошли палачи и сели на скамейку в ожидании вызова «на проработку». Это были атлетического сложения откормленные детины с тупыми лицами.

В тот день одному китайскому коммунисту отрубили голову. Палачом его был смуглый жилистый китаец, лицом походивший на Чан Кай-ши, с такой же прической бобриком. Войдя в комнату, он бросил окровавленные цепи с наручниками под скамейку и с брезгливой гримасой стал мыть руки. Затем, повернувшись к своим коллегам, он с гордостью начал рассказывать о казни. По-видимому, он считался «мастером высокого класса».

Тюремный персонал составляли: тюремный надзиратель, выводной — старый солдат, мальчик для уборки помещения и услуг и стража — солдат, вооруженный маузером. Тюремный надзиратель — высокий моложавый китаец, располневший, по-видимому, на прибыльных тюремных харчах. Мы предъявили ему требование: объявить нам причину нашего ареста, вызвать нашего консула и снять с нас кандалы. В противном случае мы объявляем голодовку и не будем принимать пищи. Надзиратель хлопнул себя по ляжкам обеими руками и, заливаясь смехом, прокричал: «Вот интересно, посмотрим, сколько времени вы продержитесь без еды!»

Японский коммунист тоже примкнул к нам. Он был некрепкого здоровья, худощавый, с впалой грудью. Мы уговаривали его не присоединяться, но японец жестами дал нам понять, что он не может этого сделать. К вечеру того же дня его выпустили по требованию японского консула, что с ним было дальше — мы не знаем.

Мальчик Ли, веселый, шустрый паренек лет 14—15, убирал помещение, приносил воду, пищу и т. п. Он охотно выполнял все просьбы, даже относил наши записки в консульство. За хорошее к нам отношение он навлек на себя гнев тюремного надзирателя и был им нещадно избит. Но это не укротило его,

в пику надзирателю он выполнял наши поручения с еще большим рвением.

Наконец, наш страж — придурковатого вида молодой солдат. По-видимому, ему совсем недавно выдали настоящий боевой маузер. Он все что-то с ним манипулировал, а затем стал прицеливаться, стремясь придать своему лицу свирепый вид. Я был ближе всех к нему и поэтому чаще других служил мишенью. Из опыта мне были известны трагические концовки таких неуместных шуток. Возмущенный его опасными шутками с заряженным оружием, я набросился на нашего часового с поднятыми вверх сжатыми кулаками и стал кричать на него.

Страж перепугался до смерти. С ловкостью обезьяны он юркнул за дверь. Некоторое время спустя из приоткрытой двери показалось его испуганное лицо. Он быстро схватил свою табуретку и уселся за дверью. По-видимому, там он продолжил свои упражнения с маузером, так как неожиданно раздался выстрел и душераздирающий крик. Как позже нам рассказал мальчик Ли, охранник прострелил себе обе ноги.

В то время в Шанхае стояла удушливая жара, воздух был до предела насыщен испарениями. Мы изнывали от духоты, обливаясь потом, тело покрылось сыпью и нестерпимо зудело. Спали на каменном полу вповалку. Только на четвертые сутки главный прокурор удосужился поинтересоваться, кого же он арестовал, и прибыл к нам в камеру с переводчиком из белоэмигрантов, который заявил нам, что он к тюремному ведомству никакого отношения не имеет. С нами же был переводчик Толстой, житель Харбина, знавший китайский язык с детства.

Мы напомнили прокурору, что прибыли в Китай по приглашению китайского правительства, и в частности президента Сунь Ят-сена. В том, что мы, да и сам прокурор, теперь находимся на Янцзы, немалая заслуга генерала Галина и наших советников. Это могли подтвердить Чан Кай-ши и другие китайские генералы. Какое же право имел господин прокурор без всяких оснований подвергать нас аресту и унизительному содержанию в тюрьме? Мы требовали допуска к нам советского консула и немедленного нашего освобождения. Мы еще раз подтвердили, что, пока наши требования не будут удовлетворены, мы отказываемся принимать пищу. Прокурор не ожидал такого напора и исчез из камеры так же поспешно, как и появился. После его визита все шло по-старому.

На пятые сутки голодовки переводчик Толстой, слабый физически, упал в обморок, из горла хлынула кровь. Я послал в консульство записку, что мы решили продолжать голодовку и что Толстой тяжело заболел. Эту записку отнес в консульство мальчик Ли. Между тем ноты нашего консула Козловского нанкинское министерство иностранных дел оставило без всякого внимания.

Помощь подоспела к нам неожиданно. После контрреволюционного переворота генерала Ли Цзи-шэня в Гуанчжоу тамошняя группа советников ликвидировалась и выехала на родину. В тот момент они ждали в Шанхае парохода во Владивосток. Старший советник этой группы М. Г. Ефремов вместе с советником при Бай Чун-си В. Н. Панюковым, узнав о нашем аресте, по собственной инициативе поехали к Чан Кай-ши в Нанкин. Ефремов*, обладавший внушительной фигурой и волевым характером, и подвижный как ртуть, экспансивный В. Н. Панюков так нажали на Чан Кай-ши, что получили от него не только письменное распоряжение о немедленном нашем освобождении, но и письменное выражение сожаления. Незадолго до прибытия М. Г. Ефремова и В. Н. Панюкова в тюрьме начался переполох. В нашу камеру вбежал бледный, перепуганный надзиратель и стал трясущимися руками отпирать и освобождать нас от кандалов. Ворвавшиеся в камеру Ефремов и Панюков отшвырнули надзирателя и увели нас из тюрьмы. Мы собрали имевшиеся у нас деньги и отдали их старому солдату-выводному и мальчику Ли.

Вначале мы заехали в министерство иностранных дел, где Толстому опять сделалось дурно. В. Н. Панюков тут же обратился к служащим министерства иностранных дел с гневной речью. Нас принял заместитель министра иностранных дел, благообразный, культурный, пожилой китаец, в традиционном платье, и принес нам от имени генерала Чан Кай-ши извине-

---

* М. Г. Ефремов родился в феврале 1897 г. в Тульской губернии. Работал в Москве на заводе гравером-инструментальщиком и одновременно учился на Пречистенских вечерних курсах. В 1915 г. был призван в армию на правах вольноопределяющегося и принял участие в первой мировой войне. В 1917 г. окончил школу прапорщиков на Кавказе.

Ефремов принял активное участие в Октябрьской революции в составе 1-го Замоскворецкого красногвардейского отряда, занимал различные командные должности в Красной Армии — от командира роты до командира бригады. В 1919 г. вступил в Коммунистическую партию Советского Союза. В 1920 г. участвовал в боях за освобождение Баку от врагов революции. За боевые и революционные заслуги награжден тремя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием.

По возвращении из Китая занимал высокие командные должности. В 1930 г. окончил Военно-политическую академию (по факультету единоначальников), а в 1933 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1937 г. он был командующим войсками ряда округов, а в январе 1941 г. он был назначен заместителем генерального инспектора пехоты Красной Армии.

В начале Великой Отечественной войны М. Г. Ефремов командовал 21-й армией, а с октября 1941 г.— 33-й армией. За успешное ведение боев в Московском сражении он был награжден орденом Красного Знамени. Под командованием генерала Ефремова войска 33-й армии прорвали фронт гитлеровцев и в конце января подошли к Вязьме. В течение почти трех месяцев эта группировка, отрезанная от остальных войск, в невероятно тяжелых условиях самоотверженно отражала удары фашистов. В начале апреля 1942 г. по приказу фронта войска генерала Ефремова двинулись на соединение с главными силами фронта. Ефремов погиб, ему присвоено звание Героя Советского Союза.

ния. Он объяснил наш арест самоуправством коменданта города генерала Ян Ху, за которое он будет строго наказан. Причиненный ущерб Чан Кай-ши хотел возместить через консула, передав нам 3 тыс. долл., но мы отказались от денег.

Таков был конец нашего пребывания в Китае. По всей стране начался белый террор против революционных рабочих, крестьян, интеллигентов, прежде всего — против Коммунистической партии Китая. Гоминьдановские власти стремились услужить империалистам и в осуществлении антисоветских провокаций.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Острие революции 1925—1927 гг. было направлено против милитаристов и их хозяев. Руководящую роль в революции взяла на себя партия гоминьдан, представлявшая собой объединение различных социальных группировок, ставивших различные цели в революционной борьбе. Это был единый фронт национальной буржуазии, мелкой городской буржуазии, крестьян и пролетариата. Естественно, что уже при зарождении этого единого фронта возникли разногласия, главным образом из-за руководящей роли в революции. Внутрипартийная борьба по мере развития революции становилась все острее. 20 марта 1926 г. Чан Кай-ши сделал первую попытку подчинить себе революцию и убрать со своего пути коммунистов.

При проведении Северного похода китайские буржуазные руководители стремились ограничить его чисто военными целями. В начальный период Северного похода разногласия между различными политическими группировками гоминьдана не препятствовали единству действий. Революционная борьба приняла такой размах, что империалистические державы стали создавать коалицию реакционных сил, казалось бы, из непримиримых врагов: У Пэй-фу и Чжан Цзо-линя, Сунь Чуань-фана и Чжан Цзун-чана. Кроме того, они спешно сосредоточивали в Китае собственные крупные силы.

Однако все потуги реакции оказались тогда тщетными, и менее чем через год объединение Китая вокруг одного центра, по существу, было достигнуто. Быстрый военный успех НРА, победившей противника, значительно превосходившего ее по численности и боевому техническому оснащению, объяснялся рядом причин: моральным превосходством НРА и лучшей боевой выучкой; большой организующей ролью советских военных советников во главе с В. К. Блюхером; всесторонней поддержкой НРА широкими народными массами (крестьянство, пролетариат, ремесленники и трудовая китайская интеллигенция) во время военных действий; деятельностью Коммунистической партии Китая по повышению политико-морального состояния войск НРА путем организации целеустремленной политработы и мобилизации местного населения на оказание помощи НРА.

По мере развития революционного движения и вовлечения в революционную борьбу крестьянства и пролетариата перед

Национальным правительством все острее вставала необходимость какого-то решения аграрного вопроса. Но реальная власть на территории Национального правительства находилась в руках военных, которые, как правило, были выходцами из феодально-помещичьей и буржуазной среды. Коммунистическая партия Китая явилась основным проводником решения вековой аграрной проблемы в пользу крестьян, поэтому весь гнев и злоба военщины и феодалов-помещиков, буржуазии и чиновничества обрушились на коммунистов Китая.

Внутренние противоречия в партии гоминьдан привели к ее расколу на правое, реакционное крыло и левое, придерживавшееся революционных методов действий в союзе с Коммунистической партией Китая. Эти противоречия привели в апреле 1927 г. к разделению Национального правительства на два политических центра: реакционный — нанкинский с правительством Чан Кай-ши и Ху Хань-миня и уханьский, который возглавляли Ван Цзин-вэй и Тань Янь-кай. Советником при них оставался М. М. Бородин. Это правительство стало основным притягательным центром всех революционных сил Китая.

Однако члены Уханьского правительства оказались неспособными руководить революционной борьбой и не хотели этого. Они проявили свойственные мелкобуржуазным политикам нерешительность и неустойчивость. После перехода Фэн Юй-сяна в лагерь Чан Кай-ши они тоже переметнулись в лагерь реакции: разорвали союз гоминьдана с Коммунистической партией и учинили расправу над коммунистами и революционными элементами. Так произошло отделение действительно революционного движения от сопутствовавших ему до поры до времени буржуазных элементов.

Мы, советские добровольцы, по преимуществу слушатели 4-го и 5-го выпусков Военной академии РККА (ныне им. М. В. Фрунзе), по приглашению Сунь Ят-сена прибыли в Китай и приняли деятельное участие в китайской революции 1925—1927 гг.

Советские люди горели искренним желанием помочь китайскому народу освободиться от гнета милитаристов и их покровителей — империалистических держав и обрести свой суверенитет.

Глава правительства Южного Китая Сунь Ят-сен, приглашая советников, создал им все возможности для успешной работы. Что касается генералов Национальных армий (Фэн Юй-сяна, Юэ Вэй-цзюня и Сунь Юэ), то они придерживались своеобразной политики. Оружие и другие материальные средства принимали от нашего правительства охотно, наших советников приглашали на банкеты, а непосредственно к работе допускали с опаской и в крайних случаях. Об этом свидетельствовали десятки примеров из нашей практики — Яньчжоуская операция, Тяньцзиньская, Чжумадяньская и др.

Из материала, представленного в моих Записках, видно, что невзирая на сложность и противоречивость обстановки и огромные трудности, советским советникам удалось достичь поставленной им цели — помочь китайскому народу разбить северных милитаристов.

Многих наших советников я знал лично по совместной учебе в Военной академии РККА и по боевой работе на фронтах гражданской войны. Все советские советники проявили высокий патриотизм и большую самоотверженность в работе в Китае.

Пожалуй, наибольшие трудности в осуществлении своей деятельности встретили советники калганской группы (при 1, 2, 3-й Национальных армиях), вследствие обрушившегося на эти армии подавляющего превосходства сил милитаристов и поддержки их империалистами, а также слабого руководства Национальными армиями. Однако при помощи наших советников эти армии оттянули на себя крупные силы реакции и тем самым дали возможность Национально-революционной армии с помощью советников гуанчжоуской группы подготовиться, выступить в Северный поход против милитаристов и разбить их по частям.

Ряд бывших советников в своих трудах мемуарного характера запечатлел, как производилось формирование НРА, ее обучение. В этих трудах убедительно показано на богатом материале, как благодаря превосходству нашего метода руководства войсками и использования опыта гражданской войны в России Национально-революционная армия разгромила войска милитаристов.

И хотя измена Чан Кай-ши, а затем и уханьских лидеров сорвала дальнейшее развитие революции 1925—1927 гг., мы можем с гордостью сказать, что задание нашей партии, нашего народа — оказать помощь революционным силам Китая — советские люди, прибывшие в Китай в качестве военных советников, выполнили с честью.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Состав армии Чан Кай-ши в 1927 г.

Соединение	Численность	Примечание
1-я группа*		
1-й корпус	22 000	Основиая опора Чаи Кай-шн. Включал шесть дивизнй (1, 2, 3, 14, 20 и 21-я).
1-й временииый корпус	5 000	Вновь сформирован.
5-й корпус	6 000	Виовь сформирован в районе Чаичжоу — Ханчжоу.
6-й корпус	5 000	Виовь сформироваи из кадров разоружеииой в Наикине 19-й дивизии 6-го корпуса.
7-й временный корпус	5 000	Укомплектоваи виовь набранными солдатами и пленными.
10-й корпус	10 000	Сформироваи из хуианьских частей.
13-й корпус	5 000	Виовь сформирован в районе Нанкии — Пукоу на 50% из плеииых. Бай Чуи-си иабнрал из своих сторонников.
14-й корпус	7 000—8 000	Укомплектоваи из старых, преданных Чан Кай-ши частей.
15-й корпус	5 000	Сформирован из 2-й хубэйской дивизни Бай Чуи-си.
40-й корпус	5 000	Сформироваи нз отдельиой днвизии генерала Хэ Яо-цзу.
44-й корпус	10 000	Из хуиаиьских частей. Командир корпуса Е Кай-синь — ярый противиик Тан Шэн-чжи. Настроен против Уханя.
Отряд Лн	2 000	Подчииен Бай Чун-си.
Флот		Выступил на стороне Чаи Кай-ши
2-я группа		
7-й корпус	16 000	Заиимал выжидательиую позицию.
10-й корпус	12 000	Сформирован из частей Ваи Тяиьпэя (бывший 1-й гуйчжоуский корпус), присоединился к НРА с выходом в провнниию Хуиаиь.
17-й корпус	5 000	Собирался отойти в Фуцзяиь, чтобы, объедииившись с 26-м корпусом, выжидать, кто возьмет верх.

* 1-я группа — наиболее надежиые части Чаи Кай-ши в борьбе с Уханем; 2-я группа — нейтральиые.

Продолжение

Соединение	Численность	Примечание
26-й корпус	7000	Образован из 3-й чжэцзянской пехотной дивизии. Боеспособность невысокая. Стремился уйти в район Ханчжоу.
27-й корпус	6000	Неясная ориентация.
33-й корпус	7000	Из аньхуэйских частей. Командир Бо Ли-вэй выступал против Чан Кай-ши. Личный состав более тяготел к Чан Кай-ши.
37-й корпус	5000	Северная группа Чэнь Тяо-юаня. Образован из 6-й дивизии и других аньхуэйских частей. Корпус не имел внутреннего единства.
15-я отдельная дивизия	3000	Бывший 19-й корпус, переформированный из 1-й чжэцзянской дивизии Чэнь И.

Китайские военные деятели периода революции 1925—1927 гг.

Б а й Ч у н - с и. Гуансийский генерал, родился в 1893 г., участник революции 1911 г. Правый гоминьдановец. В период Северного похода командовал войсками НРА на Чжэцзянском фронте, которые нанесли поражение Сунь Чуань-фану и вступили в Шанхай после освобождения его рабочими. Был назначен Чан Кай-ши комендантом Шанхая, стал одним из руководителей контрреволюционного переворота. Возглавлял вместе с Ли Цзун-жэнем гуансийскую военно-политическую группировку, был членом президиума ЦИК гоминьдана.

Б о Л и - в э й. Генерал, родился в пров. Аньхуэй. Был начальником военной школы 2-й Национальной армии в пров. Хэнань, в Северном походе командовал 33-м корпусом НРА. Примыкал к левому крылу гоминьдана, выступал за дружбу с СССР и союз с КПК.

В а н В э й - в э н ь. Хэнаньский генерал, был командиром 3-й дивизии 2-й Национальной армии. Ориентировался на лидера чжилийской милитаристской клики У Пэй-фу.

В э й И - с а н ь. Генерал, входивший в группировку фэнтяньских (мукденских) войск Го Сун-лина, восставшего против Чжан Цзо-линя. После гибели Го Сун-лина увел свои части к Шаньхайгуаню и, переименовав их в 4-ю Национальную армию, присоединился к Гоминьцзюню.

Г о С у н - л и н. Фэнтяньский генерал, 23 ноября 1925 г. восстал против главаря мукденской прояпонской милитаристской клики Чжан Цзо-линя и перешел на сторону руководимого Фэн Юй-сяном Гоминьцзюня. Под его командованием находились семь пехотных дивизий, два полка артиллерии и инженерный полк. В результате вмешательства (в том числе вооруженного) Японии Го Сун-лин был убит, а его войска потерпели поражение.

Дуань Ци-жуй (1864—1936). Китайский милитарист, глава прояпонской клики Аньфу (аньхуэйской). Находился у власти в Пекине в 1916—1920 гг. и в 1924—1926 гг. В 1918 г. подписал соглашение с Японией об участии Китая в интервенции против Советской России. Подавлял патриотическое «движение 4 мая» 1919 г. По его приказу была расстреляна антиимпериалистическая демонстрация в Пекине 18 марта 1926 г.

Дэн Бао-шань. Командир дивизии 2-й Национальной армии. После распада этой армии в начале 1926 г. он ушел со своей дивизией в пров. Шэньси, в 1927 г. в качестве командира корпуса участвовал в наступлении Северо-западной армии Фэн Юй-сяна в Хэнани против контрреволюционных войск Чжан Сюэ-ляна (сына Чжан Цзо-линя).

Дэн Янь-да. Генерал, левый гоминьдановец. В период Северного похода был начальником Политуправления НРА, начальником военной школы Хуанпу (Вампу), заведующим крестьянским отделом ЦИК гоминьдана. После реакционного переворота в Ухане в июле 1927 г. ушел с руководящих постов в гоминьдане и организовал крестьянско-рабочую партию. Убит чанкайшистами.

Е Тин (1895—1946). Член КПК, генерал НРА, в период Северного похода командовал Отдельным полком 4-го корпуса, сыгравшим важную роль в победе над У Пэй-фу. В 1927 г. полк был развернут в 24-ю дивизию 11-го корпуса, которая под командованием Е Тина отличилась в подавлении реакционного мятежа Ся Доу-иня. Был одним из руководителей Наньчанского восстания против контрреволюционного гоминьдана (август — сентябрь 1927 г.), командующим войсками Кантонской коммуны (декабрь 1927 г.). В 1937—1941 гг. командовал войсками Новой 4-й армии, воевавшей против японских захватчиков в долине р. Янцзы. В 1941—1946 гг. находился в гоминьдановской тюрьме. Погиб в 1946 г. в авиационной катастрофе.

Кан Шао-си. Генерал, дубань (военный губернатор) пров. Жэхэ. Заключил соглашение с Го Сун-лином об участии в восстании против Чжан Цзо-линя, но под воздействием Японии поддержал Чжан Цзо-линя и способствовал поражению Го Сун-лина.

Коу Ин-цзе. Генерал чжилийской милитаристской клики, начальник гарнизона Учана в период Северного похода, руководил обороной Учана от штурмовавших этот город частей НРА.

Ли Ле-цзюнь. Член ЦИК гоминьдана, политический советник 2-й Национальной армии Ху Цзин-и, затем — 1-й Национальной армии Фэн Юй-сяна.

Ли Мин-чжун. Генерал, служил в 1-й Национальной армии, в 1925 г. был дутуном (губернатором) Суйюани, в начале 1926 г. сменил Фэн Юй-сяна на посту дуцзюня Ганьсу.

Ли Пин-сянь. Командир 36-й дивизии НРА, будучи в 1927 г. командиром 8-го корпуса и начальником гарнизона Ханькоу, приказал в конце июня разогнать Генсовет профсоюзов пров. Хубэй и разоружить рабочие пикеты.

Ли Ци-цай. Командир 9-й дивизии 2-й Национальной армии. Командовал войсками этой армии в Шаньдунской операции в декабре 1925 г.

Ли Фу-линь. Командир 5-го корпуса НРА в Гуанчжоу, правый гоминьдановец.

Ли Ху-чэн. Командир 11-й дивизии (размещавшейся в пров. Шэньси) 2-й Национальной армии. Одно время замещал дубаня Шэньси.

Ли Цзи-шэнь. Командир 4-го корпуса НРА и начальник Главного штаба. Член ЦИК гоминьдана. В апреле 1927 г. совершил контрреволюционный переворот в Гуанчжоу. После вторжения японских империалистов в Китай стал выступать за единый антияпонский фронт, критиковал политику Чан Кай-ши. В 1949 г. как председатель партии «Революционный комитет гоминьдана» был избран одним из заместителей председателя Центрального народного правительства КНР. Умер в 1958 г.

Ли Цзун-жэнь (1890—1960). Был начальником штаба Сунь Ятсена, во время Северного похода — командир 7-го (гуансийского) корпуса НРА. Один из лидеров юго-западной группировки гоминьдановских милитаристов. В 1949 г. исполнял обязанности президента гоминьдановского Китая. В 1950 г. возвратился в КНР.

Ли Цзин-линь. Генерал, дубань пров. Чжили (Хэбэй). Заключил соглашение с Го Сун-лином об участии в восстании против Чжан Цзо-линя, но под воздействием Японии поддержал Чжан Цзо-линя и не допустил установления железнодорожной связи между войсками Фэн Юй-сяна и Го Сун-лина, способствуя поражению последнего.

Линь Бо-цюй (Линь Цзу-хань) (1886—1960). Член КПК с 1921 г. В период Северного похода — начальник политотдела 6-го корпуса НРА. Занимал руководящие посты в гоминьдане (до июля 1927 г.). В дальнейшем участник Наньчанского восстания, член Центрального советского правительства Китая, председатель правительства Пограничного района, с 1938 г. — член ЦК КПК, с 1945 г. — член Политбюро ЦК КПК.

Линь Бяо (1908—1971). Член КПК, окончил военную школу Вампу, в период Северного похода командовал батальоном 4-го корпуса НРА. Участвовал в Наньчанском восстании, в гражданской войне с гоминьданом, в войне против японских империалистов (командир 115-й дивизии 8-й армии), в народно-освободительной войне 1946—1949 гг. (командующий 4-й полевой армией). В 1959—1971 гг. министр обороны КНР.

Лу Ди-пин. Родился в Хунани, генерал, заместитель командира (фактически командир) 2-го корпуса НРА.

Лу Цзо-лун. Генерал армии У Пэй-фу, после взятия войсками Северного похода г. Учана перешел на сторону НРА, его части были преобразованы в 15-й корпус НРА.

Лу Чжун-лин. Генерал 1-й Национальной армии Фэн Юй-сяна, был в 1926 г. начальником гарнизона Пекина.

Лю Чжэнь-хуа. Генерал чжилийской клики У Пэй-фу, дубань пров. Шэньси, осаждавший в г. Сиане в апреле — ноябре 1926 г. остатки войск 2-й и 3-й Национальных армий.

Лю Чжэнь-хуань. Командующий Гуансийской армией в Гуанчжоу в 1923—1925 гг. В июне 1925 г. поднял мятеж против национально-революционного правительства и был разбит.

Сунь Чуань-фан. Генерал, отколовшийся в конце 1924 г. от чжилийской клики милитаристов. Ориентировался на США. В 1925—1926 гг.

контролировал восточнокитайские провинции Цзянси, Аньхуэй, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь. Был разбит войсками НРА в ноябре 1926 — марте 1927 г.

Сун Чжэ-юань. Командир кавалерийского корпуса армии Фэн Юй-сяна, был дубанем пров. Жэхэ.

Сун Лянь-чжун. Командир 2-й кавалерийской дивизии армии Фэн Юй-сяна.

Сунь Юэ. Командующий 3-й Национальной армией и дубань пров. Шэньси. Умер в 1926 г.

Сюй Кэ-сян. Командир 33-го полка 35-го корпуса НРА, который 21 мая 1927 г. совершил в г. Чанша контрреволюционный переворот.

Сюй Чун-чжи. Командующий Гуандунской армией в Гуанчжоу, в июле-августе 1925 г. — военный министр Национального правительства. В сентябре 1925 г. его войска были разоружены, а сам он выслан из Гуанчжоу по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Ся Доу-инь. Командир 14-й дивизии 15-го корпуса НРА, в мае 1927 г. поднял контрреволюционный мятеж в пров. Хубэй.

Тан Шэн-чжи. Командир 8-го (хунаньского) корпуса НРА и командующий западной группой войск НРА, а в мае 1927 г. — главнокомандующий уханьской НРА. В июле 1927 г. выступил против КПК и рабоче-крестьянского движения.

Тан Чжэн-да. Генерал 1-й Национальной армии Фэн Юй-сяна.

Тань Янь-кай. Хунаньский политический и военный деятель, командир 2-го корпуса НРА, с марта 1926 г. — председатель Национального правительства в Гуанчжоу, член постоянного комитета (политбюро) ЦИК гоминьдана.

Тянь Вэй-цзин. Командир 3-й дивизии 2-й Национальной армии, сторонник У Пэй-фу.

У Пэй-фу (1878—1939). Генерал, глава проанглийской чжилийской клики милитаристов, господствовавшей в долине Янцзы и отчасти в Северном Китае. Войска У Пэй-фу в июне — октябре 1926 г. были разбиты НРА, после чего он сошел с политической арены.

Фань Ши-минь. Командир 6-й дивизии 2-й Национальной армии в Хэнани, в 1926 г. участвовал в операциях против У Пэй-фу в качестве командира 13-го корпуса НРА.

Фан Чжэнь-у. Командующий 5-й Национальной армией (фактически она состояла из одной дивизии), входившей в Гоминьцзюнь.

Фэн Юй-сян (1880—1948). Главнокомандующий Гоминьцзюня и командующий 1-й Национальной армией. В октябре 1924 г. во время чжилийско-фэнтяньской войны, будучи командующим группой войск У Пэй-фу, поднял восстание и занял Пекин, преобразовав свои части в Национальную армию (Гоминьцзюнь). В 1926—1927 гг. участвовал в операциях против войск У Пэй-фу и Чжан Цзо-линя. Летом 1927 г. перешел в лагерь гоминьдановской контрреволюции. После окончания 2-й мировой войны выступал против антинациональной политики Чан Кай-ши.

Хэ Лун. Командир дивизии, затем 20-го корпуса, прославился в операции НРА в Хэнани против фэнтяньских войск в мае 1927 г. Один из руководителей Наньчанского восстания (август 1927 г.), во время которого вступил в КПК, и организаторов китайской Красной армии.

Хэ Ин-цинь. Во время Северного похода — командир 1-го корпуса НРА и командующий войсками восточного направления. С 1932 г. — военный министр гоминьдановского правительства.

Хэ Цзян. Командир 35-го корпуса, в 1927 г. — начальник гарнизона Ханькоу, один из организаторов контрреволюционного переворота летом 1927 г.

Ху Цзин-и. Командующий 2-й Национальной армией, дубань пров. Хэнань. Пригласил советских военных советников в свою армию. Умер в 1925 г.

Цзинь Юнь-э. Генерал чжилийской группировки У Пэй-фу, в конце 1925 г. вместе со 2-й Национальной армией выступал против шаньдунского дубаня Чжан Цзун-чана. В 1926 г. — дубань Хэнани, в марте 1927 г. перешел на сторону гоминьдана.

Чан Кай-ши (Цзян Цзе-ши). В период Северного похода — главнокомандующий НРА. В апреле 1927 г. совершил контрреволюционный переворот. В 1949 г. руководимый Чан Кай-ши гоминьдан был разбит революционными силами. Чан Кай-ши бежал на о-в Тайвань, где возглавил административную власть и армию гоминьдана.

Чжан Сюэ-лян. Генерал, сын прояпонского милитариста, главаря фэнтяньской клики Чжан Цзо-линя. После смерти в 1928 г. отца возглавил армию и администрацию Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), признал власть гоминьдановского Нанкинского правительства. Один из организаторов антисоветских провокаций на КВЖД и на границе в 1929 г. В 1931 г. не дал отпора японским империалистам, вторгшимся в Маньчжурию, отступил со своими войсками в Северный Китай. В 1936 г. руководил арестом Чан Кай-ши в Сиани.

Чжан Фа-куй. В период Северного похода — заместитель командира (фактически командир) 4-го корпуса НРА, получил известность благодаря успешным действиям против У Пэй-фу в 1926 г. и Чжан Цзо-линя в 1927 г. В последующие годы был одним из лидеров гуандун-гуансийской группировки гоминьдановских милитаристов, участвовал в Фуцзяньском восстании 1933—1934 гг. против Чан Кай-ши.

Чэнь Цзюн-мин. Гуандунский милитарист проанглийской ориентации. Его войска были разбиты гоминьдановской армией в ходе двух Восточных походов, осуществленных весной и осенью 1925 г.

Юй Ю-жэнь. Помощник по политической части командующего 2-й Национальной армии Ху Цзин-и, затем его преемника Юэ Вэй-цзюня, в конце 1925 г. занял тот же пост в 1-й Национальной армии Фэн Юй-сяна. Член ЦИК гоминьдана.

Юэ Вэй-цзюнь. Командир 2-й дивизии 2-й Национальной армии Ху Цзин-и, а после смерти последнего в апреле 1925 г. занял его пост, став одновременно дубанем Хэнани.

Ян Си-минь. Командующий Юньнаньской армией в Гуанчжоу в 1923—1925 гг. В июне 1926 г. поднял мятеж против национального правительства и был разбит.

Янь Си-шань. Командующий шаньсийскими войсками и дубань пров. Шаньси около 40 лет (от революции 1911 г. до освобождения Шаньси Народно-освободительной армией). В период революции 1925—1927 гг. блокировался то с У Пэй-фу, то с Чжан Цзо-линем, то (после контрреволюционного переворота 1927 г.) с Чан Кай-ши. В 1929—1930 гг. участвовал в античанкайшистском блоке северных генералов. Его последний перед провозглашением КНР пост — председатель гоминьдановского исполнительного юаня (правительства).

Советские военные и военно-политические советники в Китае в период революции 1925—1927 гг.

Акимов В. М. (Петя Силин). Род. 1902 г. В 1925—1926 гг. — военный советник Калганской группы, в 1926—1927 гг. — Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил курсы востоковедения в Ташкенте. Как советник вел инструкторскую работу: на севере Китая — на курсах офицеров пехоты по переподготовке, на юге Китая — в школе Вампу. Был советником 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса. Участвовал в штурме Учана. Награжден орденом Красного Знамени. В 1932 г. окончил Военную академию РККА. В 1937—1938 гг. работал в Китае (в г. Ланьжоу) по снабжению китайской армии в войне против Японии. В Великой Отечественной войне командовал дивизией и корпусом.

Аргентов А. А. (Марино). Военный советник по артиллерии Гуанчжоуской группы. В короткий срок провел обучение китайских офицеров-артиллеристов стрельбам с закрытых позиций. На занятиях обходился без переводчика.

Базенау О. Военный советник по авиации Гуанчжоуской группы. По специальности бортмеханик. В боевой обстановке выполнял обязанности наблюдателя, бомбардира и стрелка. Проявил большую инициативу при штурме Учана.

Балк. Военный советник по бронепоездам Калганской группы. Принимал участие в Тяньцзиньской операции 1-й Национальной армии в группе бронепоездов Калиновского. Умер от заражения крови в начале 1926 г. Похоронен в Пекине.

Бессчастнов Т. А. Род. 1893 г. В 1925—1926 гг. — старший военный советник по артиллерии Гуанчжоуской группы. Принимал участие в боевых операциях в Гуандуне, а также в организации работы арсеналов. Читал лекции по артиллерии в школе Вампу. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Был начальником артиллерии 51-й стрелковой дивизии, которой командовал в это время В. К. Блюхер. По возвращении из Китая командовал 1-й артиллерийской бригадой. Участник Великой Отечественной войны. Последняя должность — начальник АКУКС (Высшие артиллерийские курсы по усовершенствованию комсостава). Умер в 1947 г.

Благодатов А. В. (Роллан). Род. 1893 г. В Китае находился с апреля 1925 г.: в 1925 г. работал в аппарате военного атташе, в 1926 г. — начальник штаба Хэнаньской группы; в 1927 г. — начальник штаба и заместитель главного советника Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае участвовал в боевых операциях: на севере Китая — на Тяньцзиньском направлении, в Центральном Китае — на Яньчжоуском и Чжумадяньском направлении и в бою у Лояна; на юге Китая — в Северном походе (в Нанкинской и Хэнаньской операциях). В Хэнани в военном училище

преподавал артиллерийские науки. При возвращении в СССР был снят с парохода чанкайшистами и посажен в тюрьму. Участвовал в Великой Отечественной войне в должностях: командира корпуса, заместителя командующего армией, представителя 3-го Украинского фронта при 1-й Болгарской армии и коменданта г. Вены. Затем начальник факультета Академии Генерального штаба.

Блюхер В. К. (Галин). Род. 1892 г. Главный военный советник на юге Китая в 1924—1927 гг. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. За выдающиеся заслуги в ходе гражданской войны награжден орденом Красного Знамени № 1. Был командующим Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Руководил действиями этой армии во время событий на КВЖД (1929 г.) и против японских агрессоров (на оз. Хасан, 1938 г.). Ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. См. также стр. 200—204 настоящего издания.

Боровой П. Ю. Род. 1902 г. Учился в Харбине. До 1922 г. находился на партийной работе на Дальнем Востоке. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА. В Китае находился на дипломатической работе при военном атташе. Погиб в начале Великой Отечественной войны.

Бородин Т. С. Род. 1891 г. Военный советник по артиллерии Хэнаньской группы, с июля 1926 г. переведен в Гуанчжоускую группу. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В период гражданской войны занимал должность командира дивизиона в артиллерии 40-й Богучарской дивизии, командиром дивизии был М. В. Сангурский, а артиллерией дивизии командовал А. В. Благодатов. Принимал участие в Северном походе. О своей деятельности в Китае Т. С. Бородин написал статью «Воспоминания артиллерийского советника», которая помещена в сборнике «На китайской земле» (М. 1974). Участник Великой Отечественной войны.

Васин В. Советник по военно-инженерному делу Хэнаньской группы. Читал лекции по фортификации в Хэнаньской военной школе.

Вихрев А. Род. 1902 г. Военный советник по бронепоездам Калганской группы. Участвовал в Тяньцзиньской боевой операции. Убит в боях в пров. Ганьсу в 1926 г.

Вишнякова В. В. Род. 1905 г. Окончила Восточный факультет Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. В 1925—1927 гг. работала в Китае в качестве переводчицы в штабах военных советников и в аппарате Главного политического советника ЦИК гоминьдана М. М. Бородина.

Воронин Н. М. (Птицин). Военный атташе в Пекине. По профессии медик. Участник гражданской войны в Туркестане, где был членом Военного совета армии. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Геккер А. И. Род. 1888 г. Первый советский военный атташе в Китае (1922—1925 гг.). Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Участник боевых операций в Китае (в Хэнани). Подробнее см. стр. 28—29 настоящего издания.

Герман Я. Г. Военный советник Гуанчжоуской группы (из «первой пятерки», прибывшей в Китай в 1923 г.). Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). В Китае участвовал в организации школы Вампу и проведении боевых операций в Гуандуне.

Гилев Г. И. Военный советник Гуанчжоуской группы. Прибыл в Китай в октябре 1924 г. Преподавал в школе Вампу, участвовал в боевых операциях в Гуандуне в качестве советника по артиллерии.

Гмира М. Я. Род. 1900 г. В Китае с октября 1924 г. работал в Гуанчжоуской группе в должности секретаря-адъютанта В. К. Блюхера. Подробнее см. стр. 204 настоящего издания.

Горев В. Е. Род. 1900 г. Военный советник Калганской группы (1925—1926 гг.) и Гуанчжоуской (1926—1927 гг.). Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). На юге Китая был советником при 4-м (железном) корпусе генерала Чжан Фа-куя, участвовал в Северном походе. По возвращении в СССР назначен военным руководителем Коммунистического университета трудящихся Востока. Опубликовал статью о китайской армии (под псевдонимом Высогорец).

Грей А. Н. Род. 1898 г. Военный советник по военно-морскому флоту Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китае ведал вопросами перевозки оружия морским путем.

Дратвин М. И. Род. 1893 г. Военный советник по связи Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. С 1925 г. работал в школе Вампу по связи. По возвращении в СССР окончил Военную академию РККА. В 1937 г. возвратился в Китай в качестве военного атташе и главного военного советника. Участник Великой Отечественной войны.

Егоров А. И. Род. 1883 г. Окончил военное училище в 1905 г. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Военный атташе в Китае с октября 1925 г. В марте 1926 г. А. И. Егоров был отозван в СССР. Здесь он занимал должности командующего войсками военных округов, в 1931—1937 гг. — начальника Генерального штаба РККА, с 1937 г. — первый заместитель обороны, Маршал Советского Союза. Подробнее см. стр. 87—89 настоящего издания.

Ефремов М. Г. (Абнольд). Род. 1897 г. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Военный советник Гуанчжоуской группы. С 1926 г. в Гуандуне занимал должность старшего советника при начальнике Главного штаба генерале Ли Цзи-шэне. Руководил работой советников при школе Вампу. Участник Великой Отечественной войны в должности командующего 21-й, затем 33-й армии. Погиб 19 апреля 1942 г. в Смоленской области. Подробнее см. стр. 276 настоящего издания.

Зенек И. Я. (Зембровский). Род. 1898 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. С 1925 г. работал в школе Вампу, участвовал в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе, был советником при 2-м корпусе генерала Тань Янь-кая.

Зильберт И. Н. Род. 1898 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). В Китае находился с октября 1924 г. по 1927 г. Преподавал в школе Вампу, участвовал в боях в Гуандуне и в Северном походе.

Зимин. Род. 1896 г. Военный советник Хэнаньской группы с июня 1925 г. Участник гражданской войны в России. Окончил курсы «Выстрел».

Участвовал в боевых операциях на Тяньцзиньском фронте. Уехал из Китая по болезни.

Зотов И. Род. 1900 г. Командир штаба Гуанчжоуской группы. В Китае находился с октября 1926 г. Участник Северного похода. Отравлен на банкете в Ханькоу в августе 1927 г. (предположительно, бокал предназначался В. К. Блюхеру).

Зюк П. Род. 1896 г. Военный советник по кавалерии Калганской группы. Участник 1-й мировой войны. В гражданской войне участвовал в составе 8-й кавалерийской дивизии, под командованием В. М. Примакова на должности командира конного дивизиона. Окончил Военную академию РККА. В Китае был советником при командире кавалерийского корпуса Сун Лян-чжуне. Китайская кавалерия 1-й Национальной армии в боях на Севере Китая не справилась со своими задачами и была рассеяна. По возвращении в СССР П. Зюк командовал 4-й стрелковой дивизией в Ленинградском военном округе.

Иванов-Ринов. Военный советник Калганской группы. Бывший генерал царской армии. Вместе с другими бывшими генералами старой армии Тонких и Шелавиным вступил в группу советских добровольцев в Китае. Иванов-Ринов принял участие в боевых операциях на Севере Китая, был ранен в обе ноги.

Ильяшенко. Военный советник бюро военного атташе в Пекине. При налете мукденских войск на советское посольство 6 апреля 1927 г. был арестован вместе с другими советскими сотрудниками посольства и содержался в тюрьме полтора года.

Калиновский К. Б. (Корде). Род. 1897 г. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. За боевые заслуги в этой войне награжден двумя орденами Красного Знамени. Окончил Военную академию РККА. Военный советник по бронепоездам в Калганской группе. В Китае находился в 1925—1926 гг. Совместно с инженером — военным советником Чекиным построил пять бронепоездов, которые оказали большую помощь 1-й Национальной армии Фэн Юй-сяна. Они продержались в пров. Чжили пять месяцев, сражаясь против превосходящих сил войск мукденской клики. По возвращении в СССР был назначен заместителем начальника Управления моторизации и механизации РККА. Погиб в авиакатастрофе в 1932 г.

Каратыгин П. П. (Рагон). Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Академию Генерального штаба старой армии. В Китае был в 1925—1926 гг. Состоял офицером для особых поручений при наркоме по военным и морским делам М. В. Фрунзе. Инспектировал деятельность военных советников. Более подробно см. стр. 47 настоящего издания.

Климов А. Я. Род. 1898 г. Военно-политический советник: в 1924—1925 гг. в Хэнаньской группе, в 1925—1926 гг. — в Калганской группе. Участник революционного движения и гражданской войны на Дальнем Востоке. Член КПСС с 1918 г. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА. Участник III конгресса Коминтерна (1924 г.). В 1927 г. отбыл в Москву, работал в НКИД.

Кобяков. Военный летчик (бортмеханик) Гуанчжоуской группы. Участвовал в боевых полетах в Гуандуне и в Северном походе. В ходе боевых операций в пров. Цзянси сделал вынужденную посадку в районе противника и вместе с летчиком Ремизюком попал в плен. Освобожден из тюрьмы по взятии НРА Наньчана.

Кончиц Н. И. Род. 1894 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китае в 1925 г. был советником при командире 6-го корпуса генерале Чэн Цяне. Во время Северного похода участвовал в разгроме армии Сунь Чуан-фана под Наньчаном. Более подробно его деятельность в Китае отражена в его труде «Китайские дневники». Участник Великой Отечественной войны. За проявленную храбрость и успешное руководство боевыми операциями награжден многими орденами и медалями.

Корейво И. (Нога). Род. 1885 г. Военный советник Калганской группы. Окончил курсы востоковедения в Ташкенте. Совершил замечательный двухмесячный переход для установления связи армии Фэн Юй-сяна с НРА (из пров. Шэньси в Ханькоу) по местности, занятой противником.

Корнеев И. (Андерс). Род. 1890 г. Военный советник Калганской группы. Был начальником штаба этой группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В 1926 г. стал главным советником при 5-й Национальной армии генерала Фан Чжэн-у. Вместе с ней участвовал в боевых операциях на севере Китая в составе группы войск, возглавляемых Фэн Юй-сяном.

Корнеев Н. С. (Кон). Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае работал с 1925 г. советником при начальнике связи НРА. Участвовал в Северном походе. Участник Великой Отечественной войны, представитель Советской Армии при маршале Броз Тито.

Кравцов А. М. Род. 1897 г. Советник по авиации и командир авиаотряда Гуанчжоуской группы. Военную подготовку прошел в авиашколах в Егорьевске, Каче. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китае находился в 1925—1927 гг. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе, в частности в воздушных боях у г. Учана. По возвращении из Китая командовал различными авиачастями на Дальнем Востоке, воздушной армией на Камчатке. Участник ВОВ. Награжден боевыми орденами.

Кузьмичев Б. И. (Вен). Род. 1900 г. Военный советник по кавалерии Калганской группы. Состоял адъютантом при заместителе главного советника Примакове.

Куйбышев Н. В. (Кисанька). Главный военный советник Гуанчжоуской группы во время отпуска В. К. Блюхера (1925 г. — март 1926 г.). Позднее занимал должность начальника управления кадров РККА.

Куманин М. Ф. (Зигон). Род. 1897 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китае находился с октября 1926 г. на должности военного советника при 7-м (гуансийском) корпусе. Участник Северного похода. В Хэнаньской операции был советником при генерале Хэ Луне. При поражении осенью 1927 г. войск Хэ Луна, восставших против гоминьдановских изменников, Куманин попал в плен. Был освобожден и вернулся на Родину только через год. Подробнее см. воспоминания М. Ф. Куманина о Наньчанском восстании в книге «Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае» (М., 1961).

Лапин А. Я. (Сейфуллин). Род. 1899 г. Военный советник Калганской группы. Окончил Военную академию РККА. В Китае работал в 1925—1927 гг. в Калганской группе, затем начальником штаба Хэнаньской группы. В апреле 1926 г. замещал военного атташе, затем был заместителем главного военного советника Северо-западной армии, возглавляемой Фэн

Юй-сяном. Подробнее см. стр. 20—22 настоящего издания. По возвращении в СССР поступил в авиашколу и по ее окончании перешел на службу в ВВС. За боевые заслуги в гражданскую войну и работу в Китае награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

Лебедев И. В. (Лубе). Род. 1892 г. Военный советник Хэнаньской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Читал лекции в Хэнаньской военной школе и вел занятия с курсантами в поле.

Лонгва Р. В. Род. 1890 г. Военный атташе в Пекине в 1926—1927 гг. Участник гражданской войны в России. Член КПСС с 1910 г. Награжден орденом Красного Знамени за боевые заслуги. По возвращении из Китая работал в Генеральном штабе, был начальником Управления связи РККА.

Лобанов И. В. Военный советник Калганской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА.

Львов В. И. Род. 1891. Военный советник Калганской группы и старший советник при 3-й Национальной армии генерала Сунь Юэ. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. Во время Великой Отечественной войны занимал должность командующего армией. Погиб смертью героя в Крыму.

Мамаев И. К. Род. 1896 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Окончил коммерческое училище в Харбине. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Восточный факультет Военной академии РККА. В Китае находился с октября 1924 г. по 1926 г. Преподавал в школе Вампу. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе в качестве военного советника при 7-м (гуансийском) корпусе, а также в штурме Учана. По возвращении в СССР работал в Военной академии РККА.

Мацейлик Ф. Г. Род. 1895 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае находился с октября 1924 г. Преподавал в школе Вампу. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе советником при 3-м (юньнаньском) корпусе. По возвращении в СССР был начальником Отдела внешних сношений Генштаба РККА.

Молчанов Н. С. Род. 1896 г. Военно-медицинский советник Калганской группы. С началом военных действий на Тяньцзиньском фронте открыл по собственной инициативе госпиталь в Пекине, используя местные возможности. Подробнее см. стр. 47—49 настоящего издания.

Муравьев В. Л. Род. 1900 г. Советник бюро военного атташе в Пекине. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Находился в Китае в 1925—1927 гг. Участвовал в боевых действиях в Хунани. Основная профессия — инженер-строитель. Участник Великой Отечественной войны.

Наумов С. Н. (Калачев). Род. 1890 г. Военно-политический советник, работавший с мая 1925 г. по 1927 г. в Калганской, Хэнаньской и Гуанчжоуской группах. Участник гражданской войны в России. В Гуанчжоуской группе был главным политическим советником школы Вампу. С началом Северного похода работал при Политуправлении НРА. По возвращении в СССР — на научной, преподавательской работе, был главным редактором Воениздата. См. его статью «Школа Вампу» в книге «Советские

добровольцы о первой гражданской революциоииой войне в Китае» (М., 1961).

Павлов П. А. Род. 1892 г. Первый главный военный советник в Китае, пионер организации работы иаших советников. Знал пять иностранных языков. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны. Был награжден двумя орденами Красного Зиамени и Золотой Бухарской звездой. Погиб от несчастного случая в Шилуне в 1924 г. Более подробно см. стр. 140—143 настоящего издания.

Панюков В. Н. (Коми). Род. 1899 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Окончил курсы востоковедения в Ташкенте. Прибыл в Китай в октябре 1924 г. Первоначально работал в школе Вампу в качестве переводчика, затем преподавателем. Участвовал в качестве советника в боевых операциях в Гуандуне. К началу Северного похода был назначен В. К. Блюхером советником при командире 26-го корпуса генерале Бай Чун-си.

Петкевич Н. Ю. (Дюфрен). Род. 1895 г. Военный советник по артиллерии Калганской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В Китай прибыл в апреле 1925 г. Организовал и провел обучение китайских офицеров-артиллеристов новым методам стрельбы на артиллерийских курсах в Пиндицюане. По возвращении в СССР был назначен начальником артиллерии МВО.

Полло Я. Род. 1896 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Окончил курсы «Выстрел». В Китай прибыл в октябре 1924 г. Преподавал тактику в школе Вампу. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне в качестве советника дивизии, а затем в Северном походе.

Поляк В. Е. Род. 1890 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). Член КПСС с 1918 г. В Китай прибыл в составе «первой пятерки» в июне 1923 г. Участвовал в создании школы Вампу и был первым старшим советником в ней. Принимал участие в боевых операциях в Гуандуне. Во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне г. Москвы. Был начальником кафедры в Академии им. М. В. Фрунзе. Умер в 1947 г.

Примаков В. М. (Лин). Род. 1897 г. Заместитель главного советника Калганской группы. Много сделал по созданию кавалерии в 1-й Национальной армии. Участвовал в гражданской войне в России в качестве командира прославленной 8-й кавалерийской дивизии, а затем 1-го конного корпуса червонного казачества. Награжден тремя орденами Красного Знамени. По возвращении в СССР был заместителем командующего СКВО и ЛВО. Подробнее см. стр. 24—25 настоящего издания.

Протасов С. Род. 1897 г. Военный топограф бюро военного атташе. Работал по составлению оперативно-тактических карт в Пекине и Наньчане для Калганской и Гуанчжоуской групп.

Путна В. К. Род. 1894 г. Главный военный советник Калганской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Награжден за боевые заслуги тремя орденами Красного Знамени. В последние годы жизни был военным атташе в Англии. Подробнее см. стр. 46 настоящего издания.

Разгон И. Я. (Ольгин). Заместитель главного военного советника (Куйбышева) по политической части. До поездки в Китай Разгон был заместителем начальника Военной академии РККА по политической части.

В Гуанчжоу принимал участие в разработке программы и положения о школе Вампу.

Ремизюк (Вери). Военный летчик и советник Гуанчжоуской группы. Участник боевых операций НРА в Гуандуне и Северного похода. При вынужденной посадке в пров. Цзянси он и бортмеханик Кобяков попали в плен. Были посажены в тюрьму в Наньчане. Освобождены войсками НРА после взятия этого города штурмом.

Рогачев В. П. Род. 1892 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китай прибыл в октябре 1924 г. В Гуанчжоу занимал должность начальника штаба НРА.

Рогов Н. Т. (Лодзинский). Род. 1894 г. Военный советник Гуанчжоуской группы по тылу. Участник гражданской войны в России. Окончил Военно-хозяйственную академию.

Сангурский М. В. (Усманов). Род. 1895 г. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава (КУВНАС). Занимал должность командира 1-го стрелкового корпуса и начальника гарнизона г. Ленинграда. В Китай прибыл в середине 1926 г. на должность главного советника Северо-западной группы (бывшей Калганской) в Национальной армии маршала Фэн Юй-сяна. По возвращении из Китая был назначен заместителем командующего ОКДВА. Подробнее см. стр. 258—259 настоящего издания.

Сахновская М. (Чубарева). Род. 1899 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участница гражданской войны в России. Награждена орденом Красного Знамени. Окончила Военную академию РККА. Занимала должность начальника штаба группы и преподавала в школе Вампу.

Сахновский. Род. 1895 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. Принимал участие в военных операциях в Гуандуне, преподавал в школе Вампу.

Семенов Н. А. (Викторов). Род. 1891 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае преподавал в школе Вампу. По возвращении в СССР работал в штабе Ленинградского военного округа, а затем в Генштабе РККА.

Сергеев В. Е. Род. 1893 г. Начальник авиации Гуанчжоуской группы и НРА. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Авиационное дело изучал в России и во Франции. Участвовал в боевых операциях в Гуандуне и во время Северного похода.

Силин. Род. 1894 г. Военный советник Хэнаньской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Принимал участие в боевых операциях в Хэнани в качестве советника при 3-й пехотной дивизии.

Скалов Г. Б. (Синани). Род. 1889 г. Главный военный советник Хэнаньской группы. Участник гражданской войны в России, был членом Реввоенсовета Туркестанского фронта. За участие в подавлении Кронштадтского мятежа награжден орденом Красного Знамени. Был ректором Института востоковедения в Москве.

Смоленцев П. И. Род. 1891 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). В Китай прибыл в 1923 г. в составе «первой пятерки». Принимал участие в создании школы Вампу и в боевых операциях в Гуандуне.

Снегов М. Г. (Светов). Род. 1893 г. Военный советник штаба Гуанчжоуской группы (начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба). Участник гражданской войны в России. По возвращении в СССР был начальником канцелярии Наркомата обороны. Во время Великой Отечественной войны командовал корпусом. Награжден орденом Красного Знамени за оборону Перемышля.

Соловьев Н. В. (Орлов). Род. 1892 г. Военно-медицинский советник Гуанчжоуской группы и НРА.

Степанов В. А. Род. 1890 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае с октября 1924 г. Работал в школе Вампу. Участник боевых операций в Гуандуне.

Струмбис. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. В Китае работал с 1926 г. в разведотделе штаба группы.

Сухоруков В. Т. Род. 1892 г. Военный советник бюро военного атташе в Китае с 1924 г. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. О его деятельности в Китае см. ст. «Налет чанкайшистов на генеральное консульство СССР» (Ханькоу, 1927).

Тальберг Джон. Род. 1893 г. Военный советник по авиации Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Участник боевых операций в Гуандуне и Северного похода.

Терешатов Н. И. Род. 1892 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китай прибыл в 1923 г. в составе «первой пятерки». Принимал деятельное участие в реорганизации китайских вооруженных сил в НРА, в создании военной школы Вампу и в боевых операциях в Гуандуне.

Терени (Тер, Танров). Род. 1886 г. Военно-политический советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны, занимал крупные военно-политические должности. В Китай прибыл в октябре 1924 г. Был заместителем начальника группы (В. К. Блюхера) по политчасти. Принимал деятельное участие в организации школы Вампу, боевых операциях НРА в Гуандуне и в Северном походе. Участник штурма Учана.

Тесленко Е. В. (Терещенко). Род. 1895 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае находился с 1925 г. в штабе группы, а затем советником в корпусе генерала Е Тина. Участник Северного похода. Подробнее о деятельности Е. В. Тесленко в Китае см. ст. «От Гуанчжоу до Уханя» в сб. «Советские добровольцы в первой гражданской революционной войне в Китае» (М., 1961) и «Воспоминания о Е Тине» в сб. «На китайской земле» (М., 1974).

Тонких И. В. Военный советник бюро военного атташе в Пекине. Бывший генерал царской армии. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. Из забайкальских казаков. Работал в штабе, оформлял штабные материалы. При налете 6 апреля чжанцзолиневских солдат на

советское посольство в Пекине был арестован и посажен в тюрьму, где содержался на особо строгом режиме больше года.

Угер Д. (Реми). Род. 1895 г. Военный советник по авиации Гуанчжоуской группы. Начальник авиаотряда группы и авиации НРА. Участник гражданской войны в России. Принимал участие в боевых операциях в Гуандуне.

Филиповский М. Род. 1895 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китае работал с 1926 г. в качестве военного советника при 36-м корпусе. Участник Северного похода. По возвращении из Китая преподавал в Академии Генштаба. Участник Великой Отечественной войны.

Хасис А. И. Род. 1894 г. В Китае находился с февраля 1925 г. на дипломатической работе. Участник первой мировой войны и гражданской войны в России (на Юго-восточном и Туркестанском фронтах). В 1924 г. окончил Восточный факультет Военной академии РККА. Занимал должность вице-консула в Гуанчжоу, Ханькоу и Шанхае. Был зверски убит чанкайшистами при подавлении Гуанчжоуской коммуны.

Чекин С. С. (Сергеев). Род. 1894 г. Военный советник Калганской группы по инженерному делу. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китае с 1925 г. Вместе с К. Б. Калиновским построил для 1-й Национальной армии Фэн Юй-сяна пять бронепоездов, сыгравших большую роль в обороне Пекинского района от мукденской армии. По возвращении из Китая был назначен заместителем начальника Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева.

Черепанов А. И. Род. 1896 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Окончил Военную академию РККА (основной курс и Восточный факультет). Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России, был участником сражения под Нарвой и Псковом, дата которого — 23 февраля 1918 г.— является днем основания Советской Армии. В Китай прибыл с первой группой советников в 1923 г. Принимал участие в создании школы Вампу, в боевых операциях в Гуандуне и Северном походе. А. И. Черепанов в своей книге «Записки военного советника в Китае» (М., 1976), в первой и второй частях описывает свою деятельность с 1923 по 1926 г., а в третьей — работу в 1938 г. в должности Главного военного советника китайской армии. По возвращении из Китая он был в Академии Генштаба, а во время Великой Отечественной войны командовал армией на Ленинградском фронте.

Черников А. Н. (Сатрап). Род. 1891 г. Военный советник Калганской группы, с 1926 г. — Гуанчжоуской. Окончил Военную академию РККА. На Севере Китая руководил занятиями на офицерских стрелково-пулеметных курсах в Калгане, принимал участие в боевых операциях на Тяньцзиньском фронте. На Юге Китая участвовал в Северном походе в качестве советника 6-го корпуса генерала Чэн Цяня.

Шалфеев С. (Воробьев). Род. 1901 г. Кавалерист. Личный адъютант В. К. Блюхера. Впоследствии находился в Монголии при военном представителе СССР Шекко, имел звание генерала монгольской армии.

Шелавин (Руднев). В 1925—1926 гг. военный советник Хэнаньской группы, преподавал артиллерию в Хэнаньской военной школе. С конца 1926 г. и в 1927 г. работал в штабе Гуанчжоуской группы. Бывший генерал царской армии.

Шевалдин Н. А. (Прибылев). Род. 1892 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Окончил курсы «Выстрел». В Китай прибыл в октябре

1924 г. Принимал участие в организации и работе школы Вампу и в боевых операциях в Гуандуне. Затем участвовал в Северном походе в качестве советника дивизии. Участник штурма городов Учана и Нанкина.

Шуванов И. Г. Род. 1894 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. В Китае работал с 1926 г. в штабе НРА у генерала Ли Цзи-шэня советником Оперативного управления. И. Г. Шуванов о своей деятельности в этом штабе написал в статье «На юге Китая» в сборнике «На китайской земле» (М., 1974).

Яковлев В. А. Род. 1880 г. Военный советник по инженерному делу Гуанчжоуской группы. Окончил Военно-инженерную академию до 1-й мировой войны (вместе с Д. В. Карбышевым). Инженер долговременной фортификации. Участник 1-й мировой войны и гражданской войны в России. В Китай прибыл в октябре 1924 г. Принимал деятельное участие в организации учебного процесса школы Вампу и в боевых операциях в Гуандуне. По возвращении в СССР в 1926 г. занял должность начальника кафедры Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева.

Яновский. Род. 1900 г. Военный советник Гуанчжоуской группы. Участник гражданской войны в России. Окончил Военную академию РККА. В Китае с 1926 г. работал советником дивизии и корпуса.

Примечание. Здесь представлен далеко не полный список военных и военно-политических советников — участников китайской революции 1925—1927 гг. По разным причинам автор лишен возможности привести более подробные сведения о советниках (в частности, их партийной принадлежности, боевой и военно-теоретической подготовке, званиях и т. д.). Однако личное знакомство с деятельностью этих людей позволяет мне увидеть присущие им общие характерные черты.

Большинство их были членами КПСС. Они поехали в Китай во имя своего интернационального долга, чтобы помочь китайскому народу освободиться от империалистической кабалы.

Почти все советники, находившиеся в то время в Китае, были молодыми, в возрасте 25—40 лет; большинство обладали боевым опытом гражданской войны в России и 1-й мировой войны. Значительная их часть, примерно 50%, состояли слушателями 4-го и 5-го выпусков Военной академии РККА.

Советские люди самоотверженно трудились в Китае, несмотря на чрезвычайно трудные условия, а также отсутствие специальной подготовки у многих из них для работы в Китае в качестве советников (например, незнание быта и нравов, языка, географических особенностей страны, вооружения, применявшегося в Китае, и т. д., что объяснялось отсутствием географических карт Китая, недостатком научной литературы по географии и истории этой страны).

Советские военные переводчики и китаеведы — участники китайской революции 1925—1927 гг.

Абрамсон Э. М. (Мазурин). Род. 1898 г. Окончил Восточный факультет Ленинградского университета. Выполнял работу переводчика и китаеведа при военных советниках. В 1925—1926 гг. был переводчиком в Хэнаньской группе у начальника группы Г. Б. Скалова, с середины 1926 г. по 1927 г.— в Гуанчжоуской группе непосредственно в штабе В. К. Блюхера. В Хэнани участвовал в Яньчжоуской и Чжумадяньской операциях. В Гуанчжоуской группе участвовал в Северном походе.

Боканенко Ф. Т. (Корф). Военный переводчик Калганской группы. Окончил Дальневосточный университет во Владивостоке. Участвовал во многих боевых операциях 1-й Национальной армии с группой бронепоездов, возглавляемой К. Б. Калиновским.

Васильев В. А. Окончил Восточный факультет Ленинградского университета. Преимущественно работал в качестве переводчика при военных атташе: А. И. Геккере, затем Н. М. Воронине, А. И. Егорове.

Казанин М. И. (Лотов). Военный переводчик, китаевед Гуанчжоуской группы в 1926—1927 гг. Работал переводчиком при А. В. Благодатове, когда он был заместителем В. К. Блюхера. О своей деятельности в качестве переводчика М. И. Казанин написал книгу «В штабе Блюхера». Работал в ряде научно-исследовательских учреждений по Китаю. Написал книгу «Записки секретаря миссии в Китае в 1920—1921 гг.», а также несколько произведений беллетристического характера.

Косачев. Военный переводчик при советнике Иванове-Ринове. Убит в боевой операции в районе Баотоу.

Монзелер Г. О. Военный переводчик при начальнике штаба Гуанчжоуской группы А. В. Благодатове. Преподаватель китайского языка Ленинградского университета. Прибыл в Китай в 1927 г. в научную командировку. Участвовал в Северном походе.

Певзнер (Крафт). Военный переводчик и китаевед Калганской группы. Участвовал в боевых операциях с советниками этой группы.

Ошанин И. М. Род. 1900 г. Военный переводчик и китаевед. В Китае работал в 1926—1927 гг. сначала в Пекине, затем в Хэнаньской группе. Участвовал в боевых операциях с советниками этой группы на Сюйчжоуском направлении. Китайский язык и китаеведение изучал в Лазаревском институте и на Восточном факультете Военной академии РККА. В 1928—1938 гг. работал в Советском посольстве в Китае. Доктор филологических наук, профессор, работает в Институте востоковедения АН СССР.

Примечание. Мне не удалось найти более подробные данные биографического характера о ряде переводчиков, которые не принимали участия в боевых операциях, но работали вместе с военными советниками или в штабах групп.

В Китае побывали представители всех основных центров китаеведения СССР: Москвы, Ленинграда и Владивостока. Это были молодые люди, в большинстве своем студенческая молодежь 20—30 лет, которые работали с полной отдачей своих сил, гордые сознанием того, что им выпало счастье принять участие в борьбе за свободу и независимость китайского народа.

Автор мемуаров «Два года в восставшем Китае. 1925—1927 гг.» В. В. Вишнякова-Акимова довольно подробно рассказывает о своей деятельности в качестве военного переводчика в Калганской группе военных советников, а затем в аппарате главного политического советника Центрального исполнительного комитета гоминьдана М. М. Бородина. В своей книге В. В. Вишнякова, наряду с ценными данными о наших военных и военно-политических советниках, приводит сведения и о деятельности своих соратников по профессии — китаистов. Это позволяет мне ограничиться лишь перечислением их и уточнением, где нам приходилось встречаться.

Первыми в Китай прибыли китаеведы из Москвы: В. Л. Гамберг, А. П. Рогачев, В. И. Мельников и И. М. Ошанин. И. М. Ошанин первоначально служил в аппарате полпреда Л. М. Карахана, а затем в Хэнаньской группе. Затем приехала большая группа из Государственного Дальневосточного университета — З. С. Дубасова, которая работала в Пекине, Ф. Т. Боканенко с В. В. Вишняковой — в Калганской группе, В. Войлошников и Т. И. Владимирова со своим мужем Е. С. Иолком — в Гуанчжоу. В Кайфыне переводчиками были Васильев, С. М. Оконешникова — из Ленинграда, Г. Ф. Скворцов и С. А. Врубель — из Владивостока. Б. С. Перлин работал в Пекине.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Васильевич Благодатов

ЗАПИСКИ О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
1925—1927 гг.

Издание 3-е, дополненное

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор Л. В. Матвеева
Младший редактор Н. В. Беришвили
Художник Г. К. Писманиик
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректоры Т. А. Алаева
и Г. В. Стругова

ИБ № 13646

Сдано в набор 31/VIII 1978 г.
Подписано к печати 19/III 1979 г. А-02761.
Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Бум. № 1. Печ. л. 19,0.
Уч.-изд. л. 20,99. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 4407. Зак. 847. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

1-я типография Профиздата
Москва, Крутицкий вал, 18.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. 20 л.

Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая.— 1894—1914. 20 л.

Стужина Э. П. Китайский город XI—XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. 30 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. 2-е изд. 28 л.

Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан: (Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.). 11 л.

Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия: (Материалы и исследования). 20 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

Цена 1 р. 50 к.